

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ и ДРУЖБА
УКРАИНСКОГО
и
АРМЯНСКОГО
НАРОДОВ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՈՒԿՐԱՒՆԱԿԱՆ ԵՎ ՀԱՅ
ԺՈՂՈՎՈՒՐԳՆԵՐԻ
ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐՆ
ՈՒ ԲԱՐԵԿԱՄՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՊՐԱԿ III

ІСТОРІЧНІ
ЗВ'ЯЗКИ І ДРУЖБА
УКРАЇНСЬКОГО
І ВІРМЕНСЬКОГО
НАРОДІВ

ВИПУСК III

213754
947.925
УДК

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
И ДРУЖБА
УКРАИНСКОГО И АРМЯНСКОГО
НАРОДОВ

ВЫПУСК III

Р
II
660098

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1971

В сборник вошли доклады украинских и армянских историков, литературоведов и искусствоведов, прочитанных на III совместной сессии.

Доклады отражают экономические, политические и культурные связи двух народов, их совместную борьбу против иноземного ига за социальное и национальное освобождение.

Редакционная коллегия

В. К. ВОСКАНЯН (ответ. ред.), Г. А. ГАЛОЯН, Дж. О. ГАЛУСТЯН,
М. Ф. ДМИТРИЕНКО, Б. П. КОВАЛЕВСКИЙ, М. Л. ОГАНЕСЯН,
Ф. П. ШЕВЧЕНКО.

ОТ ИНСТИТУТА

В. И. Ленин учил укреплять интернациональные связи трудящихся, их дружбу и сотрудничество, добиваться полного взаимопонимания и сближения народов для победы социалистической революции и строительства нового общества.

Благодаря ленинской национальной политике, всесторонней помощи русского и других народов нашей Родины на Украине и в Армении победила и укрепилась Советская власть, и некогда отсталые опустошенные войнами и разрухой страны за 50 лет превратились в цветущие республики Советского Союза с развитой экономикой и культурой. В семье советских народов установились совершенно новые отношения, развились и поднялись на социалистический уровень межнациональные связи, сотрудничество и дружба народов.

Как указано в «Программе КПСС», в условиях социализма «развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»¹.

Почетный долг историков—глубоко и всесторонне изучать, раскрывать и пропагандировать дружбу народов Советского Союза, а также показать яркие и светлые страницы совместной борьбы наших народов против царизма и буржуазии за Советскую власть.

Можно с удовлетворением отметить, что историки Украины и Армении успешно координируют научную работу по изучению многовековых экономических, политических и культурных связей двух братских народов с древнейших времен до наших дней.

Еще в 1961 г. был опубликован сборник «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», а в 1965 г. в Киеве была издана вторая книга аналогичного сборника. Настоящий сборник является третьим томом этой серии работ украинских и армянских историков.

¹ «Программа КПСС», М., Политиздат, 1967, стр. 112.

Если в первом томе было опубликовано 19 статей, во втором—27, то в этом томе количество статей достигло 40.

Кроме ста статей, напечатанных в сборниках, в журналах Украины и Армении опубликовано столько же научных статей и сообщений.

Примечательно, что в исследованиях по этой проблеме с каждым годом растет удельный вес украинских историков, причем в это нужное дело включаются архивные, музейные и библиотечные работники, лекторы университетов и вузов Киева, Львова, Каменца-Подольского, Ивано-Франковского, Ужгорода, Днепропетровска. Это и понятно, так как в архивных фондах, рукописных отделах библиотек и музеях Украины хранится огромное количество документальных материалов, рукописей, памятников культуры, свидетельствующих о многогранных и многовековых связях армянского и украинского, а также русского, польского и других народов. Значительная часть этих материалов еще ждет своих исследователей, но уже собранная часть и опубликованные труды являются серьезной источниковедческой базой и историографическим прецедентом для дальнейшей работы, конкретных и обобщающих исследований.

В своем последнем докладе на научно-теоретической конференции, посвященной историческим связям украинского и армянского народов и организованной университетом им. И. Франко и Центральным Государственным историческим архивом во Львове в связи с 350-летием со дня основания армянской типографии на украинской земле, академик И. П. Крипьякевич сказал: «...Армяно-украинская дружба—редкое явление международного масштаба. Два народа различного этнического происхождения, различного языка, различных культурных традиций, отдаленные друг от друга сотнями километров, нашли в своем прошлом общие элементы и продолжают развивать их в условиях общей принадлежности к могущественному Союзу ССР.

Важная обязанность историков обоих народов—осветить эти исторические взаимоотношения, дать их синтетическую картину и способствовать, таким образом, укреплению исконной дружбы»².

Надеемся, что третий сборник трудов ученых Украины и Армении будет служить этому важному политическому и научному делу, стимулируя дальнейшие поиски новых материалов, их лучшему пониманию и широкому освещению.

---

² И. П. Крипьякевич, О синтетическом исследовании армяно-украинских отношений. «*Вісник Львівського державного історичного архіву*», 1966, №3, стр. 187.

* *

*

Сборник материалов об исторических связях и дружбе армянского и украинского народов состоит из четырех разделов.

В первом разделе даны материалы, относящиеся к истории советского периода и непосредственно касающиеся победы Октября и ее значения в истории Украины и Армении.

Во втором разделе помещены материалы по новому периоду истории армяно-украинских взаимоотношений, а в третьем—материалы эпохи феодализма (с древних времен до XIX века). Третий раздел охватывает восьмивековой период истории армяно-украинских отношений и армянских поселений на Украине.

Последний, четвертый раздел включает материалы по историографии, источниковедению и библиографии.

РАЗДЕЛ I

СОДРУЖЕСТВО СЫНОВ УКРАИНЫ И АРМЕНИИ В БОЯХ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ

А. Н. МНАЦАКАНЯН

(Доктор исторических наук,

зав. сектором Института истории АН Армянской ССР)

В настоящей статье мы постараемся осветить некоторые наиболее яркие страницы истории содружества украинского и армянского народов в боях за победу Октябрьской революции и защиту ее завоеваний в целом в Советской России, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии. При этом мы подчеркиваем ту истину, что боевые действия сынов Украины и Армении протекали не изолированно, а в единстве, во всеобщем революционном потоке русского народа и других народов Союза.

Весьма примечательна массовость участия трудящихся украинцев и армян в Октябрьской революции. Не только некоторые видные деятели, не только вожаки и организаторы, но и многотысячные рабоче-крестьянские и солдатские массы украинцев и армян проявили небывалую активность и героизм на всех участках революционной борьбы. Эти массовые подвиги характерны для всех этапов развития революционного процесса: в дни подготовки Октябрьского штурма и в ходе вооруженного восстания, в период защиты завоеваний революции от нашествия иностранных интервентов и русской белогвардейщины.

Канун Октября, июль—август 1917 года. В Петрограде, в нелегальных условиях проходил шестой съезд большевиков. С трибуны съезда в защиту ленинских установок один за другим звучали голоса Николая Скрипника, Александра Мясникяна (Мясникова), Федора Сергеева—Артема. Съезд избрал боевой штаб большевистской партии—Центральный комитет, в состав которого, наряду с Лениным, Свердловым и другими вождями партии, были избраны Степан Шаумян, Скрипник, Артем, Шлихтер и другие. На сентябрьском, а затем и октябрьском заседаниях ЦК они твердо стояли на

ленинских позициях, вместе с Лениным организовали вооруженное восстание и захват власти.

25 октября—день свержения старой и рождения новой власти. Восставшие петроградские рабочие и солдаты штурмуют Зимний дворец, последний оплот контрреволюционного Временного правительства. Штурмом Зимнего дворца, по поручению Ленина, непосредственно руководил председатель ВРК Н. Подвойский и его заместитель, выдающийся сын украинского народа Антонов-Овсеенко. Они же подписали мандат о назначении Михаила Тер-Арутюнянца комиссаром Петропавловской крепости, откуда были взяты 100 тысяч винтовок и розданы петроградской Красной гвардии. В рядах отрядов, проникших первыми во дворец, были также сыны армянского народа—офицер Сисак Бабахаян, в марте со своей ротой участвовавший в операции по аресту царя Николая II, а в октябре—аресте министров Керенского; офицер коммунист Тигран Александян, руководивший отрядом солдат и рабочей гвардией; командир взвода Макар Мартиросян—ныне колхозник села Гудемнис Мегринского района Армянской ССР и десятки других воинов, командиров и комиссаров.

Общезвестна роль балтийских матросов в разгроме Временного правительства и обеспечении победы Советской власти. Во главе Балтфлота стоял председатель Центробалта Л. Е. Дыбенко, под руководством которого 600 больших и малых кораблей 25 октября перешли на сторону революции. В числе этих кораблей был миноносец «Изяслав» под командованием Ованеса Степановича Тер-Исаакяна (он же адмирал флота Советского Союза Иван Исаков). На другом корабле, на подводной лодке, а затем в морском штабе служил армянин Александр Гарсоев. Дружба Дыбенко, Исакова и Гарсоева—революционная дружба представителей братских народов, закаленная в октябрьских боях, в самом Петрограде, в колыбели революции.

Ряд видных представителей украинского и армянского народов участвовал на втором Всероссийском съезде Советов и был избран в состав ВЦИК. В ноябре-декабре 1917 г. среди членов правительства имели место шатания, некоторые наркомы не были согласны с ленинской политикой и вышли из состава Совнаркома. Вместо них в состав правительства были назначены—А. Шлихтер в качестве наркомпрода, Г. Петровский—наркомвнутдел, Прош Прошьян—нарком почт-тел, которые в эти суровые дни активно поддерживали Ленина в борьбе за упрочение Советской власти.

Содружество революционеров украинцев и армян ярко проявилось в октябрьских боях в Москве. Из многочисленных

примеров вспомним следующие. Красная гвардия Замоскворецкого района сыграла большую роль в операции по ликвидации штаба Московского военного округа и Кремля, где засели белогвардейские генералы и офицеры. Во главе Замоскворецкого военно-революционного комитета стоял Иосиф Коссиор, брат руководителя большевиков Украины Станислава Коссиора, а секретарем Замоскворецкого райкома Московской организации был Вагаршак Тер-Ваганян. Начальником Красной гвардии был московский рабочий Добринин, а после его гибели—Петр Арутюнянц. В рядах Красной гвардии Замоскворецкого района плечом к плечу сражались при штурме штаба Московского военного округа сыны русского народа. Руководителем боев был профессор-астроном Штернберг, боец Федор Смирнов и другие, армяне-красногвардейцы Рубен Абгарян, братья Паруйр и Вагаршак Тер-Григоряны, украинцы—Владимир Кравчук и другие. Красногвардейцами был взят штаб округа вместе с генералом Брусиковым и захвачен трофеей 100 тысяч рублей золотом. Однако заседавшие в Кремле юнкера и бежавшие туда из Петрограда некоторые министры Временного правительства упорно продолжали сопротивление. Из красного Питера Совнарком требовал ускорить взятие Кремля. Московский комитет большевиков и Моссовет направили главные силы повстанцев на Кремль. Это было 1 ноября. В район кремлевских позиций юнкеров полетели снаряды. Эти тяжелые пушки 7-го украинского артдивизиона, установленные на Воробьевых горах, начали обстрел опорных пунктов белогвардейцев, обеспечили наступление красногвардейцев на Кремль. Через Каменный мост в Кремль стремились и гвардейцы, возглавляемые Иосифом Коссиором и Петросом Арутюнянцем. В этом бою смертельно была ранена легендарная дочь армянского народа—Лусик Лисинян (Люсинова), которая скончалась на руках боевых друзей Володи Кравчука и Алексея Столярова. После взятия Кремля, где навечно было водружено знамя Советской власти, московская земля приняла в свои объятия погибших героев. Тело Лусик Лисинян на скрещенных штыках несли Кравчук, Столяров и другие красногвардейцы. Пройдя через Красную площадь, они остановились у Кремлевской стены и когда тела Лисинян и других были опущены в могилу, по всей Красной площади прозвучала мелодия песни Мечтета:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил,
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

После победоносных боев в Петрограде и Москве началось триумфальное шествие революции по фронтам и армиям, по городам Киев, Харьков, Минск, Могилев, Симферополь, Севастополь, Царицын, Астрахань, Самара, Симбирск, Самарканд, Ташкент, Краснодар, Баку. По дорогам октябрьских побед рука об руку шли везде и всюду сыны украинского и армянского народов.

Особенно хочется коротко сказать о фронте. Ставка Верховного главнокомандующего Духонина была разгромлена. Во главе армии стал новый Верховный главнокомандующий Н. Крыленко. Он приехал в ставку в Могилев, где пробыл недолго, затем был отозван в Петроград с целью возглавить организацию народного комиссариата по военным делам. Обязанности Верховного главнокомандующего 12/ХII 1917 г. были возложены на главнокомандующего Западным и Юго-Западным фронтами Александра Мясникина. На этом посту А. Мясникин проделал огромную работу по ликвидации старой ставки и организации новой, по оказанию военной помощи большевикам Украины в их неизмеримо трудной борьбе против Центральной рады, заседавшей в Киеве.

12(25) декабря в день провозглашения Украинской Советской Республики Мясникин от имени Верховного главнокомандования всеми вооруженными силами Советской России послал в Харьков телеграмму, приветствуя рождение советского украинского государства, призывая революционную армию стать на защиту Украинской Советской Республики, идти на бой против князской контрреволюционной рады и Каледина.

15 января 1918 г. Совнарком принял декрет об организации рабоче-крестьянской Красной Армии. Под этим историческим декретом вслед за подписью Ленина стоят и подписи представителей украинского народа—Затонского, Овсенько, армянского народа—Прошьяна. В состав образованного Высшего военного совета вошли М. Бонч-Бруевич—военный руководитель, П. Прошьян и К. Шутко—политические комиссары. Они действовали совместно, проделали огромную работу по осуществлению директив Совнаркома и ЦК партии по организации армии, возглавляли боевые операции первых полков и дивизий советских вооруженных сил.

Боевое содружество сынов Украины и Армении проявилось с новой силой в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны, в боях за отстаивание завоеваний Октября.

Компартия Украины направляла на военную работу многих видных деятелей, в том числе Коцюбинского, Аверина, Бондарева, Руднева, Пархоменко, Щорса и других. В отчете.

представленном на первом конгрессе Коминтерна, Компартия Украины сообщила, что в рядах Красной Армии насчитывается 150 тысяч воинов-украинцев, которые сражались вначале в пределах Украины, а после оккупации Украины отступили на территорию Советской России и продолжали борьбу на Северном Кавказе, Дону, Урале, в Туркестане, куда их забрасывала волна революции.

В рядах Красной Армии вместе с русскими, украинцами, латышами и другими воинами служили 25 тысяч армян. Они в 1918 г. добровольно вступили в первые полки Красной Армии Советской России. Это были демобилизованные из старой армии солдаты, беженцы из Западной Армении, насильственно выселенные из своих родных городов и районов и нашедшие приют на территории России и Украины, а также армяне, которые еще до революции переехали на Украину и в Россию и жили там в армянских поселениях. Они служили в рядах общих интернациональных частей Красной Армии вместе с украинцами, русскими и представителями других наций. Из воинов-армян также был сформирован специальный армянский полк имени Ленина. Воины-армяне составляли 75 процентов личного состава кавказской Красной Армии, защищавшей Бакинскую коммуну в 1918 году.

Боевое содружество армянского и украинского народов окрепло в рядах героической Таманской, затем 11-й армии Советской России. Из командующих этой армии Матвеев, Федько, Василенко были украинцами. Они много сделали для организации армии, для правильного воспитания воинов русских, украинцев, армян, латышей, грузин и других.

Особенно хочется сказать о легендарном Федько. Ему шел двадцать второй год, когда съезд Советов Северного Кавказа отстранил предателя Сорокина и командующим войсками Северного Кавказа избрал Федько. Этот молодой революционер вобрал в себя лучшие качества украинского трудового народа и успешно руководил боевыми действиями армии. Василенко, приняв от Левандовского командование 11-й армией, дал правильную оценку сложным военно-политическим событиям, происходившим в Закавказье и особенно в Армении. В военных архивах сохранился ряд приказов, писем и донесений Василенко, в которых он раскрывал двойственный характер политики кемалистов в отношении Советской власти. В настоящее время эти факты приобретают особое важное значение потому, что в некоторых изданиях посланцы Мустафы Кемалья ошибочно рассматриваются как активные участники установления Советской власти в Азербайджане, а сам Кемаль представлен как носитель освободительных чаяний угнетенных народов.

Многочисленные документы командарма Василенко полностью подтверждают ленинскую характеристику классового облика правительства кемалистов. Еще в июле-августе 1920 года Василенко, опираясь на точные данные, полученные армейской разведкой, констатировал тот факт, что действия кемалистов в Закавказье носят враждебный характер. Василенко обращал внимание на то обстоятельство, что агенты штаба турецкой армии, в лице Нури-паши, полковника Зейналова, являются организаторами восстаний в Советском Азербайджане и Средней Азии. На их совести лежит кровь многих тысяч красноармейцев, погибших в борьбе против мятежников, возглавляемых Энвером, Нури и кемалистами. Василенко знал и писал об этом, организовал борьбу против врагов наших народов. Рука об руку с этими командирами сражались Овсен Амбарцумович Погосян—комиссар Таманской армии, Геворк Атарбекийн—руководитель особого отдела фронта и армии, Петрос Даниелян, Степан Чалабян, Овсен Лазиян и многие другие политработники, комиссары, командиры.

Общие цели борьбы воинов украинцев и армян объединили их в единые боевые шеренги с русскими красноармейцами и на других фронтах. Вспомним «Железную дивизию», первую революционную армию, которой командовал Гайк Бжишкян—Гай; 79-ю бригаду 27-й дивизии, командиром и комиссаром которой был Григор Хаханян, участник боев за овладение ставкой Колчака в Омске, за освобождение Белостока и подавление кронштадского мятежа; Акопа Мелкумяна, отважного командира частей туркестанских войск и его боевых помощников; начальника контрразведки Георгия Саруханяна и одного из многих командиров частей Александра Тоняна, которые четыре года находились в непрерывных походах и боях против банды басмачей, возглавляемой международным авантюристом Энвером. В этих соединениях и частях Красной Армии вместе с сыновьями армянского народа сражались тысячи воинов русских, украинцев, узбеков, туркмен, таджиков и представителей других народов.

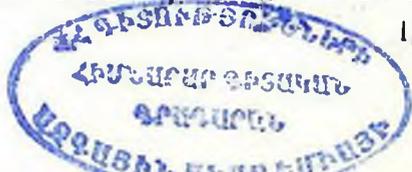
В истории содружества сынов Украины и Армении особое место занимает Крымская эпопея 1917—1920 гг. Крымская область была ареной ожесточенной борьбы между революцией и контрреволюцией. Четыре раза Крым переходил из рук красных в руки белых и обратно. В течение всей этой борьбы трудящиеся 30-тысячной армянской колонии Крыма проявили свою верность Советской власти и дружбе с русскими и украинскими рабочими и крестьянами. Документы рассказывают о действиях Арменуи Овян в Севастополе, в морском штабе, о деятельности Вардануш Баатуриянц—Лау-

ры на посту председателя Ревкома в Симферополе, о подвигах Сисака Бабахаяна (Бабахана) на посту уполномоченного Реввоенсовета республики на юге, затем секретаря подпольного ревкома партии, одновременно председателя крымского ревкома, а также командующего повстанческой армией крымских партизан. Как бы ни стремились отдельные историки запутать историю крымского подполья, противопоставить Мокроусова Бабахаяну, все эти попытки были обречены на провал, ибо Сисак Бабахаян и Мокроусов, Клеопатра Максимова и Анна Пирумян, Горелик и Мигран Манукян, Олнер и братья Закияны, Бунаковский и издатели армянской газеты «Голос Коммуны» делали одно общее дело, боролись за претворение в жизнь идей Октября. Единство трудящихся армян Крымской колонии с революционными массами Украины, их совместная борьба против германо-турецких захватчиков, деникинских, врангелевских и слащевских белогвардейских банд за победу Советской власти в Крыму выдержали тяжелые испытания и увенчались победой.

В истории революционного содружества украинского и армянского народов особое место принадлежит завершающим боям за окончательное изгнание иностранных оккупантов из Армении и Украины в 1920 г.

В ноябре-декабре 1920 г. Красная Армия пришла в Армению. В числе славных воинов Красной Армии на древнюю и измученную армянскую землю вступили многие сыны Украины: Никифор Нестеровский—командир 28 дивизии, Бережко—комиссар этой же дивизии, Василий Литвиненко—начальник бригады, Евгений Левченко—военком бригады и многие другие. Нам особенно дорого имя Николая Ермоленко, начальника кавбригады, первой вступившей в Ереван, который затем был назначен начальником ереванского гарнизона. Ермоленко до конца своей жизни находился на посту командира армии-освободительницы и пал смертью героя. Наш благодарный народ также помнит военкома бронепоезда «Товарищ Мусаелян», славного сына Украины Огниенко, который честно и самоотверженно боролся в составе армянской Красной Армии, сроднился с солдатами-армянами, вместе с ними выдержал тяжелые испытания на камарлинском фронте. Этот ряд фамилий можно продолжить. Но и приведенные примеры достаточно ярко свидетельствуют об искренних стремлениях воинов-украинцев оказать братскую помощь попавшему в беду армянскому народу, участвовать в его освободительной борьбе за утверждение и упрочение армянского советского государства.

Как в октябрьских боях 1917—1918 гг., так и в 1920 г.

армяне в борьбе за освобождение Украины от иностранных оккупантов шли в ногу с воинами-украинцами. Вспомним лишь один пример. В конце мая и начале июня 1920 г. войска XII армии и I конной армии неоднократно получали задание освободить Киев. Однако армия белых и интервентов упорно держала Киев в своих руках. Реввоенсовет республики назначил Гаспара Карпетовича Восканяна командующим XII армией, укомплектованной в основном из воинов-украинцев. Гаспар Восканян командовал 25 легендарной дивизией до Чапаева и после его гибели, а затем заменил Фрунзе на посту командующего IV армии. Приняв XII армию, он искусно руководил боевыми действиями войск, которые после трехдневных боев штурмом взяли Киев и изгнали белополяские войска маршала Пилсудского из Правобережной Украины. 12 июня 3-я армия белополяков была разгромлена. Красная Армия вступила в Киев. В тот же день Реввоенсовет Юго-Западного фронта сообщил в Москву Ленину: «Киев сегодня занят нашими войсками...».

XII армия под командованием Восканяна продолжала преследование врагов, изгоняла их из городов и деревень Украины. Все попытки неприятельских войск задержать стремительное наступление войск XII армии были обречены на провал. Войска Западного фронта 1 августа заняли Брест-Литовск, а части конармии форсировали реку Стырь и развивали наступление на Львов. Директивой командующего Юго-Западным фронтом XII армии предписывалось «стремительно преследовать противника, наносить главный удар в направлении Владимир-Волынского и Томашова». Восканян успешно решил и эту задачу. На командном пункте днем и ночью кипела работа, все возникавшие в ходе боев оперативные задачи решались безотлагательно.

Но вот отгремели последние залпы. 20 августа Гаспар Восканян распростился с боевыми друзьями и командирами XII армии. В период работы на посту командующего XII армией, в боях за освобождение столицы Украинской ССР и всей Правобережной Украины Г. К. Восканян проявил себя не только как выдающийся военачальник, но и товарищ и друг воинов-украинцев, знал их чаяния, говорил с ними на их родном языке, жил с ними одной жизнью.

Приведу выдержку из приказа командарма Восканяна в связи с его отъездом на учебу в академию генштаба: «Доблестные герои-красноармейцы, командиры и комиссары славной XII армии! Командуя Вами с 10 июня по настоящее время, я был свидетелем сплошного ряда крупнейших поражений, нанесенных противнику исключительно благодаря мужеству и сознательности красноармейцев и доблести,

распорядительности, настойчивости и энергии командиров и комиссаров. В течение двух с половиной месяцев под Вашим мощным ударом прекрасно вооруженные, обмундированные и обученные полчища приспешников мирового империализма позорно откатились от Днепра до Буга более чем на 500 верст.

Ценой Вашей крови освобождена от ига эксплуататоров половина Украины с населением в несколько миллионов крестьян и рабочих. За время командования я вместе с Вами и со всеми трудящимися радовался Вашим успехам.

В настоящий момент, покидая, согласно приказу, доблестную XII армию, шлю Вам свой сердечный привет и горячее спасибо за дружескую работу, спаянность и полную согласованность боевых действий...

Командующий XII армии Г. Восканян».

Таковы некоторые факты содружества сынов Украины и Армении, их боевого единства с рабочим классом и революционным крестьянством России.

Октябрь и Советская власть положили конец национальному притеснению, спасли ранее бесправные народы Российской империи, принесли им национальное и социальное освобождение. Ранее угнетенные народы поддерживали Октябрьскую революцию и порожденную ею Советскую власть своей безоговорочной преданностью идеям Октября и Советской власти, своей верностью братскому союзу с русским рабочим классом, своей неустанной революционной деятельностью и героической борьбой во имя защиты Советской России от поползновений белогвардейских банд и иностранных интервентов.

БРАТСКОЕ СОДРУЖЕСТВО АРМЯН И УКРАИНЦЕВ, РОЖДЕННОЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

О. И. ШУСЬ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Подвиг народов нашей страны, отстоявших в ожесточенной вооруженной борьбе с международным империализмом завоевания Октября, велик и тем, что именно в ходе этой борьбы родились совершенно новые отношения народов—отношения тесного братства, интернационального содружества и беспримерной по своей самоотверженности взаимной поддержки.

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», впервые провозглашенный в «Манифесте Коммунистической партии», стал программным требованием нашей Коммунистической партии на всех этапах подготовки трудящихся масс к социалистической революции, краеугольным камнем ленинской национальной политики.

Титаническая работа Коммунистической партии по воспитанию рабочих и крестьян в духе интернационализма и пролетарской солидарности, непрерывная борьба против всех попыток буржуазии отравить сознание трудящихся ядом национализма и шовинизма явились одной из важнейших предпосылок победы социалистической революции в нашей стране и построения социалистического общества, основанного на равноправии и дружбе народов. Именно в ходе подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны в условиях интервенции крупнейших империалистических держав и ожесточенной борьбы с внутренней контрреволюцией трудящиеся разных народов нашей страны вписали бессмертные страницы мужества и братства в летопись социалистической революции.

Победа диктатуры пролетариата в центре России имела решающее значение для развертывания борьбы за установление Советской власти на Украине, где буржуазно-националистическая Центральная рада вероломно вырвала победу у киевского пролетариата, разгромившего в ходе вооружен-

ного восстания в октябрьские дни силы контрреволюционного Временного правительства.

В сложнейших условиях борьбы украинского народа за победу социалистической революции большевики, руководимые Центральным Комитетом и лично В. И. Лениным, провели огромную работу по разоблачению антинародной сущности Центральной рады и мобилизации сил трудящихся на борьбу против буржуазных националистов.

Созванный Центральной радой в Киеве I Всеукраинский съезд Советов продолжил свою работу в Харькове. Выражая волю рабочих и крестьян Украины, съезд 12(25) декабря 1917 г. провозгласил Украину Республикой Советов. Съезд объявил недействительными все распоряжения Центральной рады и распространил на территорию Украины действие декретов Советской власти. Твердо придерживаясь принципов пролетарского интернационализма, съезд заявил, что Украинская Советская Республика основана «на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России»¹.

Разбитые и изгнанные лидеры украинской буржуазно-националистической контрреволюции начали предлагать свои услуги ценой предательства интересов украинского народа международному империализму. Да и в планах международной контрреволюции Украине отводилось особое место. Это была не только богатая природными ресурсами и продовольствием база, но и один из основных плацдармов для наступления на Республику Советов и оказания помощи внутренней контрреволюции, бежавшей из центральных районов страны в Крым, на Дон, Кубань и Кавказ.

Трудящимся Украины одним из первых пришлось принять неравный бой с четырехсоттысячной армией австро-немецких оккупантов, вторгшихся в феврале 1918 г., затем с англо-французскими интервентами, сражаться с денкинскими ордами и отражать нашествие Слоболянков, парализовать попытку Врангеля выйти из Крыма, а затем принять участие в окончательной ликвидации врангелевщины.

В эти три года беспримерной борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции особенно ярко проявилась революционная солидарность трудящихся нашей страны. Плечом к плечу с украинцами сражались на Украине русские и белорусы, латыши и эстонцы, армяне и грузины и представители многих других национальностей.

¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сборник документов и материалов в трех томах, т. 2, Госполитиздат УССР, 1957, стр. 576.

В историю украинского народа навсегда вписаны имена многих легендарных героев гражданской войны—сынов и дочерей армянского народа.

С провозглашением Украинской Советской Социалистической Республики в Народный Секретариат—первое Советское правительство Украины—стали поступать сотни обращений от рабочих и крестьян, готовившихся на местах к вооруженным восстаниям против сил буржуазно-националистической Центральной рады, с просьбой прийти им на помощь.

В декабре 1917 г. штаб советских войск по борьбе с контрреволюцией на Юге, находившийся в Харькове, совместно с представителями Советского правительства Украины разработал план боевых действий против Центральной рады и Каледина. По этому плану советские войска должны были перерезать все пути, связывающие Украину с Доном, прервав тем самым связь Каледина с Центральной радой. Затем одна группа войск должна была начать наступление через Донбасс на Дон против Каледина, а другая—на Киев против войск Центральной рады. Одновременно должно было начаться наступление и из Белоруссии².

Возглавлявший Революционный полевой штаб ставки М. К. Тер-Арутюнянц оказал большую помощь украинским трудящимся в их борьбе, послав на Украину одну из лучших революционных частей Западного фронта. 18 декабря 1917 г. он направил предписание начальнику 1-го Минского революционного отряда Р. И. Берзину создать гомельскую группу войск для борьбы с войсками Центральной рады и принять командование ею. Для усиления отряда Берзина Тер-Арутюнянц предложил придать ему сводный отряд моряков в 400 человек³.

В середине декабря отряд уже начал боевые действия против националистических войск. 22 декабря его боевая разведывательная группа заняла ст. Сновск, а к концу месяца он с честью выполнил задание Тер-Арутюнянца, разгромив вместе с красногвардейцами и революционными солдатами Черниговщины войска Центральной рады, откатившиеся к Киеву.

В борьбе за власть Советов на Украине погиб член исполкома Евпаторийского Совета рабочих и солдатских депутатов, комиссар продовольствия Кебабчянц.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в

---

² См. «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., Госполитиздат, 1957, стр. 41—42.

³ См. «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917—1920 гг.)», Сб. документов, Изд. АН УССР, Киев, 1963, стр. 60.

Петрограде Кебабчянц, принадлежавший к партии эсеров, сближается с большевиками. С переходом в Евпатории власти в руки Совета Кебабчянц был избран членом исполкома Совета и комиссаром продовольствия⁴. Несмотря на то, что 1917 год в Крыму был урожайным, кулаки придерживали хлеб. А Север уже голодал. И хлеб пришлось брать силой, посылая в уезды продовольственные отряды.

Однако период мирного строительства был прерван нашествием австро-немецких оккупантов. Несмотря на героическое сопротивление революционных частей и красногвардейских отрядов, оккупанты к 1 мая 1918 г. заняли весь Крым.

На подпольной работе в Крыму были оставлены лучшие коммунисты областной партийной организации. В Евпатории была создана подпольная большевистская организация, в работе которой принимали активное участие Семен, Сергей, Антонина, Юлия и Варвара Немичи, В. Г. Матвеев, председатель Евпаторийского Совета Н. М. Деминшев⁵. Но вскоре они были арестованы. Вместе с ними был взят и Кебабчянц. Год тяжелейших испытаний провели они в белогвардейских застенках, а когда в марте 1919 г. к Крыму подошли части Украинского фронта, белогвардейцы и интервенты поспешили расправиться с евпаторийским активом. В ночь на 14 марта Кебабчянц и его товарищи по подполью были вывезены из симферопольской тюрьмы и 18 марта расстреляны на полустанке Ойсул (Астанино).

В Екатеринославе в период австро-немецкой оккупации по поручению ЦК КП(б) Украины работали братья Ордельяны. Они прибыли в город вместе со старым большевиком Д. Годным в начале сентября 1918 г. для проведения подпольной работы среди железнодорожников Екатеринопольской железной дороги и подготовки вооруженного восстания в момент подхода советских украинских частей. Перед ними была поставлена задача создать партийные и военно-революционные комитеты по всей линии железной дороги. В трудных условиях оккупационного режима им удалось уже к концу октября организовать 13 районных и 21 подрайонный райкомов и столько же партийных ячеек⁶. Д. Годин и Ф. Ордельян позже были

⁴ См. «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.», изд. 2, т. II, К.—Р., М.—Л., Госиздат, стр. 18.

⁵ «Борьба большевиков за власть Советов в Крыму», Симферополь, Крымиздат, 1957, стр. 172, 176.

⁶ «См. «Борці за Жовтень розповідають». Спогади учасників боротьби за владу Рад на Катеринославщині, Дніпропетровське обласне видавництво, 1957, стр. 351.

введены в железнодорожный комитет КП(б) Украины Екатеринославской железной дороги⁷.

Все острее чувствовалась необходимость установления постоянной связи подполья с ЦК КП(б) Украины. Для этой цели были выделены специальные курьеры Бовзей и Илья Ордельяны⁸. Благодаря получению с их помощью постоянной информации удалось усилить и улучшить руководство местными партийными организациями и районами.

После захвата власти на Украине буржуазно-националистической Директорией в ноябре 1918 г. подпольщики начали подготовку к вооруженному восстанию. Ф. Ордельян, как помощник начальника штаба, принимал активное участие в подготовке к будущим боям, срывая проводившиеся петлюровцами мобилизацию и переброску их отрядов по железной дороге⁹.

Братья Ордельян были активными участниками и восстания екатеринославских рабочих в момент подхода регулярных советских украинских частей.

В историю Украинского фронта немало героических страниц вписано 2-й бригадой 3-й Украинской повстанческой дивизии, освободившей Бахмут, Константиновку, Горловку, которой командовал сын армянского народа С. Текнеджанц.

1917 год застал С. Текнеджанца в кременчугском гарнизоне, одном из самых революционно настроенных гарнизонов на Украине. Здесь еще в ноябре 1916 г. несколько тысяч солдат подняли восстание. В первые же дни Февральской революции в кременчугском гарнизоне был избран Совет солдатских депутатов, вскоре слившийся с Советом рабочих депутатов. С. Текнеджанц был избран членом исполкома Совета солдатских депутатов.

В штабе Киевского военного округа Совет солдатских депутатов кременчугского гарнизона был на плохом счету, так как он вел за собой солдатские массы, а офицеры были поставлены под контроль солдатских комитетов. Для укрепления гарнизона командование Киевского военного округа направило в Кременчуг нового начальника гарнизона полковника Сегерта, который сразу же стал восстанавливать старые порядки.

Исполком Совета солдатских депутатов на экстренном заседании, на котором присутствовал и вольноопределяющийся С. Текнеджанц, постановил не признавать приказа о назначении нового начальника гарнизона. Победу одержал

⁷ См. там же, стр. 350.

⁸ См. там же, стр. 351.

⁹ См. там же, стр. 362.

солдатский Совет: полковник Сегерт вынужден был оставить Кременчуг¹⁰.

С. Текнеджанц известен на Украине и как организатор отрядов Красной гвардии в Кременчуге. Когда началось наступление австро-немецких аккупантов на Украине, он принял на себя командование кременчугским отрядом, который участвовал в оборонительных боях советских частей, сдерживавших в течение двух месяцев наступление вражеских армий. Летом 1918 г. С. Текнеджанц принимает участие в героической обороне Царницына¹¹.

С аннулированием Брестского договора 13 ноября 1918 г. Советское правительство смогло открыто протянуть руку помощи украинскому народу, отдав директиву в десятидневный срок подготовить советские войска для оказания помощи рабочим и крестьянам Украины в их борьбе с австро-немецкими оккупантами и силами украинской буржуазно-националистической контрреволюции. Для руководства боевыми операциями на Украине 17 ноября 1918 г. был создан Реввоенсовет особой группы войск Курского направления, которая создавалась на базе двух украинских повстанческих дивизий, сформированных в нейтральной зоне из партизанских отрядов.

Коммунистическая партия (большевиков) Украины и Временное рабоче-крестьянское правительство обратились к трудящимся РСФСР и находящимся на ее территории украинцам с призывом помочь освобождению Украины. При Народном комиссариате по делам национальностей был создан специальный украинский отдел, который занимался организацией добровольцев. С. Текнеджанц провел большую организаторскую работу по вербовке добровольцев в Воронежской губернии, которые затем были направлены на Украину¹².

С началом освободительных операций на Украине приказом Реввоенсовета республики группа войск Курского направления 4 января 1919 г. была реорганизована в Украинский фронт. К этому времени была освобождена вся Правобережная Украина, и бои были перенесены на Левобережье. Одновременно шла ожесточенная борьба за освобождение от белогвардейцев угольной базы—Донецкого бассейна, имевшего огромное стратегическое значение. Белогвардейское командование, понимая значение развития наступления

¹⁰ Центральный Государственный военно-исторический архив, ф. 1759, оп. 4, ед. хр. 490, л. 156.

¹¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 4, д. 35, л. 16.

¹² Там же.

в этом районе, приняло все меры для укрепления своих сил, перебросив сюда с Северного Кавказа значительные подкрепления¹³.

Верховный Главнокомандующий республики И. И. Вацетис в своей директиве в феврале 1919 г. В. А. Антонову-Овсеенко подчеркнул, что сосредоточение таких сил здесь не случайно и потребовал немедленной ликвидации сил противника в Донбассе¹⁴.

23 января 1919 г. С. Текнеджанц прибыл в г. Славянск для формирования 2-й бригады 3-й украинской советской дивизии из разрозненных партизанских и повстанческих отрядов, командиром которой он и был назначен. Он провел большую работу по сведению этих отрядов Соляного и Славянского районов в 11-й и 12-й полки. Формирование их проходило в условиях боевой обстановки, часто даже при недостаточном количестве командных кадров.

Бригада С. Текнеджанца была включена в группу войск Донецкого направления. Она несколько раз брала Бахмут (Артемовск) и Константиновку, но превосходство противника в артиллерии не позволило сразу же закрепиться в этих пунктах. Не хватало вооружения, обмундирования. Так, Екатерининштадтский полк его бригады имел на вооружении всего 36 винтовок¹⁵, а полкам С. Текнеджанца приходилось отражать натиск противника, сосредоточившего в Бахмутском районе офицерскую дивизию и два конных полка.

К середине февраля 1919 г. в его бригаду уже входили: 11-й Украинский советский полк, 3 батальона 12-го полка, 2 роты Екатерининштадтского интернационального полка, 1-й и 2-й батальоны 15-го районного пограничного полка, два бронепоезда—«Карл Либкнехт» и № 9¹⁶. В бригаде было много интернационалистов, так как и сформированный позже 13-й полк был создан на базе 8-го интернационального полка. Текнеджанц уделял много внимания обучению бывших партизан и повстанцев, влившихся в полки¹⁷.

6 марта 1919 г. приказом Главкома группа войск Донецкого направления была преобразована в 13-ю армию и передана Южному фронту.

---

¹³ ЦГАСА, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 9, л. 85—86.

¹⁴ Там же, ед. хр. 48, л. 262.

¹⁵ См. «Гражданская война на Украине. 1918—1920», Сб. документов и материалов в трех томах, четырех книгах, т. I, кн. 2-я, «Наукова думка», 1967, стр. 129.

¹⁶ См. там же, стр. 153.

¹⁷ См. там же, стр. 189.

Способный организатор первых регулярных частей Красной Армии и талантливый командир С. Текнеджанц летом 1919 года погиб в одном из сражений с денкинцами.

В связи с активизацией действий белогвардейских армий на Южном фронте весной 1919 г. В. И. Ленин 10 мая от имени Совета Обороны Республики потребовал немедленно провести мобилизацию рабочих важнейших промышленных центров Украины¹⁸. Вскоре и это задание было расширено—предлагалось провести мобилизацию по всей территории Украины.

Внутриполитическая и международная обстановка требовала огромного напряжения всех сил республики и четкой координации деятельности всех ведомств как непосредственно руководящих обороной, так и в той или иной степени связанных с задачами обороны. Таким координирующим центром, как подсказывал опыт РСФСР, мог стать Совет рабочей и крестьянской обороны Украины, которому предоставлялась вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств республики в интересах обороны.

14 апреля 1919 г. Совнарком Украины постановил учредить Совет рабочей и крестьянской обороны Украины, в который, наряду с командующим Украинским фронтом В. А. Антоновым-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, А. С. Бубновым, Жарко, вошел и сын армянского народа Богдатьян, председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии¹⁹.

От работы этой комиссии в значительной степени зависели успешные действия частей Украинского фронта. Но в условиях разоренного австро-немецкой оккупацией хозяйства Украины сделать это было нелегко. Приходилось восстанавливать в освобожденных районах Украины промышленность, работающую на оборону. Богдатьян заботился о пуске заводов, например, николаевских—«Наваль» и «Руссуд», для которых он изыскал топливо, о работе харьковского паровозостроительного завода, принимал чрезвычайные меры для улучшения снабжения продовольствием шахтеров Донбасса²⁰, о достройке судов Черноморского флота.

С судьбой украинского народа связан и боевой путь Гая Дмитриевича Гая, выдающегося героя гражданской войны.

В 1919 г. разрозненные партизанские отряды, мужественно сражавшиеся в Донбассе с белогвардейцами, были сведены

¹⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства УССР в г. Харькове (далее—ЦГАОР УССР), ф. 364, оп. I, ед. хр. 22, л. 1.

¹⁹ См. «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 232.

²⁰ См. там же, стр. 217—218.

ны в 4-ю украинскую партизанскую дивизию в составе девяти стрелковых, двух конных полков и штурмового отряда моряков. Командование дивизией принял Ф. Дыбенко. Но сохранившиеся пережитки партизанщины давали себя чувствовать на каждом шагу, и революционная дисциплина часто нарушалась. Высшим выражением этой укоренившейся болезни явилось то, что бойцы, шедшие не раз за своим командиром в атаку, подняли его на штыки 31 марта 1919 г. за попытку выявить виновников беспорядочного отступления 374-го полка его дивизии в районе Дебальцево²¹.

В связи с необходимостью укрепления дивизии сюда была направлена часть киевских рабочих и слушателей высших партийных курсов при ЦК КП(б) Украины, прибывших в 13-ю армию. Начальником политотдела дивизии была назначена М. Данилевская, старый большевик; комиссаром второй бригады—киевлянин И. Катунин. Командиром дивизии был назначен уже тогда широко известный после побед на Восточном фронте Гай Дмитриевич Гай²². Он принял дивизию недалеко от Нового Оскола (с. Казачье).

Для того чтобы отстоять Советскую власть на Украине и предотвратить новое наступление Деникина на Москву, Центральный Комитет партии принял решение начать контрнаступление на Южном фронте. Контрнаступление должно было вестись двумя ударными группами—Особой группой Шорина на левом фланге и вспомогательной второй группой В. И. Селивачева, создавшейся из частей 8-й и 13-й армий. Последняя в случае успеха изолировала бы Добровольческую армию от Донской и Кавказской армий, а с захватом Харьковского железнодорожного узла сорвала бы дальнейшее продвижение Деникина на Украине²³.

Контрнаступление было начато 14 и 15 августа. В этих наступательных операциях участвовала и шахтерская 42-я стрелковая дивизия под командованием Гая, которая добилась в первые же дни крупной победы. На правом фланге его конница (впоследствии она стала третьей бригадой Червоного казачества) освободила Корочу, на левом фланге—Валуйки, в центре шло успешное продвижение к Белгороду.

Но группа Селивачева сильно удалилась от группы Шорина, что ослабило их взаимодействие и создало воз-

²¹ См. «Гражданская война на Украине», т. 2, кн. 2, стр. 424.

²² См. Г. Айрапетян, Легендарный Гай, М., Воениздат СССР, 1965, стр. 99.

²³ См. «История гражданской войны в СССР», т. 4, М., Госполитиздат, 1959, стр. 222.

возможность противнику нанести удар по их обнаженным флангам в районе Белгорода и Бирюча. Противник старался окружить и уничтожить советские войска, чтобы прорвать весь центральный участок Южного фронта и открыть себе дорогу на Москву.

И вот в этих оборонительных боях величайший героизм проявила 42-я стрелковая дивизия Гая. Буквально истекая кровью, в неравных боях она вместе с 12-й и 32-й дивизиями сорвала попытку противника замкнуть кольцо окружения, что позволило основной группе войск отойти на север.

Как вспоминает ветеран Червоного казачества И. Дубинский, «в этой труднейшей ситуации, когда ряд советских дивизий очутился в полукольце, лишь доблесть, мастерство и личное влияние Гая смогли двинуть 42-ю дивизию на новые подвиги»²⁴.

Сейчас всей стране известно имя героини крымского подполья Е. Р. Багатурьянц (Лауры), присланной в Крым ЦК партии за несколько дней до оккупации полуострова австро-немецкими войсками. Большевик с 1909 г., она в дни Октябрьского вооруженного восстания работала в Смольном одним из секретарей Военно-революционного комитета.

После освобождения Крыма в 1919 г. Е. Р. Багатурьянц, член Крымского подпольного обкома партии, была назначена председателем Крымского ревкома²⁵. За ее подписью были изданы приказы о национализации банков, фабрик, железных дорог, царских дворцов. Она уделяла много внимания открытию детских домов, школ с бесплатным обучением, заботилась о сохранении культурных ценностей²⁶.

С оккупацией Крыма белогвардейцами Багатурьянц опять остается в подполье, а вскоре она была арестована в Севастополе. Несмотря на все ужасы белогвардейского террора, появившееся сообщение в газетах об аресте Лауры вызвало протест крымской прогрессивной общественности (30 человек), в том числе С. Сергеева-Ценского, К. Тренева, И. Шмелева, которых вызвали в военно-полевой суд для дачи показаний.

Подпольщики приложили немало усилий, чтобы освободить Е. Р. Багатурьянц, которой угрожал расстрел. Были использованы все лазейки, и председатель суда разрешил вызвать свидетелей. Багатурьянц была оправдана, но до

²⁴ И. Дубинский, Орлы революционной армии. Страницы героической летописи. См. «Правда Украины» от 7 февраля 1967 г.

²⁵ См. «Борьба большевиков за власть Советов в Крыму», Симферополь, Крымиздат, 1957, стр. 194.

²⁶ См. «Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы», т. II, Симферополь, Крымиздат, 1961, стр. 143.

утверждения приговора должна была оставаться в тюрьме. Тогда подпольщики добились взятия ее на поруки, не ожидая, что белогвардейский палач Шиллинг утвердит столь либеральное решение военно-полевого суда. И действительно, через две недели пришло сообщение об отмене приговора и распоряжении доставить Багатурьянц в Одессу для пересмотра дела. Однако разыскать ее уже не удалось²⁷.

В течение многих лет в исторической литературе неправильно освещалась или замалчивалась деятельность секретаря подпольного областного комитета партии Крыма и председателя подпольного ревкома в 1919—1920 гг. Сергея Яковлевича Бабахана (Сисака Акоповича Бабахаяна), члена партии большевиков с 1917 г.

Вопрос о создании большевистского подполья в захваченном денкиинцами Крыму был решен в Областном комитете партии накануне отступления из Симферополя. Был создан областной партийный центр, в который вошел и Сергей Яковлевич Бабахан. В Крым С. Я. Бабахан был направлен ЦК РСДРП(б) и работал в Совете труда и обороны²⁸.

Поспешный отход частей Красной Армии не позволил создать разветвленной сети партийного подполья, но все же постепенно налаживались связи, росли подпольные группы. В Севастополе начала работать подпольная типография. К концу 1919 г. во всех городах подпольем руководили партийные комитеты. С каждым днем все острее чувствовалась необходимость в создании областного партийного центра.

На состоявшемся в декабре 1919 г. совещании представителей Севастопольской и Симферопольской большевистских организаций был создан Областной комитет в составе трех членов и двух кандидатов. Возглавил его С. Я. Бабахан, работавший в подполье под кличкой «Николай». Бабахан объехал многие города Крыма, налаживая связи, взаимную информацию, связав по мере возможностей подполье воедино. Ему удалось установить связь с ЦК РСДРП(б) и ЦК КП(б)У.

При Областном партийном комитете был организован штаб для руководства деятельностью подпольных боевых пятерок. А затем в Симферополе создается Областной военно-революционный комитет, который также возглавил С. Я. Бабахан. Ему предстояло объединить деятельность всех организаций и первых партизанских отрядов, возникших в конце 1919 г. в Крыму. Созданная при Облревкоме разведка

²⁷ См. А. Старков, Лаура, «Огонек», 1958, № 10, стр. 25.

²⁸ См. «Крымська правда», 11 октября 1966 г.

смогла проникнуть в учреждения белых и даже в денкинскую контрразведку.

Весной 1920 г. в Крыму прокатилась волна массовых арестов. В результате предательства были разгромлены партийные комитеты в Феодосии и Керчи, Севастополе и Симферополе. 14 июня 1920 г. военно-полевой суд в г. Керчи рассмотрел при закрытых дверях дело группы граждан, среди которых был и 17-летний Хачик Яковлянц из Евпатории. Они обвинялись в организации Керченского большевистского комитета, созданного с целью «насильственного посягательства на изменение государственного порядка». Трое из них, члены подпольного комитета большевистской организации Керчи, Рудольф Шмидт, Илья Громозда и подпоручик Корнилов были приговорены к смертной казни через повешение, двое—к бессрочной каторге, а несовершеннолетний Яковлянц был осужден за сообщничество на каторгу на два года и восемь месяцев²⁹.

Начало 1920 г. показало, что борьба за освобождение Крыма, куда стягивались войска разбитой на Юге контрреволюции, принимает затяжной характер. Для обсуждения очередных задач крымского подполья в Планерском (Коктебель) 5 мая 1920 г. была созвана партийная конференция. С. Я. Бабахан в условиях массовых репрессий предложил перенести центр тяжести на партизанскую борьбу и переправить в отряды подпольщиков, оставив в городах небольшое хорошо замаскированное подполье.

Областной комитет партии перешел в лес и организовал штаб партизанского движения при Тавельском партизанском отряде. Военно-революционный штаб призвал все отряды объединиться в повстанческую армию, но многие отряды отказались подчиниться штабу³⁰. В интересах укрепления руководства партизанским движением ЦК КП(б) У и Реввоенсовет Юго-Западного фронта направили в Крым группу опытных командиров. С. Я. Бабахана на посту командующего Крымской повстанческой армией сменил А. В. Мокроусов³¹.

Сергей Яковлевич Бабахан сделал много для создания партизанских сил в Крыму, которые подрывали тыл белогвардейской контрреволюции в Крыму.

И еще следует вспомнить имя Гаспара Восканяна, талантливого военачальника Красной Армии, руководив-

²⁹ «Борьба за Советскую власть в Крыму», т. II, Симферополь, Крымиздат, 1961, стр. 253—254.

³⁰ См. там же, стр. 278.

³¹ См. там же, стр. 278.

шего операциями 12-й армии по освобождению Киева от белополяков в июне 1920 г.

Сыны и дочери армянского народа в годы труднейших испытаний молодого Советского государства внесли достойный вклад в защиту социалистического отечества на тех участках борьбы, куда их посылала партия. Своим героизмом и самоотверженной борьбой за общие пролетарские интересы они скрепили узы братства и солидарности, доказали, что пролетарский интернационализм является проявлением революционного патриотизма, и навсегда вошли в историю благодарного украинского народа.

Дружба народов, родившаяся в огне битв гражданской войны, основа могущества великой нашей державы, является лучшим памятником героям, отдавшим жизнь за победу социалистической революции, за дело пролетарской солидарности трудящихся во всем мире.

ПОМОЩЬ УКРАИНСКОГО НАРОДА АРМЯНСКИМ БЕЖЕНЦАМ В 1916—1921 гг.

С. Т. АЛИХАНИЯ

(Доктор исторических наук, Институт истории АН Армянской ССР)

В 1915—1916 гг. правительство Турции начало осуществлять свою государственную программу уничтожения армян. Только за 1915—1916 гг. правительство младотурок, возглавляемое Талейатом-пашой, уничтожило в Западной Армении, Киликии, Стамбуле и различных вилайетах Турции около полутора миллиона армян. Около 600 тысяч армян было угнано в арабские пустыни и рассеяно по всему миру. Почти столько же армян, спасаясь от турецкого ятагана, бежало в Закавказье, откуда часть из них переселилась на русскую и украинскую земли.

Огромную заботу проявила в отношении армянских беженцев партия большевиков.

Руководитель большевиков Северного Кавказа С. М. Киров в феврале 1916 г. в газете «Терек» выступил со статьями «Народ страждущий» и «У беженцев», в которых заклеил позором младотурецкую политику уничтожения армян и обратился к русскому народу с призывом протянуть руку помощи изгнанникам измученного и обездоленного народа.

Он писал: «...Там, на Родине, они потеряли все, сумели уберечь только свою жизнь, и здесь, у нас, они должны найти остальное.

Оскорбленные, поруганные, обращенные в нищих, они бредут по нашему краю, ища пристанища...

Ведь нам первым нужно протянуть руку помощи оставшимся в живых, покинувшим свои пепелища беженцам-армянам. Ведь они идут к нам из тех мест, где их хотят истребить, а мы должны их встретить и согреть»¹.

Приток армянских беженцев в Советскую Россию и на Украину усилился в 1918—1920 гг., когда Турция, осуществившая массовое истребление армян в Западной Армении, во

¹ «Терек», 14 февраля 1916 г.

время двух вторжений в Закавказье стремилась к поголовному истреблению также закавказских армян.

С весны 1918 г. в период продвижения турецкой армии, особенно во время захвата Баку, армяне Закавказья, спасаясь от погромов и резни, двигались по Военно-Грузинской дороге, по Черному и Каспийскому морям в Россию и на Украину. Масса беженцев разместились на Северном Кавказе, в городах Поволжья, особенно в городах Крыма, Одессе, Харькове, Киеве, Николаеве. По некоторым данным, их число в конце 1918 г. в РСФСР доходило до 300—500 тысяч человек, на Украине от 75 до 100 тысяч. Только в Харькове и Одессе сосредоточилось более 20 тысяч армян. Почти 70% харьковских армян были выходцами из Западной Армении, преимущественно из районов Вана и Эрзрума².

Украинский народ, несмотря на разруху, причиненную войной, сердечно принял и предоставил убежище армянским беженцам, находившимся на краю нищеты и гибели³.

В России в 1917—1919 гг., кроме армян, было еще 5 миллионов беженцев других народов.

Советское правительство в 1918—1919 гг. за подписью В. И. Ленина приняло ряд решений для урегулирования вопроса о беженцах, их размещении, оказании им материальной помощи, обеспечении работой, организации репатриации, принятии и снятии с гражданства РСФСР и т. д. Упомянутые решения были осуществлены также и в Советской Украине.

Известно, что в декабре 1917 г. по инициативе Ленина при Советском правительстве был организован Комиссариат по армянским делам, который, как национальный орган пролетарской диктатуры, осуществлял национальную политику Советского государства по отношению к армянскому народу. В первую очередь он занимался всеми вопросами, касающимися армянских беженцев на всей территории Советской России и национальных окраин.

С начала 1918 г. Комиссариат по армянским делам организовал в городах России и Украины с армянским населением местные органы, которые назывались отделениями Комиссариата и уполномоченными. На территории Украины отделения были организованы в Харькове, Киеве и Одессе. Уполномоченные Комиссариата были в городах Крыма и Николаева. В остальных местах были назначены эмиссары, которые с помощью местных властей решали все вопросы, связанные с местными армянскими беженцами⁴.

² «Коммунист», 1918, № 8.

³ «Кармир Банвор» («Красный рабочий»), 1919, № 3.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 16.

Однако положение беженцев ухудшилось во время хозяйничания Украинской Рады и продвижения армии Деникина, когда петлюровцы и денкинцы по совету дашнаков стали разгонять местные органы Комиссариата по армянским делам, арестовывать комиссаров и эмиссаров, расстреливать их, захватывать имущество и средства отделений и уполномоченных Комиссариата⁵.

После разгрома Деникина и восстановления на Украине Советской власти местные органы Комиссариата по армянским делам были реорганизованы, а существующие на Украине армянские буржуазно-националистические организации и учреждения были ликвидированы. Повсеместно все дела, связанные с армянскими беженцами, перешли в ведение отделений, уполномоченных и эмиссаров Комиссариата по армянским делам⁶.

В 1918—1919 гг. за подписью В. И. Ленина был опубликован ряд постановлений о ликвидации армянских буржуазно-националистических организаций и учреждений. Эти решения распространились также на Украину. Процесс ликвидации буржуазно-националистических организаций происходил в условиях исключительно ожесточенной классовой борьбы⁷.

Приведем только один факт. После восстановления на Украине Советской власти дашнаки пытались выступить в роли единственных защитников интересов армян и получить право на свободу действий. В особенности это им удалось в городе Николаеве. Николаевский дашнакский комитет заверил руководство городского Совета, будто комитет является революционной организацией и готов проводить политику Советской власти среди армянских трудящихся.

Николаевский Совет согласился с предложением дашнаков и сообщил об этом в местную печать. Дашнакский комитет города Николаева командировал в Москву в Комиссариат по армянским делам Айка Карганова для получения указаний и литературы. Узнав об этом, Комиссариат по армянским делам написал письмо Председателю Совета народных комиссаров Украины, в котором обстоятельно объяснил положение дел, показал политическое лицо партии дашнакцутюн и всю антисоветскую политику дашнакского правительства Армении, отметив, что решение Николевского Совета является результатом незнания армянской действительности, и просил немедленно отменить это решение.

⁵ Там же, ф. 1318, д. 619, л. 1—2.

⁶ Там же.

⁷ «Известия» ВЦИК, 19 июня 1918 г.

В письме подчеркивалось, что в пределах Советской России единственным защитником интересов армян является только Комиссариат по армянским делам со своими местными органами.

Комиссариат по армянским делам вынес решение ликвидировать по всей Украине дашнакские и другие армянские буржуазно-националистические организации и их учреждения, скрывавшиеся под различными названиями⁸. Украинское правительство на основе этого вынесло решение—поручить местным и особенно Киевскому, Харьковскому, Одесскому городским Советам все имущество и средства ликвидированных учреждений передать отделениям и уполномоченным Комиссариата по армянским делам, а в остальных местах—армянским секциям национальных меньшинств Советов⁹.

В 1918—1921 гг. армянские беженцы по различным решениям правительства Советской России получили большую материальную и моральную помощь¹⁰. Крупные суммы были отпущены армянским беженцам также украинским правительством. Местные органы Комиссариата по армянским делам повсеместно встречали содействие и поддержку как местных властей Советской Украины, так и центральных органов.

Армянские беженцы везде получали работу и землю, обеспечивались жильем, начинали создавать свои хозяйства. Украинское правительство предоставило им и денежное пособие в сумме несколько миллионов рублей, снабдило одеждой и обувью. По решению украинского правительства и местных Советов открывались армянские школы, клубы, библиотеки. Для неграмотных беженцев из Западной Армении организовывались кружки по ликвидации безграмотности, школы политграмоты. Как и в прошлом, армяне не чувствовали себя чужими среди украинцев. Советские законы сделали их равноправными с русскими и украинцами гражданами.

В этот период в Харькове, Одессе, городах Крыма печатались армянские коммунистические газеты и журналы, действовали дома культуры, театральные и самодеятельные кружки. В Харькове функционировало несколько армянских начальных школ, средняя армянская школа имени Свердлова и армянский театр. Советское правительство Украины взяло на себя все расходы, связанные с содержанием культурных и благотворительных учреждений, созданных для армянских беженцев. Почти во всех крупных городах Украины откры-

⁸ См. «Жизнь национальностей», 27 апреля 1919 г.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 5 б, л. 6.

¹⁰ Там же, д. 619, л. 8.

лись армянские школы, детские дома, дома культуры, медицинские пункты по обслуживанию беженцев. Сотни молодых армян получили образование в школах и вузах Советской Украины¹¹.

В эти и в последующие годы на Украине выросли кадры армянской технической интеллигенции, которая работала на шахтах, заводах, фабриках и в других областях народного хозяйства Украины.

По просьбе Советского правительства Армении в 1921 г. украинское правительство и ЦК КП Украины вынесло решение об отправке в Армению группы специалистов-армян, которые успешно применяли бы приобретенные знания и накопленный опыт в восстановлении разрушенного хозяйства Советской Армении.

Тесно сплоченные украинский и армянский народы оказывали друг другу помощь в борьбе за свободу Украины и Армении.

Многие сыны украинского народа в 1920—1921 гг. в рядах XI Красной Армии боролись за установление и укрепление в Армении Советской власти, а сыны армянского народа в рядах Красной Армии боролись за восстановление Советской власти на Украине. А летом 1920 г. тысяча армянских беженцев, нашедших свое пристанище на украинской земле, плечом к плечу с украинцами боролись за освобождение Украины от белополяков.

В боях за освобождение Украины немеркнувшей славой покрыли себя войска, действовавшие под командованием легендарного Гая и героев гражданской войны Г. Восканяна и Г. Хаханяна.

В ожесточенных боях против белополяков особенно отличился батальон, состоявший целиком из армян, под командованием И. Мартиросяна¹². Пулеметчиком бригады легендарного Котовского был Андрей Иванович Петросян, которого Котовский как героя представил к награде орденом Красного Знамени¹³.

Армянский народ никогда не забудет великие заслуги славных сынов украинского народа. Командующим XI Красной Армии, пришедшей на помощь восставшим трудящимся Армении, был прославленный герой В. Василенко. Командиром дивизии, первой вступившей в Армению, был герой Н. Нестеровский, а комиссаром—Р. Бережко. Искренней любви армянского народа удостоился Петр Курышко, ставший нашим национальным героем. Армянский народ с чувст-

¹¹ Там же, д. 40.

¹² Армянский филиал ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 4033, оп. 1, д. 960.

¹³ См. «Советская Айкастан», 19 июля 1967 г.

вом глубокой благодарности чтит светлую память Николая Ермоленко, павшего смертью героя в неравном бою с дашнакскими бандами во время защиты города Еревана.

Нужно отметить также, что в 1921 г.—в самом тяжелом в экономическом отношении году для Советской Армении—украинский народ по-братски делил свой скудный запас продуктов с трудящимися Армении, оказывая им значительную экономическую помощь.

Помощь, оказанная украинским народом в 1916—1921 гг. армянским беженцам, еще более углубила и укрепила дружбу наших народов.

РАЗВИТИЕ ДРУЖБЫ И ТВОРЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АРМЯНСКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

С. М. СЫРЦОВА

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Великий Октябрь, открыв новую эру в истории человечества—эру краха капитализма и утверждения социализма, положил начало новой эпохе и в национальных отношениях. С первых дней своего существования Советская власть высоко подняла знамя дружбы, равноправия, взаимопомощи народов. Еще не развеялся пороховой дым октябрьских боев, как была обнародована «Декларация прав народов России». В ней говорилось: «Недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокаций должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России»¹.

Уничтожение классового и национального гнета, утверждение нового общественного строя способствовали свободному и всестороннему развитию социалистических наций, их взаимному сближению и интернациональному единству. Советский Союз, объединив в единую многонациональную семью народы нашей Родины, стал страной, где впервые осуществилось гениальное предвидение великого Ленина, который еще в 1914 г. писал, что социализм создает «новые высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»².

История никогда еще не знала такого содружества и братства народов разных национальностей, которое установилось в нашей стране в результате построения социализма,

¹ «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, стр. 40.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 40.

осуществления ленинской национальной политики. «Свободные и равноправные,—говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции»,—русский, украинский, белорусский, узбекский, казахский, грузинский, азербайджанский, литовский, молдавский, латышский, киргизский, таджикский, армянский, туркменский, эстонский народы, все нации и народности сплотились в нерушимый Союз Советских Социалистических Республик, совместными усилиями построили социализм, вышли на путь процветания и достигли огромных успехов в развитии экономики и культуры»³.

В развитии социалистических наций прослеживаются две объективно существующие тенденции, действующие одновременно: это, с одной стороны, свободное и всестороннее развитие каждой нации, а с другой—их взаимное сближение. Гармоническое сочетание этих двух, казалось бы противоположных тенденций способствует укреплению дружбы народов, успешному развитию экономики и культуры всех национальных республик Советского Союза.

Главная роль в укреплении дружбы народов СССР принадлежит Коммунистической партии Советского Союза, которая направляет, организует взаимопомощь и братское сотрудничество советских народов во всех сферах материальной и духовной жизни общества. И эта ее деятельность является одним из важных условий успешного строительства социализма в нашей стране.

В борьбу за построение нового общества были вовлечены миллионы людей разных национальностей. Русские и белорусы, армяне и украинцы, казахи и другие народы нашей Родины своими руками возводили гиганты социалистической индустрии—детнища первых пятилеток, строили металлургические и текстильные комбинаты, гидроэлектростанции, новые фабрики и заводы, школы и дворцы культуры.

В процессе строительства социализма обмен материальными и духовными ценностями становился все более интенсивным, непрерывно возрастал вклад каждого народа в общее дело строительства нового общества.

В годы довоенных пятилеток еще больше окрепла братская дружба украинского народа с армянским народом, как и всеми народами СССР. Наиболее ярко она сказалась в совместной борьбе братских народов за создание могучей социалистической индустрии, дальнейшее развитие ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, расцвет

---

³ «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 4 января 1967 г., М., 1967, стр. 10.

социалистической по содержанию, национальной по форме культуры.

В довоенный период широкое распространение получили такие формы экономических и производственных связей между нашими народами, как взаимные поставки сырья и оборудования, совместное строительство крупных промышленных объектов, социалистическое соревнование между коллективами республик, постоянный обмен опытом, квалифицированными кадрами и т. д.

Лучший производственный опыт, возникший в одной республике, становился достоянием всех народов нашей Родины. Донецкий шахтер А. Стаханов, который 11 августа 1935 г. на шахте «Центральная—Ирмино» вырубил отбойным молотком за смену 102 тонны угля, перекрыв дневную норму в 14 раз, положил начало всенародному движению за дальнейшее повышение производительности труда. Стахановское движение, родившись на Украине, широко распространилось по всей стране, охватило целые фабрики, заводы, колхозы и совхозы.

Почин А. Стаханова широко подхватили и трудящиеся Советской Армении. На промышленных предприятиях, в колхозах и МТС проходили митинги и собрания трудящихся, на которых обсуждался замечательный рекорд донецкого шахтера. На второй день после митинга, на котором рабочие узнали об успехе А. Стаханова, бригада кузнецов П. Мкртчяна собралась в цехе Ереванского машиностроительного завода задолго до начала рабочего дня. Они горячо обсуждали реальные возможности работы по-стахановски⁴.

Одним из пионеров стахановского движения в Армении стал бурильщик Зангезурского медного комбината М. Папян, давший в августе 1935 года рекордную выработку. За ударную стахановскую работу, за высокие производственные показатели правительство наградило его орденом Ленина⁵. Одним из зачинателей стахановского движения на Ереванской табачной фабрике был комсомолец токарь В. Смбатьян, внесший ряд рационализаторских предложений, улучшивших работу станков и облегчивших труд работниц⁶.

Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве Армении появились стахановцы, мастера своего дела. Так, колхозница-комсомолка М. Хачатрян систематически стала выполнять норму наизки табака на 21%⁷.

⁴ См. «Коммунист» (Ереван), 31 августа 1940 г.

⁵ См. там же.

⁶ См. «Коммунист», 30 августа 1938 г.

⁷ См. там же.

Вслед за пионерами стахановского движения в Армении появились целые стахановские смены, цеха, фабрики и заводы. В первую годовщину стахановского движения ереванский рабочий Лизунов в своем письме Алексею Стаханову писал:

«Дорогой т. Стаханов!

Год тому назад ты показал, как нужно всем нам работать. Прошел с тех пор только год, но сделано за это время не меньше, чем раньше делали за 5 и больше лет. Это потому, что таких, как ты, теперь у нас стало тысячи, сотни тысяч.

...Твой метод работы, тов. Стаханов, заставил тысячи людей заняться разработкой рационализаторских предложений и изобретений, чтобы они могли работать так, как работаешь ты»⁸.

Исторический гудок паровоза П. Кривоноса положил начало бурному развитию стахановского движения на железнодорожном транспорте страны. Почин донецкого машиниста нашел широкий отклик среди железнодорожников Армянской ССР. С первых дней по-кривоносовски стали работать передовики Ленинанканского паровозного депо орденосцы Т. Погосян, С. Григорян, Б. Шиканян и др. Член ЦИК Армении, один из лучших машинистов СССР Б. Шиканян, работая по-кривоносовски, стал водить тяжеловесные поезда весом в 530 тонн⁹.

Передовой метод работы криворожского бурильщика А. Семиволоса, который своим почином отбросил все старые технические нормы и перевыполнил производственный план в несколько раз, стал применяться горняками Армении. Первыми в Шамлуге по методу украинского горняка стали работать стахановцы-бурильщики О. Мамян и А. Будагов. Изучив детально его метод работы, Мамян и Будагов ручным перфоратором обуривали 12—14 забоев и давали за смену 6—7 норм. Выполняя ежедневно планы на 250—300%, они справлялись с работой, которую прежде выполняли шесть бурильщиков¹⁰.

В Кафане одним из первых на методы работы многозабойного бурения перешел бурщик-стахановец Л. Степанян, который, работая в трех забоях, систематически давал 2—3 нормы сменного задания. Вслед за ним и другие бурщики этого рудника стали работать по методу Семиволоса¹¹.

⁸ «Коммунист», 30 августа 1936 г.

⁹ См. «Коммунист», 29 августа 1936 г.

¹⁰ См. «Коммунист», 15 декабря 1940 г.

¹¹ См. «Коммунист», 20 декабря 1940 г.

Таким образом, трудящиеся братских республик Армении и Украины делились наиболее ценными достижениями в улучшении технологии производства, ускорении научно-технического прогресса, заимствовали передовой опыт работы.

Важнейшей формой братской дружбы и производственного сотрудничества армянского и украинского народов явилось социалистическое соревнование. В нем участвовали промышленные коллективы, отдельные бригады, рабочие, колхозники и служащие братских республик.

В довоенные годы деловая дружба связывала трудящихся Ленинаканского района Армянской ССР и Иллинецкого района Винницкой области Украинской ССР, начавших в 1936 г. социалистическое соревнование по дорожному строительству. Для заключения договора о соревновании на Украину в июле 1936 г. приехала делегация братского армянского народа. Она была тепло принята украинскими колхозниками, познакомилась с дорожным строительством в районе, лучшим опытом работы, поделилась с украинскими братьями своими достижениями. В Иллинцах был подписан договор, по которому оба района обязались перевыполнить план дорожного строительства, намеченный на 1936 г. В частности, трудящиеся Ленинаканского района взяли на себя обязательство построить 80 км новых дорог, покрыть гравием 60 км дорог, отремонтировать 200 км, широко развернуть деревонасаждения вдоль дорог и т. д.¹²

Трудящиеся братских республик самоотверженно боролись за выполнение взятых на себя социалистических обязательств. Особых успехов в дорожном строительстве достигли ленинканцы, выполнившие план 1936 г. на 500%¹³.

Социалистическое соревнование двух районов Армении и Украины—яркое проявление ленинской дружбы народов, способствовавшее укреплению производственных связей между нашими республиками.

Когда в сентябре 1937 г. П. Кривонос и другие передовики железнодорожного транспорта Украины обратились ко всем железнодорожникам с письмом, призывавшим достойно встретить 20-летие Октябрьской революции, трудящиеся Армении восприняли этот призыв с большим энтузиазмом. Труженики депо Еревана и Ленинакана горячо откликнулись на призыв первого стахановца транспорта и включились в предоктябрьское соревнование. В авангарде соревнования шли машинисты депо Ленинакана Л. Тумасян, А. Багдасян

¹² См. «Життя колгоспника», 6 июля 1936 г.

¹³ См. «Коммунист», 9 января 1936 г.

ров, К. Григорян, А. Паронян, машинисты депо Еревана Е. Геворкян, А. Хачатурян и др.¹⁴

Накануне четвертой годовщины стахановского движения рабочие, работницы и служащие донецкой шахты «Центральная—Ирмино», родины стахановского движения, выступили с обращением о дальнейшем разворачивании стахановского движения и социалистического соревнования¹⁵. Призыв донбассовцев нашел горячий отклик среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих промышленных предприятий Армении. В Ереване, Ленинакане, Кировакане и других промышленных центрах состоялись митинги и собрания, на которых передовые люди республики, приветствуя замечательную инициативу шахтеров Украины, брали новые социалистические обязательства. Так, 23 августа 1939 г. состоялось собрание стахановцев-монтажников на строительстве комбината синтетического каучука им. С. М. Кирова. Выступившие бригадиры слесарей Г. Очкасов, А. Махонин, А. Микаелян и другие взяли на себя высокие социалистические обязательства¹⁶. Рабочие Ленинских медных рудников заявили: «Мы присоединяем наш голос к донбассовцам: больше металла, больше меди дадим стране»¹⁷.

Мощным толчком к дальнейшему разворачиванию социалистического соревнования между предприятиями Армении и Украины была подготовка к XVIII Всесоюзной партийной конференции. Так, в декабре 1940 г. коллектив рабочих и служащих Киевского завода ГИП Главпищемаша вызвал на соревнование трудящихся Ереванского машиностроительного завода имени Дзержинского. Вызов киевлян был единодушно принят ереванцами. Конкретные обязательства взяли коллективы литейного, инструментального, котельного, кузнечного и других цехов. Стахановец слесарно-сборочного цеха А. Арутюнян от имени коллектива своего цеха заявил, что, включаясь в соревнование, коллектив цеха берет на себя следующие обязательства: ко дню открытия конференции вместо 10 двигателей в 6 л. с. выпустить 15, 25-сильных, вместо 8—выпустить 10, а сверх плана выпустить 5 табаконизальных и 2 аммиачных компрессора. В целом коллектив завода обязался увеличить выпуск товарной продукции в январе на 14%, феврале—13%¹⁸.

Ярким примером дружбы и творческого сотрудничества братских народов явилось совместное участие в эти годы всех

¹⁴ См. «Коммунист», 5 и 11 октября 1937 г.

¹⁵ См. «Вісті», 22 августа 1939 г.

¹⁶ См. «Коммунист», 27 августа 1939 г.

¹⁷ «Коммунист», 30 августа 1939 г.

¹⁸ См. «Коммунист», 23 декабря 1940 г.

трудящихся, в том числе украинцев, армян в строительстве гигантов социалистической индустрии. Работая плечом к плечу, обмениваясь непосредственно в процессе труда передовыми методами работы, люди разных национальностей жили на стройках единой и дружной семьей, в которой ценили человека не по принадлежности к той или иной национальности, а по тому, как он относится к труду, к товарищам, к порученному ему делу. Большой любовью и уважением пользовался на строительстве Днепрогэса имени В. И. Ленина молодой комсомолец-армянин Арутюнов, добровольно приехавший по призыву комсомола на эту стройку. Настойчивый и трудолюбивый, он вскоре стал не только хорошим бетонщиком, но и одним из лучших бригадиров. Комсомольско-молодежная бригада Арутюнова работала на ответственных участках строительства, показывая пример образцовой работы¹⁹.

Передовые кадровые рабочие Украинской ССР помогали строить крупные промышленные предприятия в Армении, растить и воспитывать высококвалифицированные кадры. Примеров такого непосредственного участия украинцев в стройках армянской промышленности можно привести множество. Так, в 1935 г. на строительство Ереванского комбината синтетического каучука был командирован кадровый рабочий Донбасса Т. М. Корсуненко, который вскоре возглавил первую бригаду котельщиков. За короткий срок он сумел воспитать мастеров котельного дела В. Скрябина, В. Плотяна, Ивана Панченко, привить им чувство высокой ответственности за порученное дело. Включившись в социалистическое соревнование имени Третьей пятилетки, бригада Корсуненко обязалась выполнять ежедневную норму на 300%. Донбассовский рабочий Т. М. Корсуненко стал знатным бригадиром социалистической стройки Армении, на которого равнялись все ее рабочие²⁰.

Таким образом, в совместной борьбе за построение нового социалистического общества, за дальнейшее укрепление могущества нашей Родины крепло и развивалось, становилось все более глубоким и многогранным производственное сотрудничество трудящихся Армянской и Украинской ССР, явившееся могучим фактором дальнейшего укрепления и развития дружбы двух братских народов.

В ходе социалистического строительства народы нашей страны делились не только лучшими достижениями в области материального производства. В это же время происходил все более усиливающийся процесс взаимообогащения, взаимооб-

¹⁹ См. «З історії Дніпрогесу (Уривки)», Харьков, 1935, стр. 42.

²⁰ «Коммунист», 10 мая 1939 г.

мена духовными ценностями между народами разных национальностей. Успехи в сфере материального производства были тем фундаментом, на котором развивалось плодотворное культурное сотрудничество между разными национальностями, населяющими нашу необъятную Родину. Культурное сотрудничество предполагает взаимовлияние и взаимообогащение братских национальных культур, развитие и укрепление их интернациональной основы.

В довоенный период усилились и стали более интенсивными культурные связи между армянским и украинским народами. В эти годы широкое распространение получили такие формы взаимовлияния и взаимообогащения их национальных культур, как взаимные переводы художественной литературы, проведение дней, декад братских культур, взаимные гастрольные поездки, празднование юбилеев выдающихся деятелей культуры и т. д.

Особо хочется выделить в армяно-украинских культурных связях 1939 год, когда отмечались три знаменательные даты в жизни наших братских народов: 125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко, 1000-летие героического армянского эпоса «Давид Сасунский» и 70-летие со дня рождения классика армянской литературы О. Туманяна. 125-летие со дня рождения великого народного поэта Украины Т. Г. Шевченко явилось праздником для всех народов нашей великой Родины. Большие торжества, посвященные этой знаменательной дате, состоялись и в Армении. По всей республике проходили собрания, читались лекции и доклады о жизни и деятельности великого сына украинского народа²¹. 9 марта 1939 года в доме Союза писателей Армении состоялся торжественный вечер, открывая который депутат Верховного Совета Армянской ССР писатель Арази подчеркнул, что творчество Шевченко имеет огромное значение для развития культур всех братских народов.

Бессмертные творения украинского поэта стали достоянием армянского читателя. В 1938 году армянский поэт Г. Сарян впервые перевел на армянский язык избранные поэмы и стихотворения Шевченко. Среди них такие произведения, как «Катерина», «Гайдамаки», «Сон», «Кавказ», «Батрачка» и другие. Массовым тиражом вышла в свет биография Т. Г. Шевченко. К 125-летию со дня рождения украинского поэта в Армении был издан «Кобзарь» в переводе на армянский язык поэта Г. Саряна. Художественное оформление книги сделал художник К. Тиратурян.

Поэты Советской Армении, как, например, Веспер, Ашот Шайбон, перевели на армянский язык целый ряд произведе-

²¹ См. «Коммунист», 30 декабря 1938 г.

ний Шевченко, многие из них, как, например, Туманян и другие посвятили ему восторженные стихи. Так, Г. Сарян писал:

Далеко, далеко от родных моих гор,
На высоком холме, над лазурным Днепром
Спит глубоко Тарас. И летя на простор,
Шепчет сердце мое над могильным бугром:
— Спи спокойно Тарас, спи, народный певец,
Ты повсюду обрел и отчизну и дом,
Все народы несут тебе славы венец,
Всем ты дорог, как сын, твои песни поем²².

В Киеве в юбилейных торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, приняла участие делегация советских писателей Армении. Выступая на торжественном собрании, профессор Абов сказал: «Этот юбилей празднуют армянские трудящиеся массы так же, как и все народы великого Советского Союза. Тарас Шевченко близок и дорог армянскому народу потому, что он в своих прекрасных произведениях призывал к борьбе против угнетателей— царского самодержавия, панов, капиталистов»²³.

Украинский народ широко отмечал юбилей армянского поэта Ованеса Туманяна. На Украине были изданы его произведения в переводе П. Тычины. На текст стихов армянского поэта украинские композиторы написали музыку²⁴. 16 апреля 1939 г. в Киеве состоялся большой литературно-художественный вечер, посвященный памяти великого армянского поэта. Украинский народ высоко оценил творчество Туманяна. Его чувства и мысли выразил П. Тычина: «Как высоки горы Армении, так высок моральный облик Ов. Туманяна. Как глубоки озера Армении, так глубоки думы Ов. Туманяна. Гений его, подобно возвышающейся горе Алагез, поистине источает живительную влагу, которая расходится далеко к литературам братских народов Советского Союза... Как ты счастлива, Армения, породившая истинного гуманиста, как ты счастлив, народ, воспитавший такое великое сердце»²⁵.

В Ереван на празднование 70-летия со дня рождения О. Туманяна приехала делегация писателей Советской Украины в составе Н. Рыбака, Л. Дмитерко, Г. Полянкера и др. С ярким приветствием выступил Н. Рыбак. «Юбилей Ов. Туманяна,—сказал он,—праздник всех народов СССР. Больше трех тысяч километров отделяет Ереван от Киева, но

²² «Коммунист», 8 марта 1939 г.

²³ «Коммунист», 9 марта 1939 г.

²⁴ «Коммунист», 26 апреля 1939 г.

²⁵ «Коммунист», 17 апреля 1939 г.

нас единит всегда и всюду священная и нерушимая дружба народов. Ярким примером этой дружбы, новой чудесной страницей в истории нашей социалистической культуры является сегодняшний день.

Сегодня, когда мы здесь говорим о великом Туманяне, в столице цветущей Украины—Киеве работники науки и искусства отмечают великий праздник армянского народа»²⁶.

Особенно торжественно отмечал народ Украины 1000-летию героического армянского народного эпоса «Давид Сасунский». К знаменательной дате был издан полный текст эпоса на украинском языке, в переводе которого принимали участие свыше 20 поэтов Советской Украины, в том числе П. Тычина, М. Бажан, Л. Дмитерко, П. Усенко и др. Для консультации переводчиков из Армении в Киев был приглашен поэт С. Таронци. В периодической печати систематически публиковались отрывки эпоса «Давид Сасунский», статьи и очерки о нем. В дни юбилея в столице Советской Украины и других городах проходили литературно-художественные вечера, читались лекции и доклады, посвященные этой дате.

Таким образом, эти юбилеи способствовали еще большему укреплению братских связей народов СССР, более широкой популяризации творений великих мастеров художественного слова.

Регулярными стали взаимные поездки писателей и деятелей литературы и искусства в братские республики. Следует отметить, что начало дружеским встречам армянских и украинских писателей положил П. Тычина, посетивший Армению в 1929 г. Личная дружба на долгие годы связала его с И. Иоанниснаном (О. Ованесяном).

Дочь Иоанниснана Анна в своих воспоминаниях так описывает встречу П. Тычины с отцом в 1929 г.: «В жаркий августовский день под развесистым деревом загородного сада братски обнялись два поэта... Павло Григорьевич читал нам свои чудные стихи на украинском языке... Молодежь пела и танцевала армянские танцы. Гости—Павло Григорьевич и его спутники, принявшие пение за приглашение, тоже запели. И под звездным небом, над крутым берегом Запугу полились широкие, как украинские степи, звуки «Реве та стогне Дніпр широкий»²⁷. Перу П. Тычины, прекрасному знатоку армянского языка, принадлежат переводы на украинский язык стихов О. Туманяна, И. Иоанниснана, А. Акопяна, Е. Чаренца.

Еще в довоенные годы установился широкий взаимный

²⁶ Там же.

²⁷ «Братерство народів — братерство культур», Киев, 1960, стр. 135—136.

обмен творческими коллективами братских республик. Гастрольные поездки как творческих коллективов, так и отдельных деятелей искусства способствовали не только ознакомлению широких масс трудящихся с лучшими произведениями музыкального и театрального искусства Армении и Украины, но и изучению быта, истории и традиций братских народов.

Яркой демонстрацией торжества ленинской национальной политики было празднование 20-летия Советской Украины в 1937 г. и Советской Армении в 1940 году. Юбилей каждой республики стал всенародным праздником, все народы нашей Родины широко отмечали эти знаменательные даты.

Выражая любовь армянского народа к Украине, поэт Н. Зарян в своем приветствии героической братской Украине в день ее 20-летия писал, что Украина—родина героев и талантов. «Мысль о братской Украине,—писал он,—наполняет душу великой радостью.

Украина—страна великанов социалистического труда, она родина Стаханова, Демченко и множества таких людей, имена которых с гордостью произносят граждане нашей необъятной Родины.

Украина—мощный очаг новой социалистической культуры, она родина даровитых советских драматургов, блестящих поэтов и писателей, талантливых композиторов»²⁸.

Вместе с армянским народом торжественно праздновал 20-летие Советской Армении в 1940 году украинский народ. ЦК КП(б) Украины, Президиум Верховного Совета Украинской ССР и Совнарком Украинской ССР направили на имя ЦК КП(б) Армении, Президиума Верховного Совета Армянской ССР, Совнаркома Армении приветствие, в котором от имени трудящихся Советской Украины горячо приветствовали братский армянский народ в день юбилея Армянской ССР. В приветствии ЦК КП(б)У армянскому народу говорилось: «Отмечая славное 20-летие Советской Армении, народ Советской Украины выражает уверенность в том, что народ Советской Армении в братском содружестве всех народов Советского Союза и впредь неустанно будет работать над дальнейшим укреплением мощи нашей социалистической Родины»²⁹. Для участия в торжествах, посвященных 20-летию установления Советской власти в Армении, в Ереван прибыла делегация трудящихся Украинской ССР³⁰.

²⁸ «Коммунист», 24 декабря 1937 г.

²⁹ «Коммунист», 26 ноября 1940 г.

³⁰ Там же, 28 ноября 1940 г.

В совместной борьбе за построение социализма под руководством Коммунистической партии укреплялась и развивалась братская дружба армянского и украинского народов, как и всех народов СССР, все прочнее и многограннее становились экономические, политические и культурные связи между ними.

Братское сотрудничество армянского и украинского народов, сложившееся в период первых трех пятилеток, еще более окрепло и закалилось в суровые годы Великой Отечественной войны, в годы общей борьбы за завершение строительства социализма и особенно в период коммунистического строительства.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ УКРАИНЫ С АРМЕНИЕЙ

М. Ф. ДМИТРИЕНКО

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

В отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР среди архивных фондов значатся материалы Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (ВУНАВ), которые насчитывают около 9 тысяч единиц хранения. Для исследователей по проблеме научных и культурных связей Украины с зарубежными восточными государствами, восточными республиками Союза ССР, а также для тех, кто занимается вопросами этнографии Востока, эти материалы представляют исключительный интерес, поскольку содержат документы, раскрывающие различные аспекты деятельности этого первого и, к сожалению, пока единственного в истории Советской Украины востоковедческого общества, созданного на общественных началах. В делах Ассоциации есть немало документов, относящихся к одному из важных вопросов о взаимоотношении между народами, а именно: к вопросу о научных и культурных связях Украины с Востоком, в частности с Арменией.

Документы ВУНАВ пока еще не стали предметом специального исследования¹. Поэтому мы остановимся на тех из них, которые свидетельствуют о наличии научных традиций в вопросе изучения украинскими учеными истории, археологии, этнографии, языка и литературы армянского народа, о значительном научном интересе общественности Украины в лице

¹ Во «Вступлении» к «Антології літератур Сходу» (Изд-во Харьковського ун-та, 1961) проф. А. П. Ковалевский говорит о необходимости изучения научной деятельности Ассоциации; И. Ф. Черников в книге «Радянсько-турецкі відносини у 1923—1935 роках» (Киев, 1962) пишет о значении деятельности ВУНАВ; член Ассоциации И. М. Фалькович написал статью «К истории советского востоковедения на Украине» («Народы Азии и Африки», 1966, № 4). О значении Ассоциации говорилось в докладах на сессии, посвященной историческим связям и братской дружбе украинского и грузинского народов (Тбилиси, 1967).

ВУНАВ к Армении, на формах и особенностях научных связей, осуществляемых Ассоциацией.

Немного об истории создания Ассоциации.

В начале 20-х годов на Украине шел активный процесс объединения всех научных востоковедческих сил. Это объясняется прежде всего тем, что молодое Советское государство придавало большое значение межнациональным связям, в частности изучению истории культуры и взаимовлияния народов, населявших СССР. На Украине при ведущих университетах республики (Киев, Харьков, Одесса) стали сосредоточиваться значительные научные силы в области исследования ориенталистики, что позволяет говорить о зарождении и развитии украинской востоковедческой школы.

Следует отметить, что географическое положение, а в ряде случаев и исторические судьбы сближают украинский народ с народами Кавказа. Разворачивая большую работу в области культурного строительства в республике, Украинское советское государство не могло оставаться вне связей—политических, экономических и культурных—с другими национальными республиками, в частности с Арменией. Значительная роль в их установлении принадлежит сотрудникам Восточнoукраинской торговой палаты, среди которых было немало специалистов-востоковедов, позже ставших активными членами Всеукраинской научной ассоциации востоковедения.

Еще в декабре 1924 г. силами научной общественности, среди которой были академик А. Е. Крымский, профессора М. И. Канторов, Т. К. Кезма, Д. П. Динов, А. С. Синявский, П. К. Лознев, преподаватели высшей школы и т. д., был создан организационный центр по объединению востоковедов. Уже 14 июня 1925 г. организация, носившая название Востоковедческой, выработала свой устав и представила документы к регистрации². В Харькове, по инициативе профессора П. Г. Риттера, поэта П. Г. Тычины, молодого ученого А. П. Ковалевского при университетском научном обществе была организована Секция востоковедения, наметившая план работы, в котором значительное место отводилось вопросам исследования истории народов Кавказа и Закавказья. В Чернигове начал работу кружок «Восток», члены которого изучали восточные языки³. Именно такие общественные организации, возникавшие и в других городах, стали основой для создания во всеукраинском масштабе Востоковедческой организации, оформившейся 10 января 1926 г. в Харькове.

² Центральная научная библиотека АН УССР, отдел рукописей (далее ЦНБ АН УССР, ОР), ф. ВУНАВ, X—24030.

³ Там же, X—27149—X—27150.

го Кавказа⁷. Особой проблемой отдел определил исследование экономических связей советских восточных республик с Украиной. В 1928 г. историко-этнологический отдел Киевского филиала поставил перед своими членами задачу изучить быт восточных народов, проживавших на Украине и составлявших национальные меньшинства.

Из материалов Ассоциации видно, что работа ученых в изучении Востока, в частности Армении, велась в двух направлениях. Во-первых, это—научно-исследовательская работа, заключающаяся в разработке частных и общих проблем истории Армении, и научно-популярная работа, нашедшая свое выражение в подготовке докладов и лекций, читаемых на курсах восточных языков как для армянского населения города, так и для всех интересующихся историей, этнографией, археологией Армении.

Этапными событиями в жизни Ассоциации были съезды ВУНАВ, на которых ученые не только подводили итоги проделанной работы в области востоковедения, но и читали научные доклады. I съезд востоковедов Украины состоялся в Харькове 23—27 июня 1927 г. На нем были прочитаны 22 доклада, из которых пять посвящены истории и культуре Армении, а именно: проф. А. А. Потапов «Донисторический Кавказ», Т. О. Ивановская «Искусство кавказских донисторических бронзовых блях», проф. В. В. Дубровский «Украина и Ближний Восток в исторических взаимоотношениях», А. А. Никольская «Народные течения в армянской книжной иллюстрации», И. Я. Айзеншток «Восток в украинской художественной литературе». В архиве Ассоциации нет полных текстов этих докладов, но сохранилась программа и подробные тезисы, которые позволяют сделать вывод о глубоком внимании ученых Украины к истории Армении. На первом съезде ВУНАВ от армянского населения Харькова выступил Н. Д. Попов, обративший в своем докладе внимание научной общественности на ряд проблем истории взаимоотношений украинского и армянского народов⁸.

II съезд, состоявшийся 1—6 ноября 1929 г., был весьма представительным. В его работе приняли участие 150 ученых, 64 из которых представляли науку союзных республик. На четырех секциях съезда—политики, экономики; права, истории; этнографии и искусства; языка и литературы—было прочитано 110 докладов⁹. Характерно, что на съезде много внимания было уделено истории и экономике современности. Доклады, посвященные Армении, говорят о растущем инте-

⁷ Там же, X—24037.

⁸ Там же, X—22637.

⁹ Там же, X—22714.

ресе украинских ученых к проблемам армянской истории. Среди докладов, представленных съезду и вызвавших прения, были: исследование А. Канастаряна «Доурартская культура Армении по новым источникам», проф. А. Манандяна «Главные торговые пути Армении», С. Тер-Аветисяна «Крестьянский самосуд над помещиками-феодалами в конце XVII ст.», Т. О. Ивановской «Про методы изучения искусства древнего Кавказа», Е. А. Никольской «О влиянии византийского искусства на армянскую книжную иллюстрацию» и т. д.¹⁰ Как видно из вышесказанного, на съезде наблюдалась тенденция не только к расширению армянской тематики, но и углублению ряда проблем. В значительной мере это объясняется тем, что в состав Ассоциации вошли видные ученые-ориенталисты Украины: количество членов ВУНАВ с 1926 по 1931 гг. возросло от 83 до 200 человек¹¹, из которых 78 были профессорами, а 40—преподавателями вузов¹².

В резолюции II съезда ВУНАВ, в которой подведены итоги деятельности общества, подчеркивалось, что Ассоциация «должна продолжать свою работу по расширению связей с братскими республиками Советского Союза»¹³. Съезд указал, что необходимо систематически командировать украинских ученых в союзные республики для стажировки и проведения там исследований. Следовательно, съезды Ассоциации определяли направление в востоковедческой работе, а после них на заседаниях секций ВУНАВ появлялись доклады, представляющие собой дальнейшую разработку затронутых съездом вопросов. Таким образом, Ассоциация стала играть стимулирующую роль в научной работе ее членов. Обсуждение докладов на секциях давало ученым возможность не только продемонстрировать свои достижения в среде специалистов, но и проверить теоретические обобщения. Дискуссии, как это явствует из протоколов заседаний, вырабатывали коллективное научное мнение, которое и характеризовало степень развития ориенталистики на Украине в 1926—1931 гг., в частности по истории Армении. Среди докладов, найденных в материалах архива ВУНАВ, привлекают внимание следующие доклады: Г. А. Назаряна-Иранцева «Современная Армения»¹⁴, в котором автор рассматривает изменения, происшедшие в Армении за 6 лет Советской власти, А. И. Полуляха «Византийцы как предмет научных студий», в котором рассматривается вопрос взаимоотношения Византии и Армении в IV—XV вв.

¹⁰ Там же, X—22682, X—22694.

¹¹ Там же, X—24260.

¹² Там же, X—24261.

¹³ Там же, X—22682, стр. 4.

¹⁴ Там же, X—22910.

и делаются определенные выводы о взаимовлиянии культур. Е. А. Никольская сделала несколько докладов, в которых остановилась на особенностях книжных иллюстраций в Армении. Профессор Фаас из Одесского филиала Ассоциации занимался исследованиями в области армянского правоведения с древних времен до 20-х годов XX ст.¹⁵

В отчетах и переписке Ассоциации есть документы, свидетельствующие о том, что с 1926 г. ВУНАВ устанавливает постоянные связи с рядом научных центров и учреждений Армении¹⁶, которые, как отмечено в текстах, посылают Ассоциации свои издания, что позволило ей создать библиотечный фонд в 4500 томов¹⁷. Уже в первые годы существования Ассоциации ее корреспондентами были Армянский комитет по охране старины, Институт искусств и наук Армении, Кавказский историко-археологический институт, Государственный университет Армении, позже и Армянская Академия наук¹⁸, Закавказская научная Ассоциация¹⁹.

Организация научных экспедиций всегда связана с большими материальными затратами. Хотя у ВУНАВ и не было больших средств, но все же за пять лет существования она сумела провести ряд экспедиций и организовала научные командировки своих членов в Армению, что значительно способствовало развитию на Украине арменоведения. Например, ученые Украины приняли участие в археологической экспедиции профессора А. А. Миллера, проводившего раскопки в долине Аракса²⁰, Л. Цукерман в научной командировке в Армении изучал состояние ее экономики. Во время экспедиций и научных командировок украинские ученые имели возможность устанавливать непосредственные контакты с научными работниками Армении, что не только способствовало дружбе между представителями двух братских народов, но и расширению интересов научных сотрудников к исследованию истории Армении. Посланцы привозили на Украину много экспонатов для археологических музеев, любезно предоставленных им армянскими коллегами.

Искусствоведы Е. Никольская, Т. Ивановская, К. Берладина посетили Ереван, где в Эчмиадзине изучали искусство древнего золотого шитья, древнеармянское миниатюрное искусство, памятники доисторического Кавказа²¹. Профессор

¹⁵ Там же, X—22788, X—22871, 22963.

¹⁶ Там же, X—23009.

¹⁷ Там же, X—24062.

¹⁸ Там же, X—24128.

¹⁹ Там же, X—24039.

²⁰ Там же, X—24031.

²¹ Там же.

И. Моргалевский, изучая архитектуру Востока, также побывал в Армении, после чего выступил со статьей на страницах журнала «Східний світ».

Исследуя работу ВУНАВ в области разработки истории Армении и осуществления ею научных связей, нельзя обойти молчанием ее деятельность в Домах народов Востока, в частности в Киевском. В Киеве при Доме народов Востока, существовавшем с 1924 г., была армянская секция, в состав которой входили представители армян, живущих в городе. Необходимо отметить, что на Украине, начиная с 1926 г., проживало свыше 21 тыс. армян (Киеве—638 человек, Харькове—2994 человека, Каменце—9 человек, Виннице—23 человека и т. д.)²².

Среди материалов ВУНАВ немало документов, свидетельствующих о значительном ее внимании к ДНВ и работе среди армянского населения²³. Много сил приложили ученые, чтобы привлечь представителей меньшинств к научно-просветительной работе²⁴. В отчете Киевского филиала ВУНАВ говорится, что для работы в ДНВ выделено несколько человек, которые должны не только осуществлять связи с местными колониями армян, но и собирать материалы об их быте, обычаях.

Секция Советского Союза приглашала на свои заседания армян, членов ДНВ, где они слушали доклады и принимали участие в их обсуждении²⁵. По предварительно составленному плану ученые ВУНАВ делали доклады в ДНВ, а также делились впечатлениями от поездок в Армению²⁶. Научно-популярная комиссия подготовила специально для чтения в ДНВ лекции «Влияние Октябрьской революции на Восток», «Октябрь и Восток», «Октябрь и советское востоковедение», «Современная Советская Армения»²⁷. Специально выделенные комиссии ВУНАВ ежегодно проводили значительную подготовку по празднованию годовщин образования Советской Армении. В праздники при ДНВ читался цикл лекций по истории Армении²⁸.

Среди архивных документов ВУНАВ сохранилось много анкет членов Ассоциации, которые представляют исключительный интерес. По нашим подсчетам, в ВУНАВ принимали

²² «Всесоюзная перепись людності 1926 р.», т. XII, М., 1929, стр. 10, 26, 311.

²³ ЦНБ АН УССР, ОР, X—21672, X—23009.

²⁴ Там же, X—21672, стр. 10, X—21690, стр. 4.

²⁵ Там же, X—41691.

²⁶ Там же, X—21761.

²⁷ Там же, X—240371.

²⁸ Там же, X—24043.

участие люди 17 национальностей. Именно такой интернациональный по своему составу коллектив был ярким примером жизнениости политики Советского государства, что дало возможность, независимо от национальной принадлежности, принимать участие в общественной и научной жизни страны. В армянской секции ДНВ в Киеве значительную научную и пропагандистско-просветительную работу вели такие члены ВУНАВ, армяне по национальности, как профессор Саак Галустович Исаакян²⁹, доцент Екатерина Давыдовна Манучарянц, медик по образованию, преподаватель вуза³⁰, преподаватель Киевского института народного хозяйства Степан Арамович Мхитарян³¹, иранист Гамлет Аркадьевич Назарян³², юрист Арутюн Нерсесович Хачатрян³³, профессор М. А. Чельцов-Бубутов³⁴, член армянской колонии—Г. С. Шах-Паронян³⁵. Среди армянского населения города значительный процент составляла интеллигенция, которая занималась в той или иной степени научными исследованиями. ВУНАВ, стремясь к тесным научным контактам, привлекала ее к работе, что в свою очередь, способствовало расширению тематики исследований.

Оценивая деятельность Ассоциации в области исследования Армении, быта армян на Украине, а также с точки зрения научных контактов, следует отдать должное творческой энергии этого коллектива энтузиастов-востоковедов, которые прокладывали первые шаги украинского советского востоковедения, в частности в области изучения истории Армении.

Научным контактам в значительной мере способствовал и журнал «Східний світ»—орган Ассоциации. На его страницах в 1927—1931 гг. (в 12 номерах) есть 67 материалов—статей, информации, докладов, сообщений, которые относятся к истории народов Кавказа и Закавказья, в частности Армении. Но исключительное внимание заслуживает статья В. Худадова о происхождении армян, в которой автор затрагивает один из сложнейших вопросов армянской историографии³⁶.

В журнале имеется ряд статей о современной Армении,

²⁹ Там же, X—24472.

³⁰ Там же, X—24548.

³¹ Там же, X—24576.

³² Там же, X—24577.

³³ Там же, X—2970.

³⁴ Там же, X—24730.

³⁵ Там же, X—24732.

³⁶ «Східний світ», 1930, № 10, стр. 315—318.

³⁷ «Східний світ», 1931, № 1—2 (16—17), стр. 211—212, 1928, №5,

се культуре и экономике³⁷, об армянском миниатюрном искусстве³⁸, исследования старинных рукописей из Эчмиадзинской библиотеки—уникального книгохранилища армянских рукописей³⁹.

Естественно, что научные контакты и исследования истории Армении в рассматриваемые годы происходили и по другим каналам. Однако ВУНАВ проделала значительную работу в изучении истории и культуры Армении, сумев положить начало тесному сотрудничеству ученых Украины и Армении.

---

³⁸ «Східний світ», 1928, № 5, стр. 287.

³⁹ «Східний світ», 1929, № 1—2, стр. 347—354.

409-я АРМЯНСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ (КИРОВОГРАДСКАЯ) ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ (1943—1944 гг.)

А. О. АРУТЮНЯН

(Доктор исторических наук, начальник Архивного управления
Армянской ССР)

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук» сказано, что в области исторических наук должен быть показан «геронизм советского народа в защите завоеваний Великого Октября... в разгроме фашизма в годы Великой Отечественной войны»¹.

Правдивое описание и анализ исторических событий 1941—1945 гг. имеют важное значение как для нынешнего, так и для грядущих поколений.

Уже создан ряд ценных трудов по истории Великой Отечественной войны. Немало написано также об участии армянского народа в этой войне, в том числе о боевых подвигах воинов-армян, сражавшихся за освобождение Украины.

Ниже речь пойдет о 409-й армянской стрелковой дивизии в тот период, когда она принимала активное участие в битвах за освобождение Украины от германо-фашистских войск.

Впервые в истории украинского и армянского народов целое войсковое соединение, укомплектованное из воинов-армян, сражалось против общего врага на территории Украины.

409-я стрелковая дивизия была сформирована в начале войны на территории Армянской ССР. Она состояла из 675, 677, 684-й стрелковых полков, 964-го артиллерийского полка и отдельных дивизионных частей, как-то: учебный батальон, 682-й саперный батальон, 852-й батальон, 852-й батальон связи, 196-й противотанковый дивизион, 463-я мотострелковая разведывательная рота, 472-я рота химической защиты, батарея командующего артиллерии, 192-я зенитная батарея (в дальнейшем—дивизион), 344-я авторота (в даль-

¹ «Правда», 22 августа 1967 г.

нейшем—батальон), 486-й санитарно-медицинский батальон и другие подразделения обслуживания и обеспечения.

Первым командиром дивизии был опытный, смелый и решительный кадровый офицер, полковник Арташес Аршакович Василян, комиссаром дивизии—старший батальонный комиссар Аршалуйс Наганетович Айрапетян, начальником политотдела—майор Титов, затем майор Л. Варданын, начальником штаба—майор Федор Емельянович Полтавец (украинец по национальности, ныне генерал), начальником артиллерии—полковник Акон Саркисян, заместителем по тылу—член партии с 1917 г. полковник Степан Осипович Степанян.

Командирами полков были назначены: майор Тараев, майор М. Григорян, майор С. Данелян, майор С. Казарян, а военными комиссарами полков—старший политрук Петросян, батальонный комиссар Г. Григорян, старший политрук Ашот Арутюнян, батальонный комиссар Николай Хачатрян.

Командиры отдельных частей, батальонов и большинство штабных работников были кадровыми офицерами, однако абсолютное большинство командиров рот, батарей, взводов и политсостава было укомплектовано из офицеров запаса.

Большинство партполитработников было руководящими партийными комсомольскими и советскими работниками, честными, преданными делу партии и Родине, теоретически подготовленными, но еще не имевшими опыта партийно-политической работы в боевой обстановке. Рядовой и сержантский состав был призван главным образом из Закавказья, Ленинканского, Кировканского и других районов Армении. Много призывников было также из Нагорного Карабаха, Кировабада, Шамхора, Тбилиси.

К 1942 году 409-я стрелковая дивизия полностью была укомплектована, вооружена, обучена по сокращенной программе и готова к выполнению боевых задач. Следует подчеркнуть высокое морально-политическое состояние личного состава дивизии. Об этом свидетельствует наличие в дивизии 2456 коммунистов, 1264 комсомольцев, объединенных в 361 первичную и низовую организации. Солдаты, сержанты, офицеры горели желанием скорее отправиться на фронт и принять непосредственное участие в разгроме врага.

С первых же дней формирования командно-политический состав дивизии повседневно чувствовал заботу и внимание Центрального Комитета Коммунистической партии Армении и его тогдашнего первого секретаря Г. А. Арутинова, который в годы войны очень много сделал по мобилизации материаль-

ных, людских и духовных сил Армении для защиты социалистической Родины.

Формированию дивизии и ее подготовке к выполнению боевых задач в значительной степени содействовали постоянное оперативное руководство Военного Совета 45-й армии (командующий—генерал-лейтенант Ремезев) и Военный Совет Закавказья (командующий—генерал армии Тюленев).

Отправка дивизии на фронт немного задержалась в результате создавшейся военно-политической обстановки на советско-турецкой границе. Известно, что в дни ожесточенных боев под Сталинградом турецкая 3-я армия была в полной боевой готовности для нападения на СССР, и если этого не произошло, то только благодаря блестящим победам Советской Армии на Волге и Северном Кавказе. Вплоть до ноября 1942 г. части дивизии выполняли боевую задачу по прикрытию советско-турецкой границы на участках Ани, Баяндур, Ленинанкан, Амасия.

В конце ноября 1942 г. приказом Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР и распоряжением командующего Закавказского фронта части дивизии по железной дороге были переброшены на Северный Кавказ—под Моздок, где тогда развернулись исторические оборонительные и наступательные бои—битва за Кавказ. Незадолго до отправки на фронт командир дивизии полковник Василян и начальник штаба майор Полтавец в срочном порядке были направлены на фронт в 89-ю армянскую дивизию (под Грозным). Новым командиром дивизии был назначен гвардии полковник Гладков Василий Федорович (в дальнейшем—командир корпуса, генерал, Герой Советского Союза).

В период декабря 1942 года и апреля 1943 года части дивизии в составе 44-й и 46-й армий героически сражались за освобождение Северного Кавказа. Славный боевой путь дивизии проходил через Моздок—Георгиевск—Прохладное—Минеральные Воды—Ставрополь—Армавир, почти все главные станции Краснодарского края до Таманского полуострова, станции Красноармейская (бывшая Полтавская). В трудных зимних условиях, в ожесточенных схватках и длительных форсированных боевых походах дивизия имела много потерь в людях и боевой технике.

После Сталинградской битвы и освобождения Северного Кавказа основные группировки наших войск на юге готовились к освобождению прежде всего Советской Украины, народ которой перенес в этой войне самые мрачные дни своей истории. Крупнейшие промышленные районы страны—Донбасс, Харьков, Днепрпетровск, Днепродзержинск, Запорожье, Кривой Рог—подверглись неслыханному раз-

рушению. Столица Украины красавец-Киев на берегу Днепра ждал своих освободителей. Миллионы партизан, переносив всевозможные лишения и страдания, героически сражались в тылу врага, способствуя наступлению Красной Армии. Украинский народ не просто ждал, а сражался всеми способами освободительной борьбы, проявляя мужество, героизм, самоотверженность.

В числе готовившихся к освобождению братской украинской земли соединений была и 409-я стрелковая дивизия, которая в апреле 1943 г. с Таманского полуострова через Краснодар—Ростов была переброшена в район под Миллерово.

Под Миллерово дивизия находилась в составе 46-й армии Стенного фронта. Командующим армии был генерал-майор Глаголев, членом Военного Совета—генерал-майор Кальченко (будущий председатель Совета Министров СССР). Они неоднократно посещали 409-ю дивизию, беседовали с командирами, политработниками и красноармейцами, разъясняя обстановку на фронтах Великой Отечественной войны и предстоящие задачи армии.

Командир генерал Глаголев, бывший офицер старой русской армии, до войны командир кавалерийской дивизии, лично проводил некоторые практические занятия с руководящим составом дивизии и на основе опыта прошедших боев учил тактическим приемам по отражению атак противника, преодолению глубокоэшелонированной обороны, форсированию крупных водных преград, защите личного состава от налета авиации, уделяя особое внимание соблюдению строжайшего порядка в ночных маршах. Генерал Глаголев, этот вдумчивый, волевой, образованный и знающий свое дело русский генерал, оставил самое благоприятное впечатление на офицеров и солдат-армян. Личный состав после северокавказских неполадок попал под командование настоящего военачальника.

Занимаясь в основном подготовкой к предстоящему наступлению, части дивизии одновременно выполняли ряд серьезных задач командования по ликвидации оставшихся мелких групп противника в лесах и отдельных местностях. Авиация противника ежедневно методически совершала налеты на г. Миллерово и места дислокации частей дивизии.

Летом 1943 г. после упорных и ожесточенных оборонительных боев на Курском направлении Красная Армия по заранее разработанному стратегическому плану перешла в решительное наступление. Верховное Главнокомандование ввело в бой новые свежие силы армии. Вскоре противник почувствовал последствия мощных ударов превосходящих

сил Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. Орел и Курск были освобождены.

Красная Армия перешла к общему наступлению. Теперь гитлеровские генералы уже не могли свое поражение объяснить «суровой русской зимой».

В числе наступавших на Запад армий была и 46-я армия, в составе которой сражалась 409-я стрелковая дивизия.

Приказом командующего 46-й армии генерал-майора Глаголева 12 июня 1943 г. части 409-й дивизии из района Миллерово двинулись на Запад. Находясь в резервной маневренной группе Верховного Главнокомандования, дивизия совершала тяжелые походы, иногда проходя до 40—50 км в день. До непосредственного соприкосновения с противником личный состав прошел путь более 1000 км.

24 августа части дивизии заняли исходное положение для наступления южнее Харькова, в районе г. Змиева. На данной полосе против Красной Армии воевали германская 355-я пехотная дивизия и части 1-й кавалерийской дивизии СС—«Мертвая голова».

409-я стрелковая дивизия сразу сменила части 353 сд и 393 сд Красной Армии и вступила в бой с противником в районе железнодорожной станции Безпаловка, деревни Пасика, Клименковка в общем направлении на юго-запад, на Большой Гомельше. Развернулись жаркие бои. Противник ежечасно совершал массированные налеты бомбардировочной и штурмовой авиацией по боевым порядкам дивизии, неоднократно переходил в контратаку большими силами танков, в том числе новых образцов. Фашисты упорно не хотели оставлять железнодорожную линию Харьков—Лазовая. Наши артиллеристы постоянно вели огонь прямой наводкой по атакующим танкам. Самые ожесточенные схватки имели место при освобождении Пасики и Клименковки. Достаточно сказать, что при внезапном штурме села Клименковка первый и третий батальоны 684 сп сумели разбить противника и освободить только половину селения, а вторая половина трое суток оставалась в руках эсэсовцев, которые, используя выгодные позиции на высотах и крышах домов, открывали ураганный огонь из всех видов оружия по боевым порядкам подразделений. Яростные контратаки немцев с целью истребить ворвавшиеся в село батальоны (причем оторванные от полка и от дивизии) были встречены героическими действиями личного состава.

В этих боях особенно отличились командиры 1-го батальона 684 сп капитан Арарат Алексанян, его заместитель по политчасти старший лейтенант Аветис Тумасян. Последний получил 27 ранений, но через месяц снова появился в полку.

Комсорг полка, 22-летний юноша, Георгий Устабашян (выпускник филологического факультета МГУ) с комсоргом 1-го стрелкового батальона лейтенантом Кондратенко и пулеметчиком узбеком Дасановым часами находились под оружейным огнем впереди цепи красноармейцев, тем самым обеспечили отражение многочисленных контратак противника. Обстановка в Клименковке была настолько критической, что командир полка, находясь более чем в 15 км от I и II батальонов, по радио приказал оставить село и отходить в лес. Однако командиры батальонов капитан Алексанян и Герой Советского Союза капитан Айрапетян не выполнили приказа и продолжали держать в своих руках занятые рубежи, т. е. половину Клименковки. Лишь на 4-й день при поддержке огня армейской и дивизионной артиллерии герои пошли в атаку, выбили противника со всех позиций и домов и овладели железной дорогой. Скоро в железнодорожной будке командир артиллерийского полка майор Казарян установил свой командно-наблюдательный пункт, а командир дивизии гвардии полковник Добровольский появился на переднем крае, подбадривая командиров батальонов и политработников и давая новое боевое распоряжение—продолжать стремительное наступление и не дать отступающему противнику занять выгодные оборонительные рубежи.

При преследовании фашистов подразделение 677 сп на рассвете столкнулось с противником. Развернулся встречный бой, перешедший в рукопашную схватку. Заместитель командира батальона капитан Сирунян из пистолета лично уничтожил семь фашистов, но и сам пал смертью храбрых в окопах врага. Наводчик ПТ орудия, член КПСС с 1920 г., Мукуч Маркарян, партизан гражданской войны, уничтожил три танка и, будучи тяжело раненным, не покидал строя. Теперь он живет в Кировакане.

В одной атаке прямо в боевых позициях оказался заместитель командира дивизии полковник Прокопенко, подбадривавший людей. Его крупная фигура была видна и немцам, стремившимся взять полковника в плен живым. Старого кавалериста наши солдаты с трудом спасли от пленения.

Более 10 дней продолжались бои. В первые четверо суток дивизия потеряла 195 человек убитыми и 725 человек было ранено. Но у противника потеря было больше. В дальнейшем все его попытки удержать какие-нибудь рубежи не увенчались успехом. В районе крупного населенного пункта Голубовка рубежи обороны противника неоднократно переходили из рук в руки. Когда кончились боеприпасы, враг перешел в яростную контратаку. Личный состав 675 и 684 сп готовился к отчаянной рукопашной схватке. Положение спасли

такие герои, как старшина Мхитар Мхитарян и рядовой Василий Фомич Ткаченко, которые буквально под градом минометного и пулеметного огня на двух подводах перебрали боеприпасы. В. Ф. Ткаченко, участник гражданской войны в составе конной армии Буденного, родом из Запорожья, воевал в 409 сд, а два его сына—в других дивизиях.

Преследуя отступавшего противника и освободив более 100 населенных пунктов, дивизия 29 сентября вышла к Днепру, но, встретив сильное сопротивление с заводских районов Днепродзержинска, не могла с ходу форсировать Днепр. Нельзя забывать, что в условиях 1943 года не все наши стрелковые дивизии располагали необходимыми переправочными и инженерными средствами. Несоднократные попытки днем и ночью подручными и нештатными средствами форсировать широкий Днепр встречали организованное огневое сопротивление немцев. День и ночь не смолкали артиллерийские канонады и налеты авиации с обеих сторон. Смелые разведчики дивизии даже в таких условиях несколько раз ночью переплывали на правый берег, сутками скрывались в домах и на крышах Днепродзержинска и возвращались с ценными сведениями о противнике.

На левом берегу Днепра состоялось собрание партактива дивизии, где гвардии полковник Добровольский сделал доклад об итогах боев с района Северного Донца до Днепра. На собрании выступил также начальник политотдела 46-й армии полковник Марков, который, высоко оценив боевые действия дивизии, обратил внимание на выполнение приказа Военного Совета 2-го Украинского фронта относительно подготовки к форсированию Днепра и освобождению Правобережной Украины.

Радость, уверенность в окончательной победе, вдохновение и приподнятое настроение личного состава не знали пределов. Население освобожденных сел, в частности Курнеловки, Петриковки, с любовью и теплотой встречали своих освободителей. Тысячи мужчин из сел и городов являлись в полки, проявляя желание совместно сражаться за освобождение Правобережной Украины.

Каждую ночь смелые украинские парни, да и многие взрослые, подвергая свою жизнь опасности, из-за Днепродзержинска тайком форсировали Днепр (на маленьких лодках или просто вплавь) и являлись в штаб дивизии или штабы полков, передавая ценные сведения о расположении и силах врага на том берегу. Один из них—инженер-металлург Антон Богдан, до войны работавший на Днепродзержинском металлургическом заводе, 35—38 лет, весьма сдержанный и поминающий обстановку, был определен в первый батальон

он 684 сп. Так, в полку появился новый пламенный агитатор, выдавший все зверства немцев над советскими людьми, проникнутый ненавистью к отрядам носителей так называемых «новых порядков» и готовый сражаться до последней капли крови. Антон Богдан оказался отличным автоматчиком, храбрым воином. Он неоднократно под свист пуль и снарядов, своим личным примером прямо электризуя людей, вел их вперед.

За короткое время Антон Богдан и его товарищи создали целую походную самодеятельность, которая исполняла в редкие тихие минуты задумчивые украинские народные песни. Антон Богдан погиб во время героической атаки населенного пункта близ Пятихатки. В сердцах воннов-армян 684 сп 409 сд память о нем осталась как вечное воплощение братской любви и готовности самопожертвования ради священной идеи—защиты родной земли.

Именно с выходом на берег Днепра личный состав 409-й дивизии, особенно армяне, не бывавшие ранее в этих сказочных краях и знавшие Украину только по книгам, еще больше полюбили Украину, ее природу и ее прекрасных людей.

Инструктор политотдела дивизии, любимец всего политсостава соединения, капитан Петр Абрамович Руденко, кроме других мероприятий, позаботился также о разучивании песни «Ой, Днипро». Прямо в блиндажах, вдоль берега Днепра, в сосновых лесах, в свободную минуту от огневого налета противника красноармейцы тихо пели песню о Днепре.

На берегах Днепра вонны-армяне глубже познали, почему гениальный поэт Тарас Шевченко еще в 1848 г. так проникновенно воспевал свою родину:

Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина...²

Теплые материнские чувства и слезы, которые видели вонны-армяне 409-й дивизии в каждой украинской хате, оставили глубокий, незабываемый след у каждого. Горе ни в чем не повинных украинских женщин и детей воистину превратилось в собственное горе воинов-армян.

В таком настроении личный состав дивизии готовился к новым битвам за Правобережную Украину.

Скоро, по приказу командования армии, 409-я стрелковая дивизия сдала свои позиции—Куриловка, Попова-Балонка, Николаевка—и перешла в подчинение 53-й армии.

В составе 68-го стрелкового корпуса дивизия с левого бе-

---

² Т. Шевченко, Кобзарь, Киев, 1947, стр. 426.

рега Днепра совершила марш через Петровку, Новый Подкряж, Могилев-2, Шульговка—Доматкан.

Приказ о форсировании Днепра дивизия выполнила в период 18—19 октября в районе Доматкан. Переправочные пункты противник держал под артиллерийским огнем и ударами авиации. Армейская артиллерия и наши штурмовики своими ударами парализовывали силы противника на правом берегу.

Как у всех воинов нашей доблестной Красной Армии, так и у воинов-армян процесс форсирования Днепра надолго останется в сердцах как незабываемая героическая эпопея. После форсирования все части дивизии сразу же вступили в бой с оборонявшимся противником.

За короткое время совместно с соседними дивизиями были освобождены крупные населенные пункты Ново-Николаевка, Маниловка, Калиновка, Ново-Александровка, Верховцево, Червоное и другие места Днепропетровской области. Почти во всех населенных пунктах противник сделал попытку сильными контратаками остановить или замедлить наступление. Особенно такое сопротивление противник оказывал в районе Балка Ханская, Мышеловка, хутор Грузька, высота 148,8, Малая Ановка.

Наступила октябрьская непогода. Грязь затрудняла продвижение артиллерии. Противник, находясь на заранее подготовленных рубежах, умело использовал танки, самоходные пушки и другие средства. В течение 13—20 ноября в этих местах развернулись сильные бои. В районе Малой Ановки наступление 409-й дивизии поддерживали танковые и артиллерийские соединения 2-го Украинского фронта. В ожесточенных боях под Малой Ановкой и Мышеловкой погибло много замечательных воинов 409-й стрелковой дивизии, в том числе командир 684 сп подполковник Малинин, командир артдивизиона 964 ап капитан Ашот Давидян.

Части дивизии с боями освободили Марнуполь, 2-ю Лелековку, Красноконстантиновку и др.

С 13 декабря 1943 г. 409-я стрелковая дивизия стала подчиняться 7-й гвардейской армии. В составе 25-го гвардейского стрелкового корпуса она получила боевую задачу овладеть поселком Батызман, что и было выполнено. Однако противник с превосходящими силами создал угрозу окружения частей дивизии. Только благодаря героизму личного состава и умению командиров частей удалось организованно, с боями выйти из опасного положения.

В историческом формуляре дивизии по этой части сказано: «Умелой, смелой и своевременной маневренностью в

сложившейся обстановке дивизия вышла из 15-километрового мешка и вывела оттуда остатки 7 и 8 мотомехкорпусов»³.

31 декабря 1943 г. дивизия получает приказ сменить части 303 сд в районе Вершино—Каменка и быть в готовности для наступления на Кировоград.

Решительным наступлением в юго-западном направлении в составе 25 гвардейского ск 5 января 1944 г. 409-я дивизия, уничтожая части противостоящего противника, совместно с другими соединениями Красной Армии вступила в крупный областной центр Кировоград, а 8 января приказом Верховного Главнокомандующего ей присваивается звание «409-я Кировоградская стрелковая дивизия».

В приказе Верховного Главнокомандующего сказано: «Войска 2-го Украинского фронта, прорвав сильную оборону немцев, сегодня, в результате умелого обходного маневра, овладели областным и крупным промышленным центром Украины городом Кировоградом, важнейшим опорным пунктом обороны противника»⁴. Далее следует перечень особо отличившихся дивизий, в том числе и 409-й.

При освобождении Кировограда на своем боевом посту погиб любимец всей дивизии, командир 964-го артиллерийского полка подполковник Саркис Казарян.

Только в период боев от Днестра до Кировограда части дивизии нанесли противнику следующие потери: уничтожено орудий и минометов—50, танков и самоходных пушек—15, станковых пулеметов—36, шестиствольных минометов—4, солдат и офицеров более 3000. Было захвачено много трофея.

Из личного состава дивизии за указанное время на поле битвы погибло 675 человек. В период с 5 января по 3 марта части дивизии, выполняя разные боевые задачи, одновременно частично переукомплектовали свои ряды, получили новое вооружение в районе Любонадеждовка, Калиновка, Колмаковка, Покровское и стали готовиться к новому наступлению.

В это время на обширных театрах второй мировой войны и особенно на советско-германском фронте развернулись грандиозные битвы за скорейший разгром армии фашистской Германии и ее союзников. Героическая Советская Армия от Северного Ледовитого океана до Херсона, громя противника, вплотную приближалась к завершению освобождения священной советской земли и выполнению своей исторической миссии по освобождению поработанных народов Европы.

³ Архив МО СССР, ф. 409 сд, оп. 484453, д. 1, лл. 8—34.

⁴ «Коммунист», (Ереван), 9 января 1944 г.

8 марта командование дивизией принял гвардии генерал-майор Гречаний. Под его командованием 409-я дивизия продолжала свой славный боевой путь на Запад.

После Кировограда дивизия начала наступление в следующем направлении: Моисеевка, Лом, Белка, Большой Красный Хутор, Ново-Украинка, поселок Помощный и станция Помощная, станция Глиняная, Новое Дерево, Старое Дерево. Кроме перечисленных пунктов, дивизия освободила более 40 других населенных пунктов.

1 апреля части дивизии сосредоточились в районе Думбровиц, Валялу—Вальд. До 21 апреля, преодолевая оборону противника, дивизия наступала на Кондратешт, Нападей, Корнова и готовилась к переходу советско-румынской границы, что и было осуществлено 21 апреля 1944 года.

В дальнейшем 409-я Кировоградская дивизия в составе разных армий сражалась на территории Румынии, Венгрии и закончила свой боевой путь в столице Чехословакии—Праге, где ей присвоили также имя Братиславская.

На боевом счету 409-й Кировоградско-Братиславской ордена Богдана Хмельницкого дивизии: уничтоженных танков, бронетранспортеров, самоходных пушек—231, орудий и минометов—250, пулеметов—688, автомашин—436, бронепоездов—2, солдат и офицеров—34500, вагонов и паровозов—203 и др. Захвачено трофея: тягачей и бронетранспортеров—214, орудий и минометов—2081, танков—13, радиостанций—29, несколько минометных патронов, 149 самолетов, много разных складов. Количество взятых в плен—4939 человек⁵.

За проявленное мужество и героизм несколько тысяч воинов 409-й дивизии удостоены высоких правительственных наград.

Как видно, 409-я дивизия на территории Украины воевала от района восточнее Старобельска, Северного Донца до самой украинско-румынской границы, пройдя общей протяженностью 2000 км. Количество освобожденных ею населенных пунктов доходит до 200.

Из нескольких сот наиболее отличившихся своими подвигами офицеров и рядовых нам хотелось бы особо отметить некоторых.

Командир 964-го артиллерийского полка подполковник Саркис Казарян, кадровый офицер, пострадавший в 1937 г., с первых же дней войны находился на передовых позициях. Под его командованием артиллерийский полк 409-й дивизии воевал от Моздока до Кировограда. Можно определенно сказать, что из всех командиров частей 409-й дивизии Казарян в

⁵ Архив МО СССР, ф. 409 ед, оп. 484453, л. 1, л—34.

военном отношении был наиболее подготовленным, грамотным, спокойным по характеру, волевым и обаятельным человеком. Он пользовался большим авторитетом и уважением не только среди людей своего полка, но и почти всей дивизии. Орудийные залпы Казаряна обеспечили наступление дивизии при освобождении г. Змиева, прорыве обороны полка в районе Пасики и Тарановки, форсировании Днепра и особенно при освобождении Кировограда, где он и погиб на своем боевом посту—на командном пункте.

Благодарный украинский народ в лице жителей Кировограда в центре своего города соорудил памятник своим освободителям, где Казарян числится первым.

В многочисленных архивных документах⁶ дана высокая оценка командования дивизии и корпуса подвигам Казаряна. Ограничимся только одной выдержкой из обобщенного доклада командира дивизии гвардии полковника Добровольского в Военный Совет Армии. Перечисляя лучшие полки, их командиров и заместителей по политчасти, наряду с другими, командир дивизии пишет:

«4. 964 сп—командир полка майор Казарян. За весь период боевых действий показал исключительно хорошую работу. Батареи полка все время находились в боевых порядках. Артполк неоднократно своим огнем отбивал контратаки противника, уничтожил много пехоты и техники врага»⁷.

В этом же полку в должности командира дивизиона воевал капитан Ашот Давидян, родом из села Баджоглы Ахурянского района Армянской ССР. Молодой, энергичный, бесстрашный капитан Давидян был любимцем полка и всего личного состава дивизии. В артиллерии принято особое внимание обращать на оборудование командно-наблюдательных пунктов и беспокоиться о его безопасности. Давидян любил избирать свой наблюдательный пункт только там, откуда лучше можно обеспечить бой пехоты, презирая всякую опасность. Против Романовки (Днепродзержинск) он неоднократно умудрялся огонь своего дивизиона корректировать с макушек высоких сосновых деревьев. Живой, строгий, исполнительный, он появлялся со своими батареями в самых неожиданных и опасных местах, заражая личный состав дивизиона своей жизнерадостностью, уверенностью, внушительным и звучным голосом.

Более 2500 км Давидян прошел с боями от Моздока до Тамани, от Миллерово до Днепродзержинска и от Днепра до

⁶ Там же, оп. 77426, л. 4, лл. 1—34.

⁷ Там же, ф. 40 сд, оп. 77426, л. 4.

М. Ановки Кировоградской области. Но этому, воистину артиллерийскому «Чапаеву» не суждено было радоваться нашей окончательной победе. Давидян погиб смертью настоящего героя, после выдающегося стремительного наступления и при отражении мощного танкового тарана немцев под Малой Ановкой.

Артиллеристы-армяне 409-й Кировоградской стрелковой дивизии во главе с командующим артиллерии дивизии умным и храбрым полковником Акопом Сарксяном вписали не одну славную страницу в историю дивизии. Нельзя не упомянуть о боевом секретаре партбюро 964 сп капитане Геворге Арутюновиче Саакяне, который от Моздока до самой Праги возглавлял партийную работу полка. Он отличился во многих боях, награжден орденами и медалями. После войны находился на руководящей работе в Ленинкане, Ереване. В настоящее время Г. А. Саакян работает управделами Президиума Верховного Совета Армянской ССР.

Из людей, героически сражавшихся за освобождение Украины в составе 409-й дивизии, особо следует сказать о командире 677 сп, ныне полковнике запаса Михаиле Тиграновиче Григоряне, по прозвищу «Кероглы», командирах батальонов—Герое Советского Союза Гургене Айрапетяне (ныне живет в г. Ереване) и командире I сб 684 сп капитане Арапате Алексаняне.

Арапат Алексанян—уроженец г. Ленинкана, прошел славный боевой путь. В 409-й сд он воевал только на территории Украины, отличившись своей скромностью, умением увлекать людей боевой славой своего батальона. Находясь всегда в трудных местах боя, Алексанян никогда не проявлял даже малейшей растерянности. Он всегда находил слабые места противника и умело использовал все виды огня, выполняя свою боевую задачу. Особенно высоко ценил Алексаняна командир дивизии гвардии полковник Добровольский. Этот жесткий и решительный человек обладал исключительным умением распознавать своих подчиненных в тяжелые минуты. На территории Украины Алексанян три раза был ранен и всякий раз, не дожидаясь окончательного выздоровления, возвращался в свой любимый полк. Но четвертый раз пуля вражеского снайпера тяжело ранила героя-командира батальона. Командир полка и командир дивизии во имя спасения жизни Алексаняна приказали вывести его с переднего края. Солдаты и сержанты батальона, безгранично любящие своего командира, старались тяжело раненного Алексаняна положить на плащ-накидку. Но коварный враг открыл огонь по кучке смельчаков. Погибло двое солдат, и жизнь Алексаняна, истекающего кровью, замерла от снайперской

пули врага. Этот день был настоящим трауром для 684-го полка. После каждого такого удара личный состав с жгучей ненавистью стремился к уничтожению врага и ускорению победы.

В настоящее время ЦГАОРСС Армянской ССР создал замечательный архивный фонд по истории 409-й дивизии, и в ближайшее время будет написана история этой дивизии, так много сделавшей в годы Великой Отечественной войны.

Легендарный боевой путь 409-й дивизии является ярким примером героизма Советской Армии и советского народа в годы войны.

По мере продвижения к государственным границам ряды дивизии постоянно пополнялись новыми солдатами, сержантами, офицерами и политработниками из всех народов нашего многонационального Советского Союза.

Основной путь на территории Украины дивизия прошла под командованием гвардии полковника Михаила Игнатьевича Добровольского, боевого, смелого и мужественного командира и генерал-майора Гречаного (после Кироваграда), пользующихся исключительным уважением и любовью личного состава.

Велика заслуга и роль в славных делах 409-й стрелковой дивизии таких замечательных и храбрых офицеров, как капитан Хмельницкий (начальник штаба артиллерии), капитан Когота (начальник разведки полка, донской шахтер—погиб), полковник Прокопенко (заместитель командира дивизии, кавалерист), майор Табакара (заместитель командира полка, а потом командир полка), подполковник Старостин (командир 677 полка и некоторое время исполняющий обязанности командира дивизии), подполковник Гусев (начальник штаба дивизии), политработники: капитан Руденко (погиб), капитан Чужаков, капитан Смирнов, старший лейтенант Кондратенко, капитан Фокша и многие другие.

В рядах 409-й дивизии боевая дружба народов приняла более конкретный и наглядный характер. Во многих отделениях было по одному человеку разных национальностей, и все они сражались плечом к плечу. В дивизию с Кубани и Украины пришли бывалые солдаты, участники первой мировой и гражданской войн, опытные, мужественные и храбрые люди, что не могло не поднять общего боевого духа дивизии.

Среди миллионной армии, участвовавшей в освобождении Украины, мы рассматриваем 409-ю дивизию как неотъемлемую частицу нашей славной армии, внесшую свою скромную долю в великую освободительную войну советского народа.

Участие армян в составе 409-й дивизии является неотъем-

лемой частью общего вклада армянского народа в освобождение Украины. Напомним, что в дни битвы за Днепр Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. С. Мартиросян со своим корпусом занял Киев и был назначен первым начальником гарнизона г. Киева, а Герой Советского Союза генерал-майор Асканаз Карапетян со своими танкистами первым сокрушил сопротивление немцев при освобождении г. Синельникова и других городов Украины.

В городе Виннице благодарный украинский народ соорудил памятник командиру другой танковой бригады—подполковнику Навасарду Тевановичу Арутюняну, погибшему на своем боевом посту при освобождении Винницкой области.

Многие армяне в должности командиров полков и дивизий сражались против фашистских войск на территории Украины. Армянский народ имеет полное моральное основание и право гордиться своими отважными сынами, высоко поднявшими его честь и достоинство в трудные дни испытаний.

Боевой подвиг народов СССР, сломивших немецко-фашистские полчища, золотыми буквами вписан в анналы истории, воплощен в образах художественной литературы, увековечен в картинах, скульптурах и песнях, и прежде всего вечно живет в сердцах участников войны.

В тяжелые годы войны в Армении не нашлось ни одного человека, который с глубоким патриотизмом не поднялся бы на защиту Родины. Много воинов-армян погибло на территории Карелии, Российской Федерации, Латвии, Белоруссии, Украины.

Какие нужны еще доказательства монолитности, единства и незыблемости советского народа, их боевого содружества?!

Философия истории подтверждает незыблемость и живучесть традиций народов вообще и боевых традиций в частности. Прошли времена, когда оракулы вульгарной социологии своими нелепыми действиями делали отчаянные попытки искусственно отрывать настоящее народа от его прошлого. Эти догматики не в состоянии были осознать, что поступательное движение народов к более высшей ступени развития происходит в результате борьбы прогрессивных сил, действующих в недрах любого народа и в любое время. Наиболее светлые образы и вдохновители этих сил, идя навстречу различным темным силам, своими бессмертными подвигами озаряли тернистый путь грядущих поколений.

Армянский народ в лице русского и украинского народов всегда видел своих искренних друзей.

В годы первой мировой войны более 250 000 лучших сынов армянского народа сражались на западных фронтах

в составе русской армии, преграждая вторжение в глубь России и Украины германской и австро-венгерской армии.

С таким же успехом полумиллионная русская армия сражалась на Кавказском фронте, громя турецкие полчища под Мушем, Сарыкамышем, Трапезундом, Ваном, Битлисом и предотвращая их вторжение в Закавказье в 1914—1916 гг.

Но все то, что произошло в годы Великой Отечественной войны на обширных полях сражения и в тылу, останется одним из самых значительных исторических событий в жизни нашего народа.

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УКРАИНСКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ (1945—1965 гг.)

Л. А. ШЕВЧЕНКО

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

В ходе борьбы за победу социализма в СССР был завершен процесс формирования социалистических наций, начался новый этап в развитии отношений между советскими народами. Социально-экономическая структура советского общества явилась той базой, на которой зиждется и развивается дружба народов Советского Союза в период перехода от социализма к коммунизму. Она находит свое выражение в тесном политическом, экономическом и культурном сотрудничестве всех братских народов нашей многонациональной Родины, в том числе трудящихся Украины и Армении.

Новые отношения между социалистическими нациями явились результатом воплощения в жизнь принципов марксистско-ленинской национальной политики. «Наш опыт,— писал В. И. Ленин,—создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹.

Развивающееся и крепнущее экономическое и политическое сотрудничество советских народов служит объективной основой дальнейшего развития культурного сотрудничества между ними. Важную роль в этом процессе играет то, что с победой социализма единой идейной основой духовного развития социалистических наций стал марксизм-ленинизм.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

Руководящей и направляющей силой в создании политических, экономических и идейных основ развития культурного сотрудничества между народами СССР является Коммунистическая партия. Ее научно обоснованная политика, направленная на обеспечение фактического равноправия всех народов Советской страны, была и остается решающим условием дальнейшего упрочения их культурного сотрудничества.

Деятельность Коммунистической партии устраняет ту стихийность, которая характерна для развития процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур в антагонистическом обществе. Она обеспечивает коммунистическую направленность в развитии многонациональной советской культуры, укрепляет ее идейные основы. Дальнейшему развитию сотрудничества социалистических наций способствует принципиальная и последовательная борьба против национальной ограниченности, против всяких проявлений буржуазного национализма. Особое внимание в области культурного строительства КПСС уделяет усилению духовного общения между народами СССР, сближению их культур. В Программе КПСС подчеркивается, что, придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества.

За годы Советской власти сложилась прочная основа, на которой развивалось и развивается культурное сотрудничество украинского и армянского народов в годы социалистического и коммунистического строительства. Развитию процесса взаимопроникновения, а значит и взаимообогащения украинской и армянской национальных культур, в большой степени способствует русский язык—один из многих равноправных языков народов СССР. Русский язык в наше время является в значительной степени средством взаимообщения, взаимодействия национальных культур.

Отмечая эту важнейшую особенность процесса культурного сотрудничества между украинским и армянским народами, как и другими народами СССР, следует иметь, несомненно, в виду то, что она характерна для социалистического общества, где ликвидированы недоверие и подозрительность в межнациональных отношениях, и последние развиваются на основе братского сотрудничества и взаимопомощи. «Мы хорошо знаем, что русский язык—это не только язык русских.

но и мощное орудие культурного единения всех народов нашей Отчизны»², — писал поэт-академик М. Рыльский.

Особое место в культурном сотрудничестве украинского и армянского народов занимают первые послевоенные годы — период восстановления народного хозяйства страны. В эти годы трудящиеся всей страны оказывали большую помощь в восстановлении материальной базы культуры тем республикам и областям, где она была разрушена дотла фашистскими оккупантами. Значительный вклад в восстановление вузов, школ, театров, библиотек и других культурно-просветительных учреждений УССР внесли и трудящиеся Советской Армении. Они посылали на Украину строительные материалы, книги, наглядные пособия, лабораторное оборудование и многое другое. Так, Государственная публичная библиотека АН УССР получила большое количество книг из Еревана. Среди них такие издания, как библиографические указатели «Тарас Шевченко — в армянской литературе», «Павло Тычина — в армянской литературе», «Киев — в армянской литературе» и т. д.

Седьмая сессия Верховного Совета УССР 30 июня 1945 года, выражая чувства всех трудящихся Украины, обратилась с письмом ко всем народам Советского Союза, в котором говорилось: «Глубокая благодарность тебе, славный русский народ, и всем вам, советские народы-братья, от народа Советской Украины за вашу беззаветную щедрую помощь, которая дает Украине силу, чтобы в данное короткое время залечить те тяжелые раны, которые нанесли ей немецкие палачи»³.

Однако уже в первые послевоенные годы, как показывает опыт культурного сотрудничества Армении и Украины, получили дальнейшее развитие и те его формы, которые свидетельствовали о дальнейшей активизации процесса взаимобмена культурными ценностями и взаимодействия культур украинского и армянского народов. Важнейшую роль в этом сыграл тот факт, что в Армении и на Украине с каждым годом все больше издается книг авторов из братской республики в переводе на армянский или соответственно украинский язык. Эта переводная литература является, как известно, очень важным средством ознакомления с культурой братского народа и в то же время играет первостепенную роль в творческом взаимодействии национальных культур.

Следует отметить, что на Украине в послевоенные годы значительно повысилось мастерство художественного, науч-

² М. Рыльский, Статті про літературу і мистецтво, Киев, 1962, стр. 101.

³ «Вітчизна», 1948, № 5, стр. 192.

ного и публицистического переводов. В противовес распространенной в буржуазной социологии и философии концепции «непереводимости» художественных произведений, которая исходит из того, что культурные ценности, созданные в одной национальной среде, якобы не могут стать достоянием других народов, переводчики Советской Украины сделали достоянием своего народа лучшие произведения армянских авторов. О высоком уровне их деятельности на Украине свидетельствует тот факт, что переводчики Украины, достойно продолжая традиции высокой школы, созданной академиком М. Г. Рыльским, все больше переходят от подстрочных переводов к смысловым, свободным. Этому, несомненно, способствует появление в нашей республике группы литературных переводчиков, которые знают язык оригинала, в том числе и армянский.

В этой связи следует остановиться на переводческой деятельности в области армянской литературы выдающегося украинского советского поэта П. Тычины. Проявляя глубокий интерес к армянской литературе, П. Тычина еще в 20-х годах стал переводить произведения О. Туманяна, И. Иоаннисяна, А. Акопяна. Интересно, что уже в 1927 г. в письме к Иоаннисяну украинский поэт дал имена армянских поэтов в армянской транскрипции. Личная дружба с выдающимся армянским поэтом, любовь к его творчеству, безусловно, способствовали изучению П. Тычиной армянского языка. Интересно и то, что Иоаннисян в свою очередь стал изучать украинский язык. В 1939 г. на юбилейном пленуме Союза советских писателей СССР, посвященном знаменательной дате—1000-летию героического эпоса армянского народа «Сасунци Давид» («Давид Сасунский»), П. Тычина процитировал отрывки на армянском языке и сообщил о переводе героического эпоса на украинский язык⁴.

Отмечая заслуги выдающегося украинского поэта в популяризации произведений армянских авторов на Украине, журнал «Литературная Армения» в день семидесятилетия П. Тычины писал:

«Благодаря Тычине многие произведения выдающихся армянских поэтов—Ованеса Туманяна, Иоаннеса Иоаннисяна, Аветика Исаакяна, Акопа Акопяна и других стали достоянием широких кругов читателей на Украине»⁵.

В послевоенные годы над переводами с армянской советской и классической литературы плодотворно работают также

⁴ Е. П. Кирилук, Украинско-армянские литературные связи, в кн. «Великая дружба», Ереван, 1954, стр. 118.

⁵ «Литературная Армения», 1961, № 1, стр. 49.

М. Рыльский, В. Кочевский, В. Сосюра, А. Малышко, Л. Дмитерко, И. Нехода, М. Терещенко и др. В 1948 году в связи со 100-летием со дня загадочного исчезновения Хачатура Абовяна на Украине под редакцией П. Тычины была издана книга избранных произведений великого армянского просветителя, куда вошли его стихи, рассказ «Первая любовь» в переводе О. Кундзича и роман «Раны Армении» в переводе О. Ильченко⁶. В нашей республике осуществлено издание избранных произведений О. Туманяна⁷, А. Исаакяна⁸, Г. Сундукяна⁹, драматургических произведений «Пепо» и «Счастливая семья» Арама-Ашота Папаяна¹⁰.

Украинскому читателю в переводах на родной язык известны произведения А. Цатуряна, О. Ованесяна, М. Корюна, Н. Заряна, Г. Саряна, С. Таронци, С. Капутикян, А. Граши, А. Аракса, Г. Боряна, С. Вагунн, Г. Эмина, О. Гукасяна, О. Ширази, А. Дарбни, С. Зоряна. Ряд произведений армянских авторов включен в изданную на украинском языке хрестоматию советской литературы народов СССР, рекомендованную для изучения в общеобразовательных школах республики.

Очень много переводов произведений армянских авторов в послевоенные годы появляется в украинской периодической печати. Уже в первом номере журнала «Вітчизна» за 1947 г.—органе Союза писателей Украины—была помещена подборка стихов армянских авторов в переводе украинских поэтов М. Терещенко, Н. Руденко, Н. Тихого, А. Качнельсона, Д. Белоуса, М. Зисмана. Здесь же были опубликованы стихотворения А. Исаакяна—«Моїй батьківщині», Н. Заряна—«Товаришам, що полягли в боях», С. Капутикян—«В дні випробувань», О. Ширази—«Мгер, мій предок», Ахавни—«Весна чарівлива лине» и ряд других¹¹.

К 100-летию со дня трагической гибели Хачатура Абовяна журнал поместил на своих страницах ряд его произведений, которые в украинской транскрипции звучат так: «Сини і внуки Гайка» (перевод П. Тычины), «Баяті» (перевод М. Рыльского), «Візьми мою, кохана душу» (перевод В. Сосюры), «Кому скажу я про журбу і горе» (перевод Л. Дмитерко), «Перед смертю» (перевод М. Терещенко). Для публи-

⁶ Хачатур Абовян, Вибрані твори, ДРХЛ, Киев, 1948.

⁷ Ованес Туманян, Вибрані твори, Киев, 1952.

⁸ Аватік Ісаакян, Вибрані твори, Киев, 1951.

⁹ Габріел Сундукян, Вибрані твори, Киев, 1959.

¹⁰ Арам та Ашот Папаян, Щаслива сім'я, комедія на 1 дію, Киев, 1949.

¹¹ «Вітчизна», 1947, № 1.

кации произведений армянских авторов широко представляют свои страницы и другие периодические издания, выходящие в нашей республике.

Украинским историкам и литературоведам хорошо известно, что богатые традиции в области художественного перевода имеет также Армения, где еще со времен Месропа Маштоца существовала школа перевода. Интересно то, что в Армении издревле отмечался День переводчика¹². Особый размах эта область творчества получила в наше время.

В послевоенные годы значительное внимание переводу лучших произведений украинской классической и советской литературы уделяли многие писатели и поэты братской Армении. Особое внимание здесь было уделено переводам произведений великого сына украинского народа революционера-демократа Т. Г. Шевченко. Среди лучших переводчиков его произведений, несомненно, в первую очередь следует назвать поэта Г. Саряна.

Известно, что впервые на армянском языке произведения Тараса Шевченко—отрывки из поэмы «Марьяна Черница»—появились в 1879 г. в журнале «Базмавеп», который издавался в Венеции. После этого армянские деятели культуры неоднократно возвращались к произведениям великого украинского поэта, переводя его произведения на язык своего народа. Г. Сарян еще в 1938 г. перевел на армянский язык поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки», «Катерина», «Кавказ» и ряд других. В 1939 г. впервые в его переводе был издан «Кобзарь». В 1954 и 1961 гг. вышло второе и третье издание «Кобзаря» на армянском языке в его же переводе со вступительной статьей А. Исаакяна.

Переводческая деятельность Г. Саряна—неутомимого пропагандиста произведений поэтов и прозаиков Украины, в первую очередь произведений Т. Шевченко, в Армении получила высокую оценку общественности Украины. В письме к нему поэт-академик П. Тычина писал: «Ваш прекрасный перевод «Кобзаря» Тараса Шевченко на армянский язык все мы тут, на Украине, очень ценим. Гордимся им, гордимся Вами»¹³.

Широкой популярностью пользуются в Армении изданные в переводах произведения других украинских авторов. На армянском языке изданы «Рассказы» и «Будка № 27» Ивана Франко, «Знаменосцы» О. Гончара, «Киевские рассказы» Ю. Яновского, «Переяславская Рада» Н. Рыбака и т. д.

¹² «Литературная Армения», 1965, № 12.

¹³ «Литературная Армения», 1964, № 3, стр. 56.

В Ереване опубликованы сборники типа антологии «Украинская лира», где представлены лучшие произведения украинских авторов с XVIII столетия до 1953 г. В 1950 г. на армянском языке была издана книга избранных стихотворений П. Тычины в переводах Г. Саряна, Г. Эмша, С. Капутикян и др. В 1965 г. были изданы на армянском языке произведения М. Рыльского.

В периодической печати публиковались произведения почти всех известных писателей и поэтов Украины: И. Франко, Леси Украинки, М. Рыльского, П. Тычины, М. Бажана, В. Сосюры, А. Малышко, О. Гончара, Л. Первомайского, С. Олейника, П. Воронько, Ю. Яновского, Ю. Збанацкого, Ю. Дольда-Михайлика и т. д.

Переводческая деятельность и на Украине и в Армении играет большую роль в укреплении и развитии дружественных связей между украинским и армянским народами. Она способствует широкому взаимоознакомлению с культурой, жизнью, историческим прошлым братского народа, способствует дальнейшему идейному сближению, укреплению культурного сотрудничества. А. М. Горький указывал: «Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом. Это не суждение профессионала, влюбленного в свое дело,—это вывод из моих наблюдений за сорок лет сознательной жизни моей... Искусство слова—художественная литература—содействует взаимному пониманию людьми друг друга...»¹⁴.

Важнейшую роль в взаимоознакомлении трудящихся Украины и Армении с духовными богатствами, активизации процесса взаимопроникновения армянской и украинской культур играет взаимный обмен лучшими произведениями литературы и искусства. С каждым годом все больше произведений украинских и армянских авторов ставится в театрах Армении и Украины, исполняется на концертах, все чаще как в одной, так и в другой республиках демонстрируются фильмы национальных киностудий.

Как отмечают искусствоведы Армении, украинская драматургия вступила в армянский советский театр в сезоне 1929/30 гг. Первой украинской пьесой, поставленной на армянской сцене, была «Целина» А. Горбенко¹⁵. В последующие годы здесь были поставлены произведения И. Кочерги, А. Корнейчука, классика украинской литературы И. Франко и др. Так, в 1948 г. творческий коллектив Ленинканского

¹⁴ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 304.

¹⁵ С. А. Меликсетян, Из истории армяно-украинских театральных связей, сб. «Великая дружба», Ереван, 1954, стр. 188.

государственного театра осуществил постановку драмы И. Франко «Украденное счастье». С тех пор не было такого сезона, чтобы в театрах Советской Армении не шла какая-либо из пьес украинских авторов¹⁶.

Пьесу В. Собко «За вторым фронтом» поставил Ереванский русский театр, пьесы А. Корнейчука «Макара Дубраву» и «Калиновую рощу» — Кироваканский театр, пьесу Я. Галана «Под золотым орлом» и «Любовь на рассвете» — ряд профессиональных районных театров.

Значительным событием в театральной жизни Армении явилась постановка на сцене одного из крупнейших театров Армении — театра им. Сундукяна — двух произведений украинских авторов — «Любовь на рассвете» Ярослава Галана и «Не называя фамилий» В. Минко. Им были посвящены специальные творческие конференции, организованные театральным обществом, много внимания спектаклям уделили критики, единодушно подчеркнувшие, что армянским артистам удалось сценически правдиво раскрыть образы украинских людей, воспроизвести национальный колорит произведений. По определению одного из них, артист Д. Малян в роли Николая Вормалюка был «человеком сильного характера, закаленным в революционных боях, типом настоящего украинского коммуниста».

Значительных успехов в популяризации произведений армянских авторов достигли театральные и музыкальные коллективы Украины. В 1958 г. Сумской музыкально-драматический коллектив театра им. Щепкина поставил пьесу армянских братьев-драматургов Папаян «Большая свадьба». Львовский театр им. М. Заньковецкой показал своим зрителям сатирическую комедию классика армянской литературы А. Пароняна «Дядя Багдасар» (перевод О. Вишни).

Большой популярностью пользуются в Украинской ССР балеты А. Хачатуряна «Гаянэ», поставленный Киевским театром оперы и балета еще в 1946 г., и «Спартак», который идет на сценах Киевского и Львовского театров оперы и балета. Оперу армянского композитора А. Бабаева «Арцваберд» («Орлиная крепость»), посвященную революционным преобразованиям в старинном армянском селе, поставил коллектив Донецкого театра оперы и балета. На премьере присутствовали артисты ереванского театра им. Спендиарова, которые отметили, что украинским артистам удалось воссоздать национальный колорит оперы¹⁷.

¹⁶ Там же, стр. 189.

¹⁷ «Культура і життя», 23 января 1966 г.

Трудящиеся Украины высоко ценят музыкальное творчество армянского народа. На концертах, в передачах по радио и телевидению часто исполняются армянские народные мелодии, произведения А. Спендиарова, особенно его «Три пальмы», «Ереванские этюды», «Баркаролла», а также произведения А. Арутюняна, А. Бабаджаняна, Комитаса, Р. Меликяна, А. Тер-Гевондяна, А. Айвазяна, А. Долуханяна и других.

Большую роль по взаимной пропаганде художественного творчества армянского и украинского народов играет обмен исполнительскими коллективами и отдельными исполнителями, гастрольная деятельность музыкантов, вокалистов, танцоров. Уже в 1947 г. в Ереване с большим успехом прошли выступления Государственной хоровой капеллы УССР «Трембита»¹⁸. В последующие годы в Армению на гастроли приезжали лучшие хоровые и танцевальные коллективы республики. Среди них: ансамбль песни и танца Украинской ССР (1949 г.), заслуженная академическая капелла Украинской ССР «Думка» (1953 г.) и ряд других. Большой популярностью среди трудящихся Армении пользовались концерты народных артистов СССР М. И. Литвиненко-Вольгемут и И. С. Паторжинского, народных артистов Украинской ССР — М. Бем и З. Гайдай и т. д. В январе 1966 г. более 100 тысяч ереванцев и жителей пригородных районов аплодировали творческому коллективу Украинского республиканского художественно-спортивного ансамбля «Балет на льду», которому была оказана честь первому выступить на сцене нового большого спортзала столицы Армении. За высокое исполнительское мастерство указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР ансамбль награжден Почетной грамотой¹⁹.

В то же время трудящиеся Украины постоянно знакомят с искусством своего народа творческие коллективы и отдельные исполнители, приезжающие из Армении. В 1964 г. с большим успехом прошли выступления в Киеве художественных коллективов, принимавших участие в Неделе дружбы армянского и украинского народов, которая проводилась во Львове. Среди них заслуженный ансамбль Армянской песни и пляски под руководством народного артиста республики Т. Алтуняна, эстрадный оркестр под руководством композитора К. Орбеляна, народный артист СССР П. Лисициан, народный артист республики А. Айдинян и ряд других известных исполнителей Армении²⁰. Большой популярностью на

¹⁸ «Вітчизна», 1947, № 10, стр. 203.

¹⁹ «Вільне життя», 12 января 1966 г.

²⁰ «Радянська культура», 28 июня 1964 г.

Украине пользуются многие армянские артисты. Высокую оценку получили концерты Г. Гаспарян, Э. Долухановой, с которыми они выступали на Украине не один раз.

В системе армяно-украинских творческих связей в области культуры большую роль играет и киноискусство. В послевоенный период систематически проводятся всесоюзные и республиканские кинофестивали, кинофестивали, посвященные важным политическим, общественным и хозяйственным событиям в жизни страны. В Киеве в 1959 и 1966 гг. были проведены всесоюзные фестивали, на которых украинские зрители познакомились с лучшими работами армянских авторов. В Армении в послевоенные годы также проводились фестивали фильмов, поставленных на киностудиях братских республик.

Особенно широко демонстрировались украинские фильмы в мае 1954 г., в дни празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией. Кинофестиваль, посвященный этой знаменательной дате, был проведен и в Армении. Во многих кинотеатрах демонстрировались лучшие фильмы украинских киностудий: «Богдан Хмельницкий», «Тарас Шевченко», «Запорожец за Дунаем», «Украденное счастье», «Александр Пархоменко», «Ночь перед рождеством» и т. д.

В 1958 г. в Киеве был проведен фестиваль армянских фильмов: демонстрировались такие кинокартины, как «Лично известен», «Сердце поет», «Кому улыбается жизнь», «Сердце матери», «Песня первой любви» и другие.

Большую роль в процессе дальнейшего идейного сближения украинской и армянской культур, в воспитании у широких масс трудящихся чувства любви и уважения к культуре братского народа играет проведение юбилеев, связанных с жизнью и творчеством деятелей культуры, с выдающимися событиями в истории и культурной жизни братского народа.

Для авторитета и популярности украинской культуры в союзных республиках и, в частности, в Армении, первостепенное значение имело повсеместное празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией.

С глубоким уважением относятся трудящиеся Армении к датам, связанным с жизнью и творчеством великого сына украинского народа Тараса Шевченко. Широко отмечалось, в частности, 100-летие со дня его смерти. В Ереване был создан республиканский юбилейный комитет. В Институте литературы им. Абегиана Академии наук Армянской ССР была проведена сессия, посвященная этой знаменательной

дате. В Ереванском государственном университете была организована выставка произведений Т. Г. Шевченко и проведен юбилейный вечер. Государственное издательство «Айпетрат» выпустило монографию А. Салахяна «Тарас Шевченко» и «Кобзарь» на армянском языке в переводе Гегам Саряна. 10 марта 1961 г. в Ереване состоялось торжественное собрание, посвященное столетию со дня смерти гениального украинского поэта. Юбилейные заседания состоялись также в Ленинкакане и Кировакане. По всей республике—на промышленных предприятиях, в колхозах и учебных заведениях—читались лекции, доклады, проводились беседы, посвященные памяти Т. Шевченко. Широко почтили память великого сына Украины трудящиеся Армении и в дни, когда по всей нашей стране и в зарубежных государствах отмечалось 150-летие со дня его рождения. Отделение общественных наук Академии наук Армении провело 9 марта 1964 г. научную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения Т. Шевченко. В театре им. А. Спендиарова состоялось торжественное заседание, в котором приняли участие представители партийных, советских, общественных организаций Армении. С докладом о жизни и творчестве поэта выступил Г. Сарян. Шевченковский вечер состоялся также в обществе «Знание», в котором приняли участие литературоведы и писатели республики.

В Центральной республиканской библиотеке им. Мясникяна экспонировалась выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Шевченко. В Ереване в школе им. Т. Г. Шевченко был создан музей. Была издана библиография армянской Шевченкианы, которую подготовил Бабаян. В журнале «Литературная Армения» была опубликована подборка материалов, посвященная памяти поэта²¹.

Деятели культуры Армении приняли участие в торжествах по случаю 150-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко, которые проводились на Украине.

Трудящиеся Советской Украины в свою очередь глубоко чтят память выдающихся деятелей культуры Армении. Общественность республики широко отмечала 250-летие со дня рождения Саят-Новы, памятные даты О. Тумаяна, Х. Абовяна, М. Налбандяна и многих других.

В сентябре 1948 г. к 100-летию со дня загадочного исчезновения Хачатура Абовяна в Киеве был проведен большой литературно-художественный вечер, в котором приняли участие представители общественности Украины. Доклад о жизни и творчестве великого армянского демократа-просветителя сделал писатель и литературовед С. Крижановский. В это

²¹ См. «Литературная Армения», 1964, № 3.

же время делегация украинских деятелей культуры приняла участие в торжествах, посвященных памяти Х. Абовяна, проходивших в Ереване. Армянским друзьям был передан подарок—однотомник произведений Х. Абовяна, изданный на украинском языке к 100-летию со дня смерти писателя²². На Украине широко читались лекции о жизненном и творческом пути выдающегося деятеля армянской культуры, в периодической прессе был опубликован ряд материалов. В частности, в журнале «Вітчизна» была напечатана подборка его произведений в переводе на украинский язык и статья о нем армянского литературоведа Г. Мурадяна.

Исключительно большую роль в процессе дальнейшего укрепления культурного сотрудничества украинского и армянского народов в послевоенный период играет радиовещание. Проводя различные по своему характеру передачи на общественно-политические, литературно-музыкальные и другие темы, Украинское центральное радиовещание и все 25 областных радиокomiteтов широко пропагандировали достижения армянского народа в общественно-политической жизни, экономике, культуре. Широкому ознакомлению трудящихся республики с культурой братского армянского народа способствовал тот факт, что в программах украинского радиовещания большое внимание уделялось популяризации лучших произведений литературного и музыкального творчества Армении. Так, уже в I полугодии 1945 г., сразу же после окончания Великой Отечественной войны, Украинское центральное радиовещание организовало ряд передач, посвященных культуре армянского народа. По радио звучали музыка Комитаса и стихотворения Саят-Новы, арии из армянских опер, камерный концерт, в программу которого были включены произведения армянских композиторов²³. Украинские слушатели могли ознакомиться с лучшими произведениями Туманяна, Акопяна и др.²⁴

В начале 1946 года музыкально-литературная редакция Украинского радиокomiteта подготовила и провела тематический концерт «Армянская народная музыка»²⁵.

С каждым годом количество таких передач возрастало. Большой популярностью пользовались передачи, посвященные жизненному и творческому пути А. Спендиарова, А. Хачатуряна, Х. Абовяна и многих других деятелей культуры армянского народа.

²² ЦГИА УССР, ф. 4915, оп. 1, ед. хр. 11, л. 53, 36, 43.

²³ Там же, ед. хр. 9, л. 18.

²⁴ Там же, ед. хр. 15, л. 63.

²⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 20, л. 114.

Неоднократно по радио транслировались и пользовались успехом концерты солистки ереванского театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова Айкануш Даниелян. Высоко оценили украинские слушатели ряд произведений в исполнении певицы, в частности—арию Ануш из одноименной оперы А. Тиграняна²⁶.

Характеризуя процесс культурного сотрудничества в послевоенный период, следует отметить основную тенденцию его развития, которая состояла в том, что наряду с его исключительной интенсификацией получают все большее развитие те его формы, которые свидетельствуют об укреплении творческого сотрудничества во всех областях культурного строительства, об идейном единстве национальных по форме, социалистических по содержанию культур украинского и армянского народов, о все большем развитии более высоких форм культурного сотрудничества трудящихся двух братских республик. Как никогда, усиливается взаимное глубокое и всестороннее изучение фольклора, использование его при создании произведений литературы и искусства.

Свидетельством этого является создание произведений, в которых освещается история, современная жизнь дружественного народа, используется фольклор, мелос. Положительную оценку общественности Украины получили, в частности, циклы этюдов известных украинских художников Т. Яблонской и Г. Мелихова на сюжеты из жизни армянского народа. Лучшие этюды этого цикла Т. Яблонской портреты курдов, в основном женщин—курдянки Навои Ханум, старой курдянки, армянской колхозницы, молодого курда и других.

Образцами живописи, выполненной с блестящим мастерством, стали пейзажные этюды художницы—«В Апаране», «Севанские храмы», «Колхозный чабан», «В армянском селе», «Старый Ереван» и др.

Лучшие этюды Г. Мелихова из армянского цикла—портреты: «Погонщик мулов», «Зангезурка», «Мамы-жам» и др. Пейзажные этюды Г. Мелихова изображают старинные горные армянские селения с их своеобразной архитектурой на фоне новой советской действительности²⁷.

О большом интересе к художественному творчеству украинского народа свидетельствует издание в Ереване сборника народных украинских песен, собранных и обработанных А. Спендиаровым в 1919—1921 гг. в Крыму и на Украине. Сборник подготовлен к печати Сектором истории и теории музыки АН Армянской ССР²⁸.

²⁶ «Вітчизна», 1948, № 10, стр. 188.

²⁷ «Мистецтво», 1954, № 3, стр. 8.

²⁸ «Вітчизна», 1948, № 1, стр. 235.

С особой силой творческое содружество проявляется в науке. С каждым годом совместными усилиями ученых Украины и Армении все больше осуществляется научных исследований по многим отраслям технических, естественных и общественных наук. Ученые Института физической химии Академии наук УССР совместно с химиками Армянской ССР разработали метод каталитического исчисления синтетического этилового и бутилового спиртов в кипящем слое медного контакта. Этот высокопроизводительный метод прошел испытание и рекомендован для широкого внедрения. В области гуманитарных наук ярким показателем укрепления творческого сотрудничества является возрастание интереса ученых к изучению истории, фольклора, литературы и т. д. братского народа. В этой связи следует отметить работы И. П. Крипякевича, ряда докторов и кандидатов наук.

Однако характеристика научных связей между украинскими и армянскими учеными не ограничивается только такой формой сотрудничества, как совместный творческий труд.

В области науки важной формой взаимоознакомления и связей является обмен научной информацией. Ученые Украины и Армении получают все большую возможность знакомиться с работами, научными исследованиями своих коллег, которые издаются на русском языке, реферировются в научных изданиях.

С каждым годом крепнет творческое сотрудничество в области народного образования. Все больше и всесторонне используется опыт педагогических коллективов по улучшению работы всех звеньев системы народного образования в республиках—общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, вузов, школ и училищ профессионально-технического обучения.

Более систематическими становятся непосредственные творческие контакты между деятелями народного образования Украины и Армении.

Так, уже в 1946 г. в работе общеполитической научно-технической конференции, проводимой Киевским политехническим институтом, принял участие действительный член Академии наук Армянской ССР А. А. Акопян. Армянский ученый выступил с докладами—«Об одном возможном обосновании второго начала термодинамики» и «Законы смещения термодинамического равновесия»²⁹.

Одним из ярких проявлений тесного сотрудничества в области культуры является обмен кадрами специалистов. Уже в первые послевоенные годы на Украину приезжали

²⁹ ЦГИА УССР, ф. 4849, оп. 1, ед. хр. 1287, л. 110.

специалисты, окончившие вузы и средние специальные учебные заведения в других республиках, в частности в Армении, и начинали плодотворно работать на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, культурно-просветительных учреждениях, творческих организациях и т. д. Одновременно в системе высшего и среднего специального образования УССР готовились кадры для республик Советского Союза, в том числе и для Армянской ССР. Так, уже в 1948 г. ряд высших учебных заведений Украины направил своих выпускников на работу в Армению. Харьковский государственный институт послал туда в этом году 6 своих выпускников, Одесский Институт мукомольной промышленности и элеваторного хозяйства—2, Киевский лесотехнический—также 2. Из 34 выпускников Киевского института киноинженеров в 1948 г. 14 были оставлены на работе в УССР, 20—направлены в другие союзные республики; один из них—в Армению³⁰.

Таким образом, период завершения строительства социализма и развертывания коммунистического строительства в нашей стране является новым этапом в развитии культурного сотрудничества украинского, армянского и других народов Советского Союза, для которого характерен ряд особенностей.

В период борьбы за победу социализма советские национальные культуры взаимодействовали прежде всего с русской культурой. Причем в период становления, развивая демократические традиции своего культурного наследия, они преимущественно учились у русской культуры, творчески осваивая опыт, накопленный ею в области культурного строительства. Правда, и в этот период в РСФСР и в национальных республиках устанавливались и развивались связи в области культуры между всеми народами нашей страны. Об этом свидетельствует опыт культурного сотрудничества между Арменией и Украиной.

Успехи в развитии национальных культур, достигнутые в борьбе за победу социализма, привели к тому, что в процессе взаимодействия национальные культуры все активнее и плодотворнее начали воздействовать на русскую.

Период завершения строительства социализма и развернутого коммунистического строительства, являясь новым этапом в развитии культурного сотрудничества народов СССР, в том числе украинского и армянского, стал особенно глубоко интенсивным и плодотворным, причем не только между русской и другими национальными культурами, но и

³⁰ Там же, ф. 4849, оп. 1, ед. хр. 2401, лл. 18, 74, 227.

национальными культурами всех народов нашей страны. В послевоенные годы, особенно в период развертывания коммунистического строительства, культурное сотрудничество, процесс дальнейшего духовного сближения социалистических наций происходил в условиях, когда вся многонациональная культура советского народа достигла невиданного расцвета, когда вырос культурный уровень широких масс трудящихся и открылись новые возможности для усиления взаимовлияния и взаимообогащения культур в связи с успехами научно-технического прогресса, колоссальным развитием таких средств культурного общения, как радио и телевидение.

В послевоенный период взаимообогащение как закономерность дальнейшего развития национальных культур советского общества приобретает еще большую действенность и направлено прежде всего на укрепление интернациональной основы культур. Опыт культурного сотрудничества Украины и Армении, как и других национальных республик Советского Союза, свидетельствует о том, что современный процесс культурного сотрудничества характеризуется не только широкими масштабами обмена, но и своим более глубоким содержанием. На первом этапе это сотрудничество носило больше всего характер взаимного ознакомления, которое, естественно, способствовало в значительной степени взаимообогащению, в частности, новым жизненным материалом, новыми темами, научными открытиями и т. д. Сейчас братские культуры народов Советского Союза имеют возможность делиться богатейшим, накопленным за годы социалистического строительства, опытом и научными открытиями. Это способствует глубокому взаимному изучению жизни братского народа, его культурных достижений, расширению процесса обмена духовными ценностями, углублению творческих связей, вызывает к жизни новые формы идейного сближения народов.

Взаимодействие и взаимообогащение братских культур в процессе культурного сотрудничества, которое осуществляется в самых многообразных формах, лучшие достижения Украинской и армянской культур взаимно становятся достоянием братского народа, достоянием всех социалистических наций СССР. Все советские народы вносят свой вклад в духовную сокровищницу человечества. «Только враги или ограниченные люди не видят или не хотят видеть, что интернационализация жизни советских народов происходит на основе бурного развития экономики, науки, национальных культур и языков, что Коммунистическая партия проявляет постоянную заботу о всестороннем расцвете социалистиче-

ских наций»³¹, — подчеркнул в отчетном докладе на XXIII съезде КП Украины первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест.

Опыт культурного сотрудничества армянского и украинского народов в процессе коммунистического строительства свидетельствует о том, что в нашей стране созданы все условия, с одной стороны, для развития национальных культур социалистических наций, с другой — для взаимообогащения и неуклонного сближения культур народов СССР. В этом диалектическом единстве заложена перспектива все большего единения национальных культур социалистических наций, строящих коммунистическое общество.

---

³¹ «XXIII съезд Коммунистической партии Украины». Материалы съезда. Киев, 1957. стр. 45.

ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО УКРАИНСКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ В ГОДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В. Ф. ПАНИБУДЬЛАСКА

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Полувековая история борьбы за коммунизм наглядно убедила все народы нашей страны в том, что великие задачи, стоящие перед ними, могут решаться только совместными усилиями, что каждая республика может развиваться и процветать только в братском содружестве всех наций и народностей.

Славный путь борьбы и труда прошли за последние 50 лет вместе со всеми народами трудящиеся Украины и Армении. Их дружба, уходящая своими корнями в далекое прошлое, окрепла и закалилась в классовых битвах, в огне Великого Октября, в совместной борьбе за построение социализма. За годы Советской власти Украина и Армения превратились в цветущие, суверенные социалистические республики, достигли огромных успехов в развитии экономики и культуры.

Подводя итоги полувековой истории наших народов, ЦК КПСС в тезисах к 50-летию Великого Октября подчеркнул, что в советском обществе утвердились отношения равенства, дружбы и сотрудничества наций и народностей, созданы прочные основы для дальнейшего их расцвета и сближения, что «отношения дружбы и сотрудничества наций полностью соответствуют интересам каждой отдельной нации, всему содружеству советских народов. Они являются мощным ускорителем социального прогресса»¹.

Ярким подтверждением этого могут служить успехи армянского и украинского народов, их тесная, братская дружба.

---

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, М., Политиздат, 1967, стр. 38.

Украинский народ гордится огромными успехами трудолюбивого и талантливого армянского народа в области хозяйственного строительства. На Украине известны армянская электронная аппаратура, счетно-математические машины, мощные генераторы и точнейшие приборы, станки, синтетический каучук, ткани, сотни наименований других машин и товаров народного потребления, а также щедрые дары полей Армении.

На Украине знают также, что Армения является республикой передовой науки и культуры, проникновенного искусства. Она дала мировой культуре целую плеяду выдающихся писателей, композиторов, художников. Армянский народ законно гордится, в частности, тем, что его сын—великий художник современности—Мартiros Сарьян стал в один ряд с такими гениальными живописцами, как Пикассо, Рокуэлл Кент и др. Замечательно сказал об этом чародей цвета представитель русского народа, народный художник СССР С. Коненков: «Каждый художник идет своей дорогой, но есть дороги, которые ведут к вершинам: с них взору открывается не только настоящее, но и будущее. Такой дорогой идет Сарьян. Эта дорога освещена солнцем высокой человечности, благородного труда, доброй и щедрой красотой.

...Я счастлив быть современником Сарьяна, работать в советском искусстве рядом с ним, счастлив быть его другом потому, что его живое активное искусство несет людям оптимизм. Оно возбуждает в человеке стремление к творчеству, будит в каждом художника»².

Огромных успехов в братской семье народов СССР достигла и Советская Украина. Объем ее промышленного производства за годы Советской власти возрос почти в 47 раз. Сейчас за восемь дней она производит столько промышленной продукции, сколько производила за весь 1913 год. В 1967 г. УССР давала половину союзного производства чугуна, свыше 40% стали и проката, более половины железной руды, третью часть тракторов и много другой продукции³. Большой вклад вносит Украина в общесоюзное производство сельскохозяйственной продукции.

Великий Октябрь, советский строй утвердили в гражданских правах украинскую национальную культуру. Еще никогда украинская литература и искусство не поднимались на такую высоту, какой они достигли в тесной взаимосвязи с культурами братских народов СССР. В республике работают 32 тысячи общеобразовательных школ, 132 вуза и 717 спе-

² «Львовская правда», 29 ноября 1966 г.

³ «Правда», 4 ноября 1967 г.

циальных средних учебных заведений, 26 тысяч клубов, домов и дворцов культуры, 27 тысяч киноустановок, 69 тысяч библиотек. За годы Советской власти вышло 3 миллиарда книг, издается 2685 газет и журналов, из них 2200—на украинском языке, а остальные—на русском, молдавском и венгерском языках⁴.

За годы Советской власти значительно обогатился украинский язык, возросла его общественная роль. Из сферы бытового общения он перешел в сферу государственно-политического партийного, производственно-материального, научного, образовательного и культурного функционирования⁵. По образному выражению К. Федина на IV съезде писателей СССР, национальный язык превратился в «могучий проводник, по силе воздействия на сознание человека, способный раскрыть смысл революционного движения и побудить к участию в строительстве нового мира»⁶. Это в полной мере относится также и к украинскому языку.

Наряду с дальнейшим развитием украинского языка на Украине все большую популярность завоевывает русский язык, который стал средством межнационального общения, обмена научными и культурными ценностями.

Таких выдающихся успехов Армения и Украина могли достичь лишь благодаря всесторонней помощи братских республик, с которыми они связаны неразрывными узами. Бурный экономический расцвет каждой республики возможен лишь на основе единого народнохозяйственного плана, рационального размещения производительных сил в стране, возрастающего обмена материальными богатствами, на основе экономической взаимопомощи братских народов. В тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивается, что в процессе коммунистического строительства укрепляется экономическое сотрудничество наций, возрастает вклад каждой из них в общее дело, становятся разносторонними производственные связи между союзными республиками. «Народное хозяйство СССР—единый взаимосвязанный комплекс, являющийся объективной основой дальнейшего сближения наций. Народы СССР ощущают плодотворность усиливающегося обмена материаль-

⁴ «Правда Украины», 7 июля 1967 г.

⁵ І. К. Білодід, Розвиток мов соціалістичних націй СССР, Киев, 1967, стр. 48.

⁶ «Литературная газета», 24 мая 1967 г.

ными и духовными богатствами между социалистическими нациями, который стал для них жизненной необходимостью»⁷.

Важное значение для успешного развития народного хозяйства Украины имеет то, что она получает из братских республик большое количество цветных металлов, нефтепродуктов, лесоматериалов, машин и оборудования, электрических изделий, хлопка, хлопковых и шерстяных тканей, рыбы и другой продукции. При этом следует подчеркнуть, что обмен материальными ценностями в послевоенные годы развивается в сторону увеличения удельного веса ввоза на Украину по сравнению с вывозом. Так, удельный вес вывезенной продукции на протяжении 1950—1964 гг. уменьшился с 67,1 до 53,7 процента, а ввоз, с учетом продукции, которая идет на экспорт через перевалочные пункты Украины, соответственно увеличился с 32,9 до 46,3 процента⁸. Это обусловлено, в первую очередь, качественными изменениями, которые происходят в развитии хозяйства советских республик и экономических районов страны.

В то же время удельный вес вывоза из Украины в республики Закавказья за это время увеличился с 3,8% в 1950 году до 4,7% в 1964 году. Удельный вес ввоза из этих республик на Украину соответственно уменьшился с 6,6% до 2,5%. Но из этого, конечно, нельзя делать вывод об уменьшении абсолютного объема ввоза. Наоборот, по целому ряду важнейших видов промышленной продукции происходит резкое увеличение ввоза. Ввоз на Украину из республик Закавказья в 1964 г. в абсолютном объеме увеличился по сравнению с 1950 годом в 1,5 раза⁹.

Значительное количество промышленной продукции получает Украина из Армении, а именно: медь и алюминиевый прокат, шины для грузового и легкового автотранспорта и сельскохозяйственных машин, продукцию приборостроения и машиностроения, вычислительную технику. Из Армении Украина ежегодно получает более 10 тысяч тонн меди и алюминиевого проката¹⁰. Только в 1963 г. поступило 214,2 тысячи штук автошин «Гигант» и 111 тысяч обычных. В 1966 г. наша республика получила из Армении 40 тысяч электродвигателей вместо 32 997 в 1960 году, 3970 генераторов, 1100 передвижных электростанций, 2839 консольных насосов, 50 тысяч

⁷ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 38.

⁸ См. «Економіка Радянської України», 1966, № 12, стр. 9.

⁹ См. там же.

¹⁰ «Рабочая газета», 11 октября 1966 г.

приборов контроля и автоматики, 609 металлорежущих станков, 12 тысяч км кабельных изделий и т. д.¹¹

Из приведенных данных видно, что Армения в настоящее время является высокоразвитой промышленной республикой, которая вносит значительный вклад в дальнейшее развитие народного хозяйства всей страны, в том числе и Советской Украины.

В то же время СССР поставляет Армении чугуны, прокат, стальные трубы, паровые котлы, экскаваторы, продукцию электротехнических, машиностроительных и других отраслей промышленности, строительные материалы. За последнее время возросли поставки металла, станков, цемента, мягкой кровли, оконного стекла и другой продукции. Так, например, поставки проката черных металлов увеличились с 43,9 тысячи тонн в 1959 г. до 108,8 тысячи тонн в 1965 г., металлорежущих станков соответственно с 11 до 224 штук, дизелей и дизельгенераторов с 6 до 137, автопогрузчиков с 36 до 61, электродвигателей с 1991 до 3705 и т. д.¹²

Содружество Украинской и Армянской ССР наглядно проявляется в развитии совместными усилиями ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, в сооружении гигантских промышленных объектов, в повседневной производственной взаимопомощи предприятий. Ярким проявлением такой взаимопомощи является их совместное участие в строительстве гидроэлектростанций, химических комбинатов, газопроводов и других объектов в восточных районах страны. Вместе со всеми республиками они направляют туда оборудование, машины, приборы. В многонациональных производственных коллективах плечом к плечу трудятся украинцы и армяне. Только за годы семилетки по путевкам комсомола из Украины в Сибирь, на Север и Дальний Восток добровольно уехало 40 тысяч юношей и девушек.

Вместе со всеми республиками Армения помогала Украине строить гидроэлектростанции на Днепре. На строительную площадку Киевско-Комсомольской ГЭС, например, трудящиеся Армении поставляли электрические двигатели, компрессоры, насосы, трансформаторы, измерительные электрические приборы. В многонациональном коллективе строителей, в котором было представлено более двадцати национальностей, трудились и армяне. Главным инженером монтажного участка работал Р. Минсян, который прибыл на

¹¹ Текущий архив Главного управления СМ СССР по материально-техническому снабжению за 1966 г.

¹² Сводный отчет о выполнении предприятиями СССР плана поставок по основным видам материалов и топлива за 1959—1965 гг.

Украину еще в 1955 г. после окончания Ереванского политехнического института.

Активное участие в развитии промышленности Армении принимают трудящиеся Советской Украины. Большая помощь, например, была оказана специалистам Львова в подготовке кадров для молодого Ереванского завода автопогрузчиков. Более ста рабочих и специалистов Ереванского завода прошли курс обучения во Львовском головном специальном конструкторском бюро¹³. Специалисты с Украины помогали также строить Ереванскую теплоэлектроцентраль¹⁴. Большой вклад внесли работники проектных организаций Украины в создание газовой магистрали «Дружба»¹⁵.

В 1966 г. в Ереване вступило в строй новое промышленное предприятие—завод «Алмаз». В становлении этого завода большую помощь оказали сотрудники Украинского научно-исследовательского института сверхтвердых металлов, которые шефствуют над предприятием и теперь. «Алмаз» постоянно информирует своих шефов о положении дел на заводе, получает от них необходимую для работы техническую информацию, перенимает все новое, прогрессивное.

Огромная роль в укреплении дружбы народов принадлежит межреспубликанскому соцсоревнованию. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин указывал на необходимость обмена опытом в масштабах всей страны путем организации соревнования¹⁶.

В процессе межреспубликанского соцсоревнования, которое за последние годы стало развиваться особенно интенсивно, происходит обмен передовым производственным опытом—успехи трудящихся одной братской республики становятся достоянием другой. Щедро делятся своим опытом трудящиеся Украины и Армении.

Уже более десяти лет соревнуются между собой трудящиеся Киева и Еревана, к которым подключились еще две столицы союзных республик—Тбилиси и Баку. В ходе соревнования трудящиеся борются за повышение производительности труда, улучшение качества продукции, ее удешевление, дальнейшее ускорение технического прогресса, за коммунистический труд и быт. Соревнующиеся стороны регулярно заключают договоры, ежегодно проводят собрания партийно-хозяйственного актива с участием представителей столиц, на которых подводятся итоги соревнования и

¹³ См. «Днепровская правда», 16 июля 1967 г.

¹⁴ См. «Вечірній Київ», 17 сентября 1965 г.

¹⁵ См. «Коммунист», 18 апреля 1967 г.

¹⁶ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 153.

намечаются новые рубежи, проводят традиционные торжественные вечера дружбы.

Такой вечер был проведен в Ереване в честь десятилетия соревнования двух столиц в декабре 1966 года, на котором присутствовали также представители Тбилиси и Баку. Этот вечер превратился в манифестацию дружбы народов СССР.

Замечательной стороной соревнования Киева и Еревана является его всевозрастающий размах. С каждым годом в соревнование включаются новые и новые коллективы. Так, уже соревнуются между собой район имени 26 бакинских комиссаров Еревана и Дарницкий в Киеве, Ленинский и Московский, Орджоникидзевский и Железнодорожный¹⁷. Давно дружат коллективы заводов «Электроточприбор» и «Точэлектроприбор», «Ереванкабель» и «Укркабель», Ереванская швейная фабрика имени Клары Цеткин и Киевская швейная фабрика имени Горького и многие другие предприятия.

В 1960 году в Октябрьском районе Киева состоялся слет токарей, на котором побывали и лучшие производственники Еревана. Они обменялись опытом с машиностроителями заводов «Красный экскаватор», станков-автоматов имени Горького, «Большевик» и другими. Ударники коммунистического труда Киева и Еревана заключили договоры на индивидуальное соревнование.

С новой силой развернулось соревнование двух столиц в честь 50-летия Великого Октября, были взяты новые, повышенные обязательства, которые с честью выполнены. Трудящиеся Киевского завода «Точэлектроприбор» обязались к 50-летию Октября выпустить на полмиллиона рублей сверхплановой продукции. И уже в сентябре 1966 года дали ее на 419 тысяч. Запланировали довести съем изделий с одного квадратного метра производственных площадей от 1500 до 1700 рублей и уже довели этот показатель до 1600 рублей. Ранее срока были разработаны и получили путевку в жизнь многие приборы, точность которых увеличена втрое по сравнению с их предшественниками¹⁸.

Наряду с межреспубликанским соревнованием в промышленности крепнут и развиваются дружеские связи и тружеников полей. Еще в 1954 г. делегация колхозников сельскохозяйственной артели имени Калинина Мокрокалигорского района Черкасской области побывала в с. Арени Азизбековского района Армянской ССР. Особый интерес

¹⁷ См. «Радянська Україна», 18 апреля 1967 г.

¹⁸ См. «Правда Украины», 22 сентября 1966 г.

они проявили к табаководству. Между колхозниками двух братских республик был заключен договор на соцсоревнование¹⁹. В 1955 г. был заключен договор на соревнование между коллективами Арташатской и Каховской межрайонных мастерских капитального ремонта тракторов и сельхозмашин. В 1956 г. договор был продлен до 1957 г.²⁰ Эти начинания переросли в традиционные соревнования между трудящимися колхозов и совхозов Высокопольского района Херсонской области и Бахчисарайского Крымской, с одной стороны, и Арташатского и Азизбековского районов Армянской ССР — с другой²¹.

Наряду с экономическими факторами, которые имеют решающее значение в укреплении дружбы народов СССР, огромная роль принадлежит общественно-политическим рычагам. В. И. Ленин отмечал, что социализм, базируясь на экономике, вовсе не сводится к ней полностью. Он подчеркивал, что для устранения национальных трений необходима еще и демократическая организация страны, что только в результате проведения полной демократии можно ликвидировать национальное недоверие, создать условия для ускоренного сближения наций²².

Важнейшую роль в руководстве всей общественно-политической жизнью нашей многонациональной страны играет Коммунистическая партия Советского Союза, которая является живым воплощением идеи пролетарского интернационализма, дружбы и братства народов. В ее рядах представлены лучшие сыны и дочери 131 нации и народности СССР. В рядах КП Украины — составной и неотъемлемой части КПСС — кроме украинцев имеются также и другие национальности: русские, белорусы, евреи, армяне и др. Коммунистов-армян в КП Украины в 1959 (на 1 января) насчитывалось 1739, а в 1967 г. их было 2754. Замечается увеличение коммунистов-армян и в отдельных областных партийных организациях. Так, в Крымской области на 1 января 1959 их насчитывалось 149²³, а в 1967 г. — 253²⁴.

Ярким проявлением расцвета демократии в нашей стране является совершенствование национальной государственной

¹⁹ См. «Правда Украины», 18 марта 1954 г.

²⁰ См. «Коммунист», 23 декабря 1956 г.

²¹ См. «Вільна Україна», 20 мая 1967 г.

²² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22.

²³ Крымский областной партийный архив, ф. 1, оп. 18, ед. хр. 116, л. 13 об.

²⁴ Текущий архив Крымского обкома КП Украины.

ности, дальнейшая демократизация Советов. Показателем широкой демократии, равноправия всех народов СССР в государственном строительстве является многонациональность составов Советов. В Советы избираются представители тех национальностей и народностей, которые проживают на территории той или иной республики. Во время выборов в местные Советы на Украине в 1967 году было избрано 182 депутата-армянина. Всего в местных Советах этого созыва представлено 62 национальности²⁵.

Многие армяне, которые постоянно проживают на Украине, занимают руководящие партийные, государственные и хозяйственные посты. Так, министром монтажных и специальных работ УССР назначен армянин Г. Р. Багратуни. Он же избран в 1967 г. депутатом Верховного Совета УССР. Заместителем министра угольной промышленности УССР работает С. А. Саратикянц.

Одной из важнейших форм укрепления связей в общественно-политической жизни между народами является обмен делегациями во время проведения республиканских торжеств, съездов, различных совещаний и т. д. Все чаще стали организовываться праздники дружбы.

С большим успехом весной 1967 г. в Армении прошли дни Украины. На армянской земле побывала правительственная делегация Советской Украины, которую возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест. Гости из Украины побывали в ряде городов республики, на заводах, колхозах и совхозах, посетили научные и культурные учреждения. Членов делегации везде встречали с искренним братским гостеприимством.

С развитием экономической и общественно-политической жизни тесно связаны расцвет и взаимообогащение культур народов СССР. Осуществляя ленинскую национальную политику в области развития советской культуры, Коммунистическая партия исходит из указаний В. И. Ленина о том, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе»²⁶. В то же время советской культуре глубоко чуждо и искусственное раздувание национальной изолированности, замкнутости. Создавая и развивая свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру,

²⁵ Текущий архив Президиума Верховного Совета УССР. Отдел по вопросам работы Советов.

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

каждая нация использовала и использует не только свое прогрессивное национальное наследие, но и обогащается за счет духовных сокровищ других народов. Ярким примером этого может служить культурное сотрудничество украинского и армянского народов. Практическим проявлением этого процесса духовного сближения и взаимообогащения трудящихся Украины и Армении является сотрудничество в области образования, науки, литературы и искусства, в деятельности культурно-просветительных учреждений, радио, телевидения и прессы.

Многолетняя дружба украинского и армянского народов, как и всех народов СССР, проверенная и закаленная в борьбе за социализм и коммунизм, стала законом жизни. Чувство семьи единой стало неотъемлемым качеством каждого советского человека, каждого гражданина нашей многонациональной Родины.

СОРЕВНОВАНИЕ ГОРОДОВ КИЕВА И ЕРЕВАНА

В. П. СИДОРЕНКО

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Одной из наиболее действенных и ярких форм братского сотрудничества украинского народа с трудящимися всех советских республик является социалистическое соревнование. Огромное значение оно имеет, в частности, для укрепления братской дружбы, экономических и культурных связей украинского и армянского народов.

В борьбе за осуществление задач коммунистического строительства успешно соревнуются армянские и украинские машиностроители и железнодорожники, ткачи и обувщики, работники всех отраслей народного хозяйства. Все шире разворачивается соревнование не только между коллективами отдельных предприятий, но и между трудящимися городов Украинской и Армянской ССР.

Более 10 лет соревнуются трудящиеся Киева и Еревана. С каждым днем крепнет содружество этих городов-братьев. Их дружба и сотрудничество окрыляют, вдохновляют рабочих и служащих на новые трудовые подвиги и свершения во имя строительства коммунизма.

Трудящиеся Киева, как и всей Украинской ССР искренне радуются подлинному расцвету экономики и культуры Еревана. За 1956—1966 гг. объем промышленного производства здесь возрос почти в три раза. В 1966 г. в Ереване работало 200 промышленных предприятий. Среди них хорошо известные в Киеве и других городах нашей республики и всей страны заводы фрезерных станков, синтетического каучука им. Кирова, шинный, кабельный, электроламповый, «Электроточприбор», фабрика пианино «Ереван», мебельная фабрика им. Ленина и другие¹.

¹ См. «Вечірній Київ», 10 ноября 1966 г.

Только в 1966 г. в Ереване построено 300 тысяч кв. м жилой площади. Если в 1956 году в Ереване проживало 403 тысячи, то в 1966 г.—700 тысяч человек².

Грудящиеся Киева так же, как и ереванцы, гордятся своими успехами. Промышленность г. Киева за последнее десятилетие увеличила выпуск валовой продукции в 2,4 раза, производительность труда выросла в 1,5 раза. В городе работает 360 промышленных предприятий. Рабочий класс Киева дал стране за это время сверх плана на 60 млн. рублей разных изделий. За счет сверхпланового снижения себестоимости продукции внесено в фонд «киевского процента» 10 млн. рублей.

За десятилетие в г. Киеве построены и введены в эксплуатацию первая очередь метрополитена с мостом через р. Днепр, Дворец спорта, здание Цирка, Автовокзал, Речной вокзал, Дворец пионеров и много других сооружений. Трудящиеся города получили от строителей около 6 млн. кв. м жилой площади, из них только в 1965 г.—758,3 тыс. кв. м, или в 3,7 раза больше, чем в 1956 г. Только в годы семилетки каждая третья семья г. Киева переселилась в новую квартиру. Население города увеличилось с 991 тыс. человек в 1956 году до 1 млн. 334 тысяч в 1965 г.³

Традиционная дружба городов-братьев находит свое проявление в многообразных формах. Работники промышленности Киева и Еревана, воодушевленные общей целью создания материально-технической базы коммунизма, помогают друг другу в борьбе за максимальное ускорение научно-технического прогресса, повышение производительности труда, соблюдение режима экономии, улучшение качества и увеличение выпуска продукции.

Рабочих родственных предприятий и организаций Киева и Еревана связывают тесные узы производственного сотрудничества. Они систематически встречаются, обмениваются передовым опытом организации труда и производства. Хорошими результатами увенчалось социалистическое соревнование коллективов киевского завода «Точэлектроприбор» и ереванского завода «Электроточприбор», первого треста Главкиевстроя и первого треста Министерства строительства Армянской ССР, трикотажной фабрики им. Розы Люксембург в Киеве и Ереванской трикотажной фабрики № 1, Киевской обувной фабрики № 6 и ереванской фабрики № 4, Дарницкого шелкового комбината и Ереванского шелкового комбината и многих других.

² См. там же.

³ Текущий архив Киевского горкома партии.

Одним из наиболее ярких и характерных примеров творческого, производственного сотрудничества является социалистическое соревнование между коллективами «Точэлектроприбор» (г. Киев) и «Электроточприбор» (г. Ереван). За десять лет приборостроители не раз побывали друг у друга, изучали передовой опыт, совместно определяли пути повышения качества советских приборов до уровня лучших мировых образцов. Так, накануне 49-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции делегация киевского завода «Точэлектроприбор» посетила Ереван.

Слесарь В. И. Бакумец рассказал рабочим завода «Электроточприбор» об организации экспериментального производства на киевском заводе. Токарь М. С. Федоров вручил своим армянским товарищам-инструментальщикам Г. Драмбяну и Г. Малхасяну привезенный с собой усовершенствованный инструмент для скоростной обработки деталей и техническую документацию. Кроме того, по поручению киевского фрезеровщика С. Соколова он передал армянским друзьям сконструированные им фрезы.

Старший мастер монтажного участка А. А. Сергиенко передал передовому потоку сборочного цеха С. Бояхчяна красный вымпел, который стоял у них на участке. Он рассказал о том, как коллектив его участка борется за звание коллектива имени 50-летия Великого Октября, о начале соревнования за внесение в юбилейный фонд 10 тысяч сверхплановых панелей к приборам Е-59⁴.

Армянские рабочие одобрили и поддержали эти новые формы соревнования и, следуя примеру киевлян, включились в соревнование за право называться коллективом имени 50-летия Великого Октября, обязались выпустить к празднику 1000 сверхплановых приборов⁵.

Но киевская делегация завода «Точэлектроприбор» не только передавала свой опыт, но и с большим интересом знакомилась с организацией производства, методами работы своих друзей. Мастер лучшего участка сборочного цеха «Электроточприбор» С. Бояхчян рассказал киевлянам о производственных достижениях своего коллектива, изготавливающего приборы особо высокой точности.

Во время пребывания в Ереване представителей киевских приборостроителей были подведены итоги социалистического соревнования. Было отмечено, что оба коллектива, воодушевленные решениями XXIII съезда КПСС, с честью выполняют свои обязательства.

⁴ См. «Вечірній Київ», 1 ноября 1966 г.

⁵ См. там же.

Так, рабочие киевского завода уже за первый год новой пятилетки изготовили на сотни тысяч рублей сверхплановой продукции, сэкономили десятки тонн черных и цветных металлов, внедрили 500 рационализаторских предложений с общим экономическим эффектом 161 тысяча рублей. Ереванские приборостроители в свою очередь также дали стране на десятки тысяч рублей сверхплановой продукции, сэкономили материалов на 4800 рублей, освоили ряд новых технологических процессов, выпустили целый ряд новых усовершенствованных электроприборов и т. д.⁶

Коллективы обоих заводов решили продолжать социалистическое соревнование и взяли на себя новые, повышенные обязательства в честь 50-летия Великого Октября.

Ереванский завод «Электроточприбор» обязался внести в юбилейный фонд на 200 тысяч рублей сверхплановой продукции, повысить производительность труда на 3 процента и снизить себестоимость продукции на 0,2 процента против задания, сэкономить сырья и материалов на 10 тысяч рублей, получить от внедрения рационализаторских предложений 90 тысяч рублей экономии, довести сдачу продукции с первого предъявления до 95 процентов, повысить квалификацию и уровень знаний 300 производственников, освоить выпуск шести новых видов продукции, усовершенствовать на основании научной организации труда технологию производства, полностью заменить оснащение для изготовления приборов прочности, сделав их более высокопроизводительными.

В свою очередь киевский завод «Точэлектроприбор» обязался внести в юбилейный фонд на 500 тысяч рублей сверхплановой продукции, повысить производительность труда на 0,5 процента против задания и добиться не менее как на 80 процентов прироста продукции за счет повышения производительности труда, сэкономить 1 миллион киловатт-часов электроэнергии, внедрить в 1966—1967 гг. 1315 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 415 тысяч рублей, довести сдачу продукции с первого предъявления до 97 процента, разработать и освоить выпуск автоматических цифровых частотоизмерителей на уровне лучших мировых образцов, повысить их точность в 5 раз и диапазон измеряемых частот в 10 раз против существующих, создать и наладить изготовление указывающих амперметров, вольтметров и ваттметров нанвысшего класса точности и т. д., повысить надежность и долговечность изделий⁷.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же.

В социалистическом соревновании двух городов принимают участие не только родственные предприятия, но и отдельные районы. Много лет соревнуются между собой Железнодорожный район г. Киева и Орджоникидзевский район г. Еревана, Дарницкий район г. Киева и район имени 26 бакинских комиссаров г. Еревана. Так, включившись во всесоюзное соревнование за достойную встречу 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, за досрочное выполнение государственных планов 2-го года пятилетки трудящиеся Железнодорожного района г. Киева заключили договор соцсоревнования с трудящимися Орджоникидзевского района г. Еревана и приняли на себя следующие социалистические обязательства: выполнить государственный план по выпуску промышленной продукции досрочно, внести в фонд 50-летия Советской власти 2 млн. рублей за счет выпуска сверхплановой продукции, изготовить сверх плана 40 тысяч трикотажных изделий, дать за счет повышения качества выпускаемой продукции и рентабельности работы предприятий сверхплановой прибыли в сумме 1 млн. рублей, внедрить в производство не менее 2200 рационализаторских предложений с годовым экономическим эффектом 2 млн. рублей. Обязательства были включены также пункты об электрификации железнодорожных участков, реконструкции ряда заводов, освоении мощностей новых цехов трикотажной фабрики им. Розы Люксембург и т. д.⁸

В декабре 1966 г. в связи с десятилетием соревнования двух городов в Ереван выезжала делегация трудящихся Киева. В театре оперы и балета имени О. Спендиарова состоялся большой вечер, посвященный этой дате и пятилетию соревнования Еревана, Тбилиси и Баку. Этот вечер превратился в настоящую манифестацию дружбы народов наших братских республик. О достижениях столиц своих республик говорили на вечере первый секретарь Ереванского горкома партии Л. Гарибджаниян, секретарь Киевского горкома партии Г. Романчук⁹.

После возвращения в Киев члены делегации выступали на заводах и фабриках города, с восторгом рассказывали о незабываемых встречах на предприятиях Еревана. Особенно понравилась им организация труда и производства на Ереванском электроламповом заводе. Это крупное предприятие выпускает ежегодно 110 миллионов обычных и люминисцентных ламп. По количеству производимых ламп этот завод является вторым в стране. Он славится не только масштабами,

⁸ Текущий архив Железнодорожного райкома КП(б)У г. Киева.

⁹ См. «Вечірній Київ», 9 января 1966 г.

но и высокой производственной культурой. Много трудоемких процессов механизировано и автоматизировано, повсеместно внедрена промышленная эстетика, способствующая высокой производительности труда. Член делегации Герой Социалистического Труда В. М. Куценко, столяр мебельной фабрики имени Боженко, отметил, что и в Киеве есть такие предприятия, как Ереванский электроламповый завод, но их еще недостаточно и нужно стремиться к тому, чтобы их было больше.

Исключительный размах приобрело соревнование трудящихся Киева и Еревана за успешное выполнение величественных планов пятой пятилетки, являющейся важнейшим этапом в создании материально-технической базы коммунизма. Воодушевленные историческими решениями XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза коллективы ереванских и киевских заводов и фабрик героически борются за выполнение новой пятилетки, за увеличение выпуска и улучшение качества продукции. В этом им помогает творческое содружество. Соревнование, взаимная братская помощь содействуют бурному развитию экономики и культуры Еревана и Киева.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ

Г. И. КОВАЛЬЧАК

(Кандидат экономических наук, Институт общественных наук г. Львова)

На территории западных областей Украины, кроме украинцев, проживают дружной семьей и активно участвуют в коммунистическом строительстве значительные группы населения многих национальностей: русские, белорусы, поляки, молдаване и другие. Среди них определенное место занимают и представители армянского народа.

По данным переписи населения 1959 г., на Украине проживало всего 28 тысяч армян, из них 2,7 тысячи, или около 10%, приходилось на западные области республики. Основная часть их—2,3 тысячи человек, или 85,5%,—проживала в городах, а 0,4 тысячи, или 14,5%,—в селах (см. табл. 1 и 2).

Территориальное размещение армянского населения по отдельным западным областям Украины весьма неравномерно, что в значительной степени обусловлено разной степенью развития городов. Половина армян (1369 тысяч) проживала во Львовской области, где размещены такие крупные промышленные центры, как Львов с полумиллионным населением, Дрогобыч, Стрий и Борислав. В других областях армянское население колебалось в пределах 110—240 человек.

По материалам переписи трудно судить, как проходило расселение армян в западных областях. Можно лишь предположить, что очень небольшой процент современного армянского населения составляют коренные армяне, предки которых еще в прошлые века поселились в этих краях. Об этом в определенной степени свидетельствует большая диспропорция между мужчинами и женщинами. Мужчины среди армянского населения составляют 61,2%, а женщины—38,8%.

Часть коренного армянского населения слилась с местным (украинским), а те, которые приняли католичество, в конечном итоге денационализировались и выехали в 1945—1946 гг.

вместе с поляками в Польскую Народную Республику. Сравнительно небольшое количество армян осталось в некоторых маленьких городах и селах.

Основная же масса современного армянского населения—это люди, прибывшие в западные области Украины после их освобождения от фашистских оккупантов. Некоторые факты, особенно данные о родном языке, дают определенные основания утверждать, что значительная часть их прибыла сюда не непосредственно из Армении, а из других районов Советского Союза.

Материалы переписи 1959 г. свидетельствуют о сохранении у армянского населения родного языка—этого важного момента, определяющего их национальный облик. Родным языком «армянский» назвало 45,9% всех армян, в то время как «русский»—47,3%, «украинский»—5,5% и другие языки—1,3%. Следует отметить, что по сравнению с данными по Украине в целом в западных областях процент армян, назвавших родным армянский или украинский языки, значительно выше.

Сельское армянское население сохранило свой родной язык в большей степени, чем городское. В селах 65% армян назвало своим родным языком армянский, 18,3%—русский и 15,7%—украинский языки. В то же время в городах лишь 42,7% армян назвало родным армянский язык, а 52,2%—русский и 3,8%—украинский.

Еще более интересную картину мы получим, если рассмотрим данные о родном языке отдельно у мужчин и женщин по городам и селам. Вообще процент людей, назвавших родным армянский язык среди мужчин в два раза выше, чем среди женщин. Среди первых он составлял 57,6%, а среди вторых—27,6%. Мужчины, проживающие в селах, в значительно большей мере сохранили армянский язык, чем горожане. Среди проживающих в селах мужчин родным считают армянский язык 73,9%, а среди проживающих в городах—13,6%.

Совершенно противоположную картину мы наблюдаем среди женщин. Армянский язык своим родным назвало 22,4% сельских и 28% городских женщин. Это объясняется некоторыми очень специфическими условиями. Дело, очевидно, в различии условий жизни и работы мужчин и женщин в городах и селах.

Половина сельских женщин-армянок назвала родным украинский язык, в то время как среди городских женщин этот процент составляет всего 6%.

Наконец, следует сказать несколько слов вообще о месте

украинского языка у армянского населения. Как уже говорилось выше, родным показало украинский язык 5,5% армянского населения, в том числе 3,8% городских жителей и 15,7% сельских. В городах как среди мужчин, так и среди женщин этот процент невысок (у первых—2,0%, у вторых—6,0%), в селах же у мужчин он в четыре раза выше и составляет 8,4%, а среди женщин в восемь с лишним раз выше (50,7%). Интересно, что из всех армян, назвавших родным украинский язык, почти половина проживает в Ивано-Франковской области. Это, очевидно, и есть в своей основной массе коренные армяне, потомки средневековых поселенцев.

Вполне понятно, что все эти цифры не могут дать исчерпывающей характеристики состава современного армянского населения западных областей Украины. Они дают лишь определенные контуры, штрихи. Для полной характеристики современного армянского населения западных областей Украины необходимы более детальные материалы, которые можно получить путем организации специальных этнографических, демографических и социологических обследований.

Из приведенных выше данных о родном языке нельзя еще делать выводов о национальном самосознании армянского населения. Живя небольшими группами в дружественной украинской и русской среде, армяне, как и представители других братских народов, неминуемо перенимают их язык. Это естественный, закономерный процесс сближения народов в условиях строительства социализма и коммунизма.

Следует также подчеркнуть, что, несмотря на сравнительно большой процент армян, назвавших родным русский или украинский язык, несмотря на отдаленность от своей республики и несмотря на то, что основная часть их до того как приехать в западные области Украины проживала и работала за пределами Армении, у всего армянского населения сохраняется очень сильное чувство и сознание принадлежности к армянскому народу, проживающему своей основной массой в Закавказье. Об этом свидетельствует их живой и неугасающий интерес к армянской культуре. Каждое выступление армянских артистов, творческих коллективов Советской Армении, приезжающих на гастроли во Львов, всегда собирает в зале большое количество львовских и даже периферийных армян. Это более убедительно свидетельствует об их любви и привязанности к своему народу, чем цифры, которые не всегда могут дать полную характеристику общественных процессов.

Армянское население западных областей Украины вносит и вносит свой посильный вклад в строительство новой

жизни Западной Украины, воссоединенной с Советской Украиной. Представители армянского народа вместе с русскими, представителями других национальностей дружно помогают украинскому народу проводить здесь социалистические преобразования, восстанавливать хозяйство после изгнания фашистских оккупантов, самоотверженно трудятся над воплощением в жизнь величественных предначертаний пятилетнего плана и новой Программы нашей партии. Представителей армянского народа можно встретить на всех участках хозяйственного и культурного строительства, среди людей самых разнообразных профессий, на самых различных постах—от рядовых рабочих до ученых, руководителей крупных предприятий и учреждений. Имена многих из них хорошо известны, о них пишут в газетах, их портреты украшают Доски почета. Это бывший главный инженер крупного Роздольского горнохимического (серного) комбината Н. Н. Месропян, заместитель крупнейшего на Украине Львовского мех-стеклозавода Р. А. Сарьян, начальник административно-хозяйственного отдела управления Львовской железной дороги А. О. Аракелян, заместитель начальника санитарного управления дороги т. Киян, ведущий конструктор крупнейшего в Советском Союзе автобусного завода К. М. Атоян, начальник цеха одного из крупнейших на Украине Надворьянского нефтеперерабатывающего завода Х. Г. Крикоров, механик шахты «Нововолинская» № 5 В. М. Оганесян, кандидат медицинских наук, главврач госпиталя А. К. Кеворков, доценты Львовского мединститута П. Я. Антарян и С. Т. Григорян.

Можно назвать имена ряда известных деятелей культурного фронта. Это львовский писатель Рубен Лусинян—автор книги «Убийство на улице «Листопада», драматург и режиссер Чарен Хачатурян, артист балета Малхаян и другие. Во Львове жил и вырос известный спортсмен по прыжкам в длину Игорь Тер-Ованесян.

У каждого из них своя биография. Так, К. М. Атоян—кандидат технических наук, главный конструктор Львовского автобусного завода—сын рабочего железнодорожника, выходца из Армении. 21-летним юношей он приехал на Украину сразу после демобилизации из рядов Советской Армии. С 1952 г. работает на автобусном заводе. Он принимал непосредственное участие в создании первого львовского автобуса «Львов», в конструировании комфортабельных автобусов «Карпаты», «Турист», «Украина», получивших всеобщее признание в нашей стране и за рубежом. Один из них был отмечен на Всемирной Брюссельской выставке в 1958 г. золотой медалью. Перу К. М. Атояна принадлежит около 30 печатных работ.

Т а б л и ц а 1

Армянское население западных областей Украины,
по данным переписи 1959 г.

Области	Кол-во человек	%
УССР	28024	100,0
Западные области УССР, в том числе:	2688	9,6
Львовская обл.	1369	50,9
Черновицкая обл.	264	9,8
Волинская обл.	237	8,8
Ивано-Франковская обл.	237	8,8
Закарпатская обл.	237	8,8
Ровенская обл.	203	7,5
Тернопольская обл.	141	5,2

Т а б л и ц а 2

Армянское население западных областей Украины,
по данным переписи 1959 г.

Население	Кол-во человек	Родной язык			
		арм.	русск.	укр.	дру- гие
Всего,	2088	1235	1272	147	34
	100,0	45,9	47,3	3,5	1,3
в том числе					
в городах	2299	982	1201	86	30
	100,0	42,7	52,2	3,8	1,3
в селах	389	253	72	61	4
	100,0	65,0	18,3	15,7	1,0
мужчин	1645	947	624	54	20
	100,0	57,6	37,9	3,2	1,2
женщин	1043	288	648	93	14
	100,0	27,6	62,1	8,9	1,3
из городского населения					
мужчин	1323	709	571	27	16
	100,0	53,6	43,2	2,0	1,2
женщин	976	273	630	59	14
	100,0	28,0	64,6	6,0	1,4
Из сельского населения					
мужчин	322	238	53	27	4
	100,0	73,9	16,5	8,4	1,2
женщин	67	15	18	34	0
	100,0	22,4	26,9	50,7	0,0

Даже эти, далеко не полные данные говорят о значительной роли представителей армянского народа в экономической и культурной жизни западных областей Украины. Поэтому, говоря о своих достижениях, украинский народ всегда помнит, что в его успехи вложена и определенная доля труда, опыта и знаний рабочих и инженерно-технических работников-армян, представителей других народов. Она имеется в львовских автобусах и сельскохозяйственных машинах, автопогрузчиках и электролампах, телевизорах и кинескопах, в изделиях химической и других отраслей промышленности. Все эти творения, которыми гордится украинский народ, являются одновременно предметом законной гордости и армянского народа, многие сыны и дочери которого принимают непосредственное участие в их создании.

Строя коммунистическое общество, советские народы демонстрируют незыблемость своей дружбы, которая является величайшим завоеванием Октября. Дружба народов нашей страны, в том числе украинского и армянского, является надежным залогом наших новых успехов в осуществлении величественных предначертаний Коммунистической партии и Советского правительства.

РАЗДЕЛ II

АЛЕКСАНДР НАВРОЦКИЙ И АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Н. Н. ПАВЛЮК

(Кандидат филологических наук, Институт литературы
им. Т. Шевченко АН УССР)

Деятельность украинского поэта и переводчика Александра Александровича Навроцкого (1823—1892) была тесно связана с Арменией и представляет собой интересную страницу в истории украинско-армянских литературных связей второй половины XIX века. За принадлежность к возникшему на Украине в середине 40-х годов тайному Кирилло-Мефодиевскому обществу, среди участников которого были поэто-революционер Т. Г. Шевченко, известный историк Н. И. Костомаров, талантливый ученый Н. И. Гулак, Навроцкий был в 1847 г. арестован и заключен в тюрьму, а затем сослан на север. Лишь спустя десять лет ему удалось перевестись на службу в Закавказье, куда переехали также некоторые другие бывшие кирилло-мефодиевцы.

С 1858 по 1870 гг. Навроцкий служил в канцелярии губернатора Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск Дагестанской АССР). Здесь он глубоко заинтересовался бытом и культурой народов Кавказа. Одним из свидетельств этого может служить большой рукописный сборник «Аварские, казикумухские и кумукские песни», содержащий свыше ста переведенных Навроцким на русский язык песен народов Дагестана (ныне хранится в Тбилиси). По-видимому, в Дагестане же познакомился Навроцкий и с армянскими песнями. Во всяком случае русский перевод одной из них мы встречаем на страницах названного сборника. Вот полный текст этого (до сих пор нигде не публиковавшегося) перевода:

ЛАСТОЧКА¹
Армянская песня

Ах ты ласточка-касатка,
Птичка вешняя, краса,
Ты куда летишь так быстро,
Поднимаясь в небеса?
Ты лети, лети, касатка,
В мой родимый отчий край.
Там под кровлею отцовской
Ты гнездо свое свивай.
Там старик-отец мой бедный,
В грусти тяжелой и немой,
Ждет единственного сына,
Ждет меня, что день, домой.
И когда его увидишь,
Передай ему поклон,
Пусть, скажи, тоскует, плачет
О несчастном сыне он.
Ты тогда ему расскажешь,
Как томлюсь, страдаю я,
Вечно слезы проливаю,
Угасает жизнь моя.
Для меня свет божий мраком
Непроглядным стал давно,
Проводить всю жизнь в печали
Мне осталось одно.
Ты скажи: еще не цвевши,
Уж угасла жизнь моя,
Юный родины прекрасной
Навсегда лишился я.
Что же медлишь ты, касатка?
Ах, скорее полетай
Ты в страну отрады, счастья,
В мой родимый, милый край!
Полетай ты в край Гайканский,
В Аштарак мой дорогой,
Там свет божий я увидел,
Там развился я душой!

---

¹ «Аварские, казикумухские, чеченские и кумукские песни, переложенные А. Навроцким, г. Темир-Хан-Шура, 1866 — 1870» (рукопись). стр. 253—256.

Как видим, первым известным нам армянским поэтическим произведением, привлечшим внимание Навроцкого-переводчика, был знаменитый «Цицернак», по позднейшему определению Валерия Брюсова, «прелестная песня, остающаяся украшением всех антологий армянской поэзии. Этой песне, конечно, суждено жить, пока жить будет или хотя бы будет изучаем армянский язык»². Обращение Навроцкого именно к ней следует объяснить не только широкой популярностью этой песни, вскоре после своего появления ставшей народной в полном смысле слова, но и ее несомненной созвучностью тогдашним настроениям самого переводчика. Насильно отторгнутому от родной Украины, ему была особенно близка и понятна выраженная в песне тоска армянских изгнанников по далекой родине. Так, уже первым своим переводом из армянской поэзии Навроцкий приобщился к одной из ее центральных и в то время наиболее животрепещущих тем.

Примечательно, что в переводе Навроцкого не только воспроизведено общее настроение песни, но и сохранены такие реалии, как «край Гайканский», «родной Аштарак», по-видимому, уже тогда не лишённые для переводчика вполне определенного содержания. Кому он был обязан своим первым, пока еще заочным, знакомством с Арменией—нам неизвестно. Обращает на себя внимание тот факт, что одновременно с Навроцким (правда, в другом городе—Владикавказе—и не на государственной службе, а в качестве домашнего учителя в семье богатого армянина) на Кавказе находился и сам автор «Цицернака» Г. Додохян, однако никакими данными, позволяющими предположить, что оба литератора были знакомы друг с другом, мы не располагаем.

Навроцкий был первым переводчиком «Цицернака» на русский язык. И хотя в свое время его перевод так и не был опубликован, хронологически украинский поэт является одним из предшественников таких выдающихся популяризаторов армянской поэзии в России, как Ю. Веселовский и В. Брюсов, чьи переводы «Цицернака» появились в печати четыре-пять десятилетий спустя («Армянская муза», 1907; «Поэзия Армении», 1916).

Непосредственное знакомство Навроцкого с Арменией приходится на 70—80-е годы прошлого столетия. В 1870 г. он был перемещен из Дагестана на должность советника Ереванского губернского правления, где и прослужил до самого выхода в отставку в 1884 г. Почти полтора десятилетия, проведенные Навроцким в Ереване,—самый плодотворный период

² «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», Ереван, 1966, стр. 79.

в его творческой деятельности. Все эти годы он неустанно трудился над исполнением своего грандиозного замысла—воспроизвести на украинском языке лучшие произведения мировой поэзии, от Гомера до своих современников. Диапазон его переводческих интересов и размах работы поистине поразительны. За сравнительно небольшой срок обремененный чиновничьими обязанностями и семейными заботами Навроцкий сумел перевести сотни произведений русских, французских, немецких, польских, английских, американских и других авторов (в том числе немало крупных поэм по несколько сот строк), а также образцы фольклора различных народов мира. Он переводил «Библию» и «Нибелунги», сербский эпос и поэмы Оснава, Пушкина и А. Толстого, Мицкевича и Сырокомлю, Байрона и Шелли, Гете и Гейне, Гюго и Беранже, Лонгфелло и По и многих других. Впервые в украинской литературе Навроцкий осуществил полный стихотворный перевод обеих гомеровских поэм—«Илиады» и «Одиссеи», справившись с трудной для него задачей, так как он не владел древнегреческим языком и пользовался французским переводом. (Подобным же образом—через посредство другого перевода или с помощью подстрочника—переводил Навроцкий и с других недоступных ему языков).

Начало всей этой огромной работы было положено еще в Темир-Хан-Шуре, однако большинство переводов было сделано в Ереване; тут же Навроцкий написал много своих оригинальных стихотворений. Об этом, в частности, свидетельствуют три объемистых альбома автографов Навроцкого, занимающих центральное место среди дошедшей до нас части его рукописного наследия³. Один из них, озаглавленный «Переложения из разных поэтов и мое собственное виршеплетство», снабжен авторской пометой «Эривань, 1876—1880»; два других датируются 1872, 1873 и 1883 гг., т. е. написаны также в Ереване. Чтобы по достоинству оценить величие переводческого подвига Навроцкого, следует принять во внимание те условия, в которых ему приходилось работать. В частности, сам он не мог в то время и мечтать о напечатании своих переводов: ведь согласно циркуляру 1863 г., в особенности же по царскому указу 1876 г., в пределах Российской империи запрещалось печатать и распространять художественные переводы на украинский язык. Навроцкий развернул свою переводческую деятельность, надеясь, что плоды его

---

³ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 21, № 2, 3. 4.

многолетнего труда хотя бы со временем станут достоянием украинского читателя. Этим надеждам не суждено было осуществиться—огромное рукописное наследие Навроцкого так и не было напечатано и вообще сохранилось далеко не полностью.

Последняя его большая работа—стихотворный перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» одновременно на русский и украинский языки—осталась незавершенной.

Однако вернемся к пребыванию Навроцкого в Ереване. Любопытные подробности о времени пребывания украинского поэта в Ереване сообщил К. Шульгин, который в 80-х годах преподавал в Ереванской учительской семинарии⁴ и, по-видимому, хорошо знал Навроцкого. Как бывший воспитанник Харьковского университета, Шульгин взялся ознакомить с одним из переводов Навроцкого (оторванного в то время от литературной жизни на Украине) видного украинского филолога Потемню. «Последний заинтересовался работой Навроцкого и отозвался о ней приблизительно так: «Это не пустяки; автор владеет языком, поэтому может выйти прок из принятого им размера». Навроцкий был польщен таким отзывом знатока и продолжал труд, но при жизни печатать его не хотел, как и много других работ, хранившихся в авторском портфеле.

Службы своей Навроцкий не любил... Служебными занятиями он тяготился, а с губернаторами и другой губернской знатью держал себя самостоятельно, часто вступая в препирательства и портя отношения... Высшие мира сего платили А. А. холодностью или прямо-таки нескрываемой враждой. Всюду прославили его неуживчивым либералом, но все его принимали, как необходимого для оживления общества человека, остроумного собеседника, «тулумбаша»—рифмоплета. И до сих пор, вероятно, помнят в Эривани его удачные и неудачные застольные спичи и стихотворные экспромты⁵.

Подобную же характеристику Навроцкого находим и в воспоминаниях его ереванского знакомого—Соломона Егнazarова (Егназаряна); последний особо подчеркивал, что он выражает не только свое личное мнение, но и общее уважение

---

⁴ См. К. Шульгин, Взятие Эривани (по рассказам старожилов), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. IV, Тифлис, 1884, стр. 39.

⁵ См. А. Шр(амчен)ко, А. А. Навроцкий, «Киевская старина», 1902, № 12, стр. 364—365.

всей передовой ереванской общественности к опальному поэту⁶.

На отношениях Навроцкого с С. А. Егiazаровым, добавляющих немаловажный штрих к характеристике украинского поэта, интересно остановиться подробнее. С. Егiazаров тогда только что окончил Ереванскую прогимназию и служил писарем в губернском правлении, не имея после смерти отца средств продолжать учебу; он обратил на себя внимание Навроцкого своей исполнительностью, а также знанием нескольких восточных языков. «Он попросил меня,—вспоминает С. Егiazаров,—перевести несколько армянских, татарских (азербайджанских.—Н. П.) и курдских песен как можно более литературно, сохраняя все особенности фразы и языка. Через несколько дней он вызвал меня к себе в кабинет и спросил, готовы ли переводы. Я дал ему книжечку, где был перевод десяти армянских, десяти курдских и пяти или шести татарских песен»⁷. По-видимому, по этим подстрочникам Навроцким были созданы поэтические переводы упомянутых песен, однако разыскать их до сих пор не удалось.

Навроцкий стал убеждать одаренного юношу продолжать образование, обещая снабдить его рекомендательными письмами к служившим в Тифлисской гимназии бывшим кирилло-мефодиевцам Л. П. Загурскому и своему двоюродному брату Н. И. Гулаку. Их поддержка, по свидетельству С. Егiazарова, не только дала ему возможность успешно окончить гимназию, но и повлияла на формирование его дальнейших научных интересов. В свою очередь С. Егiazаров оказывал своим новым знакомым немалую помощь в их кавказоведческих занятиях. «Совместная работа,—писал он в своих воспоминаниях,—начатая еще во времена нашего первого знакомства, длилась почти двадцать лет. На собранных мною курдских текстах Л. П. Загурский учился под моим руководством курдскому языку, имея намерение написать грамматику... Он успел только составить курдские словари. Эти словари—продукт нашего общего труда. Они приложены к текстам на курдском языке, собранным мною»⁸.

Так это возникшее благодаря Навроцкому знакомство вскоре переросло в плодотворное научное сотрудничество и теплую личную дружбу бывших кирилло-мефодиевцев и мо-

⁶ См. Егiazаров, Пам'яті моїх учителів і керівників М. І. Гулака, Л. П. Загурського та О. О. Навроцького, «Наше минуле» («Наше прошлое»), Киев, 1918, № 1, стр. 45, 51—53.

⁷ «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 46—47.

⁸ Там же, стр. 48, 52.

лодого армянского кавказоведа. Навроцкий не ошибся, пред-рекая одаренному юноше научное будущее. Успешно окончив в 1876 г. Тифлисскую гимназию, С. Егиазаров поступил на юридический факультет Московского университета и впоследствии стал крупным специалистом в области гражданского и обычного права, истории культуры и быта народов Закавказья. Интересно, что со временем жизненные пути привели С. Егиазарова на Украину; поддержанный в юности бывшими воспитанниками Киевского университета Навроцким, Гулаком и Загурским (и на всю жизнь, по его собственным словам, сохранивший интерес и уважение к Украине), он впоследствии сам стал профессором этого университета, где, начиная с 1893 г., в течение ряда лет занимал кафедру государственного права.

Выше уже шла речь о том, что в Ереване Навроцкий не только занимался переводами, но и написал много оригинальных произведений. Среди них—патимная лирика, стихи, обращенные к далекой родине—Украине, поэтические отклики на различные актуальные общественные темы. Подчас это целые рифмованные трактаты, в которых изложены взгляды поэта по тем или иным вопросам. Навроцкий не предназначал большинство своих стихов, как и переводы, для печати; скорее это своего рода поэтический дневник, в который на протяжении многих лет, под непосредственным впечатлением от взволновавших его событий, Навроцкий вносил просившиеся на бумагу мысли. Не связанный цензурными соображениями, он высказывался прямо и откровенно, не всегда заботился он и об окончательной поэтической отделке своих стихов.

Одно из таких стихотворений представляет особый интерес в плане избранной нами темы, поскольку непосредственно касается событий, свидетелем которых Навроцкий стал в Ереване. Это (не имеющее авторского заглавия) стихотворение сохранилось в одном из упомянутых выше ереванских рукописных альбомов Навроцкого, который датируется 1883 годом. Чтобы понять, какие события послужили поводом к написанию стихотворения, следует обратиться к истории школьного образования в Ереване 80-х годов прошлого столетия.

Прогрессивная армянская общественность вела в это время настойчивую борьбу за то, чтобы в русской школе уважались национальные чувства педагогов и учащихся, в частности, чтобы на должном уровне было поставлено преподавание армянского языка. Это было тем более необходимо, что шовинистически настроенная часть чиновников школьного ведомства стремилась превратить школу из средства народ-

ного просвещения в орудие колонизаторской политики царизма, в проводника идей реакции и мракобесия. Косная казенно-бюрократическая «педагогика» царского школьного ведомства неизбежно должна была вызывать противодействие передовых учителей и всей прогрессивной общественности. Таким образом, борьба за равноправие армянского языка в школе приобретала и более глубокий общий смысл.

В марте 1883 г. Ереванская прогимназия была преобразована в полную гимназию; директором ее был назначен бывший инспектор В. Бражников, демонстративно подчеркивавший свои антиармянские настроения. Так, в своем официальном отчете за 1883 г. Бражников заявлял, что, вступив в 1880 г. в должность инспектора, он был «страшно поражен отсутствием русской речи внутри стен русско-правительственного учебного заведения... Господствующим языком, чуждым как и мне, так и моим сослуживцам из русских, был язык армянский, на котором говорило 80% воспитанников». Особенно возмущало Бражникова, что ученики армяно-григорянского вероисповедания «не умеют читать молитвы пред началом и окончанием учения по-русски», что некоторые преподаватели-армяне «во время классных занятий прибегали к объяснениям на своем родном языке», что «уроки армянского языка в приготовительных и первых четырех классах велись только на армянском языке...» и т. д.⁹

Став инспектором, а затем и директором гимназии, Бражников рьяно принялся «исправлять положение». Первым делом он «обязал всех воспитанников говорить в стенах заведения исключительно на русском языке, не ограничиваясь одним ответом урока, но и во время перемен между собою, в беседах с родителями советовал брать русскую прислугу, отдавать детей в русские семьи, как это делают немцы в России»¹⁰. Специальным постановлением педагогического совета в октябре 1881 г. гимназистам было запрещено читать молитву на армянском языке (даже в классах, где не было ни одного русского); не подчинившиеся этому распоряжению ученики подлежали наказанию, вплоть до исключения из гимназии. «Это и послужило,—признавал впоследствии Бражников,—началом скрытого недовольствия (со стороны известного кружка), принимающего, при всяком распоряжении, все более и более враждебный характер»¹¹.

А «распоряжения» эти следовали одно за другим. Опасаясь, например, что на уроках пения разучиваются армянские

⁹ ЦГИА Армянской ССР, ф. 1, оп. 1, ч. 1, № 337, лл. 31—33.

¹⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, ч. 2, № 1936, л. 4.

¹¹ Там же, л. 2.

патриотические песни, директор предписал впредь петь только русские молитвы и гимны «Боже, царя храни»¹². Дальнейшим его шагом было наступление против пользовавшегося большим авторитетом преподавателя армянского языка Бек-Назарянца¹³. Последний отказался подписать протокол октябрьского педсовета 1881 г., видя в упомянутом запрещении «посвяительство на язык и армянскую народность»¹⁴, и был уволен из гимназии. На его место был назначен невежественный священник Бабахаянц.

Ученики и родители неоднократно жаловались на негодного учителя, однако директор и не думал предпринимать никаких мер. В дело вмешалась общественность города; была составлена жалоба на имя ереванского епископа, собраны подписи гимназистов. Епископ, в свою очередь, обратился к католикоосу, указывая, что «священник Бабахаянц совершенно не знаток литературного армянского языка, не знаком с методами преподавания... и своим непохвальным поведением возбуждает отвращение более двухсот армянских детей»¹⁵. В январе 1883 г. Бабахаянц вынуждены были удалить из гимназии, и это окончательно вывело из себя директора. Он стал сводить счеты не только с непокорными гимназистами, но и бросил открытый вызов всей возмущенной его действиями интеллигенции города: на место уволенного Бабахаянца был назначен не рекомендованный Эчмиадзинским синодом Тер-Мкртчянец, а ставленник директора В. Атаманян. Обстановка накалилась до предела.

В это время в Ереване существовал тайный патриотический кружок армянской интеллигенции. Активными членами его были секретарь Окружного суда Гайк Матакянц и его помощник Ованнес Тер-Захарян, частный поверенный Рубен Джалалян, нотариус Тридат Вартамян, исполняющий обязанности городского головы и издатель газеты «Псак» Васак Пападжанян, городской врач Левон Тигранянц, попечитель женской школы Томас Мегерян, учителя Бек-Назарянц, Гаяне Иоаннисианц, Арам Мельянц и др. Кружок был связан также с издаваемой в Тифлисе армянской газетой «Мшак», в частности, с ее редактором Григором Арцруни, писателем Мелик-Акопянцем (Раффи), а также с армянским студенче-

---

¹² Там же, л. 3.

¹³ См. С. П. Зелинский, Город Эривань, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 1, Тифлис, 1881, стр. 47.

¹⁴ ЦГИА Армянской ССР, ф. 1, оп. 1, ч. 2, № 1936, л. 2.

¹⁵ Там же, ф. 20, оп. 2, № 33, л. 2 об.

ством Москвы, Петербурга и Харькова¹⁶. Программным документом кружка была инструкция «Народные нужды», в которой сформулированы его основные задачи: патриотическая пропаганда среди народа, в особенности среди учащейся молодежи, а также всемерное единение с турецкими армянами и содействие их национально-освободительной борьбе (включая сбор средств, покупку оружия и тайную доставку его в Турцию). Обращает на себя внимание также следующий, вполне интернационалистский пункт этой программы: «Всеми силами стараться жить дружно с народами двух государств (т. е. России и Турции.—Н. П.) и привлечь их симпатию к себе»¹⁷.

Именно этот кружок принял брошенный Бражниковым вызов, тем более, что его члены имели самое непосредственное отношение ко всей изложенной выше истории. Решено было любыми средствами добиться удаления Бражникова с поста директора гимназии. Попечителю Кавказского учебного округа было послано анонимное письмо с этим требованием и угрозой в противном случае подвергнуть Бражникова публичному оскорблению¹⁸. В феврале 1883 г. в квартире Бражникова были разбиты оконные стекла. Для этой демонстрации было избрано то самое время, когда в гостях у директора гимназии находилась вся верхушка ереванского чиновничества: губернатор, начальник жандармского управления, губернский воинский начальник и др.¹⁹

Наконец, 19 марта 1883 г. член кружка Т. Мегерян, имея при себе заряженный револьвер, остановил Бражникова на городском бульваре и публично дал ему пощечину. Одновременно в городе были распространены патриотические прокламации, в местной газете «Псак» появилась соответствующая статья.

Событие всколыхнуло весь Ереван, арест Т. Мегеряна вызвал взрыв возмущения. Необходимая для освобождения Мегеряна под залог сумма в 5 тысяч рублей была собрана уже через час после ареста. Председатель ереванского отделения Армянского благотворительного общества Л. Тигранянц и другие члены кружка демонстративно явились в тюрьму благодарить Мегеряна за его поступок. При выходе

---

¹⁶ Упоминание об этом кружке см. в кн.: Р. П. Оганесян, Национально-освободительное движение западных армян и карпийская организация «Паштпан айреняц», стр. 42 (на арм. яз.).

¹⁷ ЦГИА Армянской ССР, ф. 115, оп. 1, № 12, л. 22 об.

¹⁸ Там же, лл. 4—5.

¹⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, ч. 2, № 1936, лл. 8 об—9.

на свободу Т. Мегерян был встречен овациями²⁰. По требованию Бражникова делу придали политический характер, им занялось жандармское управление²¹.

Вот эти-то события и побудили Навроцкого написать интересующее нас стихотворение, к непосредственному рассмотрению которого мы переходим, приводя его полный текст по сохранившейся авторской рукописи²². Сначала поэт говорит не от своего имени, а излагает точку зрения озабоченного всем случившимся царского чиновничества:

Ото, зібравшись в громаду,
Ляхи і наші москалі
Поміж собою чинять раду,
Як би вермешків, в їх землі,
Чим-небудь добре їм приперти,
Що просвітку нема від них,
Як би гаразд їм носа втерти
І вгору підвести своїх.
Бо вже не тільки коверзують
І роблять підступи усім,
І наклепи на всіх готують,
Щоб витурить від них зовсім,
Щоб їм одним у себе жити,
В вермещині їм правувать,
І царство в її своє зробити,
І наші гроші грабувать;—
А ось до того розходились,
Щоб доказати нам свого,
Що бити наших' вже пустились,
Не знати і самим з чого²³.

²⁰ ЦГИА Армянской ССР, ф. 115, оп. 1, № 12, лл. 1—6.

²¹ После длившегося почти два года следствия было решено судебного преследования не возбуждать, кончив дело в административном порядке. Т. Мегерян должен был подвергнуться трехмесячному тюремному заключению и высылке в Казань под гласный надзор полиции на три года; высылке в Одессу и Дерпт подлежали Р. Джалалян, Г. Матакянц, Г. Иоаннисианц, О. Тер-Захарян, Л. Тигранянц. Над несколькими участниками кружка устанавливался негласный полицейский надзор (ф. 20, оп. 1, № 62, л. 32). Одновременно было указано на «опасное направление литературной деятельности армянской интеллигенции» (ф. 115, оп. 1, № 12, л. 16). В. Бражников остался в своей должности.

²² Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 21, № 4, лл. 104—108.

²³ «Так-то вот, собравшись вместе, поляки с нашими, русскими, держат промеж себя совет, как бы армяшек в их стране чем-нибудь крепче попри-

Обращает на себя внимание довольно большая точность, с которой Навроцкий воспроизводит основные моменты официальной оценки событий, вплоть до характерной казенной фразеологии и обывательских опасений касательно грабежа «наших денежек». Употребив в самом начале стихотворения пренебрежительную кличку «армяшки», поэт как бы хочет сразу же дать почувствовать, с чьего голоса взяты последующие выражения и как к ним следует относиться. (Заметим, кстати, что, по-видимому, не случайно В. Бражникову пришлось оправдываться в своих докладных начальству: «Обо мне стали распространять слухи, что я учеников-армян называю армяшками»²⁴. О неоднократных столкновениях в гимназии именно на этой почве сохранились свидетельства самого Бражникова).

Почти буквальное соответствие едва ли не каждой строке вступительной части стихотворения можно найти во многих официальных документах, связанных с делом об оскорблении Бражникова. Так, сетования на то, что от армянских патриотов якобы «просвету не стало», весьма напоминают, скажем, жандармское заключение: «фанатическое увлечение армянской интеллигенции и в особенности молодежи перешло границу умеренности»²⁵, упоминание о «каверзах и коварстве» будто дословно взято из рапорта тифлисского чиновника Ильяшенко, который был послан попечителем Кавказского учебного округа расследовать дело, но усмотрел в нем лишь «пронски или интриги туземцев»²⁶, обвинение в попытках «вытурить» царских чиновников, чтобы «самим жить и править в Армении» перекликается с указанием жандармов на «репрессивные приемы, которые армянские патриоты, по-видимому, применяют в общественной жизни и на служебном поприще для вытеснения других народностей, препятствующих водворению в крае армянского режима»²⁷. Разумеется, мы далеки от мысли будто Навроцкий заимствовал все эти выражения именно из процитированных документов. Однако

жать—просвету от них нет, хорошенько утереть им нос, своих же возвысить. Ибо они не только творят всяческие каверзы и коварства, клеветуют на всех, чтобы и вовсе вытурить их от себя, чтобы самим жить и править в Армении и сделать в ней свое царство, грабя наши денежки, но вот уж и до того разошлись, стремясь добиться своего, что принялись, невесть с чего, бить наших!» (Подстрочный перевод).

²⁴ ЦГИА Армянской ССР, ф. 1, оп. 1, ч. 2, № 1936, л. 8.

²⁵ Там же, ф. 115, оп. 1, № 12, л. 19 об.

²⁶ Там же, ф. 20, оп. 1, № 62, л. 24.

²⁷ Там же, ф. 115, оп. 1, № 12, л. 19 об.

уже сама возможность подобным образом «документировать» их показывает, насколько распространенными, «ходячими» были подобные рассуждения в определенных кругах и как верно схвачены они поэтом.

После такой «экспозиции» Навроцкий переходит к освещению причин, которые, по его мнению, препятствуют установлению нормальных взаимоотношений пришедшей администрации с коренным населением страны. Основная мысль этой части стихотворения—прежде чем упрекать и поучать других, следует лучше приглядеться к самим себе, навести порядок в своем собственном доме. Навроцкий гневно обличает шкурничество, лихоимство, лицемерие царской администрации на окраинах империи²⁸.

Стоит ли удивляться после нарисованной картины приведенному выше свидетельству современника о том, что «службы своей Навроцкий не любил...».

Навроцкий не ограничивается в своем стихотворении одной лишь критикой официальной политики по отношению к народам Кавказа, но и формулирует принципы, на которых, по его представлениям, эта политика должна была бы основываться. Тут поэт страстно выступает в защиту самобытной культуры армянского народа, призывает уважать его национальное достоинство. Патриотический подъем, развитие в армянском народе чувства национального самосознания он вовсе не считает «опасным»; наоборот, именно в этом он видит залог будущего расцвета страны и самую прочную основу для плодотворного сотрудничества с русским народом. Проявляя осведомленность в трагической истории Армении, Навроцкий указывает, что охранительно-обывательские опасения насчет «армянского сепаратизма»—исторически несостоятельны. Что же касается нежелательных эксцессов и столкновений, то в них в первую очередь повинны вовсе не

---

²⁸ «Вот разом поднялися наши, мозгуют, что бы предпринять, да не сварить, нам, видно, каши, когда сами не умеем жить; когда у нас и своих грехов достаточно; когда, по воле и неволе, всякий из нас только портит доброе дело; когда меж нас нет согласия, мы сами стремимся ко злу и, как собаки, грыземся за брошенную из милости кость; когда, придя в присоединенную страну, чтобы просветить ее, мы только и умеем, что гнуть спину да загребать чужое добро.

Нет, нам самим нужно стать лучше, поступать по правде, всем вместе заботиться о благе других—тогда и нас все станут уважать. И когда посеем добро, дадим им познать просвещение, тогда и среди них исчезнет зло, они не будут злобствовать на нас, и к нам их приведет правда, они станут с нами сотрудничать и нам же за это будут благодарны». (Подстрочный перевод).

армянские патристы—царская администрация сама вынуждает их прибегать ко всяческим унижениям. Обо всем этом идет речь в заключительной части стихотворения²⁹.

Так украинский поэт Навроцкий, вопреки официальной точке зрения, дал свою собственную оценку некоторым событиям, свидетелем которых он стал в Ереване, и изложил возникшие у него по этому поводу мысли. Воспитанный на свобододолюбивых традициях Шевченко, он, в меру своих сил, как бы продолжил и конкретизировал применительно к Армении интернационалистские идеи шевченковской поэзии, в особенности его знаменитой поэмы «Кавказ». Кстати, некоторые шевченковские реминисценции можно заметить и в отдельных сатирических образах его стихотворения, например:

Ми на лихе самі пнемось,
За той маслак, що кинуть з ласки,
Мов ті собаки, гриземось,

и в призывах встать на путь «добра, і правди, і науки». Разумеется, масштабы поэтического дарования Шевченко и Навроцкого несравнимы. Бросается в глаза также явная «просветительская» ограниченность общественных представлений и идеалов Навроцкого; не случайно, между прочим, он

---

²⁹ «А то, хоть они и озлоблены и всячески исхищряются, все их надежды напрасны—ничего хитростями не достигнут, если мы сами не станем их к этому вынуждать, если мы отнесемся к ним искренне, отказавшись от злых намерений во всем перечить им, унижать все для них святое; ведь и они—люди меж нами, как и мы, сотворены на то, чтобы все свое оберегать и льнуть к нему,—зачем же мы стремимся уничтожить то, что им дороже всего? Зачем то, что мы уважаем и считаем наилучшим в себе, мы огульно караем в них, не давая ему разрастаться? У кого в сердце пробудилась искренняя любовь к своему родному, кому довелось познать это великое чувство, того мы должны уважать, ибо он стал ровнею нам, того следует поддерживать, чтобы он ревностно трудился на благо своей родной страны... Кто искренне полюбил свой народ, от того на всех исходит добро, тот стал истинным человеком. Их просвещение пойдет нам впрок, распространившись среди них, ибо каждый из них тогда увидит в нас своих братьев. Нам нечего опасаться, что они отделятся от нас: к туркам и персам им не податься, они еще помнят давние времена. Поэтому нам, людям пришлым, следует сбросить с себя злую надменность, не боясь, что они нас осудят, и повести их по пути добра, и правды, и науки: минует с десяток лет—и они протянут руку нам, своим просветителям. Ведь присоединенную страну нельзя привлечь на свою сторону сразу—сначала надо дать народу забыть о тяжелых временах». (Подстрочный перевод).

остался совершенно чужд подъему движения революционного народничества в 70-х—начале 80-х годов, о чем сам неоднократно заявлял в своих стихотворениях ереванского периода. Однако все это не снижает нашего интереса к анализируемому стихотворению Навроцкого и выраженным в нем прогрессивным идеям.

Навроцкий, несомненно, был лично знаком со многими членами названного выше тайного патриотического кружка в Ереване. (В частности, к руководящему ядру кружка принадлежал и «Василий Егназаров, частный поверенный»³⁰, по-видимому, тот самый двоюродный брат Соломона Егназарова, который, как явствует из воспоминаний последнего, был репетитором детей Навроцкого и «едва не молился на него»³¹). Конечно, общение с представителями передовой армянской интеллигенции способствовало формированию у Навроцкого тех взглядов, которые отразились и в его стихотворении. И хотя у нас нет каких-либо документальных подтверждений более-менее близкой связи Навроцкого с тайным армянским кружком, уже само это стихотворение не оставляет сомнений в том, как относился украинский поэт к вдохновлявшим кружок идеям. Так на склоне жизни, вдали от родины, бывший член тайного Кирилло-Мефодиевского общества еще раз подтвердил свою верность идеалам юности, интернационалистским традициям передового крыла украинского национально-освободительного движения.

---

³⁰ ЦГИА Арм. ССР, ф. 115, оп. 1, № 12, л. 7 об.

³¹ «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 45.

УЧАСТНИКИ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Г. Я. СЕРГИЕНКО

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

На Украине в 1846—1847 гг. существовала тайная организация передовой интеллигенции—Кирилло-Мефодиевское общество, которое поставило своей главнейшей целью уничтожение самодержавия и крепостничества, установление республиканского строя, объединение славянских народов в федерацию и всеобщее просвещение народа. Организовали общество профессор Киевского университета Н. И. Костомаров, служащий генерал-губернаторской канцелярии Н. И. Гулак, учитель Полтавского кадетского корпуса В. М. Белозерский. Участниками тайной организации были великий украинский поэт революционер-демократ Т. Г. Шевченко, учитель и писатель П. А. Кулиш, студенты Киевского университета А. А. Навроцкий, А. В. Маркович, И. Я. Посяда, Г. Л. Андрузский и др.

В марте 1847 г. царскому правительству удалось раскрыть тайное общество и арестовать его участников. В ходе следствия оказалось, что с кирилло-мефодиевцами было связано около 100 человек—преимущественно профессора и преподаватели учебных заведений, студенты, служащие, офицеры, мелкие дворяне. После следствия, проведенного в III отделении, царские жандармы решили участь членов общества, и последние понесли суровое наказание. Особенно жестоко были наказаны Т. Г. Шевченко и Н. И. Гулак, принадлежавшие к более революционно настроенной части общества. Т. Г. Шевченко был отдан в солдаты, а Н. И. Гулак после трехлетнего заключения в Шлиссельбургской крепости сослан в отдаленную губернию царской России.

Судьба народов Кавказа была близка украинским революционерам. Об этом ярко свидетельствует стихотворение

Т. Г. Шевченко «Кавказ» (1845), в котором он проникновенно воспел тяжкую долю всех народов России и среди них еще тогда непокоренных и борющихся народов Кавказа.

Кавказские горы, по словам поэта, «тучами повиты», «засеяны горем», «кровию политы», «льдом скованные». Поэт обращался к народам Кавказа с призывом продолжать борьбу за свободу, потому что их дело правое. Он писал:

Вы боритесь—поборете!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Поэму «Кавказ» Т. Г. Шевченко посвятил своему искреннему другу Якову Петровичу де Бальмену (1813—1845)—художнику, иллюстратору «Кобзаря», офицеру, погибшему во время военных действий на Кавказе.

Поэт разоблачал колониальную и крепостническую политику царизма на Кавказе, справедливо осуждал социальный и национальный гнет народов, входивших в состав России.

Важнейшее место в истории украинско-кавказских связей имело пребывание на Кавказе участников Кирилло-Мефодиевского общества.

После ссылки в различные губернии России судьба забросила одного из активных кирилло-мефодиевцев Александра Александровича Навроцкого (1823—1892) в Закавказье—в Армению, где он многие годы жил и работал. Его деятельность является одной из страниц дружбы украинского и армянского народов.

А. А. Навроцкий за активное участие в тайном обществе был сурово наказан царем: шесть месяцев в тюрьме и ссылка в г. Вятку под гласный надзор полиции. 16 февраля 1848 г. Навроцкий был определен на службу чиновником Елабужского земского суда Вятской губернии. В марте 1850 г. переведен в г. Курск, сначала канцелярским чиновником губернской строительной и дорожной комиссии, затем назначен смотрителем губернской типографии. В 1853 г. после снятия полицейского надзора Навроцкий поехал в Петербург, где в одном из департаментов работал старшим помощником столоначальника.

После нескольких лет, проведенных в Петербурге, А. А. Навроцкий подал прошение о переводе его на службу в Закавказский край. Его желание было удовлетворено, и вскоре он был определен помощником чиновника для производства гражданских дел при командующем войсками и управляющим гражданской частью в так называемом Прикаспийском

крае (Дагестан). А. А. Навроцкий глубоко интересовался жизнью и бытом народов-горцев, изучал их язык, записывал произведения народного творчества, используя службу для собирания материалов по этнографии.

22 апреля 1870 г. А. А. Навроцкий был назначен советником губернского правления в г. Ереван, где проработал до 1884 г. уйдя оттуда в отставку.

В Ереване А. А. Навроцкого знали как человека чрезвычайно честного, правдивого и в высшей мере культурного. За открытый, принципиальный и несколько суровый характер Навроцкого сослуживцы называли шутивным прозвищем «запорожец». За политическое прошлое и литературную деятельность, которую он не прекращал всю свою жизнь, А. А. Навроцкого глубоко уважали передовые люди Армении.

Навроцкий никогда не любил своей службы, тяготился канцелярскими занятиями, а с губернатором и «губернской знатью» держал себя самостоятельно, часто вступая в препирательство и портил отношения. Он зло потешался над одним из тугоголовых губернаторов, который не знал французского языка и поэтому молчал во время приема знатного французского путешественника, подчеркивал его ограниченность и в других делах по управлению краем.

А. А. Навроцкий был веселым собеседником, занимательным человеком, душой общества, а как «тулунбаш» («тамада») он не имел себе равного в Ереване. Он говорил увлекательно, остроумно, в нем чувствовался глубокий и наблюдательный ум, широкий кругозор высокообразованного человека. Однако в высших кругах города (дворянство, богачи) к нему относились холодно, порой с нескрываемой враждой, называли «неуживчивым либералом» за критическое и саркастическое отношение к дворянско-чиновничьему окружению. стискивание пороков власть имущих.

«Высшему обществу» А. А. Навроцкий платил презрением. В то же время он был чутким и отзывчивым к людям простого происхождения.

К Егнazarову, юному писарю губернского правления, происходившему из весьма небогатой семьи, А. А. Навроцкий относился очень сердечно. Однажды он деликатно и участливо спросил его: «Неужели вы так и останетесь писарем и не думаете учиться дальше. Ананий Данилович (Пузыревский, инспектор Ереванской прогимназии.—Г. С.) очень любит вас и сожалеет, что, окончив прогимназию, вы оставили мысль о том, чтобы учиться дальше. Он говорит, что вы знаете все главные восточные языки: персидский, армянский, татарский, турецкий и курдский. С этими языками вы

сделали бы себе карьеру, если бы имели высшее образование».

Навроцкий советовал ему учиться, зарабатывая частными уроками, ссылаясь на то, что он и его «товарищи также существовали на такие уроки и немало бедствовали в своей жизни. Если вы решитесь ехать в Тифлисскую гимназию, я дам вам письмо к моему двоюродному брату Н. И. Гулаку и товарищу по университету Л. П. Загурскому. Они вам помогут». По просьбе Навроцкого Егиазаров переводил ему на русский язык армянские, татарские и курдские народные песни.

В августе 1872 г. С. Егиазаров после острого конфликта с начальством вынужден был оставить писарскую службу в Ереване. А. А. Навроцкий, вызвав к себе в кабинет провинившегося писаря, сказал ему: «Вам здесь в губернском правлении делать нечего. Едьте с богом в Тифлис. Я уверен в том, что вы будете довольны этим. Но помните, что не надо никогда падать духом».

Прибыв в Тифлис, Егиазаров обратился к Н. И. Гулаку и передал ему письмо от Навроцкого. Гулак тепло принял молодого гимназиста, сказав: «Следовательно, вы вступили в нашу гимназию. Очень рад. Пойдите к Леон. Петр. Загурскому и скажите ему от меня, что вас послал к нам Навроцкий».

Загурский также приветливо принял Егиазарова, обещал ему всяческую помощь и поддержку. Одновременно он попросил молодого гимназиста давать ему уроки курдского языка. Уже в то время Егиазаров начал составление этнографического очерка о курдах Эриванской губернии, что свидетельствовало о его научных интересах и способностях. С Загурским они стали хорошими друзьями и вместе работали двадцать лет—до смерти Загурского.

О Н. И. Гулаке Егиазаров отзывался как о человеке чрезвычайно образованном и очень добром, талантливом и способном педагоге. Егиазаров также вспоминал, что Навроцкий и Гулак отличались замкнутостью характера, ни с кем они не делились о своем прошлом и настоящими политическими воззрениями и мыслями. Но все знали об их приверженности и любви к родной Украине. Навроцкий всегда говорил по-украински, если собеседник знал или понимал сказанное на этом языке.

А. А. Навроцкий долгие годы служил на Кавказе и никогда не прерывал научной и литературной деятельности, начатой еще в годы студенчества, и участия в Кирилло-Мефодиевском обществе. Он оставил обширное литературное наследие оригинальных и переводных произведений. По прось-

бе редакции журнала «Киевская старина» дочь А. А. Навроцкого Елизавета Александровна передала в распоряжение сотрудников журнала объемистую рукописную тетрадь для публикации произведений писателя. Названия 133 стихотворений тетради были помещены в журнале «Киевская старина» (1902, № 12).

Литературное наследие А. А. Навроцкого составляло 10 объемистых тетрадей, имевших около 2000 страниц убористого текста. Две тетради имели наименование (остальные без названий). Первая—«Переложения из разных поэтов и мои собственные мысли», Темир-Хан-Шур, 1861—1870 гг. (360 стр.). В тетради, наряду с оригинальными произведениями, помещены переводы произведений Виктора Гюго, Генриха Гейне, Барбье и других. Вторая—«Переложение из разных поэтов и мои собственные писания», Ереван. 1876—1880 гг. (553 стр.). Тетрадь заполнена переводами на украинский язык А. Толстого, Байрона, Гёте и других писателей. Среди переводов встречаются также и оригинальные произведения.

Свои стихотворения А. А. Навроцкий писал преимущественно на родном украинском языке, а некоторые написаны по-русски. Отдельные произведения посвящены Шевченко, Костомарову, Марковичу, Гулаку—его друзьям и единомышленникам по Кирилло-Мефодиевскому обществу. Есть посвящения на смерть Тургенева, Надсона и других писателей.

Заслуживают внимания некоторые оригинальные произведения А. А. Навроцкого, написанные им на Кавказе. Свои стихотворения, как и переводы, он даже не пытался печатать, никому не показывал. Вместе с тем скромный поэт выражал надежду и горячее желание своим творчеством принести пользу родине—своей Украине. В одном из стихотворений «К детям» он обращался к своим думам с вопросом, куда их деть на чужбине, где он их прятал «от людей, от света». Он с болью говорит, что послал бы их на Украину, но и там «не до думок», потому что «малые дети просят есть, плачут». На Украине также не будет «от людей привета», а поэтому он оставляет их временно на бумаге, не теряя надежды, что придет лучшее время и люди скажут: «Как тяжело было жить в прошлые годы!»

Во многих произведениях, например стихотворении «Сад расцвел и зеленеет», поэт высказывал горячее желание, чтобы между народами прекратились раздоры, господствовал мир и правда, каждый народ «в настоящем развитии» признавал бы других братьями. Он часто возвращался к теме Украины и ее горькой судьбе под самодержавно-деспотическим режимом.

О себе поэт говорил в одном из стихотворений, что его сердце пробудилось на Украине, там же оно научилось любить добро и зло:

За Україну довелось
Боліти, тужити,
Усього дознати, щоб краще
Було людям жити.

Он дал клятву всю жизнь работать на благо Украины и родного народа, желая ему счастья и лучшей жизни.

В стихотворении, посвященном выдающейся украинской писательнице Марко Вовчок (22 марта 1871 г., Ереван), А. А. Навроцкий с горечью писал о бедах, пережитых народами нашей родины, высказывал надежду, что наступит счастливое время, и горячо призывал работать для его приближения:

Крепiться! Зiйде сонце—
І на нашiм полі
Загориться і засвітить
Світ добра і волі.

Как и творческое наследие многих деятелей прошлого, творчество А. А. Навроцкого, его общественно-политические взгляды остались почти совсем неисследованными.

Вдали от родины лучшие сыновья Украины, люди передовых взглядов, сторонники революционной демократии, в далеком Закавказье нашли близких друзей и никогда не забывали о горестях украинского народа, неустанно работали над общением демократической культуры наших братских народов, крепили и расширяли братскую дружбу и связи народов Украины и Армении.

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ УКРАИНСКОГО И АРМЯНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Х. А. БАРСЕГЯН

(Доктор исторических наук, Институт истории АН Армянской ССР)

Перемещение в конце XIX—начале XX вв. центра мирового революционного движения из Западной Европы в Россию возвестило о начале нового периода в истории марксистской мысли. Распространение марксизма в России—исторически закономерный процесс. Оно явилось результатом не механического подражания революционному опыту Европы, перевода и распространения марксистской литературы, а было связано со всем ходом общественно-экономического развития России и самостоятельными и смелыми поисками передовой русской общественной мысли. Марксистское движение в России, имея у своих истоков созданную Г. В. Плехановым группу «Освобождение труда», а затем ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», впоследствии через первые отряды РСДРП ленинцев-искровцев распространилось по всей России и ее окраинам.

Начиная с 80-х годов XIX в. искры марксистского учения проникают и в Армению. В обстановке острой идеологической борьбы противоположных политических течений и партий, жестоких классовых столкновений в армянской действительности пустили свои первые ростки социал-демократические, ленинско-искровские организации.

Первые попытки издания марксистской, социал-демократической литературы на армянском языке принадлежат армянской студенческой молодежи, обучавшейся в Европе и центральных городах России и Украины. В трудах армянских студентов, учившихся в 90-х годах за границей, чувствуется влияние учения К. Маркса и Ф. Энгельса.

В начале века марксистские кружки создаются среди армянского студенчества, обучавшегося в вузах России и Европы. Особенно активными были студенческие кружки в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Риге, Томске, Женеве, Берлине и других городах. Армянские марксистские кружки, создававшиеся в основном при союзах землячеств, стремились оторвать молодежь от влияния националистических партий, направить ее усилия на пропаганду идей интернационализма, организацию освободительной борьбы пролетариата. Распространению марксизма и разворачиванию революционного движения в Армении способствовали революционные связи армянских и украинских студентов.

На почве развития рабочего движения, под влиянием группы «Освобождения труда» и марксистских кружков в России возникли марксистские кружки в промышленных центрах и городах Украины—в Киеве, Екатеринославе, Харькове, Одессе и др.

В Киеве, как известно, первые марксистские кружки возникли еще в конце 80-х годов. В 1891 году оформился один из крупнейших марксистских кружков в Киеве, в котором видную роль играли Б. Эйдельман, Я. Ляховский и др. Неоценимую роль в распространении марксизма на Украине сыграл Ю. Мельников, который был знаком с руководителями петербургских марксистских кружков М. Брусневым и П. Точиским. В 1893 г. в Киевском университете был создан студенческий революционный кружок, который энергично пропагандировал марксизм. Пропаганду идей научного социализма среди учащихся вели пламенные революционеры П. Запорожен (позднее один из видных участников петербургского ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»), Ладо Кецховели, А. Луначарский.

В конце 80-х годов были созданы марксистские кружки в Екатеринославе, где большую работу проделал верный ленинец Исаак Лалаянц, а затем М. Цхакая.

Имеющиеся в нашем распоряжении многочисленные нововыявленные документы (из центральных архивов и архивов Украины) свидетельствуют о той активной и энергичной деятельности, которую вел И. Х. Лалаянц накануне 1900-х годов в Екатеринославе, распространяя марксистское учение и участвуя в создании местных комитетов РСДРП. В создании и дальнейшей деятельности Екатеринославского комитета РСДРП И. Х. Лалаянц участвовал вместе с известными партийными деятелями И. В. Бабушкиным и М. Г. Цхакая.

В начале XX в. среди руководителей украинских социал-демократических организаций ленинско-искровского направ-

ления были такие видные революционеры, как В. А. Шелгунов (в Луганске и Екатеринославе), Д. И. Ульянов (в Одессе), Р. С. Землячка (в Одессе и Екатеринославе), Ф. В. Легник, А. Г. Шлихтер (в Киеве), А. Д. Цюрупа (в Харькове), Н. А. Скрыпкин (в Екатеринославе, Киеве и Харькове).

В распространении рабочего движения и революционного марксизма на Украине большая заслуга принадлежит одному из стойких борцов ленинской гвардии Г. Петровскому.

В развитии и правильной ориентации революционного движения студенчества России большую роль сыграли съезды студентов Петербурга (1893 г.) и студентов Петербурга и Москвы (1896 г.), на которых обсуждались вопросы политической работы среди студенчества. Они же призвали студентов к единой, осознанной борьбе.

Большой резонанс среди студенческой молодежи России получили студенческие волнения в Киевском и Харьковском университетах в 1899—1901 гг., которые пользовались содействием рабочих и нашли широкий отклик в университетских центрах России. Ленинская «Искра» приветствовала это движение студентов и призывала их всячески поддерживать.

Осуждая преследования студентов царизмом, в частности, в связи с отдачей в солдаты 183 студентов Киевского университета, В. И. Ленин писал: «И тот рабочий не достоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,—рабочий должен прийти на помощь студенту»¹.

В высших учебных заведениях Киева, Харькова, Николаева, Одессы и других городов Украины в семье революционной молодежи получают марксистское крещение многие славные сыны армянского народа. Революционные связи украинского и армянского студенчества, которые закалились в горниле трех русских революций, являются одной из славных страниц вековой дружбы армянского и украинского народов.

Под влиянием местной ленинской искровской организации в 1901 г. в Киеве был организован армянский студенческий марксистский кружок, в который входили Л. Кнунянц, А. Бекзаян, С. Аветисян, Мелик-Вардумян и др.

В 1901—1902 гг. этот кружок развернул энергичную революционную деятельность: его члены были связаны с местными марксистами, выступали перед украинскими рабочими, распространяли марксистскую литературу, революционные прокламации и листовки. Часто они сами писали ли-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 395.

стовки, содержащие политические требования, размножали их на гектографе. Кружок поддерживал связь со студентами-армянами, обучавшимися в городах России, и с революционными организациями Закавказья. А. Бекзадян, Мелик-Вардунян и другие поддерживали постоянную связь с марксистским кружком «Теоретик», организованным в Риге одним из выдающихся деятелей Коммунистической партии, соратником В. И. Ленина—С. Г. Шаумяном. Нами обнаружены документы, письма Мелик-Вардуняна С. Г. Шаумяну, в которых он в 1900—1901 гг. систематически сообщал о деятельности киевского кружка, делился планами, спрашивал совета. Письма свидетельствуют о том, что руководители киевского кружка были озабочены тем, чтобы вывести молодежь из-под влияния народников, легальных марксистов и сплотить ее вокруг учения Маркса. В свою очередь С. Г. Шаумян в письмах Мелик-Вардуняну сообщал в рамках конспирации о деятельности марксистского кружка «Теоретик» и революционных студенческих организациях других городов России, давал советы в духе «Искры» для налаживания революционной борьбы и сочетания с ней национально-освободительной борьбы армянского народа. Он советовал делать переводы марксистской литературы и произведений передовых писателей—Шевченко, Горького и др. В письме к Мелик-Вардуняну, написанном в июне 1900 г., С. Шаумян предлагал киевским товарищам направить ему свои статьи для готовящегося в Москве марксистского сборника на армянском языке. Хотя упомянутый сборник и его материалы, до сих пор не обнаружены и нам не известна его судьба, но переписка между С. Г. Шаумяном и Мелик-Вардуняном не вызывает сомнений в том, что такой сборник готовился (и при участии студентов-армян, обучавшихся в вузах Украины), явившись прототипом оригинальной армянской марксистской литературы.

В письме к С. Г. Шаумяну, написанном в декабре 1900 г. из Киева, Мелик-Вардунян, обстоятельно рассказывая о деятельности кружка украинских товарищей и об участии студентов-кавказцев в студенческих выступлениях на Украине, отмечал, что уже создана программа кружка, о чем уведомлены студенты-армяне всех городов России и Украины.

Члены кружка принимали активное участие в студенческих волнениях, выступая в первых рядах революционных студентов, за что А. Бекзадян, Л. Киунянц и др., после подавления студенческих волнений были репрессированы и исключены из университета. В одном из архивных документов об этом говорится: «В Киевском политехническом институте беспорядками (речь идет о революционном выступлении

студентов.—Х. Б.) руководил так называемый «Организационный комитет», во главе которого стояли студент Иосиф-Зелик Вигдоров-Варшавский как председатель комитета и главный руководитель беспорядков, а также Иуда Коварский и Василий Георгиев Буторин. Из других активных деятелей «Организационного комитета» обратили на себя особое внимание студенты: Александр Арутюнов Бекзадянец, Константин Васильев Меркулов, Владимир Аполлонов Сафонов, Митрофан Александров Володимиров, Александр Максимов Павлов, Давид Иосифов Бершенкрайн, Людвиг Мерзаджанович Кнуцянц...

Все эти лица принимали участие в установленных наружным наблюдением тайных противоправительственных сходках и студенческих собраниях как в здании политехнического института, так и на частных квартирах...

Дознаванием установлено следующее:

...Бекзадянец Александр Артемьев (Арутюнов), 22 лет, вероисповедания армяно-григорианского, сын чиновника, студент Киевского политехнического института, содержался под стражей с 17 апреля по 17 мая 1901 года. При обыске у него обнаружено: 1. печатное воззвание от имени 79 петербургских литераторов по поводу манифестации 4 марта; 2. такое же гектографированное воззвание; 3. три гектографированные прокламации «организационного комитета» от 6 марта, 9 и 15 апреля 1901 г.; 4. гектографированное стихотворение «Грех тяжкий» (как 4 числа нас нелегкая несла смуту унимать...); 5. гектографированное стихотворение «в раздумье» («Без просвета сидим и томимся в глуши...») и 6. три конспекта возбуждающих противоправительственных речей, произнесенных на сходках в политехническом институте. Кроме того, у Бекзадянца обнаружена обширная переписка на армянском языке, касающаяся современного студенческого и отчасти армянского движения».

Протокол, составленный 10 сентября 1901 г. в Киевском жандармском управлении в связи с осмотром изъятых у А. Бекзадяна многочисленных документов, писем, свидетельствует о тех широких связях, которые имел Киевский армянский марксистский кружок с армянской революционной молодежью и студентами Петербурга, Москвы, Харькова, Тифлиса, Баку, Риги, Шуши, Одессы и других городов. Приводимые в указанном протоколе выдержки из писем, полученных А. Бекзадяном из этих городов, свидетельствуют, в свою очередь, о размахе студенческого революционного движения, о том переломе, который произошел в настроении армянской студенческой молодежи—в сторону революционного движения—накануне первой русской революции.

Некоторые члены армянских социал-демократических кружков, сосланные за революционную деятельность на Кавказ, продолжали работу среди рабочих. 25 октября 1902 г. они издали программный документ—декларацию, в которой обобщались первые успехи социалистического движения на Кавказе и подчеркивалась ведущая роль пролетариата в революции. Касаясь деятельности армянского пролетариата, декларация отмечала, что он уже вышел на тернистый путь революции и выступает «рука об руку с русским, грузинским и еврейским пролетариатом в роли знаменосца». Декларация, проникнутая идеями «Искры», возвещала, что социал-демократия своей смелой деятельностью сеет семена социализма и политической свободы «и нет такой силы, которая смогла бы остановить закономерный процесс этого движения». В общей истории распространения марксизма и образования армянских социал-демократических организаций свое достойное место занимает киевский армянский марксистский студенческий кружок.

В работе украинских марксистских кружков 1899—1900 гг. в Харькове принимали активное участие Аршавир Меликян и Акоп Заргарян. В 1899 г. за участие в студенческих демонстрациях Акоп Заргарян был исключен с пятого курса Харьковского технологического института. Его репрессируют и бросают в Метехскую тюрьму². А в 1902 г. член РСДРП с 1901 г. Аршавир Меликян участвует в первом Всероссийском съезде студентов, а также в студенческой демонстрации в Харькове, за что был исключен из института. Возвратившись на Кавказ, он в 1903 г. выезжает в Швейцарию и продолжает учебу, где встречается с В. И. Лениным и испытывает его огромное влияние.

Свое первое боевое крещение получил в Николаеве один из основателей Ереванской большевистской организации РСДРП А. А. Малхасян. В 1900-х годах он примкнул к революционному движению и до 1902 г. активно участвовал в марксистских кружках Николаева. В апреле 1903 г. дирекция Томского технологического института, в котором учился А. А. Малхасян, писала в ответ на запрос томского губернатора: «В студенческих волнениях, происходивших в институте в истекшем учебном году, А. Малхасян принимал деятельное участие, присутствовал на недозволенных сходках и, наконец,

² См. Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 31, л. 23, л. 82; ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, д. 454, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 26, ф. 313, оп. 2, д. 340, ф. 317, оп. 1, д. 3519, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 2, д. 153, ф. 72, оп. 3, д. 850.

принимал участие в обструкции... Во время уличных беспорядков в Томске в феврале с. г. Малхасян подвергался аресту...»³. В дальнейшем А. Малхасян просидел 8 месяцев в тюрьме, после чего был выслан в Тифлис, где принимал участие в руководстве рабочими забастовками. В 1904 г. А. Малхасян возвращается в Ереван и продолжает активно работать в большевистском подполье, руководит марксистским кружком, организует стачку рабочих на заводе Сараджева, ведет пропагандистскую работу.

В 1902 г. «Армянские студенты социал-демократы Киева» объединяются с другой, стоящей на искровских позициях армянской студенческой организацией «Пролетариат», которая также ставила перед собой задачу распространять в армянской действительности социал-демократические идеи, направлять армянский пролетариат Кавказа вместе с пролетариями других национальностей на политическую борьбу, сделать так, чтобы «и наш народ был готов к революции». «Пролетариат» был глашатаем интернационализма. А. Бекзаян, А. Меликян и другие их единомышленники из Киева, Харькова, приехав на Кавказ, помогали местной учащейся молодежи, печатали и распространяли стеклографные газеты. Эти группы подготовили почву в известной мере для создания первой армянской марксистской организации «Союза армянских социал-демократов», который в 1903 г. удостоился высокой оценки В. И. Ленина на страницах ленинской «Искры».

В 1901—1902 гг. социал-демократические кружки учащихся создаются в Баку, Тифлисе и других городах Кавказа.

Если в 1870—1890-х годах студенты-армяне, обучавшиеся в вузах России и Украины, еще были «поборниками просвещения», носителями в основном народнических, утопических и националистических идей, то в 1900-х годах, преодолев эти воззрения, они пытливно искали пути выхода на столбовую дорогу революционного движения. В этом переломе решающую роль сыграли труды и деятельность В. И. Ленина.

В создании первых ленинско-искровских организаций в армянской действительности, а также в оформлении социал-демократических комитетов в Баку, Тбилиси, Батуме, Эривани и других городах Закавказья неопределимую роль сыграли студенты-армяне, получившие политическую закалку в годы учебы на Украине.

---

³ Госархив Томской области, ф. 194, ед. хр. 558, л. 15.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ЛЮДВИГА КНУНЯНЦА НА СТРАНИЦАХ «КИЕВСКОГО СЛОВА» В 1905 ГОДУ

В. Г. САРБЕИ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Славная семья профессиональных революционеров-большевиков Кнунянц оставила неизгладимый след в истории самоотверженной борьбы большевистской партии под руководством великого Ленина против царизма и буржуазно-помещичьего строя. Четыре брата Тарсай, Людвиг, Богдан, Тигран и их сестра Фарандзем—активные участники революционного движения первых десятилетий XX в. не только в Закавказье—Армении, Азербайджане, Грузии, но и во многих других местах нашей многонациональной Родины. Особенно выдающиеся заслуги принадлежат Богдану Минаевичу Кнунянцу (1878—1911)—сподвижнику В. И. Ленина, пламенному революционеру, отдавшему всю сознательную жизнь делу рабочего класса. Его революционная деятельность носила общероссийский характер. В период первой русской революции как агент, а затем член ЦК партии Богдан Минаевич побывал и на Украине. Однако дошедшие до нас документальные сведения об этих поездках настолько скудны, что даже автор специальной работы о Б. М. Кнунянце О. Г. Инджикян смог сослаться лишь на одно письмо, отправленное 2 октября 1905 г. из Одессы в Киев, в котором сообщалось, что «в Николаев на днях приезжал Рубен» (один из многих псевдонимов Б. М. Кнунянца)¹. Следует, однако, признать, что связь с Украиной была все же эпизодом в революционной деятельности Богдана Минаевича.

С Украиной, с борьбой ее народа за свое социальное и национальное освобождение более непосредственно был связан Людвиг Минаевич Кнунянц (1876—1951)². Он учился в

¹ О. Г. Инджикян, Богдан Кнунянц, Ереван, 1961, стр. 126.

² См. там же, стр. 38.

Киевском политехническом институте и в 1901 г. стал одним из организаторов нелегального марксистского кружка армянских студентов³. В том же году за революционную пропаганду и подготовку первомайской демонстрации Л. М. Кнунянц и другие руководители названного кружка были исключены из института. Переехав в Баку, они активно включились в агитационно-пропагандистскую работу местного социал-демократического комитета, руководящую роль в котором играл брат Людвиг Минаевича—Богдан Минаевич. Пропагандируя необходимость сплочения рабочих-армян под знаменем РСДРП, они распространяли листовки также и от имени своих киевских единомышленников⁴.

Большую роль сыграл Л. М. Кнунянц в создании нелегальных социал-демократических типографий в Баку, а летом 1903 г. стал одним из руководителей массовой бакинской стачки⁵, которая явилась сигналом к революционным выступлениям пролетариата других городов. «За Баку—Тифлис, за Тифлисом—Киев, за Киевом—Елисаветград, наконец, Одесса. Грандиозное восстание рабочих Юга...»⁶,—так характеризовала ленинская «Искра» развитие всеобщей июльской стачки, в которой на передний край общероссийского революционного движения вышел пролетариат Закавказья и Украины.

В бурные дни подъема буржуазно-демократической революции, осенью 1905 г., Л. М. Кнунянц снова в Киеве. Он руководит рабочим движением в одном из наиболее революционных пролетарских районов города—так называемой Шулявке. На квартире Людвиг Минаевича недалеко от завода Гретера и Криванека (ныне—завод «Большевик») проходят собрания киевских большевиков⁷, а главным штабом их массовой агитационно-пропагандистской работы становится расположенный здесь же, на Шулявке, политехнический институт⁸—«альма матер» Л. М. Кнунянца. В октябрьские дни 1905 г. студенты Киевского политехнического института присоединились ко всеобщей политической стачке и

---

³ См. «Очерки истории Коммунистической партии Армении», Ереван, 1964, стр. 29.

⁴ См. там же, стр. 30.

⁵ См. О. Г. Инджикян, Богдан Кнунянц, стр. 30, 38.

⁶ «Искра», № 45.

⁷ См. Г. Михайлов. Из спогадів про працю в Київській більшовницькій групі. «1905 рік у Києві та на Київщині». Сборник статей. Под редакцией В. Манилова и Г. Маренко, Киев, 1926, стр. 315—316.

⁸ См. Ф. Алексеев, Спогади про 1905 рік у Києві, Киев, 1930, стр. 22—23.

тогда же на одном из собраний представителей крупных заводов Киева, состоявшемся в институте, был образован Совет рабочих депутатов, который с середины ноября до середины декабря был единственным органом власти на Шулявке (рабочие с гордостью говорили в тот период о «Шулявской республике»)⁹.

Большую роль в революционизации масс сыграли яркие публицистические статьи Л. М. Кнунянца, напечатанные осенью 1905 г. в газете «Киевское слово». В наше время эти статьи представляют большой интерес как с точки зрения исследования истории дооктябрьской большевистской публицистики, так и с точки зрения исследования исторических традиций армяно-украинских революционных связей. Видный большевистский публицист, активный участник революционных событий 1905 г. в Киеве В. В. Вакар в одной из своих работ, написанной уже в советское время, рассказал интересную историю газеты «Киевское слово»¹⁰. Этот рассказ дополняется и рядом других свидетельств.

К началу первой русской революции газета «Киевское слово», занимая ультраправые идеологические позиции, вошла в полосу глубокого кризиса: тираж ее едва достигал 900 экземпляров, которые выписывались преимущественно старыми «батюшками»; привлечь сколько-нибудь способных людей к сотрудничеству в газете редакция не могла, и дело ограничивалось перепечаткой материалов из реакционнейших «Московских ведомостей». Такие обстоятельства вынудили издателя «Киевского слова» профессора-экономиста Киевского университета А. Я. Антоновича продать газету, как говорится, с молотка¹¹. В августе 1905 г. «Киевское слово» купил присяжный поверенный В. З. Финн, сочувствовавший революционному движению. С 16 августа 1905 г. газета стала выходить «под новой редакцией» и «при совершенно обновленном составе сотрудников»¹². О составе постоянных авторов, включившихся в активное сотрудничество с «Киевским словом», редакция широко известила своих читателей через

---

⁹ См. Е. Куш, М. Гловацкий, Киевский политехнический институт накануне и в период первой русской революции. «Ученые записки Киевского ордена Ленина политехнического института. Труды кафедры марксизма-ленинизма», Киев, 1956, стр. 138, 140.

¹⁰ См. В. Правдин, Эпоха «неслыханной смуты» на Киевщине (наброски), «Летопись революции», 1925, № 2(11), стр. 103—104.

¹¹ См. А. Сидоров, В Киеве (Из воспоминаний бывшего цензора), «Голос минувшего», 1918, № 7—9, стр. 139—140.

¹² «Киевское слово», 12 октября 1905 г.

объявления о подписке, которые публиковались на первой странице газеты, начиная с 12 октября и до последнего дня ее издания—1 декабря 1905 г. В оглашенном списке постоянных авторов фигурировала и фамилия Л. М. Кнулянца.

Приняв на себя ответственность редактора и издателя «Киевского слова», В. З. Финн фактически не вмешивался в редакционные дела, всецело предоставив коллегии сотрудников определять политическое и литературное направление «Киевского слова». Редакционная же коллегия состояла преимущественно из социал-демократов, во многом тон газеты задавали большевики. Фактически «Киевское слово» стало полуофициальным органом Киевской организации РСДРП¹³. Массы воспринимали публиковавшиеся в газете материалы как призыв к самому активному участию в революционной борьбе. Даже вычеркнутые цензурой статьи «Киевское слово» все же публиковало явочным порядком и при этом большей частью за подписями авторов. Последнее обстоятельство позволило царским властям после поражения революции привлечь к судебной ответственности за участие в работе «Киевского слова» ряд ее сотрудников¹⁴. По образному выражению В. В. Вакара, эта газета, выходявшая тиражом не менее 15 тысяч экземпляров, представляла собой сплошную прокламацию и была в конце концов в начале декабря запрещена царскими властями. Со статьями, призывавшими массы к решительному наступлению против царского самодержавия, в сентябре—ноябре 1905 г. в «Киевском слове» выступали известные деятели революционного движения в Киеве, большевики А. Г. Шлихтер, В. В. Вакар, А. Н. Мельничкий, Н. П. Козеренко, А. К. Скрышников. В это же время в «Киевском слове» появились статьи Л. М. Кнулянца.

5 сентября в «Киевском слове» была напечатана статья «Нефтяной голод», подписанная псевдонимом «Л. Кирияк». Но псевдоним вскоре был раскрыт самим автором в другой его статье, напечатанной 13 сентября в «Киевском слове». Здесь, в частности, отмечалось: «Еще на днях на страницах «Киевского слова» мы старались показать, какую важную роль играет нефтяная промышленность в жизни России и, не желая повторяться, укажем только на главные мотивы, которыми мы руководствовались в упомянутой статье»¹⁵.

¹³ См. В. Манилов, Киевский Совет рабочих депутатов в 1905 г., Киев, 1926, стр. 23.

¹⁴ См. В. Вакар, Жовтневі події року 1905 у Києві. «1905 рік у Києві та на Київщині». Сборник статей. Под редакцией В. Манилова и Г. Маренко, Киев, 1926, стр. 300.

¹⁵ «Киевское слово», 13 сентября 1905 г.

В этих строках, взятых из статьи, под которой стоит подпись «Л. Кнунянц», не только прямо засвидетельствовано его же авторство, но и дана схема основных положений статьи «Нефтяной голод». Но только схема, ибо статья основана на глубоком анализе и синтезе большого статистического материала, который делает выводы автора особенно убедительными. Л. М. Кнунянц показал широкую картину социально-экономических последствий спровоцированной царизмом в конце августа 1905 г. в Баку армяно-татарской (азербайджанской) резни, в ходе которой возникли пожары на нефтяных промыслах, уничтожившие огромные материальные ценности.

Сначала автор затрагивает самый широкий, международный аспект проблемы. «Весь Балаханско-сабунчинский район, Биби-Эйбат—это царство нефти,—отмечается в статье,—сделалось жертвой огня и полнейшего разгрома. Североамериканский нефтяной трест может торжествовать, так как перестал существовать, по крайней мере на десять месяцев, его российский конкурент»¹⁶. Таким образом, автор сразу же вводит читателя в мир жесточайшей капиталистической конкуренции, охватившей весь мир в эпоху империализма. Далее Л. М. Кнунянц со знанием дела описывает влияние, которое должна оказать «балаханская катастрофа» на внутреннее промышленное и торговое развитие России; приводит цифры, характеризующие потребление нефтяных продуктов в различных отраслях промышленности и транспорта, рассказывает о нефтеперерабатывающих заводах России.

Но ограничиться лишь этим материалом, освещающим проблему главным образом в общегосударственном масштабе, Л. М. Кнунянц как большевистский публицист не мог. Смысл его статьи в другом. Он содержится в заключительной части, где рассматривается вопрос, как события на Кавказе отразятся на российском потребителе, причем потребителе не состоятельном, которому нетрудно заплатить двойную и того больше плату за керосин, а на мелком потребителе—крестьянине и рабочем. Анализируя статистические данные о потреблении керосина российским крестьянством и сравнивая их с данными потребительной способности населения Англии и Германии, Л. М. Кнунянц раскрывает ужасную картину буквального мрака, в котором проходила жизнь крестьянина в России, где по вечерам в крестьянской избе свет керосиновой лампы в среднем мог держаться не больше получаса.

¹⁶ «Киевское слово», 5 сентября 1905 г.

И в заключение Л. М. Кнуляниц делает следующий вывод: «Резня на Кавказе и уничтожение нефтяных промыслов хуже всех отразятся на этой крестьянской бедноте, так как несомненно, что цена на керосин страшно поднимется вследствие прекращения добычи нефти на Апшеронском полуострове. Жизнь во мраке в долгие зимние вечера довершит общую картину ужасного положения, в котором находится русский многострадальный крестьянин»¹⁷. Так большевистский публицист сквозь призму интересов широких народных масс всей страны рассмотрел одно из значительных событий 1905 г. на Кавказе—пожары на бакинских нефтепромыслах.

Фактически продолжением статьи «Нефтяной голод» является статья Л. М. Кнулянца «Экономические последствия современной смуты на Кавказе», опубликованная в сентябре в двух номерах «Киевского слова». Эту статью автор начинает тем, чем закончил предыдущую статью: обобщением фактического материала, характеризующим возможные последствия нефтяного голода для трудящихся. Причем если в предыдущей статье Л. М. Кнуляниц осветил социально-экономические перспективы жизни крестьян, то на сей раз в центре его внимания были рабочие. Автор отметил, что безработица и голод, как последствия экономической катастрофы на Кавказе, уже дали о себе знать в Баку, где десятки тысяч рабочих с семьями очутились буквально под открытым небом. То же самое ожидает и рабочих тех отраслей производства России, которые поддерживаются бакинской нефтью, делает вывод Л. М. Кнуляниц, предварительно нарисовав конкретную картину многочисленных работавших на бакинском нефтяном топливе предприятий различных отраслей промышленности в петербургской, московской, варшавской, одесской, киевской и других губерниях.

Во второй части своей статьи Л. М. Кнуляниц касается других отраслей экономики Кавказа, имевших общероссийское значение и подорванных разжигаемой царизмом политикой национальной розни. Автор говорит о хлопководстве, шелководстве, виноделии, добыче меди, в частности, упоминает о своем родном Шушенском уезде, где в результате спровоцированных межнациональных стычек разрушены заводы, перерабатывавшие продукцию местного сельского хозяйства, и поэтому десятки тысяч мелких садовладельцев не могут сбыть свой виноград, а тысячи рабочих, нанмавшихся на виноспиртовые, шелкомотальные и другие заводы и фабрики, обречены на голодное существование. Закачивает свою статью Л. М. Кнуляниц рассмотрением проблемы в междуна-

---

¹⁷ Там же.

родном аспекте в свете новых данных, в частности известием о приезде в Петербург нефтяного короля Америки архимиллиардера Рокфеллера для переговоров о нефтяных богатствах России.

Однако не только в области нефтяной проблемы—области, близкой Л. М. Кнунянцу, инженеру-нефтянику по образованию и по опыту продолжительной работы среди рабочих нефтяных промыслов Баку, он выступал со статьями в «Киевском слове». Его журналистско-публицистический диапазон был значительно шире, основывался главным образом на большом революционном опыте видного социал-демократа-большевика, последовательно отстаивавшего и пропагандировавшего марксистско-ленинские идеи. С этой точки зрения, весьма характерной является статья Л. М. Кнунянца «Неотложные задачи», появившаяся в «Киевском слове» 31 октября 1905 г. Автор посвятил свою статью практической проблеме необходимости сплочения социал-демократических сил, восстановления единства партии всероссийского пролетариата—проблеме, весьма актуальной для того времени, когда в октябре—ноябре на повестку дня развивавшейся революции был вплотную поставлен вопрос о вооруженном восстании, имевшем целью свержение царского самодержавия. Как известно, состоявшаяся вскоре, в декабре 1905 г., Таммерфорская конференция большевиков официально приняла решение о восстановлении единства РСДРП.

Таким образом, статья Л. М. Кнунянца затрагивала важную общепартийную, общепролетарскую проблему, которую автор решал, исходя прежде всего из революционной практики. «Лозунги единой партии,—писалось в статье «Неотложные задачи»,—провозглашаемые в разных случаях, и призыв к организации партии пролетариата показывают, насколько ощущается необходимость создания такой партии»¹⁸. Л. М. Кнунянец призывает спешить с мобилизацией обширной армии пролетариата, с открытым выступлением пролетарской партии на арене политической жизни России для борьбы с «многоголовой гидрой» российской буржуазии. Автор подчеркивает, что пролетариат выдвинулся в центр социально-экономической структуры общества: «Концентрация масс, в противоположность старому времени, в настоящее время происходит вокруг самого обездоленного, бесправного, экономически поработанного класса—пролетариата, к голосу которого прислушивается теперь вся страна»¹⁹. Здесь же отмечаются организованность и партийная дисциплина как

¹⁸ «Киевское слово», 31 октября 1905 г.

¹⁹ Там же.

характерные социальные признаки поведения рабочего класса в политической борьбе. Очень актуально звучат в наше время слова Л. М. Кнулянца, написанные более шестидесяти лет тому назад: «Милитаризм, империализм, идея реванша, колониальная политика и т. д. не находят более опасного противника, какого они встречают в лице организованного пролетариата»²⁰.

В статье «Неотложные задачи» Л. М. Кнулянец наметил в общем виде схему развития рабочего движения в России в органическом единстве с развитием российской социал-демократии от первых ее шагов, которые автор характеризует как «сизифову работу кружковщины», до всеобщих массовых выступлений пролетариата периода революции 1905 г. Эта схема конкретизирована в другой статье, которую «Киевское слово» опубликовало 18 ноября 1905 г. Довольно нейтральное, без каких-либо броских политических фраз, но привлекающее внимание читателей своей некоторой загадочностью заглавие статьи «1901—1905 гг.» прикрывало блестящий по форме и содержанию исторический очерк освободительного движения в России за указанный период. Статья вселяла непоколебимую уверенность в неотразимое могущество революционных сил российского пролетариата. Перед статьей Л. М. Кнулянца за подписью «Я. Д.» было помещено стихотворение.

Мы долго страдали... Жестокие казни
К свободе желанной нам путь преграждали.
Но, сильные духом, мы шли без боязни
И взяли свободу... Мы долго страдали!..
Свершилось... Распались тяжелые цепи...
Под грохот орудий нам воля явилась...
Наш враг,—произвол самовластья свирепый,—
Признал наше право и силу!..

Свершилось!

Но живы тираны... С проклятьем бессилья
Они измышляют преступные планы...
И сеют меж нами вражду и насилие,
И снова ждут власти... Но живы тираны!..
Борись пролетарий!.. Пора не настала
Оружие бросить,—ты все еще парий!
Ты стонешь, как прежде,—слуга капитала,—
И мрешь с голодухи... Борись, пролетарий!..

По форме и средствам выражения поэтической мысли это стихотворение далеко от совершенства, но написано оно искренно и по содержанию вполне отвечало духу времени. В

²⁰ Там же.

сочетании с блестящей по форме и содержанию статьей Л. М. Кнулянца стихотворение «Я. Д.» представляло революционно-агитационный материал большой взрывной силы. Публикация такого материала в «Киевском слове» 18 ноября тем более понятна, если вспомнить, что именно в этот день имело место вооруженное выступление солдат киевского гарнизона, а решение о проведении революционной военной демонстрации было принято еще накануне²¹. Таким образом, статья Л. М. Кнулянца тогда имела не просто познавательный-теоретический характер, а служила вполне практическим целям революции—мобилизовать массы на вооруженное восстание. И хотя восстание 18 ноября в Киеве потерпело поражение, оно сыграло значительную роль в революционном воспитании масс, ибо это был, по определению В. И. Ленина, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством²².

Статья «1901—1905 гг.»—самое выдающееся явление в той части творческого наследия Л. М. Кнулянца, которая нашла себе место на страницах «Киевского слова» 1905 г. Ее можно считать одним из лучших произведений дооктябрьской большевистской публицистики исторического жанра. Автор обнаруживает большое умение в анализировании и синтезировании исторических фактов, не говоря уже о ярком и увлекательном их изложении. Для литературного стиля Л. М. Кнулянца характерна четкость формулировок, доступность и ясность выдвигаемых положений. В общем Л. М. Кнулянец показал себя и как исследователь-историк, и как журналист-историк с самой лучшей стороны. Как яркий образец революционной большевистской дооктябрьской публицистики статья Л. М. Кнулянца может найти широкий интерес и у современного читателя и, несомненно, служить делу коммунистического воспитания советских людей на революционных традициях. Поэтому желательно опубликовать статью «1901—1905 гг.» в каком-либо из современных периодических изданий, сопроводив публикацию соответствующей историографической справкой об авторе статьи.

Пятилетие 1901—1905 гг. Л. М. Кнулянец считает знаменательной эпохой в истории освободительного движения в России исходя из того, что именно в этот период пролетариат показал себя той массовой силой, которая была одна в состоянии взять на себя задачу вести всю борьбу с современным строем для завоевания действительной социально-политической свободы. При характеристике развития рево-

²¹ См. «История Киева в двух томах», т. I, Киев, 1960, стр. 628—630.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 123.

люционного движения в рассматриваемый им период от внимания автора не ускользают ни экономические, ни политические факторы, способствовавшие подъему этого движения. Л. М. Кнунянц, в частности, упоминает промышленный кризис, охвативший в конце XIX и начале XX вв. всю Россию, в особенности ее южную часть, и породивший страшную нищету, голод, безработицу и ухудшение условий труда вследствие сильной конкуренции; так называемые «крестьянские бунты» 1902 г., в которых определенную роль сыграли семена политической агитации, брошенные в деревне рабочими. Как знаменательное явление, внесшее ценный вклад в историю русской социал-демократии, Л. М. Кнунянц отмечает не стихийное, а сознательное крестьянское движение в Гурии, организованное и руководившееся социал-демократами.

На выступление пролетарских и крестьянских масс правительство ответило массовой контрреволюцией, организовав и вооружив банды хулиганов, подонков общества, которые осуществили погромы в Кишиневе, Гомеле, Житомире, на Кавказе, организовали всероссийское побоище, перед которым бледнеют Варфаломеевская ночь и вакханалии Нерона. Однако ничто не могло остановить борьбу рабочего класса за свое социальное освобождение. «Стоит только беглым взглядом окинуть историю борьбы российского пролетариата за последнее пятилетие,—пишет Л. М. Кнунянц,—чтобы убедиться, как постепенно под грохотом орудийных выстрелов, под свистом пуль и ударами казацких нагаек росло и крепло классовое самосознание рабочих масс, как постепенно частичные забастовки переходили во всеобщие стачки, как уличные демонстрации становились все грандиознее, как местами подготавливались и происходили попытки восстания, как весь этот процесс борьбы развил настоящую классовую солидарность, пример которой мы видели во всероссийской поддержке петербургских рабочих в начале текущего года и еще недавно в стачке железнодорожных служащих и рабочих»²³. В качестве ярких примеров развития классовой солидарности пролетариата Л. М. Кнунянц называет всеобщую стачку 1903 г., стачки в январе 1905 г. и октябрьскую железнодорожную стачку 1905 г., которые обнаружили неразрывную связь между рабочим движением в России и социал-демократией.

В духе формулировок, высказанных в свое время ленинской газетой «Искра» в отношении исторического значения всеобщей стачки 1903 г., Л. М. Кнунянц указывает, что это было первое генеральное сражение, которое дал пролетари-

---

²³ «Киевское слово», 18 ноября 1905 г.

ат всего юга России бюрократически-буржуазному строю, что эта стачка открыла новую эру в жизни рабочего движения в России, показав мощь пролетариата и возможность его самостоятельного выступления, что по количеству участников, по продолжительности и по продемонстрированной солидарности эта стачка едва ли имеет равную в мировой истории. Опыт рабочего движения использовала революционная социал-демократия, которая от координации борьбы пролетариата с политическими выступлениями непролетарских оппозиционных элементов, в частности студенчества, перешла к организации всеобщих забастовок. Л. М. Кнунянц говорит о неудержимом потоке народного негодования, пронесшегося по всей России в январе 1905 г. и вылившегося во всеобщую стачку солидарности с бастующими петербургскими рабочими, а также в вооруженные столкновения рабочих с войсками и полицией. Л. М. Кнунянц конкретно называет места, где они происходили, называет цифры жертв этих столкновений и замечает: «Мартиролог русской революции текущего года неосчерчаем: ни в одной стране освободительная борьба не поглотила столько жертв»²⁴.

Л. М. Кнунянц характеризует высокое развитие классового самосознания российского пролетариата в 1905 г. на примерах его отношения к комиссии сенатора Шидловского, к правительственному рескрипту 18 февраля, адресованному министру внутренних дел Булыгину; отдельно останавливается на восстании броненосца «Потемкин», оценивая это восстание в духе соответствующих ленинских положений. Как известно, В. И. Ленин в статье «Революционная армия и революционное правительство», которая была 10 июля (27 июня) 1905 г. опубликована в центральном печатном органе большевистской партии—газете «Пролетарий», указывал, «что впервые крупная часть военной силы царизма,—целый броненосец,—перешла открыто на сторону революции, что переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром... и какова бы ни была судьба броненосца (Владимир Ильич писал статью в разгар восстания), налицо несомненный и значительнейший факт: попытка образования *ядра революционной армии*»²⁵. А вот что пишет через несколько месяцев в «Киевском слове» Л. М. Кнунянц о том же событии, заставившем, по его словам, заговорить о себе весь культурный мир: «Одно из самых крупных боевых судов, гигант-броненосец «Потемкин» перешел на службу русской ре-

²⁴ Там же.

²⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 336, 337.

волюции и вместе с одним миноносцем оказывал помощь забастовавшему одесскому пролетариату, наводя панику своими грозными пушками на одесских властей»²⁶.

В заключение статьи «1901—1905 гг.» говорится: «Перешагнув через законодательный акт 6 августа, достоинство которого было разве только в том, что несколько профильтровало наших либералов, сбросив с них маску, мы вступаем в самый бурный период революционной борьбы в жизни России»²⁷. Однако эти строки не означали конца статьи, так как вслед за ними в скобках стояли слова «продолжение следует». Таким образом, автор имел определенное намерение продолжить свой исторический очерк с тем, чтобы рассказать читателям правду и о «самом бурном периоде» революции 1905 г. — подъеме революционного движения масс осенью того же года. Но осуществить свое намерение Л. М. Киуянцу так и не удалось.

19 ноября, на следующий день после опубликования этой статьи и после поражения вооруженного выступления солдат-саперов под руководством подпоручика Б. П. Жадановского, в Киеве было введено военное положение, которое провозглашало право генерал-губернатора по своему усмотрению приостанавливать периодические издания²⁸. В результате нажима царских властей «Киевское слово» не выходило два дня, а когда 21 ноября возобновило свое издание, то в силу цензурных требований стало ограничиваться лишь перепечаткой текущего материала. Лишь в последних двух номерах «Киевского слова» вновь появились и публицистические статьи революционного содержания (1 декабря, например, была опубликована статья В. В. Вакара «Две нации»²⁹), и перепечатки из руководимой В. И. Лениным петербургской большевистской газеты «Новая жизнь». Панически напуганные революционным содержанием материалов обоих периодических изданий царские власти 2 декабря 1905 г. запретили дальнейший выход в свет как «Новой жизни», так и «Киевского слова». И хотя эти издания так и не возобновились, но посеянные ими семена большевистской революционной мысли не пропали: они дали благодатные всходы в ходе дальнейших революционных боев рабочего класса под руководством большевистской партии, завершившихся великой победоносной пролетарской революцией в октябре 1917 г.

²⁶ «Киевское слово», 18 ноября 1905 г.

²⁷ Там же.

²⁸ См. «Киевское слово», 21 ноября 1905 г.

²⁹ См. «Киевское слово», 1 декабря 1905 г.

Высоко оценивая выдающийся вклад «Киевского слова» в революционную пропаганду большевистской партии, следует со всей определенностью подчеркнуть, что успех газеты у читателей обеспечивался активным сотрудничеством ряда ее талантливых авторов-большевиков, среди которых почетное место по праву принадлежит Л. М. Кушняицу.

УЧАСТИЕ УКРАИНСКИХ И АРМЯНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ БОЛГАРИИ (1905—1912 гг.)

И. М. КУЛИНИЧ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Первая русская революция открывала, по словам В. И. Ленина, «новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата»¹. Революционная борьба болгарского рабочего класса, развернувшаяся под влиянием революционных событий в России 1905—1907 гг., является ярким примером начала нового и более высокого этапа рабочего движения в Болгарии. В одной из своих статей, оценивающих значение русской революции, выдающийся деятель болгарского рабочего движения Христо-Кабакчиев отмечал, что «событием, которое дало самый сильный толчок революционной борьбе пролетариата, которое подняло его революционный дух и раскрыло перед ним необъятные горизонты для новой работы и новых успехов, событием, которое выдвинуло перед борющимся пролетариатом его историческую революционную задачу, как один из насущных, актуальных, жизненных вопросов — является поднимающаяся революция в России»².

Если за 22 года, с 1882 по 1904 гг., в стране произошло 48 стачек³, то только в 1905 г. было 46 стачек⁴. Росла политическая активность болгарского пролетариата, выражавшаяся в увеличении количества участников первомайских демонстраций, митингов и собраний протеста против внутренней реакционной политики буржуазных правительств. В 1906—1907 гг. в стране произошло 82 стачки, в 1907—1908 гг.—75

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 174.

² «Работнически вестник» (София), 1 июня 1905 г.

³ См. Д. Коджейков, К. Ламбрев, Материали по синдикалното движение в България, София, 1949, стр. 20.

⁴ См. Г. Димитров, Съч., т. I, стр. 57.

стачек, 1908—1909 гг.—79, во втором полугодии 1909 г.—81 стачка, в 1910 г.—164 стачки⁵.

В горниле классовых битв в Болгарии в это время закаляется пролетарское единство болгарского рабочего класса с представителями народов других стран, в том числе и с украинскими и армянскими трудящимися, которых судьба забросила в эту страну. Особое место в истории пролетарской солидарности болгарских трудящихся занимает помощь революционных социал-демократов Болгарии — тесняков участникам героического восстания на броненосце «Потемкин». Уже в первые дни восстания потемкинцев центральный орган тесняков газета «Рабочнически вестник» опубликовала подробные сведения о нем.

Вскоре после этого была напечатана передовая статья под названием «Эпопея броненосца «Князь Потемкин», в которой говорилось: «Социалисты всех стран гордятся, что этот великий и беспримерный подвиг совершили их товарищи»⁶. После поражения восстания болгарские тесняки горячо выступили в защиту революционных моряков и высказали готовность принять их в свои ряды.

Как только болгарскому правительству стало известно о восстании в русском черноморском флоте, оно, как сообщали с радостью из русского посольства в Петербург, немедленно по собственной инициативе приказало своим «приморским властям в случае, если появятся наши мятежные суда, ни под каким предлогом не выдавать им ни провизии, ни угля, а ежели они пожелают сдаться, то задержать суда и арестовать всю команду»⁷. В Петербург также доносили, что «болгарское правительство сразу усвоило по отношению к взбунтовавшейся команде правильный взгляд как на преступников, подлежащих выдаче, а отнюдь не как на дезертиров»⁸.

После того, как революционные моряки «Потемкина» высадились в Румынии, царское правительство передало болгарским властям списки команды с описанием примет членов экипажа и просило задержать их и выдать царским властям, если они появятся на болгарской территории⁹. В ответ на правительственное распоряжение не пускать потем-

⁵ См. там же, стр. 330, 387.

⁶ «Рабочнически вестник», 4 мая 1905 г.

⁷ АВПР, Политархив (далее—ф. ПА), ед. хр. 1329, л. 62; ед. хр. 1328, л. 86; ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. 772, л. 81.

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. 772, л. 81.

⁹ АВПР, ф. ПА, ед. хр. 1329, л. 68.

кинцев на болгарскую территорию партийный орган тесняков напечатал следующий протест. «Нам стало известно,—говорилось в нем,—что министерство внутренних дел по просьбе министерства иностранных дел направило «секретное» распоряжение административным властям, в котором содержится список важнейших «бунтовщиков» из восставшего экипажа русского броненосца «Князь Потемкин», приказывая им не пропускать перечисленных в том списке лиц на жительство в Болгарию. Мы спрашиваем правительство: так ли это? И если это так, то на каком основании издано такое распоряжение, которое является явно антиконституционным. Выходит, что Болгария настолько пресмыкается перед русским деспотом, что по его приказу не пускает в свои пределы тех русских борцов за свободу, которые в Румынии нашли прием и защиту»¹⁰.

Протест болгарских революционных марксистов вынудил правительство отменить свое распоряжение об аресте потемкинцев и интернировании, и когда в октябре 1905 г. в Болгарию прибыло 15 участников восстания, болгарские друзья помогли им устроиться на работу в городах Варне, Бургасе, Русе, Пловдиве, Софии. В последующие годы еще несколько десятков потемкинцев нелегально переехали в Болгарию, чтобы там остаться или же позже выехать в другие страны¹¹.

Известный деятель болгарского революционного движения Георгий Бакалов в своих воспоминаниях, касаясь вопроса русских политических эмигрантов в Болгарии, писал: «Прибывали и эмигранты не из интеллигенции, а уже из рабочих и крестьян: это были моряки парохода «Потемкин», высадившиеся в Румынии (Кюстенджи) и оттуда переместившиеся в Болгарию. Они вынуждены были скрываться, поскольку болгарские власти преследовали их. Во время управления Димитра Петкова полиция разослала на места секретный циркуляр об аресте потемкинцев и выдворении их из страны. Не было раньше случая, чтобы правительство болгарских либералов преследовало по своей собственной инициативе русских эмигрантов и угрожало им выселением. Эмигрант-народник мог быть полезен болгарским властям.

¹⁰ «Работнически вестник», 6 сентября 1905 г.

¹¹ В. Хаджиниколов, Отражение на първата руска революция в България, София, 1956, стр. 86—87; его же, Подъем революционного движения в Болгарии в 1905—1907 гг. В кн.: «Первая русская революция и международное революционное движение», М., 1955, стр. 522; П. Сохань, Вогонь вічної дружби, Киев, 1966, стр. 45.

Эмигрант-пролетарий, стремившийся к социальной революции, был чем-то совсем иным. Здесь уже усматривался призыв к коммунизму. И буржуазное правительство не церемонилось. Набрасываясь на эмигрантов, оно косвенно наносило удар и по болгарским товарищам. Снова дух русской революции явился в лице потемкинцев движущим началом прогресса; снова слабое революционное движение в Болгарии почувствовало в себе силы, приобщаясь к громадному океану русской революции»¹².

Как известно, среди экипажа восставшего «Потемкина» было много матросов-украинцев.

Группа потемкинцев вместе с украинским большевиком Афанасием Каютенко-Каютиным, а также известным деятелем РСДРП М. М. Литвиновым, верным сыном армянского народа, легендарным Камо—Симоном Аршаковичем Тер-Петросяном и болгарскими революционерами Романом Аврамовым и Борисом Стомонясовым в годы перерыва русской революции организовали закупку оружия за границей и доставку его из Болгарии в Россию¹³. Камо и Литвинов выехали по поручению В. И. Ленина в Софию, через тесняков установили контакт с видными революционными деятелями Македонии Н. Тюфекчиевым и Б. Сарафовым и при их содействии добились у болгарских властей разрешения разместить в Варне закупленное за границей оружие. У представителя болгарского акционерного общества «Сила» Найденова Камо и Литвинов приобрели паровую яхту «Зора», для обслуживания которой ЦК РСДРП(б) направил из Одессы через Стамбул экипаж из семи большевиков во главе с активным членом Одесской партийной организации штурманом А. С. Каютенко-Каютиным. В состав экипажа судна вошел и болгарский моряк Слава Христов.

Для того чтобы усыпить бдительность местных властей в Варне и русских шпионов, болгарские революционеры распространили слух, будто бы оружие предназначено для армян, проживающих в Турции, вследствие чего таможенные власти без серьезного досмотра пропустили яхту через пограничные посты.

12 декабря 1906 г. «Зора» под болгарским флагом, груженная оружием (2 тыс. винтовок и 650 тыс. патронов) и нелегальной литературой, вышла в море и направилась к

¹² Цит. по кн.: В. Хаджиниколов, Отражение на Първата руска революция в България, стр. 87—88.

¹³ ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, ед. хр. 2339, лл. 1—73; ед. хр. 2340, оп. 1, т. 2, ед. хр. 2025, лл. 25, 57; П. Сохань, указ. соч., стр. 46.

берегам России. Впоследствии, проводя расследование по этому делу, одесские жандармы отмечали полное единство действий между русскими и болгарскими революционерами¹⁴.

В годы черной реакции, наступившей в России после поражения революции 1905—1907 гг., революционные связи украинских и болгарских трудящихся не прекратились. Большую роль в укреплении этих связей сыграли контакты, установленные В. И. Лениным и его соратниками по партии—Камо, Литвиновым и другими с руководителями болгарских революционных социал-демократов. Между Болгарией и Россией, особенно по маршруту Варна—Одесса, не прекращалось движение населения. Так, в 1908 г., например, через Одесский порт из Болгарии прибыло 2817 человек и выехало из России в Болгарию почти две тысячи человек. В следующем году в Одессу приехало 417 болгар, в 1910—335 и т. д.¹⁵ Подавляющее большинство этих болгар были крестьяне огородники и рабочие, которые после окончания сезона, как правило, возвращались в Болгарию. Часто по поручению болгарских и русских революционеров они провозили через границу нелегальную литературу. Так, под влиянием русского пролетариата и большевистской партии, возглавляемой В. И. Лениным, болгарские трудящиеся втягивались в революционное движение, заимствовали богатый опыт революционной борьбы.

Немаловажную роль в Одесской социал-демократической организации в 1908—1910 гг. играли болгарские революционеры Стоян Джоров и Никола Димитров, брат Георгия Димитрова, которые примыкали к большевистскому крылу организации, возглавляемому в эти годы такими видными деятелями партии, как В. В. Воровский и С. Н. Модестов, С. Джоров и Н. Димитров, и проводили большую работу по укреплению Одесской партийной организации, понесшей серьезные потери в результате арестов ряда ее членов. С. Джоров, в частности, добивался укрепления партийных групп на всех крупных промышленных предприятиях, вел переписку с социал-демократическими организациями Петербурга, Москвы, Севастополя, Николаева. Болгарские революционеры в Одессе поддерживали связи с тесняками на родине. Они оказывали содействие своим русским товарищам в издании и распространении газеты Союза черноморских моряков (впоследствии Союза судовых команд России)—«Моряк», кото-

¹⁴ См. А. Бачинский, М. Дыхан, Дай руку, другар! Одесса, 1965, стр. 64—65; АВПР, ф. Миссия в Софии, оп. 527/1, ед. хр. 13, лл. 17—19, 25.

¹⁵ ЦГИА УССР, ф. 385, оп. I, ед. хр. 2423, л. 3; П. Сохань, указ. соч., стр. 46; А. Бачинский, М. Дыхан, указ. соч., стр. 66.

рая в одно время печаталась в Варне в типографии Т. Тодорова. Из Варны с помощью болгарских революционеров газета перевозилась в Одессу и Севастополь¹⁶.

Активно действовали в это время и русские революционеры, эмигрировавшие после поражения революции 1905—1907 гг. в Болгарию. Царская агентура на Балканах неоднократно докладывала о сочувствии, проявляемом к русским революционерам «каждым болгаринном, независимо от его социального положения». В одной из докладных записок сотрудника царской охраны отмечалось, что «достаточно русскому революционеру доказать в Болгарии свою принадлежность к русским революционным организациям, чтобы на него смотрели как на мученика и быстро подыскивали для обеспечения его существования занятия вплоть до государственной службы»¹⁷. Все это содействовало тому, что в Болгарии нашли приют активные участники революции 1905—1907 гг. на Украине: И. Хонявко, Е. Никош, А. Вербов, В. Тесленко, Т. Дмитренко, Т. Рукобратский и др. Многие из них активно сотрудничали с революционно настроенными болгарскими трудящимися, передавали им опыт нелегальной работы и вместе с тем информировали В. И. Ленина о революционных событиях в Болгарии¹⁸.

В рядах болгарского пролетариата было значительное количество рабочих-армян, переселившихся в Болгарию из Турции. Обычно эти обездоленные люди ютились на окраинах в рабочих кварталах болгарских городов. В Софии такими кварталами были Коньовица и Юч-Бунар; в Габрово—VI участок (один из самых больших рабочих кварталов), квартал Лекаша, где жили в основном рабочне-кожевенники, квартал Консул Махлеси; в Варне—цыганский квартал (махала) и много им подобных в других городах страны. Цыганский квартал, например, в Варне был расположен на расстоянии почти километра от центра города, а заселен исключительно рабочими различных национальностей: болгарами, армянами, турками, румынами, цыганами, греками и представителями других народов. Дорога к поселку шла мимо никогда не высыхающего болота. Приходилось зажимать нос, чтобы постепенно привыкнуть к ужасной вони

¹⁶ См. А. Бачинский, М. Дыхан, указ. соч., стр. 66—69.

¹⁷ Цит. по кн.: П. Сохань, указ. соч., стр. 49. См. также А. Бачинский, М. Дыхан, указ. соч., стр. 69; ЦГИА УССР, ф. 268, оп. I, ед. хр. 853, л. 106.

¹⁸ См. П. Сохань, указ. соч., стр. 49—50; ЦГИА УССР, ф. 385, оп. I, ед. хр. 1685, лл. 11, 14.

квартала, состоящего из нагроможденных друг на друга лачуг, похожих скорее на пчелиные ульи, чем на человеческое жилье. Одни лачуги были совсем без окон, в других вместо стекол окна были закрыты от холода тряпьем.

В этом квартале можно было встретить рабочих самых различных профессий: табачников, слесарей, текстильщиков. Недалеко здесь была расположена хлопкопрядильная фабрика, и большая часть рабочих из цыганского квартала была текстильщиками. «Их нетрудно было узнать,—писала газета тесняков «Работнически вестник».—Если встречался человек с испитым лицом, желтый и слабый, сгорбленный, с впалой грудью, с потухшим взглядом, осипшим и глухим голосом, опухшими от напряжения и бессонницы глазами—то это определенно был или табачник, или рабочий-текстильщик»¹⁹. В другом номере газета писала: «Большое количество рабочих вследствие убийственных условий труда и нищенской заработной платы подвергается постоянным болезням и преждевременной старости, ведущим к физическому вырождению и преждевременной смерти»²⁰.

Армянские трудящиеся, подвергавшиеся капиталистической эксплуатации на предприятиях Болгарии, вместе с болгарским пролетариатом выступали на борьбу против общего классового врага, участвовали в многочисленных стачках, начавшихся в Болгарии под влиянием революций 1905—1907 гг. в России, шли вместе с болгарскими рабочими в рядах демонстрантов во время крупных политических выступлений пролетариата Болгарии.

Во время общей железнодорожной забастовки на Восточной железной дороге в Болгарии в сентябре 1908 г. среди руководителей стачки мы встречаем и армянина-тесняка Тиграна Исмияна, который активно разоблачал болгарских оппортунистов—общедельцев, обвиняя их в соглашательстве с буржуазией²¹.

В 1909 г. на первомайские демонстрации в Болгарии под знаменем революционных социалистов-тесняков вышло свыше 7 тыс. человек²². По поручению ЦК партии тесных социалистов выдающийся деятель болгарского рабочего движения Васил Коларов проводил организационную работу к празднованию 1 Мая в Пловдиве. Здесь под руководством тесняков на демонстрацию вышло около 600 рабочих. Она явилась

---

¹⁹ «Работнически вестник», 9 января 1910 г.

²⁰ «Работнически вестник», 22 октября 1910 г.

²¹ См. «Работнически вестник», 9 сентября 1908 г.

²² «Работнически вестник», 28 апреля 1909 г.; Д. Димитров, Съч.,

«блестящим выражением международной рабочей солидарности». В ней принимали участие «болгары, армяне, греки, евреи, турки, немцы, перед которыми стояла одна и та же цель». После того как колонны демонстрантов прошли по рабочим кварталам города, количество участников значительно возросло, а вечером в Народном доме тесняков состоялся большой митинг, куда пришли также и рабочие-каменщики, сербы по национальности²³. В первомайской демонстрации в г. Варне принимало участие 700 человек самых различных национальностей: болгар, турок, армян, греков²⁴.

Необходимо отметить, что классовая солидарность болгарских и армянских трудящихся проявлялась не только в борьбе против болгарских капиталистов, но также и против буржуа-армян, владельцев фабрик и крупных мастерских в Болгарии.

Так, например, когда 25 апреля 1909 г. на табачном складе владельца Крубальяна в Пловдиве был объявлен локаут, направленный против профессионального союза табачников, то 28 локаутированных рабочих в течение 10 дней вели борьбу с предпринимателем, пока наконец не сломили его сопротивление. Крубальян принял на работу всех рабочих, сохранив прежнюю зарплату, а увольнения рабочих в дальнейшем могли быть произведены только с согласия рабочей комиссии²⁵.

Вместе бастовали рабочие болгары и армяне в 1910 г. на фабрике Томасяна в Пловдиве²⁶.

Особенно большого подъема достигает рабочее движение в Болгарии в 1910 г. На этот год падает самое большое за весь период, с 1905 г. до начала первой Балканской войны, количество стачек и политических выступлений болгарского пролетариата. В 1910 г. было 164 стачки. «Никогда еще стачки не были такими частыми, такими продолжительными и тяжелыми, как в прошедшем отчетном году»,—говорил Г. Димитров в отчете VII конгрессу Общего рабочего синдикатного союза за 1910 г.²⁷

Осенью 1910 г. болгарский пролетариат выходит на демонстрации против антирабочего законодательства буржуазного правительства. 17 октября на демонстрации, митинги,

²³ «Работнически вестник», 9 мая 1909 г.

²⁴ «Работнически вестник», 28 апреля 1909 г.

²⁵ «Работнически вестник», 13 мая 1909 г.; В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев, Стачните борби на работническата класа в България, София, 1960, стр. 144.

²⁶ «Работнически вестник», 12 июля 1910 г.

²⁷ Г. Димитров, Съч., т. 1, стр. 387.

собрания протеста вышло около 20 тыс. болгарских рабочих в разных концах страны²⁸. И снова мы видим армянских трудящихся плечом к плечу с болгарскими рабочими, демонстрирующими свой протест против антинародной политики буржуазного правительства.

26 октября 1910 г. болгарский пролетариат снова вышел на улицы с протестом против заявления министра труда и земледелия Т. Крыстева на заседании III сессии XIV Общественного Народного Собрания 20 октября о том, что в Болгарии не существует рабочего класса²⁹. В ответ на это наглое заявление «демократического» министра ЦК партии тесняков обратился ко всем местным партийным комитетам с призывом организовать рабочий класс на протест против «демократического нахальства», как называл это заявление партийный орган тесняков журнал «Ново време»³⁰.

По всей Болгарии в митингах, демонстрациях и собраниях протеста принимало участие свыше 30 тыс. рабочих. В одной только Софии на митинге, где выступали Д. Благоев и Г. Кирков, присутствовало около 15 тыс. трудящихся³¹. В Русе, например, состоялся двухтысячный митинг рабочих, на котором выступали члены местной организации тесняков на армянском, турецком, еврейском и болгарском языках. Тот факт, что на митинге выступали ораторы на армянском языке, говорит о значительном количестве рабочих-армян, присутствующих на митинге. Затем демонстрация рабочих с красным знаменем впереди направилась через рабочие кварталы к окружному управлению, чтобы вручить резолюцию протеста, принятую на митинге. После вручения резолюции протеста властям демонстранты направились к рабочему дому, где перед ними с пламенной речью выступил Георгий Димитров³².

В эти годы (1910—1913) в Болгарии находились в эмиграции видные деятели революционного движения в России: Н. А. Семашко, Ной (С. Г. Бучаридзе), Камо (С. А. Тер-Петросян), М. М. Литвинов и др. Многие из них поддерживали переписку с В. И. Лениным и Центральным Комитетом РСДРП.

²⁸ См. «Ново време», 1910, кн. XI, стр. 619.

²⁹ См. «Дневници» (стенографски) на XIV ОНС, III Р. С., II и III з. 18 и 20.X 1910 г., стр. 5; «Работнически вестник», 22 октября 1910 г.: «Протоколите на XVIII годишен конгрес на Българската работническа социал-демократическа партия», София, 1911, стр. 12.

³⁰ «Ново време», 1910, кн. XI, стр. 615.

³¹ Там же, стр. 620.

³² См. «Работнически вестник», 1 ноября 1910 г.

Рабочий класс Болгарии неоднократно выступал в защиту русских революционеров, эмигрировавших в Болгарию, что мы видели выше во время восстания на броненосце «Потемкин». В августе 1911 г. болгарский пролетариат выражал через газету «Работнически вестник» свое возмущение распоряжением министра внутренних дел Людсканова об аресте русских политэмигрантов, находящихся в г. Варне³³.

8 марта 1912 г. в софийском рабочем доме состоялось большое собрание протеста по поводу принятого Народным Собранием соглашения о выдаче правительством Болгарии русскому правительству политических эмигрантов—русских революционеров. После выступления Г. Киркова рабочие столы единодушно присоединились к резолюции, в которой осуждалась заключенная между Россией и Болгарией конвенция, нарушавшая самые элементарные положения в отношениях между государствами, а также выражалось возмущение рабочего класса политикой правительства и всех буржуазных партий, голосовавших в Народном Собрании за это соглашение. В конце резолюции говорилось: «Шлем свой братский социалистический привет доблестным русским товарищам, которые с неслыханным героизмом боролись и борются против кровавого русского царизма за освобождение русского народа... Долой подлую, реакционную болгарскую буржуазию! Долой кровавый русский царизм! Да здравствует доблестный и героический русский пролетариат!»³⁴.

В начале июня рабочие г. Русе вышли на улицы с требованием освобождения русского революционера Андрея Григоровича, которого болгарское правительство арестовало и бросило в русенскую тюрьму и готовилось передать царскому правительству России. На митинге присутствовало 2 тыс. рабочих. Телеграмма-протест, выработанная и принятая на этом митинге, была направлена министру внутренних дел³⁵.

Чрезвычайно интересное письмо бесстрашного Камо к А. А. Богданову, обнаруженное украинским историком-болгаристом П. С. Соханем в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и любезно предоставленное автору этой статьи, проливает дополнительный свет на пребывание легендарного революционера С. А. Тер-Петросяна в Болгарии в 1911 г. и еще раз подчеркивает пролетарскую солидарность болгарских трудящихся с рус-

³³ См. «Работнически вестник», 24 августа 1911 г.

³⁴ «Работнически вестник», 10 марта 1912 г.

³⁵ См. «Работнически вестник», 30 мая, 2 июня 1912 г.

сками, украинцами, армянами и представителями других народов нашей многонациональной страны.

В начале письма Камо рассказывает о своей деятельности за границей, о том, как в Константинополе он связался с местной социал-демократической организацией, членами которой были и два болгарина, помогшие ему переправиться в Софию. Как только Камо прибыл в столицу Болгарии, его сразу арестовали как турецкого военного шпиона и повели к градоначальнику. «Я назвался эсдеком русским,—пишет Камо.—Они попросили указать знакомого социал-демократа. Я хотя не знал, но указал на Благоева. Повели туда к нему. Он понял, в чем дело. Удостоверил мое показание и с большим извинением передо мною [я] был освобожден, только предложили выехать в 24 часа. Но я все-таки успел сделать все. Нашел человека, закупил все, вознаградил несколькими десятками рублей помогавшего мне революционера-профессионала и поехал обратно в Царьград. Но при высадке опять был арестован вместе со своими вещами (не забывайте, что я очень кратко излагаю все). Я протестовал, но все-таки был доставлен к полицейскому префекту. Держали меня в номере, с большим уважением относились, кормили хорошо, но оказалось, что все за мой счет... Перед ними я назвался кавказским революционером—заклятым врагом русского правительства. Они (т. е. турки) мне предложили выехать в Грецию, но вещи не вернули, так как побоялись русского консула»³⁶.

Дальше Камо рассказывает о своей одиссее в Афинах, где, по его словам, он установил такие связи, что оттуда можно было снабжать оружием не только Кавказ, но и всю Россию. Из Греции Камо едет на Кавказ, где его арестовывают и приговаривают к 20 годам каторги³⁷.

Участие представителей украинского и армянского народов в болгарском революционном движении является одним из ярких примеров проявления пролетарского интернационализма в классовой борьбе против капиталистического угнетения. Трудный и длинный путь пришлось еще пройти болгарскому народу до своего освобождения в сентябре 1944 г. И на всех этапах развития рабочего движения в Болгарии русские, украинцы, армяне и представители других народов

³⁶ Есть данные, что Камо назвался русским социал-демократом Савчуком.

³⁷ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 64, лл. 1, 2; См. также П. Сохань, Революційні болгарсько-російські зв'язки (1907—1914 рр.), «Український історичний журнал», 1962, № 5, стор. 73.

нашей многонациональной Родины выполняли и продолжают выполнять свой интернациональный долг перед болгарскими трудящимися, успешно строящими сегодня вместе с братскими народами стран социалистического содружества новое общество, о котором мечтало не одно поколение пролетарских борцов.

АРМЯНСКИЕ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ВО ЛЬВОВЕ XIX—XX вв.

Г. С. СИЗОНЕНКО

(Директор Львовского областного архива)

История жизни и деятельности армян на западноукраинских землях в XIX—XX вв. очень мало исследована, но сохранившиеся источники свидетельствуют о плодотворном сотрудничестве армянских и украинских деятелей науки и культуры Львова.

Рустем Ян (1762—1835), художник-портретист, родился в бедной армянской семье в Пера (окрестности Константинополя). Польский магнат Адам Чарторыйский забрал одаренного десятилетнего мальчика-сироту в Варшаву и отдал его в школу живописи Норблена. Учителями будущего художника были Домаль и Русецкий.

В 1798 г. Рустема пригласили в Вильнюсский университет на кафедру живописи. Работал он вместе с Ф. Смуглевичем и через некоторое время стал профессором. Он много сделал для поднятия мастерства вильнюсской художественной школы.

Рустем Ян часто и длительное время проживал во Львове, где написал несколько портретов, в частности портреты польского поэта Словацкого, мать которого была армянкой из Кременца, а также поэта Антони Горецкого, художника Юзефа Гловацкого, астронома Яна Снядецкого, историка Станислава Бонифаци, а также несколько автопортретов.

Рустем Ян отличался веселостью, юмором, человечностью. Он был очень участлив к обездоленным. На склоне лет Рустем Ян познакомился с одаренным юным крепостным Тарасом Шевченко, которого в 1829 г. в Вильнюс привез с собой помещик Энгельгард. Рустем почувствовал в Тарасе Шевченко талант художника и дал ему шесть уроков живописи. К сожалению, об этой встрече не сохранилось других сведений, кроме упоминания Т. Шевченко, в котором он на

всю жизнь сохранил добрую память о Рустеме Яне. Вот что писал о нем, своем учителе, Тарас Григорьевич из Ново-Петровской крепости польскому другу Бр. Залескому 10 февраля 1855 г.: «...Ты спрашиваешь меня, можно ли тебе взять кисть и палитру; на это мне отвечать тебе и советовать довольно трудно, потому что я давно не видел твоих рисунков, и теперь я могу тебе сказать только, что говорил когда-то ученикам своим старик Рустем, профессор рисования при бывшем Виленском университете: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малюй и будешь мастером». И я нахожу совет его основательным; вообще, нехорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи—рисунок и круглота, второе—колорит. Не утвердившись в рисунке, браться за краски—это все равно, что отыскивать ночью дорогу»¹.

Во Львовском архиве сохранились документы, свидетельствующие, что среди армян Львова была очень популярна поэзия, в особенности поэма «Кавказ».

Известный армянский историк Садок Баронч (1814—1892) родился в г. Станиславе (теперь Ивано-Франковск) в бедной семье. После окончания гимназии год учительствовал в г. Отыня, а потом учился на философском факультете Львовского университета, но через месяц оставил его из-за материальных трудностей. В 1835 г. он поступил в католический орден доминиканцев, где получил имя Садок. Был библиотекарем Доминиканского монастыря во Львове. Долгое время работал профессором теологии, а с 1855 г. и до самой смерти находился в монастыре в Подкамене.

Всю свою жизнь Садок Баронч отдал научной работе². Ему принадлежит свыше 60 работ по истории армян Польши и Восточной Галиции. Его работы «Биографии известных армян Польши» (1852), «Очерки армянской истории» (1863) составлены в виде словаря и дают свыше 300 фамилий известных армянских деятелей XIV—XIX вв.³

Труды Садока Баронча оставили значительный след в науке и не потеряли своего значения до настоящего времени ввиду того, что отражают процесс расселения армян на Украине и значение армянских колоний в развитии экономики и культуры Украины и Польши.

Талантливый львовский артист и драматург армянин Адольф Абрагамович родился в Коломни 7 ноября 1849 г. С 1860 г. он выступал на сценах Львовского театра и других

¹ Т. Шевченко, Твори в трьох томах, т. 3, Киев, 1955, стр. 407.

² См. И. П. Крипякевич, Садок Баронч, ИСД, Ереван, 1961.

³ См. „Posłaniec św. Grzegorza“, 1928, № 8—9, стр. 13—16.

городов Галиции. Его перу принадлежат популярные в то время комедии: «Две тещи», «Его устон» и др. Над некоторыми произведениями Абрагамович работал сообща с артистом Ричардом Рушковским. В соавторстве с Луцианом Квенцицким им написаны пьесы «Адвокат без клиентов», «Верните мне жену», в которых раскрываются условия и обычаи жизни Галиции⁴.

Уроженец Львова, известный искусствовед, происходивший из ополченной армянской семьи, Ян Болоз-Антонович (1858—1922) посвятил себя науке. Он интересовался искусством древней Армении и эпохи Ренессанса и оставил сведения об армянской гражданской архитектуре, которую изучил в Галиции и Буковине, когда был членом центральной комиссии по охране памятников древности в Вене⁵. Во время многих поездок по Западной Украине Болоз-Антонович с большим увлечением собирал данные и выступал с докладами об армянском искусстве и о его связях с украинским.

Много внимания он уделял армянской эпиграфике XVI—XVII столетий. С 1882 г. Болоз-Антонович был профессором нового искусства во Львовском университете, являлся членом Краковской Академии наук.

Вызывает интерес творчество художника Антони Стефановича (1858—1930), который происходил из Буковины. Среднее образование он получил в Черновицах. Продолжал учебу в Венской академии искусств, после окончания которой работал профессором рисунка во Львовской реальной школе, а затем в государственной гимназии в Дрогобыче. В 1892 г. Антони Стефанович стал инспектором рисунка Краевого школьного совета во Львове.

Он был не только художником, но и способным педагогом, артистом. Приятель Ивана Франко, он нарисовал портрет великого украинского писателя. В 1906 г. его назначают главным инспектором рисунка профессиональных промышленных школ всей Австрии. А. Стефановичу принадлежит инициатива увеличения количества профессиональных школ в Восточной Галиции. Он был членом Краевой промышленной комиссии во Львове.

После первой мировой войны Антони Стефанович работал начальником отдела профессиональных школ куратории школьного округа во Львове. С 1924 г., будучи на пенсии, он продолжал рисовать. Его работы экспонировались на многих выставках. Умер во Львове.

⁴ См. „Tygodnik Ilustrowany“, Львов, 1899, №35, стр. 694.

⁵ См. „Posłaniec św. Grzegorza“, 1932, стр. 170—177.

Интересной фигурой среди галицких армянских ученых был Эразм Баронч (1859—1928). По специальности горный инженер, он некоторое время работал во Львове, а позже жил и работал в Величке. Эразм Баронч собрал хорошую коллекцию по истории искусств и подарил ее Народному музею в Кракове. Особенно внимательно он коллекционировал армянские и турецкие образцы художественного творчества (ковры, ткани, оружие и т. д.).

Художник, известный своими работами на исторические темы, армянин по происхождению, Теодор Аксентович родился 13 мая 1859 г. С 1878 г. учился в Академии искусств в Мюнхене, где за свои произведения получил три серебряные медали. Некоторое время учился в Париже под руководством Дуранд. В 1893 г. находился в Лондоне. С 1895 г. работал профессором Краковской школы (позже Академии искусств). Ряд своих произведений Теодор Аксентович написал на украинскую тематику, что свидетельствует о дружественном отношении художника-армянина к украинскому народу. Увлеченный красотой Карпат и изучая жизнь гуцулов, Т. Аксентович создал картину «Гуцулка в голубой одежде».

Работы Т. Аксентовича неоднократно демонстрировались на выставках во Львове и отличались изысканностью линий, легкостью, свежестью красок, умением передать внутренний мир человека. Умер он 27 августа 1939 г.

Известный скульптор Тадей Баронч (1842—1905) происходил из армянской семьи, переселившейся во Львов из Бессарабии.

В одиннадцатилетнем возрасте Тадей Баронча отдали в школу кадетов в Гамбург, где он проучился четыре года, затем во Львове окончил реальную школу. Художественное образование Тадей Баронч получил в Краковской школе искусства и в Академии искусства в Мюнхене. Уже на втором курсе академии принимал участие в конкурсе и был награжден серебряной медалью за композицию «Война».

Им изваяны фигуры на здании гимназии во Львове, бюст профессора Брика, Бесядецкого, медальоны Крижановской, Лиске и др.

Тадеушу Барончу была близка украинская культура. Он хорошо знал революционно-демократическое творчество Тараса Шевченко, его призывы к единению угнетенных народов в борьбе против царизма. После двухлетнего изучения скульптуры во Флоренции Тадей Баронч изваял из итальянского белого мрамора бюст Тараса Шевченко⁶.

⁶ См. „Posłaniec św. Grzegorza“, 1929, 10—11, стр. 65.

Возвратившись во Львов, он создает памятник-бюст Дембинского, медальоны своих родителей и художников Франдишка Тени, Генриха Родаковского и Генриха Семирадского, бюсты Леона Сапегги, Оттона Гауснера, Яна Коменского, многочисленные надгробные памятники (Кравшицкой, Хршановской) в Тереховле, архиепископа Верхлейского во Львове⁷.

Тадей Баронч изваял скульптурную группу «Сбережение», которая была установлена на здании сберегательной кассы во Львове, он был автором памятника Яну Собескому во Львове. После Великой Отечественной войны это произведение было передано в дар Польской Народной Республике. Он автор проекта памятника Тадеушу Костюшко во Львове, бюста Адама Мицкевича в Карлсбадене и в Трускавце. Баронч создал чудесные фигуры на здании оперного театра во Львове, а также двух львов, которые и ныне украшают вход во Львовский городской Совет депутатов трудящихся.

После смерти художника его брат Ромен часть работ подарил городскому музею г. Львова (теперь картинная галерея), а другую часть—публичной библиотеке имени Оссолинских (теперь научная библиотека г. Львова). Во Львовской картинной галлее сохранилось 41 произведение Тадея Баронча.

Профессор биологии, армянин по происхождению Филипп Теодорович учился в Жешовской гимназии, позже—в университетах Львова, Вены и Кракова. Долгое время он работал директором Кредитного банка для промышленности и торговли, потом ушел на пенсию и занимался биологией. В 1918 г. стал доцентом микологии (науки о грибах). В этой отрасли работал до конца жизни. В 1929 г. Ф. Теодорович получил диплом профессора биологии. Ему принадлежат несколько работ о грибоведении⁸.

Во Львове жил один из видных армянских поэтов конца XIX ст. и начала XX ст.—Станислав Баронч (1864—1936). Он писал музыку к песням, принимал активное участие в литературной жизни Львова. У него еженедельно собирались молодые поэты Львова. Баронч коллекционировал восточные картины, армянские ковры и книги, делал переводы на польский язык армянских поэтов: Саркиса, Гоздасана, Мура Гикара. Во Львове в начале XX в. было издано два тома стихотворений Ст. Баронча. Последняя книга его поэзии вышла в 1930 г.⁹

⁷ См. там же, стр. 71.

⁸ См. „Posłaniec św. Grzegorza“, 1930, № 40—41, стр. 149—151.

⁹ См. „Gregertana“, Львов, 1936, стр. 73—77.

В древнем университете и других высших школах Львова рядом с украинцами и поляками работали и армяне. Один из них Захария был ректором университета. Профессором этого университета был Францишек Захариясевич—автор ряда работ по истории, в том числе «Сведения об армянах в Польше»¹⁰.

Профессор Богдан Давидович преподавал в университете древний и новый армянский языки.

Талантливый ученый Гарабет Кепрулян преподавал армянский язык после смерти Давидовича. В 1938 г. он издал во Львове грамматику армянского языка.

Опытный педагог Эммануил Рошко, происходивший из культурной армянской семьи, всю жизнь (умер в 1933 г.) посвятил преподаванию латинского, греческого и немецкого языков в гимназии. В 1921 г. Эммануила Рошко назначили директором гимназии. Одновременно он вел научную работу¹¹, был членом многих научных товариществ во Львове.

8 августа 1856 г. во Львове в армянской семье родился будущий известный хирург Роман Баронч. В 1871 г. Роман Баронч окончил гимназию, а в 1876 г.—медицинский отдел Ягеллонского университета в Кракове. В течение года проходил хирургическую практику в клинике Брика в Кракове и львовском госпитале. В 1880 г. Р. Баронч, получив диплом доктора медицинских наук, уехал в Лондон. После возвращения работал во львовском госпитале. Начиная с 1886 г., на протяжении 32 лет, он работал ординарным врачом хирургического отдела в созданной по его инициативе общей поликлинике. С 1898 г. и до конца жизни Р. Баронч одновременно доцент и профессор хирургии медицинского отделения Львовского университета. На протяжении многих лет он читал лекции по хирургии во Львовском медицинском товариществе, а с 1892 г. в медицинском товариществе в Вене.

Роман Баронч активно участвовал в работе хирургической секции съезда врачей в Кракове, XIV съезде хирургов Польши в Кракове, международном съезде врачей в Берлине (1890), в Риме (1894), Москве (1897), на которых выступал с докладами. В 1902 г. по приглашению Чикагского товарищества Р. Баронч сделал доклад о лечении лучевого грибка.

После первой мировой войны Роман Баронч длительное время читал лекции в хирургической клинике Львовской ветеринарной академии, одновременно работал в бактерио-

¹⁰ См. „Ilustrowana encyklopedia“, 1927, т. V.

¹¹ См. там же.

логической и патологической лабораториях. Роман Баронч— автор 92 печатных научных трудов.

В его библиотеке были уникальные издания по армянской истории и языку, он коллекционировал портреты известных художников и деятелей искусства, персидские, армянские и турецкие ковры и пр.¹² Умер 29 августа 1930 г. во Львове.

Представители армянской прогрессивной интеллигенции в Западной Украине внесли определенный вклад в развитие украинской и польской культуры. Их деятельность помогала сближению и обогащению культур братских народов.

Сейчас в древнем украинском городе Львове проживает свыше 3 тысяч армян: ученые, писатели, журналисты, врачи, рабочие, принимающие активное участие в строительстве коммунизма.

---

¹² См. „Posłaniec św. Grzegorza“, 1931, № 44, стр. 19.

РАЗДЕЛ III

ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ ПО ПТОЛЕМЕЮ И «АШХАРАЦУЙЦУ» («АРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ VII ВЕКА»)

С. Т. ЕРЕМЯН

(Академик-секретарь Отделения общественных наук АН Арм. ССР)

Древнейшее географическое описание территории нынешней Украинской ССР и сопредельных стран дано в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, в главе, называемой «Европейская Сарматия» (Птолемей, кн. III, гл. 5, карта Европы VIII), которая хорошо изучена и широко известна в научной литературе¹. Однако в науке мало известно, что указанное описание «О Европейской Сарматии» (*Յարմատի Եւրոպայի Աշխարհագրոյն*) существует также в армянском памятнике письменности «Ашхарацуйце» («Армянской географии VII века»), который, как выясняется теперь, являлся не только географическим, но и картографическим трудом. Предлагаемая вниманию «Карта Европейской Сарматии по «Ашхарацуйцу» является второй картой после соответствующей карты Птолемея.

Не останавливаясь на тех доводах, которые показывают, что «Ашхарацуйц» прежде всего являлся картографическим трудом², укажем лишь, что сохранился текст описания не дошедших карт, которых должно было быть не менее пятнадцати, т. е. это был целый атлас—древнеармянский атлас мира, который нами готовится к изданию. Сравнительное изучение древнеармянского текста «Ашхарацуйца» с текстом

¹ См. Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Итолею, 1899; Ф. Браун, Разыскания в области готто-славянских отношений, 1899; М. Ростовцев, Скифия и Боспор, I, 1925.

См. также В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, Клавдий Птолемей, ВДИ, 1948, № 2, стр. 458—484.

² См. С. Т. Еремян, «Ашхарацуйц» («Армянская география VII века») — выдающийся памятник географии и картографии древнего мира, «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1968, № 5, стр. 43—60.

и картами «Географического руководства» Клавдия Птолемея показало, что армянский географ и картограф имел перед собой карты Птолемея и даже карту мира, составленную Агафодемоном по тексту Птолемея в III в. н. э. Выяснилось, что картографической основой для карт армянского картографа являлись карты Птолемея, что как для арабских, так и для армянских картографов картографической основой служили карты Птолемея так же, как в западноевропейской картографии птолемеевская картографическая основа была господствующей вплоть до XVII в. Доказательством, что карты «Ашхарацуйца» были составлены на птолемеевской картографической основе, был найден путь для реконструкции не дошедших до нас армянских карт VII в. Армянский географ-картограф руководствовался градусной сеткой Птолемея и неоднократно приводит цифровые данные о градусах широты и долготы, которые точно совпадают с соответствующими данными Птолемея³.

Автор «Ашхарацуйца»—армянский ученый, живший на рубеже VI—VII вв., принадлежал к блестящей плеяде «эллинофильской школы», процветавшей в Армении в V—VII вв. Он, как последователь представителей античной классической науки о мироздании—Аристотеля, Эратосфена, Гиппарха, Марина Тирского и Клавдия Птолемея, даже оспаривает авторитет Библии и вступает в полемику со своим старшим современником Козьмой Индикоплевстом⁴.

Композиционно «Ашхарацуйц» состоит из трех частей. Во введении (*Համարակարգություն*) даны общие теоретические установки о мироздании и те элементы, из которых можно составить глобус и карту мира. За вводной частью следует основной труд, который делится на два раздела. Первый раздел—География (*Աշխարհագիր*), или (*Աշխարհագրություն*), т. е. картографическое описание для составления карты известной древнему миру части Земли—оїкумены, и второй раздел—Хорография (*Երկրագրություն*), т. е. страноведение—описание отдельных стран по материкам в той последовательности, которую сохранил нам Птолемей в своем «Географическом руководстве» (или как иначе называют «Руководство для составления карт»)⁵.

³ См. там же.

⁴ В тексте «Ашхарацуйца» он упоминается под именем Константина Антиохийского. См. К. П. Патканов, Армянская география VII века, СПб., 1877, стр. XII.

⁵ См. С. Т. Еремян, указ. соч., стр. 45.

«Ашхарацуйц» в значительной степени отличается от «Географического руководства» Птолемея. Он является оригинальным трудом в части, посвященной Армении и сопредельным странам Кавказа, Ирана, Малой Азии и Месопотамии. В остальных частях «Ашхарацуйц» является армянской переработкой Птолемея, кратким изложением географического и картографического описания последнего. В этом смысле типичным является описание стран Европы, в том числе интересующей нас главы об Азиатской Сарматии. Армянский географ-картограф дает сокращенное описание страны по Птолемею, общее количество гор, рек и островов и обитавшие там племена, упоминая из них лишь те, которые находит нужным. Имея под рукой текст Птолемея, мы имеем возможность выяснить, какие он имеет в виду горы, реки, острова и племена. Такое сравнительное изучение делает несомненным зависимость текста «Ашхарацуйца» от соответствующего текста Птолемея. Ниже приводится текст описания Европейской Сарматии по «Ашхарацуйцу» в оригинале и в русском переводе.

(Յաղագս եւրոպիոյ սարմատացոյ)

Ք. Բնաշխարհ եւրոպիոյ Սարմատացոց աշխարհին հասարակըն է, յարեւելից կալով Գերմանիա, առեալ ի Վիստուղայ գետոյ և ի հոմանուն իւրեանց կերանց. առ հիւսիսայինն Ուլկիանոսիւ ցանժանօթ երկիր և ցծայր արեւելեան Ռիպեայ լերինն, յորում ելանէ Տանայիս գետ. բայց զամենայնգ [Սարմտիոյ] ի միջօրեայ կ'Դ [մասն] բաժանէ Սարմատիա յարկուս. զելիցն յԱսիոյ, և զարմրտիցն յԵւրոպիոյ, մինչև մտանէ ի Մեոտիս ծովակ. նաւով զնոյն գործելով, մինչև զՊոնտոս ծով. և ապա Պոնտոսիւ և Տիւրաս գետով սահմանի. ըստ հարաւոյ կուսէ որոշն զԴակիացոց աշխարհն ի Սարմատիոյ: Եւ ունի Սարմատիա աշխարհս փոքունս. ի քրիստոնեից՝ զՏաւրական ցամաք կղզին, այսինքն զՔերսոն, որ կայ ի մեջ Բիւկեան լճին և Մեովտիս ծովակի և Պոնտոսի, և մտիցն Կարկիսիտեայ գետոյ ի հոմանուն ծոց: Իսկ ի հեթանոսաց բազումն, յորոց մին կոչի Ամաքսոբիու, որ են Սայլակենցաղք: Ունի լերինս բոլորս եօթն. արձակէ և ի Պոնտոս գետս բազումս՝ երեքտասան, [յորոց գետս երկու] որք չիրեատս անգեալ. և անուանեն՝ զմինն Կոչոյ [և զմիւսն Բորիսթեն]: Ունի [Սարմատիա եւրոպիոյ] փոքր լիճ մի

և կղզին երկու: Ունի և բազինս երկու. մին կոչի Աղերսանդրու, և միւս Կեսարու⁵:

О Европейской Сарматии

Девятая страна Европы—Сарматия, именно ее западная часть, которая простирается восточнее Германии, начиная от реки Вистулы⁷ и одноименными (т. е. Сарматскими)⁸ горами и тянется до Северного океана⁹ и Неизвестной земли и до западной оконечности Рипейских гор¹⁰, откуда берет начало река Танаис. И меридианом 64°, тянувшимся на север от истоков, и этой рекой вся Сарматия делится на две части: на восточную—Азиатскую и на западную—Европейскую, которая простирается до впадения Танаиса в озеро Меотиды¹¹ и дальше, продолжая эту линию на корабле, до Понтийского моря; затем по побережью этого моря и реки Тирас¹², южнее которой отделяется страна дакийцев от Сарматии.

Имеет Сарматия (Европейская) области, одна из которых христианская—полуостров Таврический, т. е. Херсонес, который находится между озером Бюке¹³ и маленьким морем Меотиды и морем Понта, у впадения реки Каркинитис¹⁴ в одноименный (т. е. в Каркинитский) залив. Живет в Сарматии Европейской множество племен¹⁵, одно из которых называется племенем Амаксобиев¹⁶, т. е. живущих в кибитках¹⁷.

Сарматия Европейская имеет семь круглых гор¹⁸ и изли-

---

⁶ A. Soukry, Cœographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte arménien, traduit en française par le P. Arsene Soukry, Venise, 1881, древнеармянский текст, стр. 16. и краткая редакция: К. П. Патканов, Армянская география VII века, древнеармянский текст, стр. 9.

⁷ Современная река Висла.

⁸ Современные Карпатские горы.

⁹ Имеется в виду Балтийское море.

¹⁰ Район истоков Дона.

¹¹ Современное Азовское море.

¹² Современная река Днестр.

¹³ Բիւկեան լիճ-ныне оз. Сиваш.

¹⁴ Կարկինիտեան դեա современная р. Каланчак.

¹⁵ Հեթանոս

¹⁶ Արաքսոս

¹⁷ Սալտիկեղաղբ

¹⁸ Имеются в виду: гора Певка и Певкинские горы, Амадовские горы, гора Бодни, горы Аланские, Карпатские, Венедские и Рипейские.

васт в море Понта тринадцать рек¹⁹ [и среди них две реки], которые, сливаясь, образуют одну реку. Одна из них называется Кочо²⁰, другая Борисфеном²¹. Имеется (в Сарматии Европейской) одно маленькое озеро²² и два острова²³. Там же находятся два капища, одно называется Александровым, а другое Кесаревым²⁴.

Из множества племен, упоминаемых Птолемеем, армянский географ-картограф отмечает лишь амаксобиев, т. е. «живущих в кибитках», название, которое дает наиболее обобщенную характеристику бытия этнических образований Европейской Сарматии этой эпохи. Не случайно, что армянский автор отступает от изложения Птолемея в части описания Таврического полуострова (*ἡ Σαρματικὴ γαῖα ἤρρηται, ἡ γὰρ ἡμεῖς ἠρρητὴν ἡρρητὴν*), не выделяя его в отдельную главу. Он упоминает эту страну вместе с Европейской Сарматией, как это дано на восьмой карте Европы Птолемея. В период, когда жил армянский ученый, автор «Ашхарацуйца»,—на рубеже

¹⁹ Под тринадцатью реками подразумеваются: Борисфен (совр. Днепр), Гипанис (совр. Буг?), Каркинит (совр. Калацк), Паснак, вернее Акснак, ныне Ашишутлук (см. Ф. Браун, Разыскания в области готославянских отношений I, 1899, стр. 225), Бица (одна из рек, впадавшая в озеро Сиваш), Герра, эту реку следует искать у местности Герры, где, согласно Геродоту (IV, 53), находились гробницы царских скифов. Археологи локализуют их на месте полтавской группы курганов (см. С. Т. Еремян, Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт», ВДИ, 1967, № 4, стр. 56—57), Агар (см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 234, прим. 9), Лик, Порит (совр. р. Миус?), Тананс (совр. Дон), Тирас (совр. Днестр), Акснак (совр. Тилигул, впадавший в Тилигульский лиман. См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 236, прим. 1) и Кочо (Днепровский лиман. См. М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 168).

²⁰ См. прим. 19.

²¹ См. там же.

²² Имеется в виду озеро Амадока Птолемея (см. Ф. Браун, указ. соч., стр. 103), локализуется у села Большая Знаменка (Белозерский городок).

²³ Имеется в виду остров Алопекния, или Тананс (нынешний остров Черепаша недалеко от устья Дона) и остров Певкии.

²⁴ *Ἡμεῖς ἠρρητὴν ἠρρητὴν ἠρρητὴν, ἡ γὰρ ἡμεῖς ἠρρητὴν ἠρρητὴν* Александровы алтари (‘Αλεξάνδρου θρόνος, θρόνος) под 63°—57°. См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 238, прим. 9. Мы думаем, что этот пункт следует отождествить с «колонной Александра» (‘Αλεξάνδρου Στήλαι. р. 101. V, 8, 9) Азиатской Сарматии и с современным Татартупским минаретом, который должен был быть возведен на месте памятника античной эпохи. Кесаревы алтари (Καίσαρος θρόνος) под 68°—56°30. Аммиан Марцаллин (XXII, 8, 40) упоминает алтарь, посвященный императору Августу при устье реки Борисфена.

VI—VII вв. Таврический полуостров, современный Крым, представлял совершенно иную картину. В этот период переживала упадок территория когда-то цветущего Боспорского царства. Наступило время полной варваризации этой окраины античного мира; теперь она входила в состав Византийской империи и в церковном отношении составляла одну из епархий имперской церкви. Автор «Ашхарацуйца» в этой части отступает от Птолемея, отмечая, что одна из областей Сарматии—полуостров Таврический, т. е. Херсонес, является христианской страной. Примечательно, что армянский автор не упоминает ни одного города. Это не случайно. Когда-то цветущие античные города Тавриды были разрушены и об их былом великолепии свидетельствовали лишь руины. Как видим, и в описании этой, отдаленной от Армении части мира армянский географ-картограф стремился отобразить современное ему состояние.

В заключение хочется подчеркнуть, что «Ашхарацуйц» также был детищем своей эпохи. В V—VIII вв. переживала период своего взлета армянская раннефеодальная культура, которая во многих отношениях стояла на более прогрессивных позициях, чем ведущая страна ойкумены этой эпохи—Византийская империя. В силу ряда исторических причин в то время, когда в Византии уничтожались или хирели центры античной образованности и науки, в Армении, наоборот, они переживали расцвет. Именно в V—VII вв. армянские ученые-эллинисты переводят на родной язык творения Платона, Аристотеля и других мыслителей Эллады и сами пишут трактаты, посвященные основным вопросам философии. И в этой среде «Ашхарацуйц», с его представлением о шарообразности Земли и геоцентрической концепцией о строении Вселенной не выглядит случайным явлением. Мы рады, что сегодня наш народ из своей культурной сокровищницы может выделить факты, которые в той или иной степени помогут дать научное освещение исторического прошлого территории братского украинского народа.

ЖИЗНЬ АРМЯН В ПОДОЛИИ В XIV—XVII вв.

Д. И. МЫШКО

(Доктор исторических наук, Институт истории АН УССР)

Согласно древнерусским летописным повествованиям, первые армянские поселенцы на Руси появились еще в начале XI в. Тогда армяне жили в Киеве, занимались ремеслом, торговлей и принимали участие в общественно-политической жизни городского населения. Когда польские феодалы под предводительством короля Болеслава Смелого в 1018 г. овладели Киевом и начали грабить местное население, армяне оказали активную помощь киевлянам в борьбе против иноземных завоевателей и в изгнании их из Киева. К этому времени относится первое упоминание о появлении армян в Подолии. Уже тогда армяне имели торговые сношения с славянским населением Восточной Европы, городами Крыма и странами Балканского полуострова.

Более активное переселение армян на территорию украинских земель относится к концу XIII в. В то время Крым был захвачен татарскими ордами, которые грабили местное население, разрушали города и села. Многие проживавшие там армяне, вынуждены были покинуть Крым и переселиться в Молдавию, Подолию и Галицию. Армяне тогда встречались среди войска галицкого князя Льва Даниловича, получали от него права и привилегии. В это время в Подолии армяне жили в Каменец-Подольском, Язловце, Бучаче и других городах. Возле городов они основывали села, где, возможно, занимались сельским хозяйством. Исторические документы об этом дают весьма скудные сведения.

Массовое бегство армян из Армении, Малой Азии, Крыма и Балканского полуострова на украинские земли относится ко второй половине XV—началу XVI вв. Причиной его было усиление агрессивных действий турецких завоевателей. На захваченных землях Армении турки грабили и уничтожали местное население, создавали невыносимые условия для жиз-

ни народа. Не имея возможности вести успешную борьбу против турецкого ига, тысячи армян, спасая свою жизнь, вынуждены были бежать в другие страны и там искать себе приют среди местного населения¹.

В середине XIV в. Крым наводнили многочисленные ногайские и другие татарские орды. Они нападали на прибрежные города и совершали свои разбойничьи злодеяния. Разрозненное население Крыма в тех сложных внутренних и международных условиях не могло объединиться и дать решительный отпор полудиким татарским завоевателям. Поэтому жившие там армяне бросали свои жилища, морем отправлялись в страны Балканского полуострова и Молдавию.

Следует подчеркнуть, что в этот период создались весьма благоприятные условия для переселения армян на Украину. После смерти золотоордынского хана Узбека (1342) Золотая Орда переживала длительный период острой междоусобной борьбы: отдельные орды не хотели подчиняться великим ханам и боролись за свою независимость. В связи с этим власть Золотой Орды над завоеванными странами Европы и Азии значительно ослабела. Этим воспользовались литовские и польские феодалы. В середине XIV в. они захватили большую часть украинских земель и восстановили там свое господство. Татарские орды были изгнаны из Правобережной Украины и Молдавии в Крым. Берег Черного моря от устья Днепра до Дуная был очищен от разбойников-кочевников. Черное море тогда еще находилось в распоряжении крымских, венецианских, генуэзских, греческих, болгарских, армянских и других купцов, которые на кораблях свободно перевозили свои товары из одной страны в другую. Благодаря этому продолжались торговые сношения народов Балканского полуострова и Центральной Европы со странами Закавказья и Ближнего Востока. Исключительно важное значение в развитии международной торговли имели Дунайский, Днепровский и Днестровский водные пути, посредством которых осуществлялись широкие экономические и культурные связи между многими странами Европы и Азии. Видную роль в этой торговле играли армянские купцы. Они через Черное море привозили восточные товары в Белгород-Днестровский, а потом по Днестру доставляли их в Каменец-Подольский, Язловец, Львов и другие города Западной Украины, Прибалтики и Центральной Европы.

---

¹ См. «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», т. II, Каменец-Подольский, 1878—1879, стр. 163—165.

Усилившееся наступление крымских татар на армянское население в Крыму привело к тому, что большинство армян вынуждено было покинуть Крым и бежать на территорию Подолии и Галиции. Второй поток армянских переселенцев шел из Малой Азии и Балканского полуострова на Украину. Он был связан с агрессивными действиями турецких завоевателей в Закавказье и Балканах. Турецкое нашествие в конце XV в. на Поднестровье также привело к тому, что проживавшие там армяне вынуждены были бежать из Молдавии на Украину. Описывая бегство армянского населения с Кавказа, Крыма и Малой Азии на Украину, секретарь римского епископа М. Грациани (1537—1611) писал: «Армяне, угнетенные ужасным тиранством турок, давно оставили свою страну, перешли через Черное море в устье Дуная, потом двинулись через Молдавию и поселились на Руси, с разрешения польских королей поселились во Львове, Каменце, Язловце и других городах»².

На землях Подолии в то время было еще мало населения. Большие леса на склонах гор и берегах рек напоминали армянам их родину. Живописные луга и горы, плодородные поля и зеленые пастбища давали армянам все для занятия земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. Через Подолию в то время проходил оживленный торговый путь, по которому армянские купцы ездили в страны Прибалтики и Западной Европы, развивали торговые связи с купцами Ганзы и многими немецкими, польскими и чешскими городами³.

Благодаря развитию международных торговых связей города Подолии тогда начинали играть значительную роль как перевалочные пункты и рынки сбыта товаров. Уже в конце XIV в. в Каменце-Подольском постоянно жило очень много армянских ремесленников и торговцев. Литовские удельные князья разрешали им иметь в городе свои дома, магазины, склады товаров и вести обширную торговлю⁴. В 1398 г. в Каменце-Подольском уже была армянская церковь Св. Николая, служившая центром общины⁵. Тогда армяне имели привилегии на самоуправление, которые были подтверждены

---

² M. Gratiani, *La vie du cardinal Jean François Commendon*, divisée en quatre livres, Paris, 1670, стр. 203, 220.

³ См. «Архив Юго-Западной России», т. II, ч. VII, Киев, 1890, стр. 165—166.

⁴ См. там же.

⁵ См. S. Barącz, *Żywoty sławnych Ormian w Połsce*, Lwów, 1856, стр. 177.

польским королем Ягайлом⁶. Каменец-Подольский был самым крупным городом Подолии, где жили богатые армяне⁷.

Крупным торговым центром Подолии был Язловец. Там армяне жили еще с XIV в. Город находился среди лесов и имел очень удобные естественные укрытия для защиты населения от нападений турецких и татарских завоевателей. В XV в. в Язловце жили сотни армян. В городе были две армянские церкви и действовало «братство удальцов»⁸. Армяне поселялись вокруг торговых площадей, возле Замковой горы, окруженной с трех сторон глубоким оврагом, прорезанным речкой Язловкой. Город принадлежал магнату Язловецкому, который разрешал армянам заниматься сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, но обязывал их платить подати и выполнять различные трудовые повинности по указанию замка и города.

В конце XIV в. Язловцу было пожаловано магдебургское право. Согласно королевской жалованной грамоте, армянам разрешалось избирать войта, свой судебный орган, священников, учителей, писаря и кассира. В XV в., кроме двух церквей в городе, армяне имели за городом свой монастырь, где жили старые одинокие люди. Городская армянская община помогала монастырским инокам продуктами питания, одеждой и деньгами. В городе было пять священников и учителей. Один из них непосредственно работал в школе, где ежегодно учил от 30 до 50 детей. Он преподавал в школе армянский и латинский языки, географию, арифметику и другие науки⁹. В школе учились преимущественно дети богатых армян, которые в основном готовились к торговой деятельности.

Язловецкие армяне разговаривали на своем родном языке. В церквях, школе, судах и на собрании общины господствовал армянский язык, поэтому прибывшие в Подолию армянские купцы из разных стран обязательно посещали Язловец, где они чувствовали себя как в родной семье¹⁰. Нередко армянские торговые люди во время нападений грабителей теряли все свое имущество. В таком положении они

⁶ См. „Akta grodzkie i ziemskie“ t., III, Lwów, 1872, стр. 58—60, 70—79

⁷ Об этом уже написан ряд научных исследований и нет необходимости останавливаться в настоящей работе.

⁸ См. Т. Gromnicki, Ormiańcie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje, Warszawa, 1889, стр. 71—73.

⁹ См. Г. Алишан, Каменец. Летопись армян Польши и Румынии с приложением первоисточников, Венеция, 1896, стр. 129—130 (на арм. яз.).

¹⁰ См. И. А. Линниченко, Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси, «Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца», 1895, № 9, стр. 141.

стремились попасть во Львов, Каменец-Подольский или Язловец, где получали от соотечественников необходимую помощь.

Исторические документы не сохранили нам точных данных о количестве армянского населения в Язловце в XV—XVII вв. Но из побочных сведений в некоторой степени известно, что там в разное время жило их от 100 до 200 семей. Эти данные подтверждаются конкретными фактами, в которых речь идет о массовом бегстве армян из Язловца во время захвата этого города турецко-татарскими войсками в 1676 г., когда почти все зажиточные армяне вынуждены были бежать в другие города Подолии, Галиции и Волыни. Тогда только из Язловца бежало около двухсот армянских семей в Бережаны, Золочев, Коломню, Снятин, Станислав, Львов, Луцк и другие города¹¹.

Все же часть армянского населения осталась в городе, где продолжала заниматься трудовой деятельностью и в последующие столетия.

В конце XIV в. армяне появились в Бережанах. Этот город находился на важном торговом пути, проходящем от Белгород-Днестровского через Каменец-Подольский на Львов. В городе стоял большой замок, в котором часто находили себе защиту горожане, жители близких сел и приезжие купцы во время разбойничьих нападений турецко-татарских орд. Армяне жили вокруг замка на нескольких улицах, где имели свои дворы, сады, огороды, пашенные поля и ремесленные мастерские¹².

Первые документальные упоминания о жизни армян в Бережанах относятся к началу XV в., когда там уже было несколько десятков армянских семей. Они занимались изготовлением ювелирных изделий, различных тканей, выделкой кожи, торговлей. В XV—XVI вв. местные армяне много раз обращались к польским королям с просьбой получить жалованную грамоту на самоуправление. Но только в 1530 г. после пожалования городу магдебургского права армянам было разрешено избирать своего войта, судью, секретаря и самим управлять своей общиной. Это положительно повлияло на увеличение количества армянского населения в городе. Во второй половине XVII в. в Бережанах жило более 150 армянских семей. Некоторые из них были богатыми, имели каменные дома, вели обширную торговлю в городах Западной Украины, Молдавии, Польши, Турции и других стран. В

¹¹ См. Т. Gromnicki, указ. соч., стр. 72—75; S. Barańcz, Rys dziejów ormiańskich. Tarnopol, 1853, стр. 165—166.

¹² См. «Странник», 1889, № 10, стр. 210—212.

городе была армянская школа, преподавание в которой велось на армянском языке¹³. Там дети изучали арифметику, географию, армянский, латинский и польский языки. Армянская молодежь города объединялась в церковные братства Св. Николая и Анны. Члены братства вечерами проводили свои собрания, беседы, занятия, диспуты на разные темы. Безусловно, что вся деятельность братств носила полурелигиозный характер. Армяне имели свою каменную церковь, священников, учителей и на собрании общины решали свои насущные дела. В городе действовали армянский банк и ломбард¹⁴, которые находились в руках крупных купцов и ростовщиков, богатевших за счет трудящегося армянского населения.

В архивных документах и научных исследованиях упоминается, что в XV в. армяне жили и в Баре, где занимались ремеслом и мелкой торговлей. Живя на окраине города, они во время частых нападений татарских орд теряли все свое имущество. Немного улучшилось положение армян в середине XVI в., когда значительно сократились нападения татар. Тогда город находился под властью королевы Бони, которая в 1540 г. освободила армянских жителей на 12 лет от всяких податей. Армянам было предоставлено право все свои важные вопросы решать на собрании общины. Они имели своего общинного старосту, которому подчинялись и выполняли все его распоряжения¹⁵. Благодаря этому количество армян в городе увеличивалось, усиливалось их влияние на экономическую и общественную жизнь городского населения.

Незначительное число армян жило в местечке Бареку, расположенном на Кучманском торговом пути. В 1615 г. польский король Сигизмунд III разрешил армянам иметь свои усадьбы, дома, огороды, сады, пашенные поля, заниматься торговлей. Польское правительство было заинтересовано в увеличении там количества населения и поэтому освобождало их от податей. Но армяне обязаны были принимать участие в укреплении местечка и с местным населением выступать против нападений крымских татар¹⁶.

Большое поселение армян имелось в Бродах. Они появились там еще в начале XV в. С развитием города быстро увеличивалось число жителей. В XVI в. армяне в городе имели свои большие магазины, вели обширную торговлю ремесленными изделиями, а также сукном, шелком и т. д.

¹³ См. S. Вагацз, указ. соч., стр. 76—77.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ См. там же, стр. 76.

Тогда в Бродях проходили большие ярмарки, на которых армянские купцы продавали много скота, закупленного в Молдавии. Среди купцов наиболее богатыми были Лукаш Мардирос, Сефер Мартерисович и др. Во второй половине XVII в. они вели большую международную торговлю скотом, продуктами сельского хозяйства и восточными товарами¹⁷. В связи с усилением турецкой агрессии в 1672—1676 гг. армянское население вынуждено было покинуть города Каменец-Подольский, Язловец, Бар, Смотрич и др. Около сотни армянских семей поселилось в Бродях. Они образовали там свою общину, избрали старосту и сами решали свои общественные дела. В 1690 г. польский король предоставил армянам право на самоуправление, на несколько лет освободив их от податей. Армяне имели своего войта, судью, писаря, и не подчинялись городскому самоуправлению. В городе была организована армянская школа, в которой учились десятки детей¹⁸.

В конце XVII в. польское католическое духовенство усилило наступление на местных армян. Им было запрещено иметь свою церковь и школу. Ксендзы и иезуиты обязывали армян посещать костелы, принимать католическую веру. Наступление католического духовенства и местных властей вынудило богатых армян в конце XVII—первой половине XVIII в. покинуть Броды и переселиться во Львов и другие города Галиции¹⁹. В Бродях осталось мало армян, и они уже не играли заметной роли в жизни города.

Еще в начале XV в. много армян жило в г. Тысменице в Покутье. Этот край был тесно связан с Подольем. Через Тысменицу проходил большой торговый путь из Бессарабии на Львов, Бучач, Язловец, Броды, на Волинь и в Прибалтику. В городе находились большие склады товаров армянских, украинских, польских, молдавских и греческих купцов. Там всегда шла оживленная торговля между купцами разных стран. Большую роль в этой торговле играли армянские купцы. На торговой площади они имели большие магазины, гостинные дома, своеобразные банки для обмена денег и предоставления кредитов. Через город постоянно шли караваны купцов из разных стран²⁰. Во время агрессивных походов турецкой армии в 1676 г. город был ограблен и сожжен вражескими полчищами. После ухода турецко-татарских

¹⁷ См. там же, стр. 77.

¹⁸ См. там же, стр. 76—77.

¹⁹ См. там же, стр. 96—104.

²⁰ См. там же, стр. 140—148.

войск жизнь в городе была восстановлена. Туда переселилось несколько сот армян из Подолии. Польский король предоставил армянам право свободно поселяться в городе, заниматься ремеслом и торговлей. Армяне получили разрешение и на самоуправление. При церквях были созданы религиозные братства—Св. Иоакима и Анны, Богородицы, преимущественно объединявшие молодежь. Каждое из них имело школу, помещение для собраний и кассу.

В конце XVII в. в Тысменице жило около 130 армянских семей. К армянской городской общине принадлежали и те армяне, которые жили в 23 селах Покутья, где занимались сельским хозяйством, садоводством, огородничеством²¹.

Кроме названных городов, известно, что много армян жило тогда в Бучаче, Жванце, Кутах, Подгайцах, Скале, Смотриче, Студеницах, Черткове, Ягольнице и других городах²². Жили армяне и в селах. Например, около Каменца-Подольского было два села, Армяне и Армянки, где армянское население занималось земледелием и садоводством²³. В конце XVII в. эти села были захвачены польскими иезуитами, а армяне ушли в другие места. Армяне жили во многих селах Подолии, где имели свои дворы, огороды, пашенные поля, сады. Своей трудовой деятельностью армяне ничем не отличались от местного населения. Находясь в окружении украинцев, армяне постепенно ассимилировались среди местного населения. Об этом говорится в источниках и литературе. Уже в XVI—XVII вв. на Украине многие армяне носили украинские имена и фамилии, переходили под юрисдикцию местного самоуправления и т. д. С наступлением католического духовенства армяне, проживавшие в местечках и селах, переходили на сторону униатов, некоторые окатоличивались и ополячивались²⁴. Но в больших городах армяне еще долго сохраняли свои национальные традиции в экономической, общественно-политической и культурной жизни²⁵.

На основании известных опубликованных и архивных документов невозможно точно сказать, сколько всего армянского населения было в Подолии во 2-й половине XVII в. По суммарным подсчетам некоторых буржуазных историков, в то время в западноукраинских землях имелось около 4000

---

²¹ См. там же, стр. 152—160.

²² См. там же, стр. 160—170.

²³ См. там же, стр. 163.

²⁴ См. М. Грушевський, Історія України—Руси, т. V, Львів, 1907, стр. 253.

²⁵ См. «Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», т. II, стр. 208.

армянских семей²⁶. Более половины их жило тогда на территории Подолни. Например, только в одном Каменце-Подольском в 1672 г. было около 1200 армянских семей²⁷. По другим данным, их там было значительно больше. Тогда сотни армянских семей жили в Язловце, Бережанах, Бучаче и других городах.

Некоторые историки в своих исследованиях главное внимание уделяли трудовой деятельности армянского населения на Украине. Но большинство буржуазных историков интересовалось только жизнью армянских купцов. Об этом говорится во многих работах прошлого века. Конечно, эти факты полнее отразились в документах того времени. Кроме того, буржуазные ученые не хотели показывать роли народных масс в истории, хотя они и составляли весьма значительную часть населения Подолни. Основную же массу армян составляли ремесленники, мелкие торговцы, чернорабочие, наймиты и другие слои трудящихся. Эти люди своей деятельностью вносили большой вклад в развитие производительных сил на Украине и играли заметную роль в общественной, трудовой и культурной жизни украинского народа. Из различных судебных актов гродских книг видно, что основная масса армянского населения городов Подолни занималась ремеслом. Армянские ремесленники изготавливали ковры, вязаные кофты, чулки, платки, сорочки, ткали полотно, сукно, одеяла и т. д. Среди армян были квалифицированные специалисты, которые выделывали юфть, подошву, цветную кожу, пушнину, изготавливали обувь, седла, упряжь. Армяне умели делать самые различные ремесленные изделия и продавали их на местных рынках²⁸.

Развивая широкие торговые связи со многими странами Европы и Ближнего Востока, армянские купцы и ремесленники были хорошо знакомы с достижениями ремесла в других странах. Благодаря этому они распространяли на Украине свои знания. Особенно славились на рынках изделия армянских золотарей. Они украшали оружие и вещи домашнего обихода золотом, серебром, драгоценными камнями. Эти изделия были очень дорогие; их могли покупать только

²⁶ См. там же, стр. 208—212.

²⁷ См. М. Bialiński i Lipiński, *Starożytna Polska*, t. 3, Warszawa, 1845, стр. 944—945.

²⁸ См. Я. П. Кись, *Участие армян в развитии ремесла г. Львова в XV—XVII вв.*, «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», сборник материалов (в дальнейшем—ИСД), Киев, 1965, стр. 137—139.

феодалы, богатые купцы, высшее духовенство²⁹. Широкой популярностью пользовались изделия армянских ремесленников: краски, обувь, мыло, вина, вещи домашнего обихода, инструменты и оружие.

В больших городах, обладавших магдебургским правом, богатые армянские ремесленники находились под юрисдикцией магистрата и только формально оставались членами армянских общин. Они входили в состав ремесленных цехов, занимались ремеслом и продавали свои изделия на рынках. В Каменце-Подольском, Язловце и Бережанах были армянские цехи, где ремесленники сами решали все важные вопросы организации ремесла. Но большая часть ремесленников не пользовалась привилегиями и не имела права продавать свои изделия на городских рынках. Привилегированные армянские ремесленники преследовали их и запрещали им заниматься ремеслом³⁰. Между этими группами ремесленников постоянно шла острая борьба.

В описании городов и замков, проведенном литовскими и польскими комиссиями на Украине в XVI—XVII вв., говорится, что некоторые армянские ремесленники присваивали себе фамилии от названий того ремесла, которым сами занимались³¹. Они выходили из армянских общин и присоединялись к городскому бюргерству, попадая под власть магистрата.

Среди армянского населения Подолии было много таких, которые в тех сложных условиях жизни не имели никакой собственности. Они жили на чужих дворах, зарабатывая себе на жизнь поденной работой. Их эксплуатировали армянские купцы, богатые ремесленники, ростовщики и другие зажиточные городские жители. Эта часть армянского населения не пользовалась никакими общественно-политическими правами. Она только формально входила в состав армянских общин. Такие люди всю свою жизнь работали на других и боролись против своих классовых угнетателей. Богатые армянские купцы и ростовщики также эксплуатировали украинское трудящееся население Подолии.

Исторические документы значительно больше сохранили сведений о торговой деятельности армян Подолии. Самыми крупными торговыми центрами ее были города Каменец-Подольский, Бережаны, Язловец, Подгайцы, Бучач и Бар,

---

²⁹ См. W. Loziński, *Złotnictwo lwowskie w dawnych Wiekach, 1384—1640*, Lwów, 1889, стр. 82—86.

³⁰ См. W. Loziński, *Ormiański epilog lwowskiej sztuki złotniczej*, Kraków, 1901, стр. 4—7, 44—52.

³¹ См. «Памятники Киевской комиссии», т. IV, Киев, 1855, стр. 16—25, 76—78, 197, 279.

в которых купцы имели большие каменные дома, склады, магазины. Еще в конце XIV в. армянские купцы получили от литовских князей Корнатовичей разрешение поселиться в городах Подоллии и заниматься трудовой деятельностью. В 1402 г. польский король Ягайло разрешил армянам подольских городов свободно торговать по всей Польше³². В 1443 г. польский король Владислав подтвердил права подольских армян свободно торговать во всех городах польского государства³³. Польский король Казимир в 1484 г. своей грамотой разрешил армянам Подоллии и прибывшим купцам из других стран через Львов свободно везти свои товары на западно-европейские рынки³⁴.

Пользуясь королевскими привилегиями, армянские купцы Подоллии вели обширную торговлю со многими странами Ближнего Востока, Закавказья, Балканского полуострова и Европы. Они привозили на Украину персидские ковры, шелковые ткани, оружие, различные фрукты, оливковое масло, ладан, перец, вина, украшения, посуду и т. п. С Балканского полуострова на украинские рынки они доставляли табуны скота, кожаные изделия, седла, упряжь, сагайдаки. На рынках Украины армяне продавали немецкие косы, столярные и слесарные инструменты, французские и английские сукна, золотые, серебряные и другие ценные вещи. В XVI—XVII вв. на Украине продавалось более двухсот наименований изделий, привезенных из различных стран³⁵. Продажа на Украине иностранных товаров имела положительное значение в жизни украинского народа. Местные ремесленники изучали технологию иностранных товаров и улучшали свое ремесло. Благодаря развитию внешней торговли на Украине широко использовались передовые достижения ремесленного производства многих соседних стран.

Армянские купцы играли видную роль в вывозе украинских товаров в Польшу, Германию, Чехию, Венгрию, Молдавию и другие страны³⁶. Из Украины они вывозили: железо и железные изделия, селитру, поташ, мед, воск, зерно, коноплю, полотно, скот, кожи и т. п. Развитие внешней торговли имело большое значение в экономической и культурной жизни украинского народа.

³² См. „Akta grodzkie i ziemskie“, t. IV, Lwów, 1873, стр. 8—9.

³³ См. S. Barącz, указ. соч., стр. 93.

³⁴ См. там же, стр. 141—142.

³⁵ См. T. Gromnicki, указ. соч., стр. 102—107; S. Barącz, указ. соч., стр. 161—163.

³⁶ См. T. Gromnicki, указ. соч., стр. 163—168.

Несмотря на то, что тогда между государствами заключались торговые договора и подписывались обязательства свободно пропускать купцов из одной страны в другую, перевозка товаров была сопряжена с большими трудностями и опасностями. В пути очень часто купцы подвергались нападениям разбойничьих банд, которые отбирали все их товары. В связи с этим во время путешествия из одной страны в другую купцы объединялись в караваны по сто и больше подвод, имели при себе оружие и нередко успешно защищались от грабителей. Вот что писали армянские купцы в одном документе: «Наша молодежь не нуждается в обучении военному ремеслу, так как дети наши с 16—18 лет отправляются обыкновенно по купеческим делам в Турцию и другие заморские восточные страны, находясь в пути по несколько лет. В таких путешествиях они нередко, сопровождая караваны, упражняются в стрельбе, когда на них нападают татары, опришки или разбойники; им приходится отстреливаться и гнаться за нападающими, а поэтому для них нет нужды в упражнениях... Каждый из нас и наша молодежь станут на оборону с метким оружием»³⁷.

Действительно, тогда армянские купцы из Киева, Львова, Каменца-Подольского, Язловца и других городов очень часто большими караванами отправлялись в другие страны. Находясь в пути, они всегда были готовы оружием защищать свои товары от грабителей. Во время нападений разбойников купцы могли успешно сразить более сильного противника. Армяне имели лучшие образцы оружия, хорошо умели стрелять и вести оборону. Зная турецкий и татарский языки, они в степях по необходимости иногда переодевались и выдавали себя за турок или татар³⁸. С ними часто отправлялись в другие страны многие украинские купцы и вели там торговлю различными товарами.

В Подолии армяне нашли себе приют среди украинского населения городов и сел. Находясь в окружении местного населения, армяне изучали язык и культуру украинского народа, его быт и обычаи. Почти все армяне были православными. Там, где не имелось армянских церквей, они посещали украинские церкви. Между украинцами и армянами укреплялись родственные связи и широкие братские взаимоотношения.

Совершенно неправильным было представление некоторых буржуазных исследователей будто армяне на Украине

³⁷ Liske, *Cudzoziemcy w Polsce*, Lwów, 1876, стр. 81—82.

³⁸ См. «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», т. I, Киев, 1890, стр. 99, 142—143.

жили как чужие и всю свою деятельность направляли только на личное обогащение за счет украинского населения. Они всех армян называли купцами, прибывшими из чужой страны. Но многие исторические документы свидетельствуют о том, что со времени своего появления и на протяжении веков армяне на Украине принимали активное участие в сооружении городов и оборонительных укреплений, в постройке жилых домов и торговых помещений, мостов и торговых путей и т. д. Среди армян были инженеры, архитекторы, художники, которые участвовали в сооружении замков и дворцов, церквей и монастырей, ратуш и школ. Многие построенные ими помещения в Каменце-Подольском, Львове, Язловце, Бучаче и других городах сохранились до наших времен как памятники культуры прошедших эпох.

Еще во второй половине XIV в. армяне служили при князьях Корнатовичах в пограничных гарнизонах Подолнии, а потом находились на службе у Витовта, Свидригайла и других великих литовских князей. Они защищали украинские земли от грабительских нападений татарских орд. Армянские воины принимали активное участие в битве объединенных военных сил Литовского государства с татарскими ордами на Ворскле в 1399 г. В 1410 г. соединение армян Подолнии под руководством своего воеводы героически сражалось с немецкими рыцарями под Грюнвальдом и Марненбургом³⁹. Много армян, находясь среди польских войск в 1444 г. под Варной, погибло там в борьбе с турецкими завоевателями⁴⁰.

На протяжении XV—XVII вв. армяне Подолнии принимали активное участие в борьбе против турецко-татарской агрессии. В городах и местечках Подолнии во время нападений вражеских сил армяне со всем местным населением всегда героически боролись с противником. Они защищали украинские земли от немецких рыцарей и наступления польских магнатов и иезуитов. Особенно часто армянам приходилось вести борьбу против турецко-татарских завоевателей в 1482—1490, 1493—1500, 1502—1505, 1509, 1510—1517, 1523—1524, 1541—1545 гг. и в другие годы. Армяне проявили героизм в защите Каменца-Подольского, Ягольниц, Черткова, Язловца, Бучача, Скалы и других городов Подолнии от многочисленных разбойничьих нападений турецко-татарских завоевателей и в 1672—1676 гг.⁴¹ Не случайно после завоева-

³⁹ См. «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», т. II, стр. 178—179.

⁴⁰ См. S. Barącz, указ. соч., стр. 62—63.

⁴¹ См. там же, стр. 64—70.

ния Подолни турки и татары изгнали из этого края большую часть армян за их участие в защите украинских городов и сел⁴². Только из Каменца-Подольского были изгнаны сотни армянских семей⁴³. Тысячи армян сами вынуждены были уйти в другие города и страны от невыносимого турецкого ига.

Среди армян в то время встречались очень способные дипломаты. Еще великие литовские князья Витовт, Казимир, Сигизмунд Старый и другие часто использовали армян, знающих восточные языки, в дипломатических отношениях с Крымским ханством, Турцией, Молдавией и Золотой Ордой. Почти во всех посольствах Великого княжества Литовского и Польши они принимали активное участие как переводчики. Во многих больших городах Украины при городских ратушах армяне вели переговоры с иностранными купцами, прибывшими для ведения торговли. В документах упоминаются такие крупные армянские дипломаты, как Петр Григорович, Христофор Серебкович, Лазарь Слоновский и др., которые в XVII в. своей дипломатической деятельностью были известны во многих странах мира⁴⁴.

Во время ведения торговли в других странах армянские купцы одновременно выполняли важные дипломатические поручения. Особенно видную роль играли они в выкупе украинцев, русских, поляков, литовцев, молдаван из турецкого и татарского плена. Например, после Хотинской войны (1621) Х. Серебкович несколько раз ездил из Польши в Турцию и Крым, где проводил большую дипломатическую работу по выкупу из плена людей, улучшению дипломатических взаимоотношений Польши с соседними странами⁴⁵. В то время это было исключительно сложным заданием, требовавшим от дипломата хороших знаний разных языков, культуры и быта народа, дипломатического этикета, политической жизни и международных отношений. Только очень способные и всесторонне развитые люди могли успешно выполнять такие сложные задания. Армяне были очень смелыми, предприимчивыми людьми в торговле и дипломатической деятельности. Своей деятельностью они оставили значительный след в жизни многих стран.

Велик вклад армян в развитии ремесла и торговли, в укреплении городов и их обороны от иноземных завоевателей,

⁴² См. там же, стр. 75—97.

⁴³ См. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XI, СПб., 1879, стр. 25, 39—63.

⁴⁴ См. И. А. Линниченко, указ. соч., стр. 144.

⁴⁵ См. там же, стр. 144—145.

а также в области дипломатии. Литовские князья Кориатовичи, Витовт и Свидригайло, оценив их способности, использовали наиболее видных деятелей на государственной дипломатической службе, в торговых делах и т. п. Польские короли в 1496, 1502, 1507, 1548, 1552, 1567, 1574, 1588, 1594 гг. и других годах выдавали армянам Подолнии и Галиции жалованные грамоты, по которым предоставляли им разные права и привилегии в области экономической, политической и культурной жизни. Все это свидетельствует о том, что армяне были не просто временными эмигрантами, а постоянными жителями городов и местечек украинских земель. Они участвовали в экономической, общественной, политической и культурной жизни, были патриотами того края, где жили и работали⁴⁶.

В последней четверти XVII в. усложнились условия жизни армянского населения на территории Подолнии. Это было связано с усилением агрессии султанской Турции и Крымского ханства на украинские земли. В 1672 г. 340-тысячная турецко-татарская армия перешла р. Днестр и появилась под Каменцем-Подольским. Польша тогда главное внимание уделяла подавлению освободительного движения на Украине и почти ничего не предпринимала для защиты своих владений в Подолнии. Малочисленный гарнизон города не мог противостоять вражеским силам, а городское население не имело достаточного количества оружия для самозащиты. Вражеская армия сломала сопротивление горожан и вынудила польскую администрацию капитулировать⁴⁷.

Захватив город, турецкие и татарские войска ограбили его и сильно разрушили. Большое количество населения было насильственно изгнано из города. Тысячи украинцев, армян, поляков бежали от гнета турок в Галицию, на Волынь и Киевщину. Более четырехсот армянских семей направилось на Чертков, Ягольницу, Язловец, Бучач и т. д., но и там они не смогли найти себе приют. В 1674—1676 гг. огромная турецко-татарская армия продолжила свои агрессивные действия в Подолнии и Покутье. Большая часть городов и сел этих земель была превращена завоевателями в развалины⁴⁸. Во время своих варварских действий турки и татары разру-

⁴⁶ См. «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», т. II, стр. 172—180; D—r. Antoni, *Zamieczki podolskie na kresach Multańskich*, t. I, Warszawa, 1880, стр. 310—336; „*Zródła dziejowe*,” t. II, Warszawa, 1876, стр. 11—21, 120—134.

⁴⁷ См. Н. И. Костомаров, Собр. соч., т. XV—XVI, СПб., 1905, стр. 120—124.

⁴⁸ См. «Источники малороссийской истории», ч. I—II, М., 1858, стр. 149.

шили и полностью ограбили Коропец, Потоки, Чертков, Ягольницу, Язловец и другие города Подолии. Турецкие завоеватели превратили этот край в свою провинцию и наводнили его своими ордами⁴⁹. Основная масса армян вынуждена была бежать на Волынь, в Галицию, Молдавию, Македонию, Сербию. Во время этого бегства многие погибли от рук турецко-татарских завоевателей и тяжелых условий жизни.

После поражения турецкой армии в конце XVII в. Подолия снова была возвращена Польше. Армяне получили от польского короля разрешение возвратиться на свои прежние места, но уже очень немногие смогли воспользоваться этой возможностью. Из документов начала XVIII в. известно, что в Подолии уже было мало армян⁵⁰. Только полуразрушенные армянские храмы, городские каменные жилые дома, бывшие магазины и ремесленные мастерские, народные легенды и предания напоминали о том, что когда-то там кипела бурная торговля, трудовая, общественная и культурная жизнь армянского населения, пользовавшегося большим уважением среди украинского народа.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что на протяжении XIV—XVII вв. Каменец-Подольский, Язловец, Бережаны, Броды, Тыменица, Бучач и многие другие города играли очень важную роль в судьбе армянского населения на Украине. Там с древнейших времен жили тысячи армян. Армяне приезжали из разных стран и находили приют на украинских землях, среди украинского народа⁵¹. Они свободно поселялись в городах и селах, сооружали жилые дома и хозяйственные помещения, занимались ремеслом, торговлей, сельским хозяйством, садоводством, огородничеством, принимали участие в строительстве замков, дворцов, церквей, монастырей, мостов и т. п. Когда на территории Подолии появились турецко-татарские разбойничьи орды, армяне вместе с местным населением активно участвовали в защите края. Украинское население с глубоким уважением относилось к трудящимся массам армян и оказывало им всяческую помощь. Между украинским и армянским населением развивались и укреплялись дружественные отношения, получившие свое дальнейшее всестороннее развитие в наши дни.

---

⁴⁹ См. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XI, стр. 143, 155.

⁵⁰ См. «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», т. II, стр. 173—189.

⁵¹ См. там же.

АРМЯНЕ В ЭКОНОМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛЬВОВА (XIV—XV вв.)

Н. Ф. КОТЛЯР

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Украинские города включились в общеевропейскую торговлю с Востоком не позже середины XIII в. Татарское нашествие, прервавшее древнерусскую левантийскую торговлю и нанесшее огромный ущерб Руси, все же оказалось бесильным задержать поступательное движение экономического прогресса. Сначала роль крупнейшего украинского центра торговли с Востоком играл Владимир на Волыни, в котором в конце XIII в. существовали колонии итальянских, немецких, еврейских и северорусских (новгородских) купцов¹.

Но с середины XIV в. левантийскую торговлю Украины возглавил молодой город Львов, основанный почти сто лет назад. Важным показателем его торгового значения явилось возникновение в городе в первые годы его существования большой армянской колонии. В рассматриваемый нами период именно Львов был крупнейшим армянским центром не только на украинских, но и вообще на славянских землях, о чем говорит хотя бы тот факт, что в этом городе в 1365 г. было учреждено специальное епископство для живших в Польше и на подвластных ей территориях армян². Инициатива и успехи львовских армян в левантийской торговле были одним из основных факторов стремительного экономического подъема Львова.

Исследование обширного фонда письменных источников,

¹ Основанием для подобного вывода служит рассказ Волынской летописи под 6796 г. о смерти Владимира Васильевича, владимирского князя: «И тако плакавшеся над ним все множество Володимирцев, мужи и жены и дети, Немци, и Сурожьце, и Новгородци, и Жидове» («Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871, стр. 605).

² См. S. Barącz, *Rys dziejów ormiańskich*, Tarnopol, 1869, стр. 105.

главным образом из западноукраинских архивов, привело нас к выводу, что львовская торговля с Востоком была сосредоточена в руках львовских армян. И это не удивительно: они принесли с собой во Львов сложившиеся традиции, знания в организации и технике торгового дела, владение восточными языками, наконец, обширные знакомства в восточных странах. Все это лишало купцов других национальностей возможности конкурировать с армянами в области левантийской торговли.

Оккупация польскими феодалами Галицкой Руси в 1349 г. не изменила положения вещей. Армянские купцы и в условиях польской колонизации Львова сумели сохранить свои позиции в торговле с Востоком, хотя, несомненно, наибольших успехов в этой области они достигли в допольский период. Львовская торговля в XIV—XV вв. была активно направлена на Восток, чем и объясняется преобладание в ней купцов армянской национальности.

Письменные источники сохранили немало сведений об армянском населении Львова начала XV в. Приходно-расходная книга Львовского магистрата под 1407 г. называет сумму налогов с граждан-армян, имевших недвижимое имущество. Всего они уплатили 1800 грошей, при этом за целый дом взимался налог в 20 грошей, за половину—10, за четверть—5³. Некоторые налогоплательщики внесли суммы в 40, 50, 60 грошей, следовательно, владели во Львове двумя—тремя домами. Известный исследователь Львова Д. Зубрицкий полагал, что в начале XV в. в городе обитали 63 армянских семейства⁴, а это составляло заметную часть малонаселенного в ту эпоху Львова.

Начиная с Казимира III, захватившего Галицкую Русь, польское правительство дорожило армянским населением, в особенности купеческим Львова, и предоставляло армянской общине города различные привилегии. Преемники Казимира III Людовик, Ядвига и Владислав Ягайло строго охраняли права армянского населения Львова⁵. И вполне естествен-

---

³ См. „Księga przychodów i rozchodów miasta. 1404—1414.“ Lwów, 1896, стр. 40—41.

⁴ D. Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa, Lwów, 1844, стр. 69.

⁵ Привилегии польских королей львовской армянской общине см. в кн.: „Akta grodzkie i ziemskie“, t. III, Lwów, 1872, № 5 (грамота Казимира III), № 31 (Людовика), № 42 (Ядвиги), № 45 (Владислава Ягайло). При этом важно то, что этими привилегиями львовские армяне пользовались еще в допольское время: в грамоте Казимира III сказано, что он не дарует, а лишь подтверждает прежние права львовской армянской общины.

но, что богатое армянское купечество города не раз поддерживало материально польских королей, постоянно страдавших от дефицита государственного бюджета.

С момента польского завоевания Львова дороги, ведущие в этот город с Запада, были захвачены польскими купцами, которые ревностно охраняли свои права и не пропускали львовян на Запад, используя такие средневековые торговые регламентации, как складское право и связанное с ним дорожное принуждение⁶. Поэтому львовское купечество могло активно участвовать лишь в торговле восточного и юго-восточного направлений. В этой-то торговле с самого начала главенствующее положение заняли купцы-армяне.

Письменные источники рассматриваемого нами периода сохранились в крайне недостаточном количестве. И в качественном отношении они малоудовлетворительны: ведь для изучения сложного механизма средневековой торговли нужно иметь дорожные тарифы, таможенные описи, комплектные сборники торговых привилегий и т. п. Вместо этого у исследователя львовской торговли есть лишь разрозненные сведения отдельных документов. Исключения составляют лишь львовские приходно-расходные книги, сохранившиеся за короткий промежуток времени (1404—1426), да фрагменты городской книги 1382—1389 гг.

В 1388 г. львовский купец, армянин по национальности, Тайчадин завещал церкви Св. Франциска в Кафе две копы грошей. По всей вероятности, Тайчадин неоднократно бывал в Кафе. Из его завещания известно также, что во Львов из Кафы, наряду с прочими товарами, привозили шелк и перец. Из источников мы знаем, что непосредственные контакты между львовскими армянскими купцами и кафинскими торговыми людьми продолжались до конца XIV в. Например, под 1388 г. во львовской городской книге записан некий кафинец Схададин, также армянин по национальности, принявший участие в сделке на львовском рынке⁷.

Для поездок на кафинский и другие рынки Причерноморья львовские купцы-армяне пользовались так называемой Татарской дорогой. Эта дорога была сухопутной и проходила через Подолию, г. Каменец⁸, а оттуда через степи Северного Причерноморья и степной Крым—к Кафе. Ответвление этой

⁶ См. об этом: S. Lewicki, *Prawo składu w Polsce*, Lwów, 1910.

⁷ См. „Najstarsza księga miejska. 1382—1389“, Lwów, 1892, №576.

⁸ См. „Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa“, t. I, Kraków, 1879, №104

дороги вело вдоль Азовского моря к Тане. Обе итальянские колонии были связаны с Индией, Персией, Китаем и, конечно, с ближневосточными рынками. Но постепенно, к началу XV в., упоминания о Татарской дороге исчезают из источников: эта дорога проходила безлюдными степными районами и была опасна для купцов. К тому же отношения между крымскими татарами и итальянскими колониями постепенно ухудшались, и движение на этой дороге все чаще прерывалось. Все это вынуждало купцов искать более надежные пути на Восток.

С конца XIV в. львовское армянское купечество отдает предпочтение новой дороге к восточным рынкам—молдавской, о которой впервые мы узнаем из документа 1386 г.⁹ Она шла из Львова через Галич, Коломью, Снятын, Черновицы и Серет в Сучаву (другая ветка—через Каменец и Хотин). Из Сучавы ехали через Яссы и Лопушно к Черному морю, в Белгород, связанный с Крымом морским путем¹⁰. Левантийские товары приходили на сучавский рынок не только из Крыма, но и из Константинополя.

Из грамоты молдавского господаря Александра Доброго, данной им львовским и подольским купцам в 1407 г.¹¹, мы узнаем о таможах, рынках, дорогах и прочих атрибутах торговли, с которыми встречались львовские купцы в Молдавии. Проникновение львовских купцов армянского происхождения в Молдавию началось, по-видимому, еще в середине XIV в. Об этом косвенно свидетельствует то обстоятельство, что в 1384 г. молдавские армяне выразили желание признать юрисдикцию львовского армянского епископа¹².

Было бы неверно сводить роль армян в экономической жизни Львова XIV—XV вв. лишь к торговой деятельности. Не менее заметный след оставили они во львовском ремесле, в частности в монетном деле. При исследовании этого аспекта вопроса нам на помощь, наряду с письменными источниками, приходят памятники материальной культуры, в данном случае монеты.

Львовские монеты, полугроши и денарии чеканились на городском монетном дворе с середины 50-х годов XIV в.

---

⁹ См. „Najstarsza księga miejska“, №350.

¹⁰ Подробное направление Молдавской дороги и обстоятельства торговли на ней известны нам из привилегий молдавских господарей польским и русским купцам, собранных в «Приложении» к VII т. публикации „Akta grodzkie i ziemskie“, Lwów, 1878.

¹¹ См. там же, т. 2.

¹² См. S. Barącz, указ. соч., стр. 107.

до 1414 г.¹³ Изображения на львовских монетах более изящны, начертание букв более утонченно, техника резьбы штемпеля намного выше, чем у современных им польских монет. Русские полугроши и денарины обладают важным признаком, решительно отличающим их от польских монет того времени. Речь идет об ободке из четырех сопряженных дуг, в котором помещены инициалы монетного сеньора (K—на монетах Казимира III, L—Людовика, W—на монетах Владислава Опольского, наместника Людовика во Львове в 1372—1378 гг.). Такой ободок помещали на львовских монетах вплоть до начала чеканки Владислава Ягайло. Этот ободок нельзя найти на современных львовских польских и наиболее близких к ним территориально чешских монетах. Зато он часто встречается на итальянских монетах начала и середины XIV в.¹⁴ Известно, что чешский король Вацлав II на рубеже XIII и XIV вв. для чеканки пражских грошей пригласил монетариев из Флоренции. Можно было бы предположить, что и на львовском монетном дворе работали монетные мастера-итальянцы. Но у нас нет никаких свидетельств прямых связей между Львовом и итальянскими городами. Зато хорошо известны связи между крупнейшими армянскими колониями Европы— в Венеции и во Львове, чем и можно объяснить «итальянский облик» львовских монет.

В связи с тем что Львов не имел производственных традиций в монетном деле, его монетарии вышли из среды ювелиров. Академик И. А. Орбели отмечал, что история ювелирного дела во Львове, на западноукраинских землях и в Польше как началась, так и закончилась успехами армянских мастеров. В начале XV в. на четырнадцать львовских ювелиров приходилось шесть армян и только один поляк¹⁵ (коренное русское население не допускалось поляками в ремесленные цехи).

Обычно средневековые монетные мастера в прошлом были ювелирами. Так случилось и во Львове. Золотых дел мастером был львовский монетарий начала XV в. Донат, армянин по национальности¹⁶. Хотя до польского завоевания

¹³ См. Н. Ф. Котляр, К вопросу о правовом положении Львовского монетного двора в XIV—XV столетиях. В кн.: «Нумизматика и сфрагистика», вып. 2, Киев, 1965, стр. 113—120.

¹⁴ См. „Corpus nummorum Italicorum“, Roma, t. V, tabl. IV, № 2; t. VI, tabl. III, № 11-12 etc.

¹⁵ См. И. А. Орбели, Два серебряных ковша XVI в. с армянской и греческой надписями, Пг., 1916, стр. 8.

¹⁶ См. W. Loziński, Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach 1384—1640, Lwów, 1889, стр. 50.

Львов и не имел монетного двора, в нем «в то же время немало было армян-ювелиров, располагавших старой производственной традицией»¹⁷. Мы думаем, что проявлением этой традиции и была отмеченная выше стилистическая особенность львовских монет, ободок из четырех сопряженных дуг. Одним из доказательств в пользу сказанного служат свидетельства львовских городских книг. Согласно их сведениям, Львовский монетный двор в течение всего отраженного в актах периода деятельности находился в руках армянской общины.

Письменные источники, в частности львовские городские книги, далеко не всегда, к сожалению, называют национальность упоминаемого лица. Поэтому деятельность львовских армян отражена в источниках не в полной мере. Логично предположить, например, что толмачами (переводчиками на рынке, принадлежащими к городскому патрициату) во Львове с его преобладавшей восточной торговлей были армяне. Но об этом мы можем только догадываться, поскольку книги называют только имена толмачей, не упоминая их национальности¹⁸. То же самое можно сказать и о членах городского магистрата и других должностных лицах Львова, среди имен которых немало употребительных у львовских армян.

Под 1383 г. во львовской книге названа вдова городского монетария Ивана армянка Мамуш¹⁹. Под 1384 г. в этом источнике встречается имя зятя этого монетария армянина Авакбарона, который отдал в залог тогдашнему монетарию Богдану два своих дома²⁰. В 1386 г. Богдана уже не было в живых, а его сын Яков принял в залог дом другого зятя, вышеуказанного Ивана,—армянина Авашчи²¹. Тогда же Авашча продает другой свой дом какому-то Василию²². Об Авашче городская книга упоминает и под 1388 г.²³ А в

---

¹⁷ И. Г. Сласский, Незданная медаль Мартина Хольцхей с армянскими надписями. «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XVI, Л., 1959, стр. 61.

¹⁸ Городская книга 1382—1389 гг. называет четверых одновременно действовавших толмачей (Кахариса, Норадина, Пауличко и Атлабя), книга 1404—1414 гг. также четверых (Баранчука, Ивана, Грегора, Иоанна), книга 1414—1426 гг. только двоих (Иоанна и Франчко). Можно думать, что часть из них была армянами.

¹⁹ См. „Najstarsza księga miejska“, стр. 18.

²⁰ См. там же, стр. 29. Хотя национальность Богдана в источнике не указана, надо думать, что он также был армянином: это имя, если судить по данной городской книге, было распространено среди львовских армян.

²¹ См. там же, стр. 55.

²² См. там же.

²³ См. там же, стр. 92.

1389 г. уже знакомая нам вдова монетария Ивана армянка Мамуш продала дом вместе с земельным наделом и рыбным прудом²⁴.

Записи львовской городской книги второй половины XIV в. обрываются на 1389 г. Они свидетельствуют о том, что львовскими монетариями были лица армянской национальности и что они обладали большим имуществом. Например, состояние Ивана было весьма значительным: даже после несомненного раздела этого состояния между членами его семейства каждый из них в отдельности обладал немалым состоянием. Два его зятя имели по два дома в городе (и это, наверное, было не единственным их имуществом), через много лет после смерти Ивана его вдова продает целое состояние. Богатым человеком был и Богдан. Все это соответствует нашему представлению о средневековых монетариях, которые были, конечно, не прямыми изготовителями монет, но управляющими или арендаторами монетных дворов.

В середине XIV—XV вв. Львов был одним из наиболее богатых торговых и ремесленных центров Украины. Несомненно, здесь сказались общие факторы экономического прогресса: рост внутренних производительных сил, усиление пульса европейской торговли, выгодное географическое положение города на скрещении больших торговых путей. Но не менее важно выяснить частные, конкретные причины экономического расцвета Львова. Мы уверены, что одной из главных причин этого явления было наличие во Львове жизнеспособной, инициативной и могущественной армянской колонии.

---

²⁴ См. там же, стр. 101.

ОБ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В МОЛДАВИИ И ИХ РОЛИ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ СТРАНЫ С ЗАПАДНОУКРАИНСКИМИ ЗЕМЛЯМИ (XVI—XVII вв.)

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН Молдавской ССР)

Молдавия в XVI—XVII вв. расширяет торговые связи с ее традиционным партнером—городом Львовом и другими центрами западноукраинских земель, входившими в этот период в состав Речи Посполитой¹.

Важнейшее место в контингенте товаров, поступающих из Молдавии на львовский рынок, занимали знаменитые «волошские быки», вино, мед, воск, орехи, табак, а также поташ, кожи и сафьян. Из Львова и других западноукраинских городов в Молдавию вывозили: металлы (свинец, медь, кровельное железо, золото, серебро), косы, кожи, гвозди, а также суконные, шелковые и полотняные ткани, головные уборы, пушнину, различные стеклянные, фарфоровые, ювелирные изделия и т. п.

В рассматриваемый период продолжала сохранять свое значение и транзитная торговля через Молдавию, благодаря которой западноукраинские земли были связаны со странами Востока, главным образом с Константинополем.

В товарообмене между Молдавией и западноукраинскими городами активное участие принимало и армянское купечество как молдавских, так и западноукраинских городов.

---

¹ О торговых связях Молдавии со Львовом и другими западноукраинскими городами см. Н. А. Мохов, Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1964, стр. 128—132, 237—240; «История Молдавской ССР», т. I, Кишинев, 1965, стр. 178—182; «Очерки истории СССР, период феодализма XVII в.», М., 1955, стр. 713—732; Е. М. Подградская, Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI—XVII вв., автореферат диссертации, Кишинев, 1965.

На территории Молдавии отдельные группы армянских семей поселились еще до образования здесь государства².

Часть армян прибыла сюда или непосредственно из древней Армении, или переселилась из Крыма³, где в XII—XIII вв. составляла значительную часть населения⁴.

Поток армянских поселенцев в Молдавию увеличился после образования здесь государства. Некоторые молдавские господа стремились привлечь армян на постоянное жительство в Молдавию. Так, например, Александр Добрый в 1407 г. предложил сокращение налогов с торговли армянским купцам, если они поселятся в молдавских городах Сучаве, Серете и Черновцах. В этот период из Польши в Сучаву переселилось около 700 армянских семей⁵. Тот же молдавский господарь в 1418 г. содействовал переселению 3000 армянских семейств в такие города Молдавии, как Сучава, Белгород, Ботошаны, Дорогой, Хотин, Васлуй, Галац⁶. После захвата Каффы Турцией в 1475 г. в Молдавию направился новый поток армянских семей из Крыма⁷.

Таким образом, на протяжении XIV—XV вв. армяне поселились во многих городах Молдавии. В XV в. значительная часть их проживала в Белгороде, что вполне естественно, если учесть роль этого города в экономической жизни Молдавии данного периода. Французский посол в Турции, Жильбер де Ланнуа, побывавший в 1421 г. в Белгороде, отмечал впоследствии в своих мемуарах наличие в городе армянской колонии, имевшей свою церковь⁸. Французский путешественник В. Ваврин, побывавший в Молдавии в 1445 г., обратил внимание на то, что в Белгороде находилось много кораблей.

---

² См. Vlad Bănăţeanu, *Armenii în istoria şi în viaţa Românească*, Bucureşti, 1938, стр. 10—13; Л. С. Берг, *Население Бессарабии, этнографический состав и численность*, Пг., 1928; ИСД, Ереван, 1961, стр. 36.

³ См. Vlad Bănăţeanu, указ. соч., стр. 12—17.

⁴ См. В. К. Восканян, *Древняя Русь и Украина в судьбах армян*, ИСД, 1961, стр. 68.

⁵ См. Vlad Bănăţeanu, указ. соч., стр. 18.

⁶ См. Xenopol, *Istoria României*, v. II, Iasi, 1889, стр. 251; В. Р. Haşdeu, *Etymologicum magnum*, II, стр. 1697, ср. Н. Dj. Siruni, *Ţara voevodului Ştefan*, Bucureşti, 1941, стр. 3; Vlad Bănăţeanu, указ. соч., стр. 19.

⁷ См. Vlad Bănăţeanu, указ. соч., стр. 18; N. Iorga, *Istoria comerţului Românesc*, v. I, Bucureşti, 1937, стр. 120.

⁸ См. „Arhiva Istorică a României”, v. I, partea I, стр. 130; см. „Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannoy en 1369—1450”, Мснс, 1840

принадлежащих армянам⁹. С 1460 г. этот город стал резиденцией армянского епископа¹⁰.

В XV в. армянские поселения существовали в Ботошанах, Сучаве и Яссах. Уже в середине XIV в. в Ботошанах проживало армянское население, имевшее свою церковь¹¹. В 1401 г. в Сучаве была учреждена армянская епископия¹². Сучавские жители имели своего шолтуза по судебным делам¹³. Косвенным доказательством того, что в Яссах проживало довольно большое количество армян, является тот факт, что уже в конце XIV в. здесь существовала армянская церковь¹⁴. Много армянских семей проживало также в Хотине. В 1418 г. этот город упоминается в источниках как центр армянских поселенцев¹⁵. Возможно, по не совсем точным данным, в конце XIV в. в городе Романе было около 500 армянских домов¹⁶. Значительное количество армянских семей в XV в. проживало и в таких молдавских городах, как Серет¹⁷ и Кн-лия¹⁸. Мы не располагаем точными данными о численности жителей армянских поселений в молдавских городах XV в. Однако, судя по тому, что армяне имели самоуправление, свои церкви и епископскую резиденцию в стране, они составляли довольно значительную часть населения городов Молдавии.

Хозяйственная деятельность армянских поселенцев в Молдавии была многообразной. Подобно своим соотечест-

---

⁹ См. N. Iorga, *Studii istorice asupra Chillei și Cetații Albe*, București 1899, стр. 192. см. „Wawrin. Anch. Groniques”. ed. Hardy, V, стр. 65; N. Iorga, *Istoria Romînilor prin călători*, v. I, București, 1928, стр. 70.

¹⁰ См. H. Dj. Siruni, указ. соч., стр. 14.

¹¹ См. N. Șuțu, *Notions statistiques sur la Moldavie*, Iassy, 1849; см. V. Bănățeanu, указ. соч., стр. 26; N. Iorga, *Istoria Romînilor prin călători*, v. 7, стр. 234.

¹² См. P. P. Panătescu, *Hrisovul lui Alexandru cel Bun. Episcopia armeană din Suceava*, București, 1935, стр. 4.

¹³ См. Vlad Bănățeanu, указ. соч., стр. 22.

¹⁴ См. там же, стр. 127.

¹⁵ См. N. Șuțu, *Notions statistique sur la Moldavie*, Iassy, 1849; см. Vlad Bănățeanu, указ. соч., стр. 26; N. Iorga, *Istoria Romînilor prin călători*, v. I, стр. 234; B. P. Hașdeu, *Etymologicum Magnum*, II, стр. 1697; H. Di. Siruni, указ. соч., стр. 5.

¹⁶ См. Vlad Bănățeanu, указ. соч., стр. 30.

¹⁷ См. N. Iorga, *Studii și documente*, v. XXIII, стр. 360, № XXVI.

¹⁸ См. N. Iorga, *Istoria comerțului Romînesc*, v. I, стр. 97.

венникам в Крыму, на Украине и в Польше¹⁹, они занимались ремеслом, торговлей, земледелием, скотоводством и виноградарством, содействуя тем самым развитию экономики своей новой родины.

Армяне, занимавшиеся животноводством, выращивали отличные породы скота, главным образом лошадей²⁰. Часть армянских ремесленников занималась обработкой кож и производством кожевенных изделий. Так, в документе от 1476 г. среди купцов-армян, поддерживавших торговые связи со Львовом, названы Якуб и Серкис—скорняки из Сучавы²¹. Следовательно, некоторые армянские ремесленники занимались как производством, так и реализацией на рынке своих товаров. Армянские купцы и ремесленники составляли в этот период значительную часть населения молдавских городов²².

В XV в. Молдавия и Львов были важными звеньями торгового пути, по которому переправлялись большие массы восточных товаров в западноевропейские страны, а товары, произведенные в северо-западной Европе, отправлялись на рынки Востока. Существенную роль в транзитной торговле, идущей через Молдавию по направлению ко Львову, играли как купцы-армяне западноукраинских городов, так и молдавских городов.

Так, в середине XV в. активную торговлю восточными товарами со Львовом вели сучавские армяне Сажик, Агоса²³. В 1462—1472 гг. в том же городе проводил торговые операции армянин Какша из Сучавы²⁴. В 1476 г. группа сучавских армян приняла гражданство города Львова²⁵, что значительно облегчило купцам проведение торговых операций в этом городе. Во второй половине XV в. на львовском рынке были хорошо известны Шилко и Григорий—армянские купцы из Серета²⁶. Многочисленные документы свидетель-

¹⁹ См. В. К. Восканян, указ. соч., стр. 68, 72; В. В. Грабовецкий, Армянские поселения на западноукраинских землях, ИСД, Ереван, 1961, стр. 96—99; его же, Армянская колония в Снятинне, ИСД, Киев, 1965, стр. 141—142; Н. К. Кривонос, Роль львовской армянской колонии в развитии торговли на западноукраинских землях в I половине XVII в., там же, стр. 101—104.

²⁰ См. Vlad Bănăţeanu, указ. соч., стр. 22—23.

²¹ См. N. Iorga, Studii și documente, v. XXIII, стр. 310, № LVII.

²² См. Н. А. Мохов, указ. соч., стр. 130.

²³ См. N. Iorga, Studii și documente, v. XXIII, стр. 297, № XV, стр. 310, № LVII, стр. 311, № LXII.

²⁴ См. там же, стр. 295, № IX, стр. 296, № XIV, стр. 306, № XLVI, стр. 307, № XLVIII, стр. 308—309, № LI—LII.

²⁵ См. там же, стр. 300, № XXVI.

²⁶ См. N. Iorga, Studii și documente, v. XXIII, стр. 300, № XXVI.

ствуют о торговых связях армянских купцов Белгорода со Львовом и другими западноукраинскими городами²⁷.

Значительную торговлю на молдавской земле вели в XV в. армянские купцы Львова и других западноукраинских городов. Не случайно поэтому во Львове, Каменце-Подольском, Замостье и других городах восточные товары, идущие транзитом через Молдавию или закупаемые армянскими купцами в молдавских городах, назывались «армянскими»²⁸.

В XVI—XVII вв., в силу изменившихся экономических условий армяне, не оставляя торговли восточными товарами и западноевропейскими сукнами, включаются в товарообмен между Молдавией и западноукраинскими городами предметами местного происхождения, имеющими важное производственное значение, содействуя тем самым развитию экономики обоих торговых партнеров. Армянские поселения, расположенные как в Молдавии, так и в западноукраинских землях, сыграли положительную роль в укреплении и развитии исторических связей между Молдавией и ее северным соседом. Вопрос участия армянских купцов в большом товарообмене Молдавии со Львовом и другими западноукраинскими городами в XVI—XVII вв. мы попытаемся осветить на основании имеющегося актового материала.

Одним из наиболее крупных городов рассматриваемого времени, в котором имелось довольно большое армянское поселение, был город Сучава. По сведениям Симеона Леаци, культурного деятеля армянской колонии Львова, побывавшего в этом городе в 1608 г., «армянская колония города (Сучавы.—Е. П.) насчитывала до 300—400 семей»²⁹. По данным католического прелата М. Бандини, побывавшего в Сучаве несколько позже, в 1640 г., в городе проживало «молдаван 20 тысяч, армян 3 тысячи вместе с детьми. Молдаване имели в городе 17 церквей, а армяне—4»³⁰.

Если принять во внимание возможную неточность приведенных данных о численности армянского населения города, все же эти сведения красноречиво говорят о том, что в XVI—XVII вв. в Сучаве было довольно большое армянское поселение. В городе существовало несколько улиц, на которых

²⁷ См. N. Iorga, *Studii Istorice asupra Chillei și Cetății Albe*, Apendice și documente, стр. 282—296.

²⁸ См. В. В. Грабовецкий, указ. соч., стр. 96.

²⁹ См. М. О. Дарбинян, Симеон Леаци о странах юго-восточной Европы. «Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 254.

³⁰ V. A. Urechia, *Codex Bandinus*, An. Ac. Rom., seria II, v. XVI, București, 1895, стр. 249.

проживали армяне и которые поэтому и назывались армянскими. Так, в грамоте молдавского господаря Е. Могилы от 22 января 1597 г. отмечается, что Богдан, крупный сучавский купец-армянин, получил от господаря «дом на большой армянской улице»³¹.

Так же, как и в городах Западной Украины, армянское население Сучавы в XVI—XVII вв. представляло собой обособленную юридическую общину, которая управлялась по армянскому праву. Как явствует из письма ворника Сучавы от 24 июня 1601 г., направленного в Быстрицу, в городе существовал «армянский шолтуз с его советниками»³². Упоминания об армянском шолтузе встречаются и в документах более позднего периода. Так, например, в одном из актов о купле и продаже, составленном в декабре 1670 г., указано, что виноградник продает «Кирика, армянский шолтуз города Сучавы»³³. Сучавские армяне имели и свою церковную организацию.

Занятия сучавских жителей-армян были разнообразны. Из упоминаемой нами выше господарской грамоты от 22 января 1597 г. и из других документов явствует, что многие армяне города являлись обладателями виноградников, пастбищ, прудов и других угодий³⁴ и занимались не только ремеслом и торговлей, но и сельским хозяйством. Из среды сучавских армян вышли известные дипломаты и переводчики. Так, например, армянин Николай Байдулович из Сучавы знал прекрасно восточные языки и в 1567 г. был избран переводчиком города Львова³⁵. Тем не менее, видимо, наиболее значительная часть армянских жителей этого города занималась торговлей и ремеслом.

В XVI—XVII вв. в Молдавии достигла значительного развития обработка кож. Важнейшими центрами переработки кожи были города Яссы и Сучава. Последняя приобретает большую известность, благодаря производству «знаменитого сучавского сафьяна»³⁶, пользовавшегося большим спро-

³¹ N. Iorga, *Studii și documente*, v. VI, d. №XVI; стр. 636—637, E. Hurmuzaki, *Documente*, v. XI, стр. 318.

³² E. Hurmuzaki, указ. соч., v. XV, partea 2, стр. 784, N MDCXII.

³³ N. Iorga, *Studii și documente*, v. VII, стр. 379, d. 14, N 2.

³⁴ См. там же, v. VI, стр. 637, d. XVI; *Documente privind istoria României*, A, veacul XVI, v. III, стр. 78; там же, A, veacul XVII, v. I, стр. 95—96.

³⁵ Sadok Barącz, *Żywoty sławnych ormian w Polsce*, Lwów, 1856, стр. 56—57.

³⁶ См. О. М. Подградська, Про вивіз ремісничих виробів із Молдавії на львівський ринок у XVI—XVII ст., «Український історичний журнал», 1965, № 1, стр. 115—117.

сом в западноукраинских городах. Естественно поэтому, что кожи и сафьян занимали одно из важнейших мест в той части экспорта Молдавии, которая включала в себя ремесленные и промысловые товары. На протяжении XVI—XVII вв. значительная часть сучавских ремесленников и купцов-армян занималась торговлей кожами и сафьяном, поставляя во Львов и другие западноукраинские города этот ценный товар, являвшийся в свою очередь необходимым сырьем для различных отраслей ремесленного производства. Во Львове широко развитой была сеть ремесленных предприятий, специализировавшихся на производстве кожевенных изделий, как-то: обуви, колчанов, дорожных мешков, седел, лошадиной сбруи и т. п.

Кроме того, на львовский рынок приезжали купцы из городов Речи Посполитой, которые здесь закупали в большом количестве кожи, сафьян, меха³⁷. Так, в 1584 г. сучавский армянин Попович продавал в Снятинне различные товары, в том числе «150 сафьянов»³⁸. В 1599 г. армянин Хачерис из той же Сучавы также поставлял во Львов сафьяновые кожи³⁹. Из актовых записей городского совета Львова от 1621 г. узнаем, что в это время группа львовских купцов закупила у «шести сучавских купцов-армян сафьяну на 1828 злотых и 24 гроша»⁴⁰. Во время судебного следствия, происходившего в 1631 г. во Львове, известный львовский купец А. Стрелецкий признал, что остался должен сучавским армянам «1800 злотых за сафьян»⁴¹. Из актовой записи войтовского суда города Львова от 1650 г. явствует, что 8 октября 1649 г. в Снятинне был заключен контракт между львовским купцом Стадницким и сучавским армянином Торошом Ахантовичем, согласно которому последний обязался доставить первому «700 воловьих и телячьих кож за неделю до львовской ярмарки»⁴². Приведенные нами данные говорят о значительной торговле сучавских армян сафьяновыми кожами.

³⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 406 (Акты войтовского суда), стр. 102, 106; т. 398, стр. 1676, 1692 и др.

³⁸ Там же, Акты городского суда, т. 246, стр. 1584.

³⁹ См. N. Iorga, *Relațiile comerciale ale Țărilor noastre cu Lembergul* Registre și documente din arhivele orașului Lemberg, part. I, București, 1900, стр. 113.

⁴⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 36 (Акты городского совета), стр. 131.

⁴¹ W. Loziński, *Patrycja i mieszczaństwo lwowskie w XVII wieku*, Lwów, 1902, стр. 331.

⁴² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 402 (Акты войтовского суда), стр. 1321—1322.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют разграничить вопрос о том, где идет речь о продаже сафьяна и кож самими ремесленниками, а где купцами. Однако, учитывая уровень развития ремесла и торговли этого периода, можно предположить, что часть вышеназванных сучавских армян занималась не только продажей, но и обработкой кож и производством сафьяна. Ведь армяне с древнейших времен были известными мастерами скорняжного и сафьянового дела. Исследования по истории армянских поселений в Польше и Западной Украине доказывают, что именно армянские сафьянники были здесь основателями этого ремесла⁴³. Армяне в этот период славились выделкой лучших сафьянов в Европе⁴⁴.

Наиболее известными скорняками во Львове были также армяне. Скорняцким производством славились армяне Снятина и других западноукраинских городов. Нам кажется не случайным тот факт, что в немногочисленных документах по истории Молдавии XV в. упоминаются скорняки-армяне из Сучавы. Последние, видимо, сыграли определенную роль в развитии кожевенного производства Молдавии, в частности Сучавы. А если на сучавский сафьян в этот период был спрос в городах Западной Украины, где проживало немало отличных мастеров-сафьянников и скорняков, то это также является доказательством того, что сучавский сафьян своими качествами не уступал лучшим изделиям тамошнего производства и что производством его занимались мастера, искусство обработки кож которых вобрало в себя навыки многих поколений предшественников. Благодаря отличным качествам сучавского сафьяна львовские купцы-армяне продавали его в различных городах страны. Так, например, в 1633 г. львовские армяне Бедрос Лусикович и Николай Ованишович закупили в Язловце 1700 кож, среди которых было «200 желтых сучавских сафьянов» и повезли их продавать в город Ярослав⁴⁵. Оптовую торговлю молдавским, в частности сучавским, и турецким сафьяном в различных западноукраинских городах вел и Габриел Махищович, армянский купец из Львова⁴⁶.

⁴³ См. Я. П. Кись, Участие армян в развитии ремесла г. Львова в XV—XV вв., ИСД, Киев, 1965, стр. 138; Н. К. Кривонос, Армянская колония во Львове в первой половине XVII в., автореферат диссертации, Ереван, 1965.

⁴⁴ См. Я. П. Кись, указ. соч., стр. 137.

⁴⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 523 (Акты армянского суда), стр. 1654—1655.

⁴⁶ См. там же, т. 531, стр. 1794.

Кроме сафьяна, сучавские армяне вывозили во Львов также молдавское и греческое вино, пряности и восточные ткани. Так, в 1565 г. сучавский армянин Цзарик поставлял во Львов шелка⁴⁷. В 1578—1579 гг. в таможенных книгах Львова отмечен ввоз вина «мальвазин» армянскими купцами из Сучавы⁴⁸. Из залоговой записи от 1584 г. узнаем, что Иосиф Попович, армянин из Сучавы, продавал в Снятинне сафьян и восточные товары⁴⁹.

Как явствует из документов, сучавские купцы-армяне вели торговлю молдавскими и восточными товарами не только во Львове, но и в Каменце-Подольском, Ярославе, Снятинне, Язловце, Замостье и других городах⁵⁰.

Из Львова в Молдавию сучавские армяне привозили главным образом железо, разного рода сукна, полотно и другие ткани. Из сохранившихся реестров львовской таможни за 1578—1580 гг. видно, что в этот период армяне Сучавы вывозили из этого города в Молдавию железо целыми подводами⁵¹. В тех же реестрах записан вывоз из Львова сучавскими армянами разного рода сукна, полотна, кадушек⁵². Закупка во Львове железа армянскими купцами из Сучавы отмечена и в таможенных реестрах за последующие годы⁵³.

Из приведенных нами документальных данных можно сделать вывод о том, что армянское население города Сучавы играло видную роль в экономической жизни этого города, а сучавские купцы-армяне содействовали расширению товарообмена страны с западноукраинскими городами, в том числе товарами такого важного производственного значения, каковыми являлись сафьян и железо.

В исследуемый период большое армянское поселение находилось и в городе Яссы. Во время правления Стефана III Великого в Яссах проживало около 600 армянских семейств⁵⁴. По сведениям Манчинелли, итальянского католи-

---

⁴⁷ См. N. Iorga, *Relațiile comerciale* . . . . стр. 44.

⁴⁸ См. R. Rybarski, *Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu*, t. II, Poznań, 1928, стр. 257.

⁴⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 246 (Акты городского суда), стр. 1086.

⁵⁰ См. там же, Акты войтовского суда, т. 390, стр. 636—637, т. 399, стр. 1315; Акты городского суда, т. 246, стр. 1086.

⁵¹ См. R. Rybarski, указ. соч., т. II, стр. 255.

⁵² См. там же.

⁵³ См. там же, т. I, стр. 137.

⁵⁴ См. N. Șuțu, *Notions statistiques sur la Moldavie, Iassy, 1849*, см. V. Bănăceanu, указ. соч., стр. 29.

ческого проповедника, побывавшего в 1580 г. в Яссах, в городе проживало много армян⁵⁵. Упомянувшийся нами ранее католический прелат Бандини, посетивший Яссы в 1640 г., также отмечал впоследствии, что, наряду с основным населением города—молдаванами, здесь проживают венгры, армяне⁵⁶ и другие народности.

Первым документальным свидетельством о существовании в XVI в. в Яссах армянского суда является запись в актовых книгах армянского суда г. Каменца-Подольского от 13 июля 1574 г.⁵⁷ В документах более позднего периода также встречаются упоминания об армянских шолтузах по судебным делам⁵⁸. Ясские армяне имели свою церковную организацию. Как упоминает М. Бандини, в 1640 г. в этом городе были две армянские церкви⁵⁹. В XVI—XVII вв. Сучава и Яссы становятся попеременно резиденцией армянского епископа⁶⁰. Занятия ясских армян также весьма разнообразны. Среди них были купцы, ремесленники, золотых дел мастера⁶¹. Ясские армяне были известны как хорошие аптекари и фармацевты, изготавливающие лекарства и благовонные мази⁶².

В XVI—XVII вв. город Яссы, столица Молдавского государства, был известным торговым центром и, как нами отмечалось выше, городом довольно развитого кожевенного производства. Естественно поэтому, что кожи и сафьян занимали видное место в торговле ясских купцов-армян и что этот товар здесь закупали также и армянские купцы западноукраинских городов. Так, в 1621 г. армянский купец Вартирис из Замостья закупил в Яссах «1200 или 1300 сафьяновых кож»⁶³. Другой купец, львовский армянин Захарнаш Эмирович, заявил в 1668 г. в войтовском суде, «что он вместе с господином

⁵⁵ См. E. Hurmuzaki, *Documente*, v. XI, стр. 116, №СХСII.

⁵⁶ V. A. Urechia, *Codex Bandinus*, стр. 257.

⁵⁷ См. В. Р. Григорян, Об актовых книгах армянского суда г. Каменца-Подольского (XVI—XVII вв.), «Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 290.

⁵⁸ См. E. Hurmuzaki, *Documente*, v. XV, стр. 257, № CCCCLXX, стр. 727—728, № MCCCCXXXV.

⁵⁹ V. A. Urechia, *Codex Bandinus*, стр. 250.

⁶⁰ См. V. Bănăţeanu, указ. соч., стр. 24.

⁶¹ См. N. Bogdan, *Oraşul Iaşi*, 1913, стр. 341.

⁶² См. E. Hurmuzaki, указ. соч., v. XI, стр. 115—116, №СХСII; v. XV, стр. 816, № MDCLIX.

⁶³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 395 (Акты войтовского суда), стр. 666—667.

Домиником закупил в Яссах сафьяны, которые затем поделили между собой»⁶⁴.

Армянские купцы из Ясс везли во Львов и в другие западноукраинские города также восточные ткани. Как явствует из документа от 1588 г., в это время продавал во Львове восточные ткани ясский армянин Вартик⁶⁵. В 1591 г. торговлей восточными товарами во Львове и Каменце занимался армянин Мурат из того же города⁶⁶.

Закупали же яские купцы во Львове главным образом предметы ремесла, разного рода сукна, ювелирные изделия и драгоценные камни. Названные товары привозили в Яссы также и армянские купцы западноукраинских городов. Так, например, 27 апреля 1614 г. в Яссах был заключен контракт между волошским таможенником Кандым Вранашом, с одной стороны, и Андреем Торшовичем, представителем львовского купца-армянина—с другой. Последний обязался доставить первому 280 «поставов» разного рода сукна⁶⁷.

Контракты на поставку сельскохозяйственных орудий из Львова заключал ясский армянин Гаргашович. Так, в 1652 г. им был заключен контракт с Исаком Лазаровичем из Львова, согласно которому последний обязался доставить ему 3 фасы кос (фасса=13—14 штук) на снятинскую ярмарку⁶⁸.

Армянские купцы из Львова имели в Яссах своих торговых представителей, занимавшихся в этом городе разными торговыми сделками. Так, из актовых записей армянского суда г. Львова от 1594 г. явствует, что львовский житель Давид Серебкович вел торговлю в Яссах и других молдавских городах по поручению львовских армян Мурата Норбега и Серпера Нуридиановича. В 1594 г. он привез в Молдавию, в частности в Яссы, большое количество «сукна, жемчуга, серебряных кубков и других товаров»⁶⁹. Закупил же он здесь кожи и разные шелка⁷⁰.

О широте связей армянских купцов из Ясс с западно-

---

⁶⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 406 (Акты войтовского суда), стр. 102—106.

⁶⁵ См. N. Iorga, *Relațiile comerciale...* стр. 88.

⁶⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 385 (Акты войтовского суда), стр. 759—760.

⁶⁷ См. там же.

⁶⁸ См. там же, т. 402, стр. 1998—2000; P. Rybarski, указ. соч., V. II стр. 259

⁶⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 515 (Акты армянского суда), стр. 823—831.

⁷⁰ Там же, стр. 828—830.

украинскими городами свидетельствуют многочисленные долговые обязательства. Как явствует из долговой записи от 1570 г. яеский армянин Драгич имел деловые связи с армянскими купцами из Каменца-Подольского⁷¹. В 1598 г. Норбер Попович, львовский купец-армянин, проводил торговые сделки с Хабаруку и Николону, своими соотечественниками из Ясс⁷². В списках кредиторов и должников львовского купца Фредерика Пенса от 1586 г. фигурируют и армянские купцы Задыка из Ясс, Тодор из Сучавы и др.⁷³.

Из приведенных нами данных явствует, что армянское население города Ясс содействовало развитию экономики и торговли этого города и укреплению его экономических связей с городами западноукраинских земель.

В XVI—XVII вв. армяне проживали и в городе Ботошанах. Значительная часть армянских купцов этого города, на протяжении всего указанного периода, занималась поставками в западноукраинские города такого традиционного промыслового товара, идущего из Молдавии на экспорт, как рыба. Так, из записей войтовского суда г. Львова от 1574 г. явствует, что армянин Милко Якубович из того же города закупал рыбу у армян из Ботошан⁷⁴. Из актов записей того же суда от 1623 г. узнаем, что каменецкий купец Ивашко Лукашович закупил 3 куффы (куффа=2 бочкам)⁷⁵ рыбы у Николая Ниголи, армянина из Ботошан⁷⁶. Из другого документа от 1633 г. явствует, что ботошанский армянин Иван Теодорович продавал рыбу на ярмарках в Снятине и во Львове⁷⁷.

Согласно актовой записи войтовского суда от 1646 г. львовский купец Ивашкович закупил «двести каменей рыбы» (камень=32 фунтам, фунт львовский=405,224 г)⁷⁸ у Драгана, армянского купца из Ботошан⁷⁹. На украинских ярмарках в Снятине, Коломые и других городах в середине XVII в. бывали и купцы-армяне из Ботошан⁸⁰.

Армянские купцы из этого города закупали во Львове и других западноукраинских городах главным образом сук-

⁷¹ См. N. Iorga, *Studii și documente*, v. XXIII, стр. 355, д. CLXXXVII

⁷² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 517 (Акты войтовского суда), стр. 135—141.

⁷³ Там же, т. 227 (Акты городского суда), стр. 488—489.

⁷⁴ Там же, т. 381 (Акты войтовского суда), стр. 917.

⁷⁵ Там же, т. 396, стр. 75—77.

⁷⁶ См. Я. Д. Исаевич, указ. соч., стр. 12.

⁷⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 398, стр. 1630.

⁷⁸ См. Я. Д. Исаевич, указ. соч., стр. 12.

⁷⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 401, стр. 1654.

⁸⁰ Там же, т. 243 (Акты городского суда), стр. 1593—1601.

но, шапки и разного рода ремесленные изделия, о чем свидетельствуют документы⁸¹.

В рассматриваемый период торговые связи с западноукраинскими городами поддерживали и армянские купцы из других молдавских городов, как-то: Пона из Тырговиште⁸², Вартаи из Романа⁸³, Матый из Хотина⁸⁴ и др.

Выше уже отмечалось, что некоторые молдавские господа, чтобы содействовать развитию экономики молдавских городов, приглашали на постоянное жительство в Молдавию армянских купцов и ремесленников. Кроме того, армянские купцы получали от молдавских правителей гарантию свободной торговли по стране. Так, например, в 1614 г. молдавский господарь Штефан Томша в грамоте, направленной городским властям Львова, просил известить тамошних купцов, в том числе и армян, «что могут свободно ездить в Молдавию продавать и закупать товары по следующим дорогам: на Черновцы, Хотин, Сороку»⁸⁵. Далее в грамоте отмечалось, что «дан приказ пыркалабам этих мест, чтобы названные купцы ездили в стране с товарами свободно»⁸⁶.

Молдавские господа и другие должностные лица страны, занимавшиеся торговлей, пользовались зачастую услугами армянских купцов. Так, в 1564 г. армянин Драган из Сучавы ездил во Львов с товарами, «которые ему вверил молдавский господарь»⁸⁷. На одном из судебных процессов львовского городского суда от 1595 г. местный купец Асвадор дал показания о том, что армянин «Ариева вел крупную торговлю с молдавским господарем Ароном и недавно закупил у него волошских товаров на 3 тысячи аспр»⁸⁸.

Отмечая в целом положительную роль армян в развитии экономики и торговли Молдавии, нельзя согласиться с документально необоснованным утверждением некоторых историков о том, что вся торговля Молдавии, в частности в городах Сучаве, Серете и других, велась только армянами, а также с идеализацией жизни армянских колонистов, которые будто бы все были зажиточными и богатыми людьми⁸⁹.

⁸¹ Там же, т. 380 (Акты войтовского суда), 108—110.

⁸² См. E. Hurmuzaki, Documente, v. XV, стр. 59.

⁸³ См. N. Iorga, Studii și documente, v. XXIII, стр. 349, N CLXIX.

⁸⁴ См. В. Р. Григорян, указ соч., стр. 291.

⁸⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1 (Акты городского суда), д. 522, фасцикул № 281, док. 112.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 14 (Акты городского совета), стр. 296.

⁸⁸ Vlad Bănățeanu, указ. соч., стр. 12, 19, 22, 29.

⁸⁹ Там же, т. 251. (Акты городского суда), стр. 137—140.

В социально-экономическом отношении армянские поселения молдавских городов так же, как и армянские поселения Львова и других западноукраинских городов⁹⁰, не представляли собой единого целого. Среди армян были богатые купцы—владельцы лавок, домов, земельных угодий, виноградников и т. д. Противоположность им составляли их бедные соотечественники, не имевшие зачастую даже средств на пропитание. Так, например, как явствует из господарской грамоты Еремии Могилы от 22 января 1597 г., в Сучаве проживали такие богатые армяне, каким являлся купец Богдан, собственник домов, прудов, пастбищ и нескольких виноградников⁹¹. Другие же документальные данные свидетельствуют о бедности некоторых сучавских армян. Так, в частности, в актовых записях войтовского суда г. Львова от 1650 г. находим показания некоторых купцов об имущественном состоянии покойного сучавского армянина Ованнса. Например, Ивашко Криштофович заявил на суде, что Ованнис «был человек бедный, работал фурманом и возил купцов из Сучавы в Снятин»⁹². Другой свидетель, ясский армянин Торос, сказал, что Ованнис был столь беден, что когда умер, «то его похоронил за свои деньги Антонн из Сучавы»⁹³. Приведенные факты говорят о том, насколько диаметрально противоположным было по своему социальному положению армянское население молдавских городов.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем отметить, что армянские поселения ряда городов Молдавии сыграли положительную роль в развитии экономики страны, а торговая деятельность армянских купцов содействовала укреплению исторических связей этой страны с соседними государствами, в частности с западноукраинскими землями. В то же время необходимо сказать еще об одном обстоятельстве. Экономическая роль таких городов, как Черновцы, Хотин, Белгород (древних украинских городов, находившихся в составе Молдавии), была значительной не только для украинско-молдавских связей. Не менее важную роль играли эти города в экономических связях Буковины и придунайских украинских земель с другими частями Украины. И в развитие этих связей довольно весомый вклад внесли армянские поселения.

⁹⁰ См. Н. К. Кривонос, указ. соч., стр. 101.

⁹¹ N. Iorga, Studii și documente, v. VI, стр. 627. d. XVI.

⁹² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52. оп. 3, т. 402 (Акты войтовского суда), стр. 1714.

⁹³ Там же, стр. 1714.

РОЛЬ АРМЯН В ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ, ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ И КРЫМА В XVII—XVIII вв.

Ф. П. ШЕВЧЕНКО

(Доктор исторических наук, главный редактор «Украинского исторического журнала»)

В последнее десятилетие историками Армении и Украины проведена значительная работа в изучении многовековых связей и дружбы украинского и армянского народов. Вышли в свет специальные сборники, опубликован ряд интересных статей и монографий, в которых освещаются многие вопросы этой весьма важной, вечно живой и актуальной проблемы истории двух братских народов.

На многочисленных фактах убедительно доказано, что исторический процесс развития каждого народа проходит не изолированно от жизни других народов, а пребывает в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Исторический опыт свидетельствует, что, несмотря на различные преграды, иногда трагического характера, во взаимоотношениях между народами в конечном итоге более сильным являлось то, что их объединяло, а не разъединяло. Это хорошо видно на примере многовековых связей армянского и украинского народов, на долю которых в прошлом выпало много тяжелых испытаний. Мирные отношения, связи и дружба между народами были и являются теми факторами, которые содействуют развитию общества. Советские историки своими трудами вносят важный вклад в укрепление связей и дружбы народов в наши дни.

На сегодняшний день собран, научно апробирован огромный фактический материал, который даст возможность перейти к синтетическому описанию исторических связей украинского и армянского народов, тем самым историки будут

еще больше способствовать укреплению традиционной, многовековой дружбы двух братских народов¹.

Следует отметить еще одно положительное обстоятельство. Изучение связей и дружбы украинского и армянского народов идет параллельно с историографическими обзорами и оценкой того, что уже сделано. В этом отношении заслуживают внимания и высокой оценки весьма обстоятельные обзоры львовского историка Я. Р. Дашкевича².

Несмотря на значительный объем проведенной работы, еще не все периоды и темы, касающиеся украинско-армянских связей и дружбы, нашли свое освещение в существующей литературе. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что изучению подвергались главным образом районы, связанные с такими городскими центрами, как Львов и Каменец-Подольский. Это—закономерное явление, ибо там длительное время была сосредоточена основная масса армянского населения, а поэтому более отчетливо выступает их вклад в связи и дружбу двух братских народов.

В литературе весьма мало внимания уделялось Киеву с Правобережьем, Левобережной Украине, так называемой Гетманщине, Слобожанщине с ее естественным центром Харьковом, Югу Украины, который в XVII—XVIII вв. был в истории весьма выразительно представлен знаменитой Запорожской Сечью, а также Крыму, являющемуся составной частью Украинской ССР.

Ниже мы обратимся к фактам и событиям, относящимся к территории Левобережной Украины, Запорожской Сечи и Крыму, которые свидетельствуют об армяно-украинских связях в XVII и главным образом в XVIII вв.

Следует отметить, что Левобережная Украина, территория современных Черниговской, Полтавской и частично смежных с ними областей до XVII в. была своеобразной периферией, ибо важные экономические и культурные центры находились в других частях Украины. Но роль Левобережья

---

¹ См. Д. О. Галустян, В. К. Восканян, Творча співдружність істориків в Україні та Вірменії. «Український історичний журнал», 1967, № 8, стр. 55.

² См. Я. Р. Дашкевич, Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков, Ереван, 1962; его же, Вклад украинской историографии в исследование армянских поселений на Украине, ИСД, Киев, 1965, стр. 57—63; его же, Висвітлення українсько-вірменських зв'язків в у літературі 1960—1964 рр., «Український історичний журнал», 1965, № 10, стр. 130—137.

коренным образом изменилась во второй половине XVII в., когда Левобережная Украина вместе с Запорожьем вошли в состав России. Именно на этих землях долгие всего сохранились завоевания украинского народа, достигнутые в годы освободительной войны 1648—1654 гг., которую возглавил Богдан Хмельницкий. Это касается украинской государственности, экономики и культуры. В составе России, в тесной связи с Левобережьем и Запорожьем, находился столичный город Украины—Киев. Безусловно, что этим землям было суждено сыграть большую и более активную, чем раньше, роль в связях Украины с другими странами и народами, в частности с армянским народом. В связи с упомянутыми обстоятельствами события, происходившие на Левобережной Украине и Запорожье, имели в то время общеукраинское, а не местное значение. Приведем лишь отдельные новые или мало известные в исторической литературе факты, почерпнутые главным образом из материалов Центрального государственного исторического архива УССР в Киеве.

Есть все основания утверждать, что армяне бывали на Левобережной Украине и Запорожской Сечи и до освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Они прибывали сюда в торговых целях из Западной Украины, а также из зарубежных стран. Об этом, как об обычном факте, речь идет в универсале (грамоте) гетмана Богдана Хмельницкого от 28 апреля 1654 г. относительно сбора пошлин с иноземных купцов, «то есть от греков, армянов и турков», так как «здавна перед бивало»³. Этот же гетман в своем универсале от 2 мая 1657 г. писал, что с целью привлечения иноземных купцов «в сторону нашу с разными товарами он дает им в украинских городах и местечках в купеческих делах право на самоуправление»⁴. Эти привилегии впоследствии подтверждали также другие гетманы и в XVII—XVIII вв. неоднократно русские цари.

Иноземные купцы селились на Левобережной Украине в различных городах, но больше всего в городе Нежине. Он находился на важном торговом пути между Россней и балканскими странами, и поэтому во второй половине XVII и в XVIII вв. играл ведущую роль во внутренней и внешней торговле Украины. Академик И. Гильдештат, путешествовавший по Украине, отмечал, что Нежин знаменит своими торговыми операциями, а пограничный город Киев играл в этом отношении далеко не первую роль⁵. В Нежине существ-

³ «Документы Богдана Хмельницкого», Киев, 1961, стр. 343.

⁴ Там же, стр. 588.

⁵ См. «Киевская старина», 1893, март, стр. 432.

вовала большая колония иноземных купцов и ремесленников, которые пользовались определенными привилегиями.

Долгое время, исходя из названия нежинской колонии— «Греческое братство», историки считали, что оно сплошь состояло из греков. Конец этой версии положил М. М. Плохинский своим весьма обстоятельным исследованием, в котором показал, что, кроме греков, в состав «братства» входили болгары, сербы и волохи⁶. В монографии имеются упоминания об армянах, проживавших в Нежине. В документах, приводимых М. М. Плохинским, говорится о том, что в 1711 г. в Нежине жили «Савва, персидский армянин» и «Богдан Минасов, армен»⁷. Другие данные, имеющиеся в нашем распоряжении, тоже касаются XVIII в. Почти все факты, почерпнутые из архива, ранее не публиковались, а поэтому остановимся на них более детально.

4 июня 1729 г. гетману Д. Апостолу подали «скаргу» (жалобу) нежинские «барышники», т. е. мелкие торговцы, перекупщики. Жаловались они на то, что, хотя и являются давними жителями города, выполняют всякие повинности, платят подати, им все же приходится терпеть «разорение от разных наций понаездивших в Нежин многих людей», ибо они тоже занимаются «барышничеством». В списке нарушителей порядка, приложенном к жалобе, упоминаются лица с украинскими фамилиями, греки, сербы, русские («москвитины»), а также Мартин Арменин⁸.

В апреле 1737 г. нежинский житель Степан Дмитриев свидетельствовал в Киевской губернской канцелярии, что он несколько лет служил «шафарем» (приказчиком) у армянских купцов Григория и Шагана⁹. Другой нежинский житель Охрем Романов в то же время заявлял, что служил у армянского купца Минаса¹⁰.

В рапорте с Васильковской заставы в Киевскую губернскую канцелярию от 13 марта 1738 г. говорилось о том, что нежинские армяне-братья Минас и Осип Павловы привезли из-за границы 9 «бут» (бочек) валашского вина, а на двух возах—фиги, рожки, «розинки» (изюм), рис и «турецкое» мыло. С купцами были четыре нежинских работника и 10 «фурманщиков» (извозчиков) из-за границы¹¹. Павловы были

⁶ См. М. М. Плохинский, Иноземцы в Малороссии в XVIII веке. «Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902», т. II, М., 1905.

⁷ Там же, стр. 232.

⁸ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, ед. хр. 2935, лл. 2—3.

⁹ Там же, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 600, л. 8.

¹⁰ Там же, л. 2.

¹¹ Там же, ед. хр. 654, лл. 49, 50.

богатыми купцами и вели торговлю не только вином и бакалейными товарами, привозимыми из балканских стран, но и другими предметами, которые они вывозили из Нежина за границу. Так, например, в «аттестате» (удостоверении), выданном нежинской карвасарией 29 апреля 1738 г., говорится о том, что Минас Павлов «за своим купеческим промыслом» на 5 возах вез в город Дубно (на Волыни) для продажи «московский мякотный товар», т. е. меха. Кроме купца, этот товар сопровождало 8 слуг. Из них было пять «человек малороссийской породы» (т. е. украинцев) и три «человека армян—Юсуп Павлов, Константин Иванов, Тома Павлов». Последнее свидетельствует, что в Нежине проживали не только армянские купцы, но и армяне, занимавшие различное социальное положение. Интересно, что «доношение» (прошение) вместо Минаса Павлова «несведущего писать, по прошению его ж подписался житель нежинский армянин Бредас Яковлев»¹², который, наверное, тоже был купцом. На одном из документов за июнь 1739 г., относящихся к торговой сделке, встречаем подпись «Федор Яковлевич, армянин, мешанин нежинский»¹³. В 40-х годах в Нежине занимался «сидением в купеческих шинках у продажи напитков», т. е. был приказчиком в трактирах армянин Матвей Иванов, который впоследствии переселился в Киев¹⁴. Нам кажется, что даже эти разрозненные данные за небольшой отрезок времени свидетельствуют о том, что в XVIII в. армяне не были временными и единичными жителями в городе Нежине.

Армяне жили в Нежине и в 60-е годы. Так, например, в те годы купец из Нежина армянин Федор Креслей вел торговые операции в Крыму и Турции¹⁵. Можно даже утверждать, что в связи с льготами, которые давало русское правительство в те годы переселенцам из-за рубежа, приток армян увеличился. Так, например, в начале апреля 1766 г. в Киев из г. Могилева-Подольского, входившего тогда в состав Польши, прибыли «вызванные» (завербованные) для переселения армяне—Испир Хакиев сын Гамеданов. Хаджи Черкес Хакиев сын Гамеданов и Арутин Хачадуров сын Тефлисов. Первый и последний подали «доношение» (прошение) о том, что желают поселиться в Нежине «для определения в тамошнее

¹² Там же, лл. 198—199.

¹³ Там же, ед. хр. 699, л. 287.

¹⁴ А. Андриевский, Киевские толмачи, «Киевская старина», 1889, май-июнь, стр. 590.

¹⁵ А. Андриевский, Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765—1768 гг., Киев, 1894, стр. 33.

мещанство». Второй—Хаджи Черкес—просил разрешения поехать в город Черкасск-на-Дону для приискания себе там места «к определению в купечество». Просьба всех была удовлетворена¹⁶.

Город Нежин играл важную роль в торговле Украины и России со странами Ближнего Востока и Западной Европы. В этой торговле определенное участие принимали армяне, и не только нежинские. На ярмарки, происходившие во многих городах Левобережья в XVII—XVIII вв., прибывали купцы из разных стран, среди них и армяне с различными товарами¹⁷. Так, например, в 1725 г. через Васильковскую заставу возвращались «из-за Днепра» (т. е. Левобережной Украины) купцы-греки из Цареграда и Македонии, а также армяне, «вавилонские жители»—Иван Васильев и Лазарь Мартынов¹⁸. В 1731 г. в Нежин прибыл «купец-армянин Андрей Мануйлов, житель вавилонский». Его должниками являлись некоторые нежинские купцы¹⁹, что свидетельствует о постоянных связях с местными торговыми кругами. Документ за 1752 г. свидетельствует, что купец города Адрианополя грек Фома Курбатов, который вел крупные торговые операции, являлся должником нежинского купца армянина Павла²⁰.

На Левобережье приезжали армянские купцы из Правобережной и Западной Украины, а также Польши. Так, например, в 1736 г. варшавский житель армянин Енгибар (Екпар) Вартанов, родом из города Нахичевана, с двумя своими «служителями», тоже армянами—Вартаном Ермениновым и Василием Гординовым, который «за своим купечеством ездил везде по Малой России», т. е. Украине, поехал в слободские полки, Астрахань и Персию. А «покупивши там себе товаров», в 1739 г. через Нежин и Киев снова возвратился в Варшаву. Нежинские жители, среди них и армяне, поручились за него, чтобы ему дали право на выезд за границу²¹, ибо время было военное. Да и в последующие годы армянские купцы ездили на Левобережную Украину. За 1744 г. сохранились сведения о приезде армянских купцов из Львова²², Могилева-Подольского²³ и т. д.

¹⁶ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 4959, лл. 2, 4, 7, 10, 14.

¹⁷ См. М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 239—241.

¹⁸ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 95, л. 46; ед. хр. 122, л. 77.

¹⁹ Там же, ф. 51, оп. 3, ед. хр. 3819, лл. 1—2; ед. хр. 3944, лл. 2, 17.

²⁰ Там же, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 3046, л. 6; М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 305.

²¹ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 699, лл. 286—289.

²² См. М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 296.

²³ См. там же, стр. 297.

Сохранилось много данных о торговых связях Левобережья с Астраханью. Из Украины в этот город везли главным образом табак, коровье топленое масло и водку. Из Астрахани привозили текстильные изделия, бакалейные товары, дорогие сорта рыбы²⁴. Кроме украинских и русских купцов, в торговых операциях принимали участие и армянские купцы, ездившие на Левобережную Украину.

В данной статье много внимания уделено вопросам торговли и роли в ней армянского населения на Левобережной Украине. Специального же исследования заслуживает вопрос о пребывании в этой части Украины армянского населения, не занятого в сфере обмена и торговли.

В литературе уже упоминалось о том, что некоторые армяне были в составе украинского казачества²⁵. В документах встречаются неоднократные сообщения об армянах, служивших в гусарских полках на Украине в XVIII в. Из многочисленных фактов приведем только некоторые. В 1743 г. киевский генерал-губернатор писал, что гусар армянин Саак Афердов, который был родом из Тифлиса, «знатного купца сын», еще в 1739 г. выехал на службу в Россию и сам принимал участие в вербовке других лиц в гусарский полк²⁶. Известно также из документов середины XVIII в., что властями давались специальные указания, например, вербовать в Грузинский гусарский полк, находящийся на Украине, «грузинцев и персиан, кои приняли веру греческого исповедания, кроме махOMETанцев, еще из армян и греков»²⁷.

Известно, что армяне использовались властями для выполнения различных дипломатических поручений²⁸. В XVIII в. в Киевской губернской канцелярии встречаются армяне-толмачи. С 1755 г. толмачом был армянин, уроженец г. Битлиса (Западная Армения) Метвей Иванов, который, кроме армянского, знал также турецкий и греческий языки²⁹. Армянин, Христофор Григорович, уроженец г. Броды (Западная Украина), с 1767 г. был толмачом в той же канцелярии³⁰.

²⁴ См. там же, стр. 244.

²⁵ См. Ф. П. Шевченко, Армяне в украинском казацком войске в XVII—XVIII вв., ИСД, Киев, 1965, стр. 98—99.

²⁶ ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 766, л. 5.

²⁷ М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 393—394; ЦГИА УССР, ф. 59, ед. хр. 3924, лл. 18, 47.

²⁸ ИСД, Ереван, 1961, стр. 75, 76, 100.

²⁹ А. Андриевский, Киевские толмачи, «Киевская старина», 1889, май-июнь, стр. 590.

³⁰ См. там же, стр. 593.

Многие армяне по различным делам были проездом на Левобережной Украине и в Киеве. Так, например в 1730 г., следуя за границу, в Киеве побывал «московский житель армянин Макар Апелов»³¹. В 1744 г. через Васильковский форпост был пропущен за границу «турецкой области города Амасия житель армянин Александр Марков»³². Из различных источников известно, что многие армяне попадали в плен в Турцию и Крым, откуда часто спасались бегством на Украину. Но были случаи, когда родственники пленников ехали через Левобережную Украину в Крым, чтобы выкупить невольников на свободу. В мае 1761 г. в Киевской губернской канцелярии получил паспорт «персичкой области тифлисский житель» армянин Мамориз Датулов, чтобы проехать в Крым «для выкупу жены с сыном из татарского полона»³³.

Специальной темой исследования может служить вопрос о контакте украинцев Левобережной Украины с армянами за пределами этой территории. Например, весьма интересные сведения содержит «Дневник генерального подскарбия Якова Марковича» о встрече автора упомянутого произведения и украинских казаков с армянским населением в Астрахани, на Северном Кавказе и в Персии во время так называемых гялянских походов, которые совершались русской армией в 20-х годах XVIII в.³⁴

Можно было бы привести и другие сведения, которые со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Левобережная Украина для армян не была «неведомой» землей. В то же время армяне не являлись для украинского населения людьми из «неизвестного племени». Дальнейшее изучение архивных материалов, без сомнения, даст возможность открыть еще одну интересную страницу украинско-армянских связей. Не будет преувеличением сказать, что со времени возникновения в XVI в. и до конца существования (1775 г.) Запорожской Сечи было суждено сыграть весьма важную роль во взаимоотношениях и связях Украины с другими странами. Объясняется это географическим, долгое время пограничным положением Сечи, а также весьма активной ролью казачества в истории украинского народа. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что в состав запорожского войска, кроме украинцев, составлявших основную массу казачества, входили

³¹ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 208, л. 64.

³² М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 301.

³³ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 3840, л. 131.

³⁴ См. «Дневник генерального подскарбия Якова Марковича», ч. I, Киев, 1893.

и представители других народов. О том, что в числе казаков были армяне, что жили они в XVIII в. в Запорожской Сечи, уже упоминалось в литературе³⁵. Армяне—запорожские казаки не только воевали, но в мирное время, как и все казаки, занимались различными ремеслами, промыслами и торговлей.

До сих пор в исторической литературе обращалось внимание главным образом на военные действия, происходившие на Юге Украины, и участие в них запорожских казаков. Но почти совсем были обойдены вопросы экономики края, не показаны роль и место Запорожской Сечи в экономической жизни Украины и ее связях с другими странами, в частности с Крымом, особенно в XVIII в. Все эти вопросы заслуживают специального изучения. Кратко остановимся только на одном аспекте вопроса, а именно: участии армян в экономических связях Крыма с Запорожской Сечью и Левобережной Украиной в XVIII в.

Исторические источники свидетельствуют о том, что экономически Крым был постоянно, органически связан с Северным Причерноморьем (речь идет о бассейне рек Днепра, Буга, Днестра, т. е. о территории, входящей в состав современной Украины). Из литературы известно, что, несмотря на прохождение через степи различных кочевых племен, связи Руси с Крымом не прекращались³⁶. Даже после создания Крымского ханства в XIV в., когда до крайности усложнились его отношения с соседними странами, все же эти связи не прекращались³⁷.

В силу многих причин экономические связи Крыма и украинских земель, особенно Запорожья и Левобережья, в конце XVII и в XVIII вв. приобретают много новых черт и играют значительную роль в хозяйственной жизни Крымского полуострова. Сохранилось достаточное количество документальных материалов для этого утверждения. Многочисленные факты дают основание говорить о том, что в политике крымские ханы все больше должны были считаться с создавшимся положением. Экономический фактор влиял на политику царского правительства в отношении Крымского ханства в XVIII в. Приведем некоторые примеры.

Экономические связи Левобережной Украины с Крымом уже в первой четверти XVIII в. приобрели весьма большие

---

³⁵ См. Ф. П. Шевченко, указ. соч., стр. 98—100.

³⁶ См. І. М. Гапусенко, Боротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря, Київ, 1966.

³⁷ См. М. Грушевський, Історія України—Русі, т. VI, Київ—Львів, 1907, стр. 7—20.

размеры. Так, например, в сохранившейся ведомости только в июле месяце 1724 г. через Кременчугскую, Переволоченскую и Леленскую заставы в сторону Крыма было пропущено «господарей» (хозяев) 1 122 человека, а с ними «челядников» (слуг) 1565 человек. Они провезли товаров: 24 воза украинского табака, 25 возов с «простым вином» (водкой), 7 возов коровьего масла, один воз заячьего меха, два воза железа, один воз стекла, 2 воза полотна, один воз «смушков» (каракуля), один воз шапок. При этом было 3646 возов пустых. Они направлялись в Крым за солью³⁸.

В том же июле месяце через упомянутые заставы из Крыма было пропущено хозяев 357 человек, а слуг 662 человека, а с ними возов: 14—ладану, 5—с верблюжими поясами, 4—с оливами, 2—с шелком красным, 3—с габой, 2—с изюмом, 4—с крымским табаком, 2—с лимонным соком, 1—с хлопчатой бумагой, 806—с солью, 109—с рыбой, один воз овчин, 17 возов вина простого, 2 бочки дегтя, 21 куфу вина крымского, 8 кип хлопчатой бумаги, 5 возов фиг³⁹.

Размеры торговли с Крымом не сокращались, а имели постоянную тенденцию к увеличению. Уже упомянутый Яков Маркович 14 февраля 1730 г. в своем «Дневнике» записал, что в Крым направилось 4500 возов с товарами и за солью⁴⁰. Приведенная дата также свидетельствует о том, что торговля начиналась ранней весной и ослабевала зимой в связи с распутицей⁴¹.

Ассортимент товаров, вывозимых из Украины, а также через нее транзитом из России в Крым, был весьма разнообразен. В Крым вывозили: полотно, железо, оружие, меха—«мякотный товар, мелкий» (шкурки—лиси, заячьи, бабаковые, тхоревые, сибирчатые, белничьи, каракуль и изделия из них—шапки), лошадей, крупный рогатый скот, овец, масло коровье, сыр, яйца, водку, табак курительный. Из Крыма и транзитом через него везли: в огромном количестве соль («бузун») из соляных озер, красный и желтый сафьян, выбойку, сукно габинное, шелк, хлопчатую бумагу, седла и сбрую, красную медь, синий камень, ладан, мыло «турецкое», игрушки, крымские вина, изюм, фиги (винные ягоды, инжир), орехи, рожки, финики, лимонный сок, лимонные яблоки (лимоны), халву, а также другие товары⁴². В эту торговлю включилось почти все Левобережье, особенно южные полки—Полтавский,

³⁸ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 82, л. 14.

³⁹ Там же, л. 92.

⁴⁰ «Дневник генерального подскарбия Якова Марковича», ч. II, стр. 9.

⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 59, ед. хр. 1581, л. 11.

⁴² Там же, лл. 12—16.

Лубенский, Миргородский, Прилукский, Гадячский, Нежинский, а также Слободская Украина и южные районы России. С восстановлением в 30-х годах Запорожской Сечи она включилась в этот сильный поток торговых связей с Крымом. Вернее, весь этот торговый поток шел через владения Запорожской Сечи. Торговлей занимались не только купцы, но и многие представители казацких старшин⁴³. Из документов видно, что в этих торговых связях активную роль играли купцы крымских городов—Перекопа, Бахчисарая, Кафы (Феодосии), Козлева (Евпатории), Корчева (Керчи), Судака и других местностей.

Торговые связи украинских и русских земель с Крымом расширились и в 60-х годах XVIII в. приобрели весьма широкие размеры и важное значение. В августе 1766 г. русский посланец из Очакова писал киевскому генералу-губернатору о том, что хан не разрешил пребывать в Крыму консулу из России. И это в то время, когда «французы никакой почти коммерции в Крыму не имеют, а консул с давних лет там пребывает; напротив того, российского народа купцов и соловозов безвыездно многое число в Крыму, а консула нет. Если б из России один только год ватага за солью в Крым не пошла, то видится, что хан принужден был бы и сам присылки консула в Бахчисарай домогаться»⁴⁴.

Известно, что в Крыму с древнейших времен жили в значительном количестве армяне, которые занимались различными промыслами, ремеслом, садоводством, а также играли важную роль во внутренней и внешней торговле Крымского ханства⁴⁵. О приблизительном количестве армян, проживавших в Крыму, может свидетельствовать то, что в 1773 г. в Азовскую и Новороссийскую губернии русским правительством было переселено из Крыма 31 098 душ христианского населения, а в их числе 12 606 армян⁴⁶.

В 1964 г. в Ереване вышла монография В. М. Микаеляна, посвященная истории армянских поселений в Крыму, в которой по-новому освещается ряд вопросов экономической и культурной жизни крымских армян до конца XVIII в. включительно⁴⁷. Поэтому нет надобности останавливаться на этом

⁴³ Там же, лл. 11—12.

⁴⁴ А. Андриевский, Русские конфиденты, стр. 58.

⁴⁵ См. Гр. Писаревский, Из истории иностранной колонизации, стр. 205—206.

⁴⁶ См. там же, стр. 212.

⁴⁷ В. А. Микаелян, История армянской колонии в Крыму, Ереван, 1964 (на арм. яз.).

вопросе. Обратимся к вопросу участия крымских армян в экономических связях Крыма с украинскими землями.

Многие товары, вывозимые из Крыма, производились армянскими ремесленниками (сафьян, седла и сбруя для лошадей, бурки, ткани, мыло, игрушки и т. п.), разводились армянскими садоводами (орехи, инжир, вина и т. п.). Армянские купцы из Крыма принимали активное участие в торговле ранее упомянутыми товарами на Левобережной Украине и в Запорожской Сечи. Об этом сохранился ряд сведений за разные годы. Приведем некоторые из них.

В упомянутой ведомости отмечено, что через Кременчугскую заставу 9 июля 1724 г. пропущен «крымский житель города Козлева армянин Иван Иванов»⁴⁸. 15 июля того же года записаны в ведомости армяне города Козлева, возвращавшиеся из Нежина—Иван Фомин, Никита Иванов, Михаил Иванов, Михаил Павлов, Мартин Павлов с тремя «челядниками», т. е. приказчиками, нежинскими жителями. Везли они коровье-масло, меха⁴⁹. В 1725 г. из Крыма на Левобережную Украину везли вино, орехи, фрукты 15 армянских купцов, а с ними 7 челядников. В том же году 26 армянских купцов везли в Крым табак, полотно и другие товары⁵⁰.

Можно привести ряд фактов аналогичного характера и за последующие годы. Так, например, летом 1747 г. три армянских купца из Бахчисарая закупили в Запорожской Сечи на 300 рублей только различных мехов. Везли они и другие товары⁵¹. 4 октября 1749 г. из Сечи был пропущен в Крым армянин из Бахчисарая Мартин Гарасов, который вместе со своими «товарищами» (компаньонами) вез 4 воза коровьего масла. 21 октября того же года через заставу из Запорожской Сечи пропущены бахчисарайские жители армяне Данило Иванов «с двумя товарищами», которые гнали 7 штук крупного рогатого скота и 600 овец⁵². Комендант Новочеченского ретраншемета в октябре 1755 г. писал киевскому генерал-губернатору о том, что в Сечь, для того чтобы следовать дальше на Украину, прибывают «для купечества» многие крымские жители—греки, армяне и татары. Одновременно сообщалось, что двум бахчисарайским армянским купцам,

---

⁴⁸ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 82, л. 5.

⁴⁹ Там же, л. 7.

⁵⁰ См. М. М. Плохинский, указ. соч., стр. 239.

⁵¹ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1514, л. 28.

⁵² «Материалы для истории южнорусского края в XVIII ст. (1715—1774)», Одесса, 1886, стр. 145.

Дмитрию и Даниле, он выдал «билет» (пропуск) «для их торгу» в городах Нежине, Ромнах и «протчих мест»⁵³.

С целью упорядочить и облегчить порядок проезда купцов из Крыма в Запорожскую Сечь и на Украину киевский вице-губернатор Иван Костюрин 11 ноября 1755 г. дал указание кошевому атаману, чтобы в Запорожской Сечи выдавали паспорта прибывшим из Крыма «для купечества и для протчих нужд» грекам, армянам и татарам, которые желают ехать в Нежин и в разные малороссийские места», и их записывали «именами и прозвищами, а челядников перечнем и кто куда и для чего едет...»⁵⁴.

Крым сейчас входит в состав Украинской ССР. Это не случайно и в значительной мере обусловлено не только географическим фактором, но и историческими связями, которые существовали между Крымом и другими украинскими землями на протяжении веков. И то, что в эти связи внес вклад и армянский народ—этот весьма важный факт не может быть игнорирован историками.

В советской исторической науке сейчас уже изжито наивное и примитивное представление о торговле, якобы в прошлом необходимой и выгодной только тем, кто ею занимался, т. е. купцам.

Внутренняя и внешняя торговля—составной и весьма важный компонент экономики, экономических связей, которые являются самой глубокой основой повседневного человеческого бытия. Нельзя даже представить себе нормального, всестороннего развития человеческого общества, начиная с древнейших времен до наших дней, без обмена. Но, к сожалению, экономическим связям Украины с другими странами в различные исторические эпохи уделяется еще мало внимания.

В разное время по-разному складывались экономические связи. Нельзя забывать о классовом характере этих связей, об участии в них различных социальных групп. Но при всем этом необходимо сказать, что торговлю, в том числе и внешнюю, нельзя ограничивать только участием в ней купцов. В торговле, даже в рассматриваемое нами время, всегда была занята значительная часть населения. Если принять во внимание, что в производстве определенных товаров и продуктов, предназначенных на внутренний и внешний рынок, всегда была занята большая часть населения, что товарами, поступавшими в продажу, пользовались различные слои

---

⁵³ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, ед. хр. 2583, л. 10.

⁵⁴ Там же, л. 12.

населения, то не будет недооценки торговли в жизни народов, а значит и тех, кто ею занимался.

Мы далеки от того, чтобы переоценивать или рассматривать изолированно роль армянских купцов в экономических связях упомянутых украинских территорий. Но факты имели место, и мы должны о них говорить, выяснить причины их появления. Тем более, что речь идет о событиях и явлениях, происходивших в новый период истории Украины, когда ломались старые—феодалные нормы, зарождались новые—капиталистические отношения, способствовавшие объединению украинских земель в единое целое. Мы при этом не должны сбрасывать со счета и те факторы, те социальные слои и группы, которые сознательно или стихийно этому содействовали. Нельзя обойти при этом и положительную роль, которую сыграли армяне в этом процессе.

Связи и дружба между народами на протяжении веков складывались в различных условиях, проявлялись в самых разнообразных фактах и явлениях в жизни общества. Нам в данном случае радует то, что армяне на Украине не выступали чужеродным элементом, а органически входили в общественные отношения, существовавшие на украинских землях и принимали в событиях активное участие.

АРМЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

М. Л. ОГАНЕСЯН

(Кандидат исторических наук, ответственный секретарь
«Вестника общественных наук» АН Арм. ССР)

Турецкое завоевание сыграло крайне отрицательную роль в жизни всех народов и стран, оказавшихся в более или менее значительный период истории под господством султанской Турции. Оно не только нарушило их естественный ход развития, но и отбросило на несколько веков назад от того уровня экономического, политического и культурного развития, на котором находились эти народы к моменту появления турецких завоевателей. Изучение истории периода турецкого господства на Балканах, в Молдавии, Валахии, Венгрии, Крыму, на Украине, Ближнем и Среднем Востоке выявляет почти одинаковую картину безудержной и жестокой эксплуатации и угнетения. Турецкое завоевание повсюду сопровождалось лишением национальной независимости, национальным и религиозным преследованием местных народов, физическим истреблением или угоном в плен с целью продажи в качестве рабов больших масс населения, захватом земель и другого имущества и богатств, разрушением городов, варварским уничтожением ценностей материальной и духовной культуры.

Подвластные народы рассматривались турецкими завоевателями как бесправные рабы-райя, которые своим трудом и людскими ресурсами должны были обеспечить экономические и военные потребности турецких феодалов и султанского двора.

Эти тяжелые условия особенно отрицательно отразились на положении малых народов, в том числе и армянского. Даже незначительные попытки сопротивления становились поводом для поголовного истребления населения целых райо-

нов. В подобных условиях переселение нередко представлялось единственным средством спасения целых групп населения городов и районов средневековой Армении.

В середине XVII в. турецкая империя достигла вершины своего военно-политического могущества. Тем временем она стала реальной угрозой для независимости многих стран Европы. Антитурецкая лига прилагала отчаянные усилия для отражения турецкой агрессии.

В этот же период героическую борьбу против турецко-татарских грабителей вел и украинский народ. В этой связи нужно отметить, что в трудах, посвященных общей истории борьбы народов против турецкой агрессии, незаслуженно умалчивается поистине значительная роль украинского народа, в частности запорожских казаков, в ослаблении турецкой агрессии в XVI—XVII вв. Создается впечатление, что захват украинских и русских земель не входил в завоевательные планы турецких султанов. Но на самом деле ведь не с визитом вежливости направлялись в эти земли огромные армии султанов и крымских ханов! Они шли именно с целью завоевать Украину, а вслед за ней и русскую землю.

Начиная с первой четверти XVII в., в связи с усилением сопротивления запорожского и донского казачества агрессивным устремлениям турецких феодалов, покорение украинских земель стало проблемой, об успешном решении которой султаны и их военачальники могли лишь мечтать.

Огромные турецкие и татарские орды, направлявшиеся на Украину, нанесли свою бесславную гибель на берегах Днепра под ударами казачьих полков. Украинская земля поистине горела под ногами захватчиков.

В этой тяжелой борьбе с могущественным врагом посильную помощь оказывали украинцам поселившиеся на гостеприимной украинской земле армяне. Сохранились исторические записки и другие источники, красноречиво свидетельствующие о том, что местные армяне не только восхищались героической борьбой украинского народа, но и оказывали ему всяческую помощь в его тяжелой борьбе против турецко-татарских поработителей. Известный армянский историк XVII в., живший во Львове, Симеон дпир, восхищаясь мужеством казаков, называет их «богатырями и храбрецами»¹. Другой историк—Ованес Каменецкий—пишет о них: «Казачье племя отличается великими познаниями и хитростью»². Далее он продолжает: «Такими смелыми подвигами отличилось в этот день казацкое

¹ М. О. Дарбинян, Симеон Леаци. Путевые заметки, М., 1965, стр. 361.

² ՊԲՀ, Ереван, 1958, № 2, стр. 200.

войско, что ужас охватил всех язычников, и даже султан Осман с сановниками впал в страх»³.

С гневом пишут армянские авторы о жестокостях и злодеяниях турецко-татарских захватчиков на украинской земле. В одной из хроник от 1630 г., описывая очередное грабительское нападение татар, автор называет их «деспотом со звериным нравом»⁴. В другой хронике, написанной Ованесом Авагерцем, отмечается: «20 декабря 1667 г. пришли татары и многочисленные войска, как говорят—40 000, и вошли в область Подолни, разорили всю область, и города и села, людей увели в плен, а все имущество сожгли»⁵.

Армянские переселенцы принимали участие в строительстве оборонительных сооружений и в сборе необходимых денежных средств для нужд местных гарнизонов. В Каменце-Подольском и во Львове существовали укрепленные пункты, которые назывались «Армянским редутом» и «Армянской башней». Охрану этих пунктов несли местные армяне, они же заботились об их вооружении и укреплении фортификационных сооружений⁶. В памятных записях можно часто встретить, например, такие короткие упоминания: в 1596 г. армянин Михно подарил городу Каменцу-Подольскому пушки, изготовленные за свой счет⁷. В 1662 г. каменецкий армянин Захариаш Кшиштофович завещал городу 7 тыс. 313 польских золотых для изготовления пушек⁸. В 1672 г. купец Асвадур Минасович внес в фонд обороны г. Жолкви 100 дукатов, а во время осады Львова турецкой армией в том же году он отдал еще 500 дукатов⁹. В королевском указе от 31 июля 1661 г. отмечены фамилии двух знатных львовских армян—Габриела Бернатовича и Кшиштофа Задикевича, которые в разное время отдали для нужд укрепления обороны города 93 тыс. 197 польских золотых¹⁰. 10 октября 1675 г. львовские армяне собрали для той же цели 9 тыс. золотых¹¹.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Ղ. Ալիշահ, *Կամեհերց, Վեհերիկ*, 1896, стр. 182.

⁵ Там же, стр. 37—38.

⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 361. Акты городские, стр. 520, 590; т. 215, стр. 315. См. также «Акты армянского суда г. Каменца-Подольского», подготовка текста и предисловие В. Р. Григоряна, Ереван, 1963, стр. 25.

⁷ Там же, ф. 52, оп. 3, стр. 124.

⁸ См. Gromnicki, *Ormianie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje*, Warszawa, 1884, стр. 72.

⁹ См. S. Barącz, *Żywoty sławnych ormian w Polsce*, Lwów, 1856; см., Minasowicz Aswadur.

¹⁰ S. Barącz, *Rys dziejów ormiańskich*, Tarnopol, 1869, стр. 124.

¹¹ См. там же, стр. 126.

На долю армян приходилась и значительная часть военных контрибуций и выкупов, налагаемых турками и татарами на осажденные или захваченные западноукраинские города. Так, 27 сентября 1672 г. турецкое командование пригрозило подвергнуть артиллерийскому обстрелу и разрушить осажденный Львов, если не получит 80 тыс. польских золотых в качестве выкупа. Горожане направили к туркам делегацию с заложниками. Среди них были два украинца, а также известные армянские купцы Габриел Бернатович и Якуб Яшкевич. Последние были отпущены на волю лишь после внесения армянами своей доли выкупа¹².

Имеются также сведения о непосредственном участии армян в военных действиях. По некоторым данным, армяне составляли отдельное воинское соединение в посполитом рушении (ополчение)¹³.

При осаде турецко-татарскими войсками Каменца-Подольского, Львова и других западноукраинских городов армянские воины зачастую выполняли разведывательные задания. Имея некоторое внешнее сходство с турками и превосходно владея турецким языком, они одевали форму турецких янычар и, пользуясь ночной темнотой, проникали в расположение турецких войск. Здесь они собирали нужные данные о дислокации турецких и татарских частей, об их численности, вооружении, запасах продовольствия и боеприпасов и по возвращении передавали эти сведения командованию гарнизона¹⁴. При развязывании же военных действий как все армянское население, так и армянские соединения в посполитом рушении принимали участие в боях.

Настроения армянского населения, разумеется, не были тайной для турок. Именно потому там, где удавалось, они с исключительным зверством расправлялись с армянами. Сохранились сведения о тяжелой участи армян—жителей Каменца-Подольского во время захвата города турками в 1672 г. Вступив в город, турецкие воины вырезали значительную часть населения—украинцев, поляков и армян. 121 армянскую семью, каким-то чудом оставшуюся в живых, они выслали в неволю—в Македонию, а их церковь Св. Иоанна разграбили и превратили в мечеть для турецкого визира¹⁵.

¹² См. там же, стр. 126.

¹³ См. В. Zimorowicz, *Historia miasta Lwowa, Królestw Galicji i Lodomeryi stolicy, Lwów, 1835, стр. 304.*

¹⁴ См. И. Линниченко, *Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси, Киев, 1895, стр. 4.*

¹⁵ См. S. Baraçz, *Rys...*, стр. 96—97.

Как показывают новейшие исследования украинских советских историков, некоторое армянское население имело также в украинских казацких поселениях. В частности, доктор исторических наук Ф. П. Шевченко установил, что в Белоцерковском полку служил Степан Вирменин. В том же полку был записан Феодор Армак, а в Уманском полку—Макар Орманенко. Как полагает Ф. П. Шевченко, все они имели армянское происхождение¹⁶.

Правда, этих фактов еще недостаточно для того, чтобы составить более или менее отчетливое представление об участии армян в казацком войске, однако сами по себе они являются достаточно обнадеживающими в том смысле, что дальнейшие поиски в этом направлении могут оказаться не бесплодными.

Чем можно объяснить тот факт, что в антитурецкой борьбе армяне, живущие на украинских землях, как правило выступали на стороне украинцев? Во-первых, это объясняется тем, что они еще на родине испытывали жестокости турецкого угнетения. Турецкое иго для многих армян являлось одной из главных причин чреватого непредвиденными лишениями и трудностями переселения с родных мест. Однако едва переселившись и устроившись на новом месте, они вынуждены были снова браться за оружие против одного и того же врага.

Во-вторых, турецкая агрессия наносила огромный материальный ущерб армянам, поскольку сопровождалась грабежами и тяжелым бременем бесчисленных налогов и выкупов. Кроме того, она нарушала нормальные экономические связи между различными районами, что, несомненно, чрезвычайно отрицательно влияло на развитие торговли и ремесел. Вследствие этого многие армянские торговцы и ремесленники разорялись и вынуждены были заниматься случайными заработками, чтобы сохранить свое существование.

И, наконец, у многих поколений армян чувство родины и все представления о ней естественно были связаны с украинской землей, с ее народом, не говоря уже о других моральных факторах (исторических, культурных, религиозных, бытовых и т. д.), крепко связующих армян и украинцев.

В силу именно этих обстоятельств и определялось отношение армянского населения к борьбе украинского народа против турецко-татарских захватчиков.

---

¹⁶ См. Ф. П. Шевченко, Армяне в украинском казацком войске в XVII—XVIII вв., ИСД, Киев, 1965, стр. 96.

К ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ ВО ЛЬВОВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Н. К. КРИВОНОС

(Кандидат исторических наук, Львовский исторический музей)

В истории г. Львова вторая половина XVII в. характеризуется, с одной стороны, упадком экономики города, вызванным политикой шляхты, войнами, контрибуциями, эпидемиями, с другой—проявлением некоторых прогрессивных тенденций в социально-экономическом развитии города.

Все эти факторы равным образом влияли на положение армянской общины города. В 1654 г. армянам принадлежало во Львове 73 дома¹. Численность армянского населения во Львове значительно возросла после переселения армян из Каменца-Подольского в 1672 г. Приезжие армяне покупали дома в центре города на пл. Рынок, торговые лавки, ремонтировали отдельные дома в армянском квартале города. В 1683 г. армянские старейшины решили отремонтировать постройки при монастыре Св. Рипсиме². Армянин Григорий Богданович за 250 злотых в год взял в аренду и обязался отремонтировать мельницу на Краковском предместье Львова, принадлежавшую армянскому монастырю, разрушенную во время осады Львова турецкими войсками в 1672 г.³

Армянские поселенцы принимали активное участие в ремесленном производстве, в торговой, культурной и политической жизни Львова. В 1644 г. четыре армянских ремесленника были приняты в цех мастеров золотых дел. В 1666 г. в этом цехе работало всего 10 мастеров, а с 1682 г. по 1700 г.—более тридцати.

Сохранившиеся во Львовском историческом музее изделия армянских мастеров, описание в каталогах предметов

¹ В. Janusz, „Mons plus“ Ormian lwowskich, Lwów, 1928, стр. 13.

² Львовская государственная научная библиотека, отдел рукописей, фонд Оссолинских, рук. № 1723/II.

³ Там же, стр. 34.

производства армянских мастеров и письменные источники свидетельствуют о том, что во Львове армянские ремесленники-золотари применяли различные способы обработки и украшения металла: чеканку, гравировку, позолоту, часто сочетая их в одном предмете.

Армянские ремесленники занимались вышиванием, производили луки, седла, мечи, сафьян, были скорняками и кордыбанниками, красильщиками и др.

Во Львовском историческом архиве сохранился устав цеха вышивальщиков от 1658 г⁴. Он был составлен с участием армян. Его подписали 12 человек, из них четверо—армяне. Первым под текстом устава подписался прославленный львовский вышивальщик армянин Ян Богданович, «достойный и почетный вышивальщик», как об этом свидетельствует запись в уставе. Этот устав подписали и другие армяне—лучники Сефер Богадурович, Ованес Максинтович, Марко Пирумович. Устав состоит из 22 статей, определяющих права и обязанности мастеров, подмастерьев и учеников этого цеха. Устав разрешал свободное вступление в цех поляков, украинцев и армян. В нем перечислены разнообразные изделия, право на изготовление которых имели мастера этого цеха, а также указано, из какого сырья можно изготавливать продукцию. Мастерам этого цеха разрешалось иметь свои лавки и в них реализовывать свою продукцию. Шестнадцатой статьей определены выборы цехмистров. Их избиралось два: первый—из поляков, каждый год, а другой—из вышивальщиков и лучников; один год—из армян, а на другой год из украинцев. Старших столовых избиралось два. Когда второй цехмистр избирался из армян, тогда столовыми были украинцы, а когда второй цехмистр был из украинцев, тогда столовыми избирались армяне. Таким было управление и у подмастерьев. Цеховая касса (сундук) всегда оставалась у первого цехмистра, т. е. поляка, а ключи от нее находились один—в руках армян, другой—в руках украинцев.

Устав этого цеха имеет много отличительных черт от цеховых уставов первой половины XVII в. Главное это то, что в нем впервые предусматривался свободный прием украинцев, армян, поляков. Причина этого явления кроется в тех изменениях в социально-экономической жизни города Львова, которые наметились в то время, т. е. в возросшей потребности в квалифицированной рабочей силе. Значительная группа вышивальщиков была из армян. Архивные документы,

⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, Совет г. Львова, т. 69, стр. 614.

орнаменты на сохранившихся предметах свидетельствуют о высокой технике вышивки серебром, золотом, шелком, гарусом. В 1696 г. армянин-вышивальщик Габриэл Гадзейович, сам занимаясь этим ремеслом, не раз давал выполнять работу вышивальщику серебром Василию Костецкому⁵. Армянка Гадзейовичова обучала ремеслу девушек⁶; вышиванием занималась армянка Эминовичова, чьи работы упомянутая Гадзейовичова продавала в своей лавке. Вышивальщик армянин Криштоф Дершимонович вышивал золотом, серебром и делал набойку⁷. Вышиванием занимался армянин Григорий, Габриел Тебинка, Балтазар Багадурович, Сефер Багадурович, отец и сын Богдановичи, Григорий Богушевич, который на страницах протоколов совета г. Львова именуется и художником. Это были цеховые и внецеховые ремесленники.

В 1665 г. магистрат Львова разрешил армянину Балтазару Багадуровичу вступить в цех седельников и вышивальщиков и предоставил им право свободно сбывать свою продукцию в любом месте⁸. Армянские цеховые вышивальщики использовали внецеховых ремесленников и сбывали на рынке их продукцию. В 1666 г. в совет Львова была внесена жалоба цехмистров, вышивальщиков Г. Драгоцкого и армянина Марка Пирумовича на армянских ремесленников, цеховых мастеров Христофора Захария Захновича и Андрея Николаевича (прозванного за профессию «Тебинка»), что они партачей, т. е. внецеховых ремесленников-вышивальщиков «по разным грунтам (по дворам) умножили путем скупки у этих партачей их продукции; в своих лавках продают их продукцию, прячут в своих домах и дворах, разрешают им заниматься ремеслом как «партачам» и что поэтому теперь их больше, чем цеховых мастеров»⁹. Эти факторы проливают свет на отдельные этапы в ремесленном производстве города в период, когда цеховые мастера стремились увеличить производство продукции путем эксплуатации внецеховых ремесленников, пользуясь своими феодальными правами.

В 1664 г. цех вышивальщиков разрешил армянину Константину Габриеловичу, жителю г. Львова, заниматься двумя ремеслами—вышиванием и изготовлением луков¹⁰.

В цехе скорняков работали армянские мастера Богдан Латынович, Христофор Сергийович, Захар Ованесович, Гри-

⁵ Там же, т. 6.

⁶ Там же, стр. 821—822.

⁷ Там же, т. 83, стр. 961.

⁸ Там же, т. 64, стр. 654, док. № 261.

⁹ Там же, т. 75, стр. 1107—1109.

¹⁰ Там же, т. 73, стр. 766.

горий Киркорович, Ян Григорович, Исай Богосович, Христофор Якубович, Богдан Сааконич. Некоторые из этих ремесленников происходили из Каменца-Подольского, а в 1672 г. переселились во Львов. Так, Захар Ованесович обучался этому ремеслу у каменец-подольского мастера-скорняка Николая Шимоновича, а потом во Львове вступил в цех. В 1694 г. в цех вступил армянин вышивальщик Криштоф Сергийович. Несмотря на то, что с 1651 г. указом короля армяне во Львове допускались во все цеха без ограничений¹¹, т. е. были уравнены в правах с другими гражданами города, однако Сергийович, как и Богдан Латынович и Захар Ованесович, был принят в цех с условием не готовить ученика и подмастерья из армян и не держать их на работе у себя¹². Таким образом, и во второй половине XVII в. права армян во многих цехах фактически были ограничены.

В протоколах совета Львова сохранилось постановление от 1666 г. об объединении на 12 лет цеха сафьянников и кордыбанников. Поэтому сафьянники получили право изготавливать кордыбаны, а кордыбанники—сафьяны и сбывать свою продукцию не только местным цеховым сапожникам, но и приезжающим во Львов. Во второй половине XVII в. производство сафьянов и кордыбанов упало. Чтобы поднять это производство, совет Львова вынес решение принимать в цех подмастерьев-армян наравне с католиками¹³.

О том, что во Львове армяне работали портными, свидетельствуют записи в актовых книгах. Так, например, портной Христофор Киркорович, цеховой мастер, имел контакты с украинским мастером-скорняком Иоаном Лазаркевичем¹⁴. Мастером-портным работал армянин Бедрос Асланович, а армянин из Каменца-Подольского Лукаш Захарнасович в 1690 г. был принят в цех портных учеником¹⁵. В актовых книгах сохранилось поручение его родителей, отдаваемое магистрату Львова. Поручение гласит о том, что Лукаш, выучившись этому ремеслу, «вызволившись», т. е. став подмастерьем, а потом и мастером, будет обучать ученика не из армян, а из католиков. Если же он нарушит это обязательство, с него взимается штраф в сумме 200 гривен, из которых половина шла в магистрат, а вторая половина—в цех портных.

¹¹ См. Т. Maikowski, *Lwowski cech malarzy w XVI—XVII w.*, Lwów, 1936.

¹² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, Совет г. Львова, т. 6, стр. 301.

¹³ Там же, т. 75, стр. 803—804.

¹⁴ Там же, стр. 675.

¹⁵ Там же, т. 89, стр. 274.

Во Львове и за его пределами славились ремесленники-мечники. Львовский армянин Северин Сатович занимался изготовлением мечей¹⁶. Львовская армянка-красильщица Черкесовна выполняла работу по заказу купцов из города Болкхова: красила пояса в значительном количестве¹⁷.

Мы привели сведения о деятельности армян только в некоторых отраслях ремесла. Картина эта далеко не полная. Архивный документ от 1695 г. говорит о том, что во Львове «нет такого ремесла, которым бы не занимались армяне».

Армяне во Львове входили в купеческое отделение (цех), а с 1668 г. в этом объединении из них избирался второй цех-мистер, в руках которого находился ключ от цехового сундука и ключ от городской крепостной башни, принадлежавшей купеческому цеху.

В 1685 г. из 14 «богатых крамов» армянам принадлежало 10, а из 17 «бедных крамов» в руках армян было 13.

Армянские купцы вели торговлю местными и импортными товарами. Вот список товаров львовского купца-армянина Габриела Максимоновича за 1684 г., которыми он торговал в Замостье¹⁸. В списке указано название товара и его цена. Обращает внимание тот факт, что товары в основном местного производства: луки золочевские, украшения к седлам львовские, ковельские, вышитые тебинки, ковельские сафьяновые тачки (украшения к упряжи), ковельские капюшоны, яворовские попоны, а также молдавский и литовский сафьян, черкасский войлок и другие товары. В XVII в. здесь впервые встречаются астраханские ткани. Большинство товаров турецкого, молдавского, персидского происхождения. Значительное место в списке занимают ковры, коберцы и коцы, которые венгерского, турецкого, персидского и шотландского происхождения. Не менее интересен список товаров того же времени известного львовского купца армянина Николая Яскевича¹⁹. Из местных товаров в нем перечисляются: тесьма львовской работы, тачки и тебинки, вышитые острожские, попоны ковельские, чепцы нитяные львовские, мисюрки львовские, тапки львовские обшитые, войлок черкасский, золочевские луки, черкасские стремяна, а также юхта московская и литовская, ткани из Багдада, Халеба, Амстердама и много других товаров.

¹⁶ Там же, т. 6, 1694, стр. 355.

¹⁷ Там же, т. 83, 1678, стр. 222.

¹⁸ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, Протоколы суда армянской общины, т. 531, стр. 1775.

¹⁹ Там же.

В списке товаров львовского купца армянина Стечевича, закупленных в 1680 г. в Токате, перечислены исключительно ткани восточных названий и пояса²⁰. В этом документе содержатся армянские названия, написанные латинским шрифтом.

Во второй половине XVII в. на львовские ярмарки приезжали купцы из Халеба, Анкары, Бурсы, Измира, Синопа, Карса и других местностей. Львовские армянские купцы вместе с украинскими купцами Восточной Украины ездили на ярмарки в город Ярослав²¹, с болгарскими купцами ездили в Москву через Нежин²². Мало известно об организации переводчиков-толмачей и барышников, должность которых во Львове почти всегда занимали армяне. Мы можем сказать, что объединение переводчиков носило некоторые черты цехового объединения. Как и в цехе мастера, так и переводчики называли себя братьями, имели сундучок, где хранились привилегии и другие документы. Ключ от сундучка находился на хранении у старшего брата.

В 1667 г. львовский магистрат заключил контракт с известным переводчиком-армянином Николаем Байдуловичем. Из текста договора видно, что совет Львова рассматривал назначение Байдуловича как мероприятие, способствующее оживлению торговли Львова и увеличению доходов городской кассы. Под руководством Байдуловича работало четыре переводчика. Они выступали не только на львовском рынке, но выезжали в Ярослав и Язловец. В контракте с Байдуловичем указывалось, чтобы он на протяжении трех лет (с февраля 1667 г. по 18 апреля 1670 г.) не выезжал из города. Однако уже 13 апреля того же года совет Львова по просьбе маршалка и великого коронного гетмана принял решение разрешить переводчику Байдуловичу, как человеку, знающему многие языки, восточные обычаи и нравы, выехать вместе с послом Речи Посполитой Иеронимом Родзейовским в Стамбул для ведения переговоров.

По возвращении из Стамбула Байдулович, ссылаясь на пожилой возраст, отказался от должности переводчика, но потом мы видим его переводчиком и в 1681 г.²³

Сохранившийся отчет барышника Киркора Бобовича старшему переводчику Байдуловичу об уплате барышнического налога свидетельствует о размерах торгового оборота с 1667 по 1671 гг., который прошел при посредничестве

---

²⁰ Там же.

²¹ Там же, т. 75, стр. 1068, 1166.

²² Там же, т. 81, стр. 399.

²³ Там же, ф. 52, т. 85, Совет г. Львова, стр. 719.

барышника Бобовича. В 1667 г. барышнический налог составлял 300 злотых, в 1668 г. на львовской ярмарке—300, на язловецкой—100, на ярославской—150; в 1669 г. на львовской—240, на язловецкой—100, на ярославской—140; в 1670 г. на львовской—260, на язловецкой—60, на ярославской—190; в 1671 г. на львовской—300 злотых²⁴.

В протоколах городского суда армянской общины встречаются упоминания о дарственных записях в пользу существовавших в то время во Львове армянских братств. Армянин Криштоф Богдан Криштофович, купец и горожанин львовский, 15 июля 1689 г. все свое имущество записал в дар братству при армянской церкви Св. Григория²⁵. Армянка Стечкевичова в 1680 г. из своего имущества записала 10 злотых братству Успения²⁶. Уже упомянутый нами львовский купец армянин Николай Яскевич в 1683 г. записал братству 1000 злотых²⁷.

Трудовые слои армянских поселенцев во Львове боролись против феодальной эксплуатации. Ремесленники выступали в цехах против ограничений, против цехмистров, направляли жалобы в магистрат, королевский двор, что, несомненно, расшатывало феодальные устои. В 1660 г. с протестом в городском совете выступили четыре армянских ремесленника—лучника против армянских старейшин по поводу того, что хотя старейшины знали их как полноправных горожан, которые имели право городского гражданства и наравне с другими мещанами платили городские налоги и имели на это документы, однако старейшины наложили на них какие-то новые и необычные налоги. За неуплату им угрожали тюрьмой, принуждали собирать по несколько десятков злотых и отдавать им. Так, у одного они взяли 21, у другого—15, у третьего—8 злотых. Не удовлетворившись этим, старейшины упростили бургомистра посадить этих ремесленников в тюрьму²⁸.

В 1676 г. несколько человек из армянской общины отказались платить налоги. За неуплату налогов были опечатаны магистратом Львова товары Зыскевича, Августиновича, Дерзахарилевича²⁹. В том же году цехи Львова выступили против притеснений магистрата. В этом выступлении приняли учас-

²⁴ Там же, т. 79, стр. 412.

²⁵ Там же, ф. 52, оп. 3, Протокол суда армянской общины, т. 531, стр. 21—29.

²⁶ Там же, стр. 1682—1683.

²⁷ Там же, стр. 2224.

²⁸ Там же, ф. 52, оп. 3, Совет г. Львова, т. 69.

²⁹ Там же, т. 4, стр. 987.

тие и армяне. Вместе с украинцами армяне отказывались ходить на городские сходки, так как там городской патрицианский магистрат не принимал во внимание их мнение и требования³⁰. В 1662 г. армяне Львова внесли жалобу на имя короля по поводу того, что их на предвыборные городские собрания местные власти не допускают, а поэтому они не знают, куда расходуются деньги, вносимые ими в городскую кассу³¹. Такие факты являются ярким проявлением борьбы армянских колонистов против эксплуатации и притеснений тогдашних городских властей за социальные права.

Показателем культурной и научной жизни армянской колонии второй половины XVII в. является деятельность на протяжении 5 лет армянского школьного театра, в репертуаре которого было пять драм на историческую тематику, творчество армянских живописцев-портретистов, писателей, деятельность армянской типографии, работа врачей и аптекарей, распространение армянской книги среди украинского и польского населения г. Львова.

Имеются факты участия армян в политической жизни города. В 70—90-х гг. XVII в. Львов был важным оборонительным пунктом на юго-восточных границах Речи Посполитой. Организация обороны Львова от турецко-татарской агрессии в планах Яна III Собеского приобретала особое значение. Армянские поселенцы вместе с украинским и польским населением участвовали в обороне Львова в 1672 и 1675 гг., проводили ряд мер по укреплению города, собирали средства для содержания войска. Так, в 1675 г. для содержания армии, готовившейся отразить наступление турок на Львов, жители города по приказу короля должны были собрать 50 тысяч злотых. Армяне Львова, наравне с украинцами и поляками, внесли 1/3 часть этой суммы, т. е. 16 666 злотых 20 гр.³² Львовские армянские ремесленники-скорняки обороняли принадлежавшую их цеху городскую башню в 1675 г., а ремесленник-вышивальщик армянин Криштоф Дер-Шимонович добровольно ушел на оборону крепостных стен города и с оружием в руках защищал город³³. Львовский армянин Криштоф Захнович, известный в то время деятель колонии и города, дважды направленный в качестве посла к Б. Хмельницкому, художник, переводчик, вышивальщик, в самые ответственные моменты обороны города находился на пл. Рынок среди командования защитни-

³⁰ Там же, т. 71, стр. 133.

³¹ Там же, т. 7, стр. 73—74.

³² Там же, т. 84, стр. 297.

³³ Там же, стр. 297.

ков города. Очевидно, он выполнял какие-то поручения в организации обороны. В 1676 г. население города собрало 1900 злотых для перевозки 360 ц боевого пороха из г. Казимира в Львов для его обороны. Армяне Львова для этой цели внесли 533 зл. 10 гр., поляки—666 зл. 20 гр., украинцы—300 зл., евреи—400 зл.³⁴ В этом же году на военную кампанию под Журавами львовские горожане собрали 2000 злотых для перевозки пороха из г. Казимира. В эту сумму 700 злотых внесли львовские армяне³⁵.

Намечая свои планы борьбы против турецкой агрессии, Собеский учитывал, что здесь ему могут оказать помощь армяне Львова. К себе лично в Варшаву из Львова он пригласил армянина Григория Богдановича и называл его «службой и солдатом нашим». Сеймовой конституцией от 1677 г. Собеский освободил на 15 лет от всяких гражданских городских налогов переселившихся во Львов и другие города каменец-подольских армян, а в 1679 г. издал указ о том, чтобы они судились своим армянским судом. Эти привилегии армянам вновь были подтверждены 24 марта 1692 г.³⁶ По некоторым данным, в 1683 г. в битве под Веной сражалось 5 тысяч армянских воинов, вооруженных алебардами³⁷. В их числе были и львовские армяне. Из Львова с войском под Вену ушел в чине ротмистра, т. е. командиром кавалерийского эскадрона, львовский армянин Августинович. Львовский армянин, ремесленник по изготовлению луков Яков Пирумович, имел приготовленное у себя по заказу краковского каштеляна и великого коронного гетмана Станислава Яблоновского вооружение почти для целой хоругви (отряда)³⁸. Эти сведения говорят об общности интересов армянских поселенцев с украинским и польским народами в борьбе против общего врага—турецких завоевателей.

Одновременно с узаконением старых форм жизни проявились и некоторые прогрессивные тенденции дальнейшего социально-экономического развития города. Армянские ремесленники и купцы содействовали поднятию уровня ремесла и торговли города. В культурной жизни поселенцев—творчестве художников, ювелиров проявлялись и сохранялись армянские вкусы, не угасала армянская творческая мысль. В целом во второй половине XVII в. еще довольно видное место в жизни города Львова принадлежало армянским поселенцам.

³⁴ Там же, т. 4, стр. 844.

³⁵ Там же, т. 89, стр. 273.

³⁶ Там же, стр. 978.

³⁷ См. S. Barącz, Sobieski a ormianie, Dziennik Literacki, Lwów, 1887, № 22, стр. 171.

³⁸ Там же, стр. 432.

АРМЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В БРОДАХ

Я. С. МЕЛЬНИЧУК

(Кандидат исторических наук, Ивано-Франковский педагогический институт)

Поселение армян в Бродах принадлежит к тем колониям, которые существовали недолго, но сыграли немаловажную роль в экономической и политической жизни западноукраинских земель, в особенности во второй половине XVII—первой половине XVIII вв., когда это поселение занимало заметное место среди армянских колоний Западной Украины.

К изучению истории поселения обращались авторы работ по истории города. Первой из них следует назвать работу С. Баронча¹. В ней перечисляются основные факты из жизни армян в Бродах. Важное значение имеет публикация здесь королевской грамоты бродским армянам от 1690 г. Почти ничего нового по сравнению с работой Баронча не вносит статья В. М. Площанского².

Значительно расширяет сведения об армянах в Бродах публикация И. С. Созанского³. Факты почерпнуты им из книг совета города и войтовско-лавничьего суда г. Брод. Много места уделяется занятиям армянского населения. Отмечая значительные торговые операции, осуществляемые купцами-армянами из Брод, он пишет: «В нашем городе армяне не фигурируют как монополисты торговли восточными товарами, не оперируют такими капиталами, как их собратья во Львове, однако—и это совершенно достоверно—не уступают им в торговом искусстве, изворотливости, знанию челове-

¹ См. S. Barącz, *Wolne miasto handlowe Brody, Lwów, 1865.*

² См. В. Площанский, Галицко-русский торговельный город Броды, «Науковий збірник, издаваний літературним обществом Галицко-русской матицы», 1868, вып. I—IV.

³ См. І. Созанський, 3 минувшини міста Бродів. Причинки до історії міста в XVII ст., «Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. 98, Львів, 1910.

ских потребностей, желаний, словом—человеческой природы, вообще в естественном таланте к торговле. Из-за этих признаков ценны их все и везде, а само известие об их поселении в данной местности было определенным предвестием ее экономического развития»⁴.

Общие сведения об армянском поселении в Бродах имеются в очерке по истории армянских колоний С. Баронча⁵ и Т. Громницкого⁶. Значительное внимание в этих очерках уделяется связям бродских армян с другими городами.

О бродских армянах пишут и советские историки. Отдельные сведения о них имеются в работе Грабовецкого⁷. Характеристику источников по истории поселения в Бродах дает П. Пироженко⁸. Вопросы историографии рассматривает Я. Дашкевич⁹. Несмотря на то, что к истории армянского поселения в Бродах обращались многие авторы, оно все же принадлежит к числу наименее изученных поселений. Для создания более полного очерка истории армянского поселения в Бродах следует проделать большую работу. В первую очередь нужно использовать новые источники не только из фонда «Магистрат города Броды», но и других комплексов, в частности фондов Львовского городского и земского судов¹⁰. Почерпнутые оттуда сведения следовало бы рассмотреть в совокупности с имеющимися уже материалами.

Это большая, трудная и кропотливая работа, требующая много времени и умения. Мы ограничимся опубликованными материалами, а также некоторыми данными, почерпнутыми из архивов, из материалов актовых книг магистрата города Броды за 70—90-е годы XVII в. Полное изучение этого фонда даст, вероятно, еще много ценных сведений о жизни армянского населения в Бродах.

Первое упоминание о поселении в Бродах имеется в «Поучении детям» Владимира Мономаха, т. е. относится к

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ См. S. Baracz, *Rys dziejów w ormiańskich*, Tarnopol, 1869.

⁶ См. T. Gromnicki, *Ormianie w Polsce*. „Encykl pedia kościelna”, t. 17. W., 1891, стр. 392—449.

⁷ См. В. В. Грабовецкий, *Армянские поселения на западноукраинских землях*. ИСД. Ереван, 1961.

⁸ См. П. Х. Пироженко, *Материалы ЦГИА УССР во Львове по истории армянских поселений на Украине*, там же.

⁹ См. Я. Р. Дашкевич, *Вклад украинской историографии в исследование армянских поселений на Украине*, ИСД, Киев, 1965, стр. 60.

¹⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, Львовский городской суд; ф. 10, Львовский земский суд; ф. 24, Магистрат города Броды.

началу XII в. Следующее известие относится к 1515 г., когда Броды были небольшой деревней. В конце XVI в. в его окрестностях была построена крепость, а деревня начала превращаться в город, что было закреплено в 1584 г. получением так называемого магдебургского права. С этого времени начинается быстрое развитие города. Этому содействовало расположение города на важном торговом пути, который соединял Львов, Луцк и Киев. Особенно возросло значение города в конце XVIII—XIX вв., когда Броды в результате разделов Речи Посполитой оказались сначала на австрийско-польской, а затем на австро-русской границе.

В XIX в. Броды по своему значению занимали третье место в австрийской провинции Галиция после Львова и Кракова и имели свою торгово-промышленную палату. Через Броды пролегла во второй половине XIX в. одна из первых железных дорог, соединявших Австрийскую и Российскую империи.

Со времени возникновения город Броды был частным владением, принадлежавшим крупным польским магнатам— Жолкевским, Конецпольским, Собеским, Потоцким, которые занимали должности гетманов, а Ян Собеский—даже королевский престол.

Выгодное географическое расположение города Броды содействовало его развитию в XVII—XVIII вв. Как и другие западноукраинские города того времени, Броды по этническому составу населения был многонациональным городом. Наряду с украинцами, здесь проживали поляки, армяне, евреи, немцы и представители других народностей. Основным занятием горожан было ремесло, земледелие, торговля.

Первые известные нам армяне в Бродах занимались торговлей. Уже в 1638 г. владелец города гетман Станислав Конецпольский взял под свое покровительство бродских армян Марка Сергийовича, Николая и Захария Марковичей¹¹. В приветствии Конецпольскому на новый 1641 год учитель бродской «академии», бакалавр философии и так называемых семи свободных искусств Мартин Комарадзкий упоминает об армянах, которые «торгуют ценными товарами и этим способствуют расцвету города»¹². Известными купцами были Лукаш Мардирос и Аслан Амирович.

В 1643 г. владелец города подтверждает бродским армянам такие же права, которые они имели в городе Язловце¹³.

¹¹ I. Созанський, указ. соч., стр. 24.

¹² S. Barącz, Wojska miasto handlowe Brody, стр. 23.

¹³ I. Созанський, указ. соч., стр. 25.

Этот документ был вновь подтвержден в 1690 г. новым владельцем города Яном Собеским.

Значительное количество армян появляется в Бродах в 70-х годах XVII в. В 1672 г. они прибыли сюда в числе беженцев из Каменца-Подольского, Бучача, Язловца¹⁴, подвергшихся турецкому нашествию. В 1676 г. сюда прибыла часть уцелевшего армянского населения из Язловца вместе со своим священником и, как пишет Садок Баронч, «нашла здесь радушный прием»¹⁵. Связи между армянами Язловца и Брод наблюдались и раньше, когда оба города принадлежали одному владельцу. Поэтому сюда и прибыли армяне из города Язловца, когда ему грозила опасность.

Документы конца XVII в. говорят о том, что торговля продолжала оставаться основным занятием бродских армян. Они вели ее как с близкими, так и с более отдаленными местностями. Они ездили на армарки в Почаев, Збараж, Львов, а также в Язловец, Ярослав.

В источниках также раскрываются некоторые стороны взаимоотношений между армянами и представителями других национальностей¹⁶.

Иногда в документах фигурируют женщины-армянки. В 1678 г. вдова София Гротовская продала дом за 30 злотых¹⁷. Через некоторое время армянка, жена Петра, жалуется на бродскую мещанку, которая ложно обвиняла ее¹⁸.

В делах упоминаются фамилии армян Минасовичей, Бедрусов, Богдановичей, Якубовичей, Никоровичей, Николаевичей, Ганку, Криштофовичей, Горгудовичей и другие. Это свидетельствует о наличии значительного количества армян, проживавших здесь до конца XVII в. В 1700 г. после нападения на город татар и турок часть армян оставила его и ушла во Львов. Позже некоторые армяне уходили после изгнания из Язловца¹⁹.

Армяне жили в Бродах и в 1742 г. Об этом есть упоминания в связи с татарами в городе²⁰. К тому же в это время развернулась борьба за город между Потоцкими и Конецпольскими, которые совершали на него опустошительные набеги. Город страдал от проходящих войск во время Север-

¹⁴ Язловец—сейчас село Яблуневка, Бучацкого р-на Тернопольской области.

¹⁵ S. Barącz, Wolne miasto..., стр. 51.

¹⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 24, д. 17, лл. 1, 57; д. 19, л. 144.

¹⁷ Там же, д. 19, л. 133.

¹⁸ Там же, д. 21, л. 42.

¹⁹ См. S. Barącz, Wolne miasto..., стр. 78.

²⁰ См. В. Площанский, указ. соч., стр. 66.

ной войны и войны за польское наследство. Постепенно армяне уходили из него и поселялись в Язловце и других городах. Но некоторое количество армян, по всей вероятности, осталось в Бродах. Когда в 1817 г. произошел в городе пожар, из 18 сгоревших домов 2 были армянскими²¹.

Армянское поселение в Бродах в целом содействовало экономическому развитию города, налаживанию его торговых связей с другими городами и странами.

Армянское поселение в Бродах существовало недолго, однако оно в определенной мере содействовало превращению города в важный торговый центр Восточной Европы второй половины XVIII—XIX вв.

---

²¹ См. там же, стр. 62.

АРМЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В КУТАХ

В. В. ГРАБОВЕЦКИЙ

(Кандидат исторических наук, Институт общественных наук во Львове)

В центре живописного Карпатского края—Гуцульщины—раскинулся старинный украинский город Куты. Этот город с окрестностями в XVIII в. входил в состав Галицкой земли Русского воеводства. Это были королевские имения, которыми от имени короля управлял староста.

Возникновение армянского поселения в Кутах датируется 1715 годом. Откуда прибыли эти поселенцы? Из источников и исторической литературы известно, что переехавшая в Куты в 1715 г. группа армян из Молдавии положила начало существованию армянской колонии¹.

Армяне в Кутах составляли в XVIII—XIX вв. значительный процент городского населения. По мере укрепления экономических позиций армянских поселенцев в Кутах непрерывно увеличивалось количество армянского населения в городе. Если в 1739 г. армянская колония в Кутах насчитывала 50 домов², в 1765 г.—70, то в 30-х годах XIX в. число армянского населения в Кутах и его окрестностях возросло до 1168 человек, а в 1884 г.—до 1800 человек³. 15 января 1757 г. польский король Август утвердил привилеий, данный кутским армянам 10 июля 1756 г., согласно которому армянским поселенцам разрешалось постронть костел, иметь при нем священ-

¹ См. S. Barącz, *Rys dziejów ormiańskich*, Tarnopol, 1869, стр. 100; М. Бжшкянци, Путешествие в Польшу и другие страны, в которых проживают армяне, происходящие от жителей древнего города Ани, Венеция, 1830, стр. 127—128 (на арм. яз.).

² См. Ю. Целев ч, *Перехід козаків через Покуття до Молдавії в р. 1739*, газ. „Зоря”, від І. Ш. 1885 г., ч. 5, стр. 5; М. Baliński, T. Lipiński, *Starożytna Polska*, t. II, część 2, Warszawa, 1845, стр. 449.

³ См. T. Gromnicki, *Ormianie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje*, Warszawa, 1889, стр. 77.

ника, выделить один лав земли, постронть фольварк⁴. Армяне в Кутах получили места на рынке для ведения торговли и отдельный квартал для поселения⁵.

Состояние источников не дает возможности полностью исследовать вопрос о самоуправлении армян в Кутах. Известно, что они избирали войта, старших и судились по тому же праву, как армяне из других прикарпатских городов.

Основным занятием армян в Кутах были торговля и ремесло⁶. Наиболее предприимчивые и знающие иностранные языки армянские купцы покупали в Прикарпатье, преимущественно на Гуцульщине, скот, коней и продавали их в городах Венгрии, Болгарии, Австрии. Они торговали большими партиями лошадей, которых из Молдавии и Турции гнали в Вену и Баварию.

Торговали кутские армяне шубами, железом, медью, цинком, шелком, шерстяными тканями, сапогами и другими товарами, которые находили спрос как в Кутах, Снятине, Косове, так и за границей. Для большей эффективности в торговых операциях отдельные армянские купеческие семьи объединялись в торговые союзы согласно договорам, утверждавшимся органами армянского самоуправления.

Доминирующее место в армянской колонии в Кутах занимало ремесло. Армяне в основном специализировались на производстве кожаных изделий⁷. Сырье они полностью закупали на ярмарках в Кутах, Косове, Коломые, Снятине, Черновицах, Выжнице.

В специальных ремесленных цехах (табахарнях) из кожи изготовлялся высококачественный сафьян, славившийся далеко за пределами Прикарпатья. Наивысшего расцвета сафьянное производство достигло в первой половине XIX в. По данным источников, в 1811 г. в Кутах было 30 армянских больших табахарен, в которых работало 170 ремесленников (30 подмастерьев, 70 учеников и 40 помощников). Годовая продукция в среднем составляла 12 тысяч бунтов по 6 кож, всего 72 тысячи шкур для пошива сапог⁸ общей стоимостью в 120 000 флоринов.

⁴ См. там же.

⁵ См. М. Ковалюк, Кутн, антропогеографічна студія, „Науковий збірник географічної секції при українській студентській громаді в Кракові“, Краків, 1930, стр. 55—56.

⁶ См. „Słownik geograficzny królestwa Polskiego“, t. V, Warszawa, 1884, стр. 6.

⁷ См. М. Mojzesowicz, O ormlanach w Kutach, „Posłaniec św. Grzegorza“, Lwów, 1927, № 6, стр. 8.

⁸ См. „Dodatek do gazety lwowskiej“, Lwów, 1811, № 11—14.

Современник Бредецкий в своем описании Галиции отмечал, что в Кутах и Тысменице имелось 120 армянских мастерских по изготовлению кожи, которая экспортировалась в другие части Украины, а также в Молдавию, Венгрию и Турцию⁹. Кожу отлично красили в красный, желтый и коричневый цвета. Наиболее дорогими были кожи красного цвета. Бредецкий подчеркивал, что армянские мастера подбирали специальную воду для выделки и окраски кож, ибо не всякая вода годилась для этой цели. Из козьей шерсти изготовляли легкие, мягкие и теплые одеяла, устойчивые на влажность.

Армянские мясники в Кутах изготовляли очень вкусную колбасу, которая могла храниться длительное время. Ввиду этого свойства, ее в большом количестве производили для армии¹⁰. Из мясных изделий славился выработанный армянами сальтисон, пользовавшийся большим спросом в Австрии. Эти изделия приносили кутским армянам-торговцам и ремесленникам большие доходы. Только с продажи козьего жира и мяса армяне Коломыйского уезда получали прибыль до 150 тысяч флоринов в год¹¹.

В Кутах армяне принадлежали к различным социальным группам. Зажиточные купцы и ремесленники, накопив большие богатства, сосредоточили в своих руках все нити управления колонией. В 30-х годах XVIII в. среди кутских армян наиболее зажиточными были Криштоф Голубевич, Теодор Доникевич, Агоп Попович, Бавась Малый, Лука Хорыб, Абе-дык Добринский, Кадлубей Попович, Туман Манукевич, Мануч Сеферович, Иван Самбеевич. Только у армянина Криштофа Ромашковича в 1739 г. войска реквизируют 45 коней, а также другие хозяйственные вещи на общую сумму в 20 568 злотых. У 13 армянских семей в Кутах тогда было забрано денег 4110 злотых, а Григорий Теодорович потерял серебряный сагайдак стоимостью в 200 злотых и т. д.¹²

В это же время в колонии была значительная группа несостоятельных армян, которые в поисках средств к существованию выполняли подсобные работы в торговле и промыслах или уходили в ближайшие села и занимались сельским хозяйством. В конце XIX в. кутские армяне проживали в 12 селах. Они в основном занимались сельским хозяйством, тесно связав свою судьбу с местным украинским населением—горцами.

⁹ См. Е. А. Яцкевич, Армяне в Галиции в XIX веке, *ПРЗ*, 1960, № 3, стр. 62,

¹⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 146, оп. 4, дело 170, л. 56—58.

¹¹ См. Е. А. Яцкевич, указ. соч., стр. 62.

¹² См. «Заря», 1 марта 1885 г., ч. 5, стр. 56.

Некоторые изменения произошли в армянской колонии в Кутах, как и других городах Прикарпатья, после захвата западноукраинских земель Австрией. Согласно новой структуре городской администрации, ряд городов был переведен в разряд «муниципальных», получивших самоуправление. Наряду с другими, в этот разряд были отнесены Станислав, Коломыя, Галич, Снятын, а также Куты. Во всех этих городах были значительные поселения армян. Согласно установке австрийской промышленной администрации, «коммерческие» ремесленные мастерские, изготовлявшие продукцию на мировой рынок, освобождались от цеховых ограничений. В числе этих мастерских было 30 армянских кожевенных мастерских. Многие армянские купцы и ремесленники стали оставлять армянские кварталы и все чаще поселялись в центральных кварталах городов¹³. Им разрешалось также покупать земельные участки вне города, и, таким образом, некоторые из кутских армян переселились в села.

При изучении развития торговли армян в Кутах наблюдаются существенные изменения в XIX в. Если в конце XVIII—середине XIX вв. кутские армяне свободно торговали во всех провинциях Австрии, то в 70-х годах XIX в. австрийское министерство торговли, желая поднять спрос на изделия Венгрии, закрывало границы. Это отрицательно сказалось на армянской торговле. Для кутских армян единственным местом торговли оставалась Бессарабия, куда и эмигрировала значительная часть армян города Кут. Этому способствовали и другие важные причины. В конце XVIII—начале XIX вв. армянская молодежь эмигрирует в Западную Бессарабию, занимается там торговлей и разведением скота. Постепенно число кутских армян в Бессарабии увеличилось. Они положили начало новым поселениям в этом крае¹⁴.

Определенного развития в Кутах достигла армянская культура. Важно отметить, что в Кутах со времени возникновения колонии была основана армянская школа, которая существовала до 60-х годов XIX в. В ней учитель (варбед) учил детей родному языку, арифметике, географии, а также давал начальные сведения о ведении хозяйства, торговли и ремесла. Ему помогал учить в первом классе помощник-ассистент (варбедиг). Ученики занимались четыре часа в день, а обучение в школе длилось два года. После окончания школы в Кутах талантливые ученики имели возможность

---

¹³ См. Е. А. Яцкевич, Армяне в Галиции в XIX веке, стр. 60.

¹⁴ См. М. Mojzesowicz, указ. соч., стр. 8—10.

продолжать свое образование в Черновицах, Львове, Будапеште и Вене¹⁵.

Из города Куты вышел ряд образованных армян, которые сыграли важную роль как в родном поселении, так и в жизни армян западноукраинских земель. Вот несколько фактов. Получив начальное образование в Кутах, Марко Донигевич продолжил обучение в Вене. Став видным купцом-филантропом, он возвратился в Куты, где помогал советами своим землякам, очень много сделал для кутской армянской колонии. Другой воспитанник кутской школы, Антон Давидович, обучался в высшей школе Будапешта, а затем долгие годы был бургомистром родного города. Григорий Якубович в детстве учился в Кутах, потом Радовицах, закончил сельскохозяйственную школу в Черновицах, служил в австрийской армии, был в Бессарабии, а после возвращения в Куты стал отличным знатоком сельского хозяйства, огородничества, пчеловодства, скотоводства. Он заслуженно избирался бургомистром Кут и пользовался большим уважением не только среди армян, но и других народностей всего Коломыйского округа¹⁶. Ряд выходцев из кутских армян был известен в армянских колониях во Львове, Черновицах, Язловце, Станиславе и других городах.

При армянской церкви существовало несколько братств, которые проводили культурно-просветительскую работу по организации и поддержке школы, больницы, строительству церковных зданий. Для поддержки несостоятельных поселенцев, по примеру других колоний Прикарпатья, был открыт банк.

Армяне в Кутах говорили на родном языке вплоть до 30-х годов XX в.¹⁷ Благодаря армянскому языку колонисты сохранили национальные черты своего народа, вековые традиции, обычаи и обряды¹⁸.

¹⁵ См. М. Mojzesowicz, Dawna szkoła ormiańska w Kutch, „Poślaniec św. Grzegorza”, Lwów, 1927, N 7, стр. 7—9.

¹⁶ См. там же, стр. 16.

¹⁷ См. L. Teodorowicz, O języku ormiańskim, „Poślaniec św. Grzegorza”, 1934, N 7, стр. 57—58; J. Janusz, Sur la langue des Armentes polonaise, I, Mots neueillis à Kuty, Crakovie, 1887; ego же, Lautlehre der polnisch-armenischen Mundart von Kuty in Galizien, Wien, 1889.

¹⁸ См. М. Mojzesowicz, Wesela ormiańskie, „Poślaniec św. Grzegorza”, 1929, N 22—23, стр. 40—55; М. Mojzesowicz, Okres Bozego narodzenia Ormian w Kutch, там же, 1928, N 18—19, стр. 144; К. Roszko, Les contes des armeniennes polonaise de Kuty, „Folia orientalia”, t. I, fasc. 2(1959), Krakow, 1960, стр. 271—295, t. 4(1962), Krakow, 1963, стр. 171—185.

Ни в какой другой армянской колонии на Украине в такой наглядной и типичной форме не сохранились культурно-бытовые отношения до XX в., как в среде кутских армян. Поэтому исследователи при изучении быта украинских армян всегда черпали свои основные материалы из жизни армян в Кутах. Этнография кутских армян, как и поселенцев других западноукраинских колоний, занимательна, но, к сожалению, до сих пор полностью не изучена. Мы вкратце остановимся на главных ее чертах.

На протяжении всего периода существования Кутской колонии армяне находились в тесных связях с местным украинским населением. Они хорошо знали украинский язык, принимали некоторые обычаи и обряды украинцев, вместе с ними боролись за социальное и национальное освобождение. В разговорном и даже письменном армянском языке было заимствовано много украинских слов. Популярностью пользовалась известная украинская поговорка: «Чим хата багата, тим рада». Во время праздника рождества кутские армяне в свят-вечер, по примеру местного украинского населения, клали на стол под скатерть сено, вареную пшеницу с маком (так называемую кутью), колядовали. К ним приходили гуцулы, пели коляды, играли на скрипках и цимбалах. Церковь, часовня, кладбище, жилые дома армян в Кутах были построены в стиле армянской архитектуры с некоторыми элементами гуцульского деревянного декоративного строительства, позаимствованного у местного населения.

В нынешних Кутах живут потомки древних армянских поселенцев. Они сохраняют традиции своих предков.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН В АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ УКРАИНЫ

В. Р. ГРИГОРЯН

(Кандидат исторических наук, ученый секретарь Матенадарана)

Изучение правового положения женщин в армянских поселениях Украины имеет важное значение не только для выявления цельной картины внутренней жизни этих поселений, но и для освещения этой малоисследованной и довольно интересной проблемы в истории армянского народа. Известно, что армяне, покинувшие свою родину вследствие иноземного варварского господства и основавшие свои колонии в различных центрах Украины, а впоследствии и Польши, не забывали свои национальные традиции и продолжали по мере возможности руководствоваться армянскими законами. В течение столетий они сумели сохранить в чужой среде свои обычаи, быт и культуру, свой национальный облик.

«Армяне представляли под польским небом Восток,— писал польский ученый Владислав Лозинский,— их колония была сплочена вокруг родной церкви. Это был уголок Азии, расположенный на русской земле, который только внешне имел азиатский вид, ибо эти «персы», как называли их иначе, со смуглыми лицами и темными волосами, с кривыми саблями и кривыми носами, которые стояли одной ногой в Польше, а другой—в Азии и постоянно двигались по дорогам Ангоры и Львова, Токаты и Каменца, Вана и Язловца... повторяем, в маленькой общине этих людей, которая напоминала во Львове надолго остановившийся караван, уже были все элементы христианской государственности, цивилизации и права. Все то, что армяне принесли с собой из «Великой Армянской страны», как всегда называли армяне свою родину, они очень и очень долго сохранили в своих обычаях и праве»¹.

Изучение всевозможных материалов по истории армян-

---

¹ W. Lozinski, *Patrycyat i mieszczaństwo*, цитировано с армянского перевода, см. журнал „Айреник“ (Бостон. США), 1929, №9 (81), стр. 149—150.

ских колоний, сопоставление их с другими источниками дает возможность составить представление о всех тех элементах христианской государственности и цивилизации, которые принесли армяне из своей далекой родины и в течение долгих веков сумели сохранить в своих обычаях. В число этих вопросов входит также вопрос о правовом положении женщины.

Некоторые ученые распространяют свои представления о Востоке на все восточные народы, и восточная женщина рассматривается ими как порабощенное, бесправное существо. Между тем находившиеся под магометанским игом христиане, в частности армяне, руководствовались своими собственными законами и не имели никаких связей с обычаями мусульманских властей, и у них женщина с глубоких веков занимала почетное место в жизни общества.

Занимаясь изучением истории армянских колонистов Украины, мы пришли к убеждению, что женщины играли значительную роль в жизни колоний: они обладали широкими правами и не были закабалены в семье своими мужьями, а круг их деятельности не был ограничен колыбелью и кухней.

Кратко остановимся на некоторых фактах, свидетельствующих о правах женщины в вышеуказанных колониях. Наш основной первоисточник—это судебные акты армянского суда города Каменец-Подольского, так называемый «Армянский судебник польских армян» и другие материалы. Изучение судебных актов показало, что армянские женщины занимались не только домашними делами, участвовали в странных работах, занимались обработкой земли, но и помогали своим мужьям в торговых делах, а многие из них занимались торговлей самостоятельно, посещали в целях торговли ряд городов, участвовали в традиционных ярмарках, организуемых во Львове, Язловце и других городах. Поэтому-то при заключении и утверждении различных договоров и сделок были неизбежны столкновения, приводившие женщин в суд. 28 сентября 1575 г. в армянский суд г. Каменец-Подольского обратилась жена Шылтха Улухатун: из нанятой ею телеги по пути из Каменца в Хотин исчезло 18 локтей холста². Она занималась торговлей холстом. Другая женщина—жена Хачко—занималась торговлей шелком³. Жена Чики Наза вместе со своим сыном купила шерсть; ее конкуренция с другими торговцами шерсти была настолько серьезной, что украинские грядильщики во главе со своим цехмистром предъявили об этом протест в армянский суд 3 июля 1574 г⁴. Известен факт

² ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, стр. 85а.

³ Там же, стр. 46а.

⁴ Там же, стр. 59б.

и о том, что львовское Успенское (Ставропигийское) братство в 1655—1658 гг. сдало в аренду магазин армянке Захарнашовой-Мануковичевой, которая занималась торговлей⁵.

В целях торговли женщины брали в долг денежные суммы под залог и оформляли его в суде. Приведем интересный пример из ценного сборника армяно-кипчацких актов Каменец-Подольского армянского суда, транскрибированных и переведенных на русский язык известным украинским тюркологом Т. И. Грунниным: «В год 1009-й (т. е. в 1560 г.—В. Г.) марта 25-го числа—говорится в этом акте,—перед паном войтом Сергнем и старшинами предстала Маренка, дочка Тумаши, и сказала (что): «Господа судьи, я хочу заложить Ованесу Самойлаоглу свой собственный дом за 20 руб. до Св. Петра и использовать (эти) деньги. И если я, Маренка, в срок не выкуплю для продажи, то после того дня Ованес имеет право купить (его) за сколько следует»⁶.

Следует отметить, что на Украине для девочек-армянок существовали специальные школы, в которых в числе других предметов преподавались также точные науки. Во время посещения Львова Минасом Бжшкяном (1820 г.) в львовской армянской женской школе, которая находилась под опекой армянских монахинь, училось более 400 девочек-армянок из разных концов Украины. В этой школе преподавалась также математика—столь необходимый предмет для участия в торговых операциях⁷.

Известно, что у армян Львова и других городов были довольно развиты кустарные промыслы. На рынках этих городов продавались в большом количестве ковры, занавесы, пояса, изготовленные в армянских мастерских. Армянские женщины играли незаменимую роль в производстве этих вещей.

Согласно статье 123 «Судебника армян Польши», женщины для ведения своих дел могли отправлять в суд кого-либо из мужчин. В случае отсутствия ответствующего кандидата, они могли попросить, чтобы их интересы защищал в суде один из судей. Так, например, 30 декабря 1573 г. по

⁵ См. Я. Д. Исаевич, К вопросу об армяно-украинских связях на западноукраинских землях (XV—XVII вв.), ИСД, Киев, 1965, стр. 86.

⁶ «Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)». Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т. И. Грунина, М., 1967, стр. 252—253.

⁷ См. Մ. Բժշկյան, ճանապարհորդություն ի Լեհաստան... Վենետիկ, 1830, стр. 101.

подобному вопросу в суд обратилась дочь Гаспара—Марухна. «Теперь пришла я,—сказано в ее заявлении,— под ваше повеление, ибо вы (есть) отцы сирот и вдов, подобных мне, и прошу от вас, чтобы вы дали одного присяжного судью мне попечителем, чтобы он выступил в мою пользу против моего родственника и вел мое дело»⁸.

Такие примеры, однако, единичны; женщины, как правило, сами выступали в суде и защищали свои права. Ограничимся только одним примером из множества имеющихся. 7-го апреля 1574 г. Анна, жена Степана из Хотина, лично возбудила дело против Ягупа, сына Госды, из-за украденных у нее украшений. В суде это дело слушалось четыре раза, и в конце концов процесс завершился в пользу Анны⁹. Женщины выступали в суде не только как истницы, но и как ответчицы; будучи недовольными решениями суда, они могли обращаться в апелляционный орган. Любопытно отметить то обстоятельство, что армянские женщины могли выступать в качестве поручителей своих мужей, берущих деньги взаймы. Так, в сентябре 1562 г. Каспар Гого в армянском суде г. Каменец-Подольского оформил свой долг, взятый у дочери Помогайко, и объявил поручителем свою жену. Войт Гурег послал своих представителей к ней и «приказал спросить (что): «Поручишься ли ты за своего мужа?», и она сказала (что): «Ручаюсь. Если мой муж не уплатит, то я уплачу эти 9 рублей»¹⁰. 13 апреля 1575 г. Торос, сын Григора, взял из сумм, находившихся в распоряжении того же суда, 150 флоринов и «Торос представил поручителем для этой суммы свою жену Мецко»¹¹. Подобные факты свидетельствуют о том серьезном уважении и доверии, которыми пользовалась женщина в армянской колонии Каменца. Это становится еще более убедительным, если учесть, что армянская женщина могла вместе с мужчинами взять на поруки и освободить из тюрьмы арестованного (смотри акт об освобождении из тюрьмы неплатежеспособного должника Подфилиппского Кирку по поручительству Чолбея, жителя г. Серет, и жены Кирки Чолмелики от 16-го февраля 1575 г.)¹². Однако не следует забывать одного важного обстоятельства, которое не указывается в скупых строках акта: ясно, что какой-то определенный имущественный ценз ограничивал права женщин, и уважение, оказываемое им, зависело от величины их богатства. Нельзя,

⁸ ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, л. 448.

⁹ См. «Документы на половецком языке XVI в.», стр. 294—295.

¹⁰ ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, л. 78а.

¹¹ Там же, л. 74.

¹² Там же.

конечно, предположить, что неимущие женщины пользовались подобным же доверием со стороны стражей закона.

Закон сурово карал тех, кто осмеливался применить насилие по отношению к женщине. Например, армянский суд города Снятына приговорил армянина Кастана Манусевича, который поссорился с женой, пьянствовал и пытался продать свой дом, к заключению на один год и шесть месяцев в замковой башне, после чего он должен был подвергнуться телесному наказанию (50 ударов) и штрафу. В 1757 г. суд приговорил армянина Голубаша Даниловича за оскорбление женщины к заключению в замковой башне, к штрафу и т. д. Он должен был попросить извинения у этой женщины¹³.

Согласно статье 116 судебника польских армян «О наследовании имущества родителей», женщины наравне с мужчинами имели право наследовать отцовское имущество. Имущество лиц, не оставивших завещания, распределялось поровну между их сыновьями и дочерьми. Но когда не было прямых наследников, предпочтение отдавалось мужскому полу, право наследования приобретали брат умершего и сыновья брата и лишь в случае отсутствия таковых—сестра и ее дети. При дележе имущества, оставшегося от отца, братья были обязаны выделить приданое своей незамужней сестре. Приданое становилось собственностью замужней женщины, но при попечительстве мужа. Предполагалось, что муж со своей стороны добавит средства к этому приданому. Следовательно, в семье, наряду с собственностью мужчины, имелась также собственность женщины, и оба они за совместную жизнь составляли отцовское и материнское имущество, которое так и называлось в судебнике „dobr оуцзустых у macierzystych“¹⁴.

Часто во время дароприношения в документах отмечают и наследницы дарителя, чтобы они впоследствии не посягали на этот дар. Так, в 1363 г. во Львове вместо деревянной церкви была построена большая каменная церковь, основатели которой Шахиншах, сын Акопа, и Абраам, сын Фаноса, оставили завещание, в котором отмечается, что на построенную ими церковь, церковное имущество, а также на священников никаких прав не должны иметь «ни наш сын, ни дочь, ни брат, ни родственники, ни внук»¹⁵. Не лишен интереса и тот

¹³ См. В. В. Грабовецкий, Армянская колония в Снятыне, ИСД, Киев, 1965, стр. 143—144.

¹⁴ „Prawa y artykuły Ormian lwowskich“, Biblioteka starożytna pisarzy polskich, t. 1, Warszawa, 1843, стр. 128.

¹⁵ М. Бжшкянц, указ. соч., стр. 104—105 (на арм. яз.).

факт, что среди утверждавших это завещание встречается имя некоей Сарры¹⁶.

Для исследования правового положения женщины важное значение имеют документы, касающиеся брака. Брак— это добровольный акт, и без согласия обеих сторон священники не имели права венчать их. Согласно правилам армянской колонии города Рошкова, до бракосочетания «священник спрашивал у невесты и жениха, добровольно ли они идут на сватовство и брак», после чего назначался день свадьбы¹⁷. Обычно составлялся брачный договор, где перечислялись подарки жениха и приданое невесты, а также различные подробности о дальнейших взаимоотношениях с родителями¹⁸. Свадебные договоры обычно утверждались судом¹⁹.

Несколько актов дают возможность составить представление о правах женщины в семье. То, что женщина имела права на приданое, принесенное из отцовского дома, известно нам из статьи 89 судебника польских армян²⁰. В Каменне также руководствовались этой статьей. Так, например, 23 сентября 1575 г. Нерсес, сын Ануско, хотел заложить против долга в 150 талеров дом, доставшийся в наследство его жене Марухне от отца. Суд направил к Марухне двух присяжных судей, чтобы удостовериться, что это делается с ее ведома и согласия, и только после получения от нее положительного ответа суд утвердил эту сделку²¹.

Но даже в том случае, когда муж хотел заложить свое, возможно, приобретенное вместе с женой имущество, судьи были обязаны учитывать мнение жены данного гражданина (см. заявление Филиппа, зятя Самойлы, от 7-го октября 1572 г. о взятии в долг 50 флоринов у некоего Тиратура, заложении своего дома и о согласии на эту сделку, полученном от его жены Ахсабет²²). Через год, 3-го октября 1573 г., суд перед тем, как утвердить сделку о продаже дома Поприком и его сыном Ягупом господину Андриасу, через двух присяжных судей проверяет согласие жены Поприка—Ануско на заключение этой сделки²³.

Об активности женщин в жизни общины свидетельству-

---

¹⁶ См. там же, стр. 105.

¹⁷ См. там же, стр. 178.

¹⁸ ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, л. 68а.

¹⁹ См. М. Бжшкянц, указ. соч., стр. 118.

²⁰ См. „Prawa y artikuly...“, стр. 109.

²¹ ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1 ед. хр. 8, л. 85а.

²² Там же, л. 22б.

²³ Там же, лл. 40б—41а.

ет, в частности, акт, составленный 13 июля 1574 г., который относится к армянам города Яссы в Румынии. В акте рассказывается, как жена Тер-Анеса из Сучавы, Чахшатун, встретив в городе Яссы дьяка Еврко, согорожанина своего должника Норсеса из Каменца, подала в суд и взыскала с него свой долг, с тем, чтобы последний, как лицо влиятельное в Каменце, смог получить эту сумму с Норсеса²⁴. Интересно, что для получения долга Чахшатун трижды ездила на нанятой телеге в Каменец, но возвращалась ни с чем. Для того чтобы добиться этого решения от суда, она вошла в сделку с господарем города Яссы Ивоном и обещала ему половину взыскиваемого долга²⁵.

Много материалов по интересующему нас вопросу можно найти в работах Садока Баронча, особенно в его монографии «О знаменитых армянах Польши». Примечательно, что среди лиц, достойных быть включенными в эту книгу, мы встречаем много женщин (Амировичева Марianne, Антоневич Сарига, Богдановичева Луция, Богдановичова барончув де Рошко Розалия, Богосовна Марианна, Доноавакович Анастасия, Магдалена, Негрошувна Розалия и др.)²⁶

О правах женщины в хозяйстве семьи и вообще о большом уважении к женщине свидетельствуют списки пожертвований, в которых, наряду с мужчинами, упоминаются имена их жен, фигурирующих в качестве самостоятельных даропринесительниц. Приведем несколько примеров: среди лиц, принесших подарки каменецкой армянской церкви Св. Николая, упоминаются Никола-ага (господин) и его супруга²⁷. Той же церкви Сатат Хатун подарила много ценных украшений, стоимость которых составляла 3000 спитаков²⁸. В 1522 г. армянка пани Олухна подарила каменецкой армянской церкви Св. Богоматери «одну отменную епископскую корону (митру), украшенную золотом и жемчугами»²⁹. В 1566 г. господин Григор и его жена пани Азизко на свои средства реставрировали каменецкую церковь Св. Николая³⁰, а по заказу армянки Катерины (пани Крескова Тер-Вышкоенц) в 1608 г. на одной из ризниц львовской армянской церкви был изображен Григорий Пророк³¹. В 1636 г. «Аведикова, армянка из Подолнии»,

²⁴ ЦГИА УССР, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, л. 85а.

²⁵ Там же, л. 60б.

²⁶ S. Barącz, *Żywoty sławnych Ormian w Polsce*, Lwów, 1856.

²⁷ М. Бжишкян, указ. соч., стр. 141.

²⁸ См. там же, стр. 142.

²⁹ Там же, стр. 149.

³⁰ См. там же, стр. 143—144; см. также Г. Алишан, Каменец, Венеция, 1896, стр. 36. (на арм. яз.).

³¹ См. М. Бжишкян, указ. соч., стр. 102—103.

подарила больнице львовского братства два золотых, а в 1637 г. Зузанка Стечковичева—10 золотых³². Так прославились армянки Львова своими приношениями и благотворительностью. Поэтому Симеон Леаци, отмечая положительные стороны львовских армян, пишет, что их жены совершили множество благодеяний³³.

Следует отметить, что подобные права армянских женщин не были вновь приобретенными и не являлись результатом иноземного влияния. Еще на своей родине армянская женщина испокон веков активно участвовала в общественно-культурной жизни страны, имела определенный вес в экономических отношениях.

Женщина имела право наследовать, была вольна распоряжаться своим приданым, наряду с мужем имела определенные права на совместно с ним нажитое имущество. Эти права женщины охранялись обычным правом и законами. По «Армянскому судебнику» Мхитара Гоша (XII в.), который, как известно, армяне-переселенцы привезли с собой также на Украину и продолжали руководствоваться его немного измененным, приспособленным к местным условиям вариантом, установлено, что в случае смерти отца семьи, когда не оставалось прямых наследников мужского пола, наследовать должна дочь, находящаяся еще дома, незамужняя. Дочь же, ушедшая из дому и вышедшая замуж..., получает половину доли незамужней дочери», ибо она «ушедшая со своей долей из отцовского дома и вышедшая замуж, будучи одним и тем же лицом, своей двойной долей уже взяла равную с братом долю». Мхитар Гош четко и ясно определяет: «Этим подтверждается равноправие сыновей и дочерей в отцовском наследстве, почему и бог представил царство небесное одинаково мужчинам и женщинам»³⁴.

По правилам (канонам) Саака Партева (V в.) священники не имели право совершать обряд бракосочетания без согласия сторон³⁵. Никто не имел права заставить женщину

³² См. Я. Д. Исаевич, К вопросу об армяно-украинских связях на западноукраинских землях (XV—XVIII вв.), ИСД, Киев, 1965, стр. 86.

³³ Միմէոն զգրի լեհացւոյ ուղեգրութիւն, տարեգրութիւն և յիշատակարանի, ուսումնասիրեց և հրատարակեց Ն. Ներսիս, Վ. Ակիմեան, Վրեննա, 1936, стр. 340.

³⁴ См. «Армянский судебник Мхитара Гоша», перевод с древнеармянского А. А. Паповяна, Ереван, 1954, стр. 180—182.

³⁵ Կանոնագիրք հայոց, հ. Ա., աշխատասիրությամբ Վաղղեն Նաիրյանի՝ Երևան, 1964, стр. 332.

вступить в него вопреки ее воле. В VI в., по канонам католика Нерсеса и епископа Нершапуха Мамиконяна, брак без согласия сторон строго запрещался³⁶. Этот прогрессивный канон нашел место во всех армянских судебныхниках.

Приданое замужней женщины оставалось как материнское имущество и в случае смерти ее, когда не бывало прямых наследников, возвращалось родителям женщины или ее братьям³⁷.

При разводе женщина и мужчина были равноправны перед законом. В случае несоответствия пар право на развод имели также и женщины, уходя от мужа, уносили с собой свое приданое. Если муж разводился с больной женой, он должен был обеспечить материально ее до конца ее жизни. Бесплодие женщины еще не давало мужу права на развод, разводиться он мог только с согласия жены. У Мхитара Гоша читаем: «Буде чья жена окажется бесплодной, муж не вправе из-за этого отпустить ее, ибо дарить детей—в воле божьей, но если жена, видя печаль мужа по поводу бездетности и сжалившись над ним, подобно Сарре, давшей свободу Аврааму, предоставит ему свободу жениться,—пусть он возьмет жену, но с тем, чтобы он не имел права держать вместе и жену бездетную и жену, способную к деторождению». «Также поступать и в том случае, если бесплодным окажется муж». «И если жена не пожелает выйти за другого, муж обязан содержать ее как вдову в другом доме до конца жизни и возвратить ей принесенное ею имущество»³⁸.

Согласно канонам Шаапниванского собора (447 г.), у мужа, покидавшего жену, брали половину его имущества и отдавали жене³⁹. Детей также разделяли между родителями. А в судебнике Мхитара Гоша имеется об этом специальная статья—«О мужьях, бросающих жен». Там же читаем: «Если кто оставит жену, мать детей без вины ее в прелюбодеянии или в колдовстве и без какого-либо порока телесного, а вследствие своего собственного блуда и увлечения другой женщиной, то суд в отношении его пусть будет таков: разделить поровну детей, имущество, дом, землю и воду его и вообще все, принадлежащее ему: одну половину выдать жене и предоставить ей, буде она пожелает, право свободно ввести к себе в дом другого мужа. Каждый пусть займет свою долю и пусть внесет все государственные налоги по ней». Кроме всего этого, мужа, бросившего жену, подвергают семилет-

³⁶ Там же, стр. 487.

³⁷ «Армянский судебник Мхитара Гоша», стр. 121.

³⁸ Там же, стр. 48—49.

³⁹ Վ. Հաղորդանք, указ. соч., стр. 430.

ней эпитемии и штрафу в пользу церкви. А в некоторых случаях «канон сей разрешает и изгнание (виновного) мужа из его дома и принятие женою нового мужа»⁴⁰.

Почти равные с мужчинами права внутри семьи давали женщинам возможность принимать участие и в общественных делах. Из дошедших до нас многочисленных лапидарных надписей известны имена женщин, построивших на свои средства монастыри и церкви, крепостные башни, мосты, больницы и т. д. Даже известно имя женщины, возглавлявшей тридцать лет подряд сельскую общину. Грамотность среди женщин была обыкновенным явлением. В Матенадаране имени Месропа Маштоца, да и в других хранилищах, сохранилось много рукописей, заказчиками которых являются женщины. Интересно, что женщины участвовали в создании книг. Они изготовляли бумагу, готовили чернила и выступали в роли размножителей рукописных книг-каллиграфов. Это—очень сложная профессия, требующая специального образования и большой практики. Любопытно, что одна из таких каллиграфов—Марцанэ в памятной записи к рукописи упоминает свою учительницу Елену (*Zhghgh*)⁴¹. До нас дошли имена и творения женщин художниц и поэтесс.

Из вышеприведенного ясно, что в средневековой Армении женщины пользовались большими правами и играли значительную роль в обществе. Переселившись в чужие страны, армяне сохраняли и развивали свои национальные традиции. Чужая среда, в данном случае польско-украинская, имела положительное влияние на них, так как эти традиции получили дальнейшее развитие. Между тем в некоторых районах Армении народ, стонавший под варварским мусульманским игом, ввиду постоянной угрозы похищений или оскорбления женщин, был вынужден в какой-то мере ограничить их свободу.

Богатый материал о положении женщин в армянских колониях позволяет подробно исследовать многие вопросы, связанные с правовым положением женщин не только в этих поселениях, но и в самой Армении.

⁴⁰ «Армянский судебник Мхитара Гоша», стр. 95—96.

⁴¹ Матенадаран, рук. № 794.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В ПРИКАРПАТЬЕ

В. С. КУЛЬЧИЦКИЙ

(Кандидат юридических наук, Львовский государственный
университет)

В XVI—XVII вв. армянские поселения существовали в Городенке, Кутах, Снятыне, Станиславе, Тысьменнице и других городах Прикарпатья, а привилегии польских королей определили их политическое и правовое положение. Так, Сигизмунд III разрешил армянам в 1628 г. «строить дома в новом городе Снятыне, заниматься торговлей и ремесленничеством, построить церковь, избирать войта и старших, судиться по праву, которое имеют львовские и каменецкие армяне»¹. Снятынские армяне, получив по этому привилею право приобретать в городе земельную собственность и заниматься торговлей и ремеслом, освобождались на протяжении 15 лет от уплаты налогов. Этот привилей подтвердил в 1633 г. Владислав IV. «Армяне,—подчеркивалось в новом привилее,—не должны подчиняться судам старого города... и будут судиться сами между собой»².

Кроме судебного самоуправления, армяне имели и свою церковную организацию. Еще в XIV в. (1363 г.) во Львове было основано армянское епископство³, но до принятия унии с Римом в 1667 г. армяне не могли занимать высших должностей в государственном аппарате. В период австрийского господства на западноукраинских землях в состав Львовского армянского архиепископства входило всего лишь 10 приходов (Бережаны, Городенка, Куты, Лысец, Львов, Снятын, Ста-

---

¹ Львовская государственная научная библиотека, отдел рукописей, ф. о/н, № 180, л. 24.

² Там же, л. 27.

³ Там же, ф. Оссолинских, № 1087 III, л. 230.

нислав, Сучава, Тысьменица и Черновцы)⁴, причем австрийское правительство узурпировало право назначения из трех предложенных армянским духовенством кандидатов львовского армянского архиепископа⁵. При осуществлении правосудия армянские поселения в Прикарпатье руководствовались своим традиционным древнеармянским правом, а позже— утвержденным в 1519 г. польским королем Сигизмундом I «Армянским статутом». Он был составлен на латинском языке и отражал в своих нормах в основном положения «Судебника» Мхитара Гоша, хотя и устанавливал некоторые неизвестные последнему нормы, продиктованные новыми условиями жизни галицийских армян⁶.

Поскольку «Армянский статут» (его называют также «Статутом львовских армян») касался в основном материального права, отводя лишь незначительное место нормам процессуального права, во второй половине XVI в. (точная дата не установлена) во Львове был составлен «Порядок судов и дел армянского права», регулирующий вопросы судебного разбирательства.

В отличие от «Армянского статута», он не получил государственной санкции, но тем не менее применялся во всех армянских поселениях в Прикарпатье. Имеются сведения о том, что этот своеобразный процессуальный кодекс не был даже представлен на утверждение королю, и нет никаких упоминаний о том, чтобы львовские армяне предпринимали какие-нибудь шаги в этом направлении. Поэтому его можно считать своего рода юридическим учебником, дающим необходимые знания судьям и старшим в области судебного процесса.

Впервые «Порядок» был опубликован профессором Львовского университета О. Бальцером в 1912 г. в редакции 1604 г.⁷ Последний полагает, что подлинный армянский текст «Порядка» был составлен в 1523, 1563 и 1572 гг.

«Порядок» по своей структуре состоит из краткого предисловия и 11 глав, разделенных на 132 статьи, и не отличается должной системой. Излагая отдельные стадии судебного процесса, две главы (шестая «О поручительстве» и девятая «О долгах, о должниках и о тюрьме») решают лишь частично эти

⁴ „Wielka Encyklopedia Powszechna“, serja² II, t. 5, Warszawa, 1905 стр. 602.

⁵ См. там же, стр. 601.

⁶ Об этом подробно см. В. С. Кульчицкий, «Судебник» Гоша и его применение во Львове, ИСД, Киев, 1965, стр. 145—156.

⁷ „Porządek sądów i spraw prawa ormiańskiego z r. 1604“, Wydal i wstępem opatrzył O. Balzer, Lwów, 1912.

вопросы с процессуальной точки зрения, а глава восьмая— «О завещаниях»—целиком относится к материальному гражданскому праву.

В XIV—XV вв. армянские суды рассматривали все гражданские и уголовные дела между армянами или с армянами, но впоследствии, по королевским ординациям от 2 марта 1510 г. и от 20 марта 1518 г., из-под их юрисдикции были изъяты дела об изнасиловании и тяжелых телесных повреждениях, о недвижимом имуществе и его наследовании, насильственных действиях, убийстве, телесных повреждениях и краже⁸. При рассмотрении указанных категорий дел городской суд применял не армянское, а магдебургское право. Это положение оставалось в силе и после утверждения «Армянского статута» 1519 г.

Состав армянского суда определялся в количестве от 5 до 13 человек (войт и 4, 6 или 12 заседателей—людей честных и знающих армянское право). Кроме воита, избирался его заместитель и нотариус (судебный писец). Последний был очень важной фигурой в осуществлении правосудия, поскольку, наряду с функциями секретаря суда, в круг его обязанностей входило толкование и разъяснение правовых норм. Все дела решались судом коллегиально, причем заседатели выполняли свои функции пожизненно. Заседания суда, как правило, проходили в каждый третий вторник месяца, за исключением праздничных дней, но нередко допускались нарушения этого правила. Так, например, Снятынский армянский суд в апреле 1788 г. заседал дважды—10 и 29 числа⁹. В воскресные и праздничные дни категорически запрещалось заниматься судебными делами, ибо эти дни были предназначены для молитвы и отдыха. Духовные армянские суды собирались по мере необходимости по понедельникам, четвергам и субботам каждой недели, за исключением религиозных праздников, дней выезда епископа, а также дня рождения и коронации короля. Сроки рассмотрения дел не регулировались законом, за исключением дел так называемых «гостей», т. е. людей приезжих (для них был установлен 4-дневный срок).

Гражданские дела заводились по исковому заявлению, уголовные дела возбуждались по заявлению потерпевшего. Однако в случае обнаружения трупа убитого человека судья обязан был по собственной инициативе начать расследование. Неявка в суд вела за собой денежный штраф (в первый раз—3 гроша, во второй и в третий—6 грошей). Дело рассматривалось в присутствии обеих сторон или их уполномоченных,

⁸ Corpus juris Polonici, vol. III, Cracoviae, 1906, стр. 128, 360.

⁹ „Akta Sniatyńskie Ormiańskie (1724—1790)“, Научная библиотека Львовского государственного университета, отдел рукописей.

но без какого-либо для них вознаграждения. Женщин на суде могли представлять только их мужья или близкие родственники.

Суд обязан был внимательно выслушать обе стороны, свидетелей по делу, выяснить все обстоятельства дела и, несмотря на социальное положение истца и ответчика, вынести объективное и справедливое решение. При отсутствии свидетелей по всем делам допускалась присяга, и приносилась она в церкви в присутствии войта, не менее двух заседателей и нотариуса (секретаря суда). Показания одного свидетеля не принимались во внимание, их должно было быть не менее двух-трех и обязательно армянской национальности. Это объясняется соображениями чисто практического характера и желанием еще большей сплоченности армянских поселений в Прикарпатье. За неправильное поведение на суде сторон и свидетелей судья (войт) мог наказать виновника тюрьмой или штрафом.

Решения суда по гражданским делам и приговоры по уголовным делам назывались декретами, принимались по большинству голосов всех членов суда, подписывались ими и подтверждались печатью с изображением стоящего с флагом и бокалом барана и соответствующей надписью на армянском языке. Недовольным решением суда представлялось право апеллировать к польскому королю. Исполнение декрета входило в функции суда.

Сохранившиеся и составленные главным образом на польском языке армянские судебные акты иллюстрируют не только порядок рассмотрения судебных дел, но и дают возможность установить характер этих дел и являются доказательством имущественной дифференциации в армянских поселениях. Суд рассматривал дела о ссорах, аморальных поступках, пьянстве и расточительстве. Применялись телесные наказания, штраф и тюремное заключение. К ним часто присоединялись дополнительные меры. Так, снятынский суд приговорил в 1757 г. Г. Даниловича за оскорбление госпожи Додеровой к двум неделям тюремного заключения, а после его отбытия в воскресенье отсидеть в сарае и в течение двух воскресных богослужений лежать крестом в церкви, а также уплатить штраф и сдать для нужд церкви три банки воска и попросить извинения у оскорбленной женщины¹⁰. Этот же суд в 1789 г. Т. Садовому по делу за оскорбление дочерей Д. Перететного предложил в течение 7 дней привести в суд свидетелей, которые смогли бы подтвердить его невиновность,

¹⁰ Научная библиотека Львовского государственного университета, отдел рукописей, № 595, л. 43.

а если таковых не будет, распорядился наказать Т. Садового 25 палочными ударами¹¹. Независимо от общих установок относительно справедливости судебных решений, суд снисходительно подходил к более влиятельным армянам и строго расправлялся с другими.

Характерной чертой осуществления правосудия в армянских поселениях Прикарпатья в XVIII в. было искусственное сочетание вопросов уголовного и гражданского права. Как свидетельствуют снятынские армянские судебные акты, в практике армянских судов нередко встречались случаи, когда при создании гражданско-правовых отношений по требованию заинтересованной стороны предусматривалась уголовно-правовая защита третьего лица. В 1756 г., например, снятынский армянин В. Антонович дал своей дочери в приданое дом, и по его требованию суд при оформлении этой же гражданско-правовой сделки предусмотрел уголовную санкцию по отношению к зятю, если бы он ссорился с женой, продал дом, передал его в залог или пропил. В данном случае он должен был без дополнительного рассмотрения дела по существу отсидеть полтора года в замковой башне и получить 50 палочных ударов¹².

Армянские суды в городах Прикарпатья, как явствует из докладной записки первого губернатора Галичины А. Пергена канцлеру А. Кауницу от 8 марта 1773 г., осуществляли правосудие и некоторое время после захвата западноукраинских земель Австрией. В частности, он сообщал подробно о составе армянского суда во Львове (председатель Григорий Никорович и 9 членов суда—Иосиф Августиневич, Бернард Богданович, Теодор Богданович, Яков Бернатович—он же и заместитель председателя, Иван Муратович, Доминик Никорович, Иосиф Никорович, Михаил Пирамович и Иосиф Яськевич)¹³. Можно полагать, что армянские суды продолжали действовать и в других армянских поселениях Прикарпатья.

В 1784 г. с реорганизацией городского управления было окончательно ликвидировано судебное самоуправление армян, проживавших в Галичине и на Буковине. На них, как и на все остальное население, было распространено действие австрийского права, но переход на новую правовую систему в армянских поселениях Прикарпатья затянулся вплоть до 1790 г.

---

¹¹ Там же, л. 163.

¹² Там же, л. 40 об.

¹³ Львовская государственная научная библиотека, отдел рукописей ф. Козловского, № VI A 26, л. 3.

К ВОПРОСУ О РУССКО-УКРАИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ «ОЧАКОВСКОЙ» ОБЛАСТИ И ДОГОВОР УКРАИНЦЕВ С АРМЯНАМИ В 1793 г.

Ж. А. АНАНЯН

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН Армянской ССР)

По окончании русско-турецкой войны 1787—1891 гг. огромная область, лежащая между Бугом и Днестром, именуемая «Очаковской», вошла в состав Российской империи.

Для экономического освоения этого полупустынного края, а также в условиях напряженного внешнеполитического положения на Востоке русское правительство стремилось возможно скорее заселить «Очаковскую» область не только казенными крестьянами, но и иностранными колонистами: греками, болгарами, молдаванами, меннонитами и армянами, вышедшими из городов Бессарабии и Молдавии. Так, в июле 1792 г. здесь возник армянский город-колония Григориополь, получивший от правительства самоуправление и особые привилегии.

Григориополь был расположен на левом берегу Днестра, близ Дубоссар в долине Черной и Черницы, на месте деревни Черная. Как в этой деревне, так и во всей «Очаковской» области в основном проживало русско-украинское население, которое являлось выходцами из Правобережной Украины, находящейся под владычеством польских феодалов. К тому же к концу 70—80-х годов туда переселились бывшие запорожские и бугские казаки. Область была заселена также молдаванами и татарами.

Рассматривая вопрос о заселении «Очаковской» земли, необходимо особо подчеркнуть, что русско-украинские и молдавские поселения стали возникать в этой области, по свидетельству источников, еще с XVI столетия, то есть задол-

го до середины XVIII в., когда они официально наносятся на карты¹. В этой связи следует признать, что несмотря даже на наличие в «Очаковской» области в XVIII в. турецких и татарских селений и урочищ, эта земля с давних времен принадлежала русским и украинцам. Мы полностью разделяем точку зрения А. Скальковского, который писал:

«Мы того мнения, что край, занимаемый ныне Екатеринославской и Херсонской губерниями... издревле были русские земли или покрыты русскими, казачьими или малороссийскими зимовниками, хуторами и селами, ибо даже на картах XVIII столетия, когда большая часть урочищ имела еще турецкия или татарския наименования, много имен имели русскую форму, а иногда были и просто русские»².

Заселение молдавскими крестьянами «Очаковской» области особенно возросло в 40—50 гг. XVIII в. в связи с усиливавшимся гнетом турецких поработителей и господарей фанариотов³. Как правильно отмечает А. С. Коцневский, до присоединения этой области к России ее заселение в рассматриваемый период происходило стихийно⁴. Тот же автор подчеркивает, что в конце 70—80-х гг. темпы заселения «Очаковской» области несколько замедлились. «Турки, в чьем непосредственном владении оказалась территория между южным Бугом и Днестром, после войны 1768—1774 гг. (русско-турецкой.— Ж. А.), сожгли многие села... Еще большему опустошению подвергли турки «Очаковскую область» в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., когда после падения Очакова стала очевидной неизбежность потери этой территории»⁵. Поэтому многие жители бежали в Польшу и другие места, вследствие чего в официальных ведомостях, составляемых в ходе упомянутой кампании офицером Иваном Ремаром, в марте 1790 г. на территории области значится всего лишь 25 деревень (включая Дубоссары), располагающих 789 дворами⁶. Причем деревня Черная, на месте которой предполагалось заложить город Григорнополь, состояла из 20 дворов⁷.

¹ См. А. С. Коцневский, О русско-украинском и молдавском населении «Очаковской области» до присоединения ее к России, «Записки Одесского археологического общества», Одесса, 1960, т. I(34), стр. 354—355.

² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, Одесса, 1850, стр. 211.

³ А. С. Коцневский, указ. соч., стр. 356.

⁴ Там же, стр. 358.

⁵ Там же.

⁶ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, л. 507, л. 15.

⁷ Там же.

Два месяца спустя картина несколько изменилась: к этому времени возросло количество деревень (их число дошло до 29-ти), следовательно, возросло и количество дворов. Теперь уже в ведомости значится 1108 дворов⁸. Этот факт сам по себе говорит о том, что с изменением военной обстановки появилась реальная возможность возвратиться многим беженцам на насиженные места. В этой связи интересно проследить за формами ведомостей, составляемых Иваном Ремаром. Если первые две ведомости состояли из трех граф (количества деревень, их наименования и числа дворов), то в третью ведомость, помеченную июнем, Ремар включает еще одну графу: откуда прибыли поселенцы и в каком количестве. Причем прежняя графа «число дворов» преобразуется в графу «сначала живущих»⁹.

В течение июля в «Очаковскую» область прибывает из Польши и Молдавии еще 120 дворов поселенцев, из числа которых 6 дворов заселили деревню Черную¹⁰. Ровно через год количество жителей на новой территории возрастает почти вдвое. Увеличилось также и число деревень. К августу 1791 г. в 38 населенных пунктах насчитывалось 2301 семейство. В деревне Черная уже было 43 двора¹¹. Так из месяца в месяц увеличивалось количество жителей «Очаковской» области. К апрелю 1792 г. в двух городах (Дубоссары и Балта) и 39 деревнях области было 2435 дворов¹², или, считая по 5 человек на двор¹³, немногим более 12 тысяч жителей¹⁴. Если учесть, что еще в 1799 г. татары оставили эти места, то названные поселенцы составляли почти все население области. Так что до присоединения «Очаковской» области она имела не более 12—14 тысяч населения¹⁵.

⁸ Там же, л. 20.

⁹ Там же, л. 22.

¹⁰ Там же, л. 25.

¹¹ Там же, лл. 9—10.

¹² ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 696, ч. 1, л. 215.

¹³ Эта цифра принята для эпохи феодализма в Молдавии и прилегающих к ней областях в большинстве общен исторических исследований дореволюционных и советских историков.

¹⁴ В их число не входят армяне и другие переселенцы, выведенные самим правительством из Молдавии и Бессарабии.

¹⁵ Отмеченная цифра была приведена в рукописи нашей диссертации (см. Ж. А. Ананян, Григорипольская армянская колония (конец XVIII—первая половина XIX вв.), Ереван, 1964, стр. 90). Совпадая с данными В. М. Кабузана, опубликованными в статье «Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII—первой половине XIX вв. (1719—1857 гг.)» (см. Ежегодник по аграрной истории Восточной

Итак, видя картину полного опустошения и безлюдья в «Очаковской» области, русское правительство, естественно, стремилось как можно скорее заселить этот край. Вот почему правительство в тот период так внимательно относилось к каждой новой партии поселенцев. Следует отметить, что молдавские армяне, предназначенные Екатериной II для возведения на месте деревни Черная, являлись по сути дела одними из первых колонистов нового края.

После основания на месте селения Черная Григориопольской армянской колонии выяснилось, что местное население—украинцы—не хочет воспользоваться предоставленной правительством возможностью переселиться на новое место. Свое намерение остаться и жить вместе с армянами украинские казаки мотивировали следующим образом: «Мы по случаю притерпленных нами в бывшее военное времена многих разоренний ныне из селения Черная в другие места переселяться и весь обзаводить себе домостройством не в состоянии, решились с дсброй нашей воли и согласию остаться с семействами своими по-прежнему в оном селении Черная для всегдашнего жительства и быть подданным судом и расправою городу Григориополю»¹⁶. Поэтому в июле 1793 г. представители украинского населения поселка Черная (и в числе них казак Петро Соловьев) начали переговоры с главой григориопольского армянского магистрата Павлом Тумановым, завершившиеся 13 октября подписанием в Дубоссарах договора¹⁷, состоявшегося из преамбулы и восьми пунктов. В преамбуле давалось цитированное выше объяснение причин: почему украинские казаки изъявили желание жить совместно с армянами. Сам текст договора фактически сводился к двум положениям. Первое касалось прав и обязанностей казаков в отношении армянского общества Григориополя. Казаки прежде всего добивались права пользования григориопольской землей, сенокосом и лесными угодьями, что и было за ними

Европы за 1964 год», Кишинев, 1966, стр. 322), противоречит данным некоторых исследователей: так, А. С. Коцневский указывает цифру 20 000 (см. А. С. Коцневский, указ. соч., стр. 358); А. Мейер в 1794 г. писал, что «уже теперь жителей в Очаковской земле будет до ста двадцати тысяч». С подобным заявлением, разумеется, трудно согласиться (см. А. Мейер, Повествование, землемерное естественное описание Очаковские земли, СПб., 1794, стр. 13). Более точные данные имеются в исследовании Е. И. Дружининой: она отмечает, что на 1793 г. в «Очаковской» области имелось 30 997 человек (см. Е. И. Дружинина, Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., М., 1959, стр. 199).

¹⁶ ЦГА Молдавской ССР, ф. 1317, оп. I, д. I, л. 215.

¹⁷ Там же, л. 216.

закреплено в первом пункте договора. «По жительству нашему,—отмечалось в этой статье,—в ведомстве того города Григориополя, должны мы на даче армянской пользоваться хлебопашеством и сенокосами, равно и как рощами лесными навсегда, без всякого от общества армян препятствия и угнетения»¹⁸.

В качестве ренты украинские казаки обязывались ежегодно платить григориопольцам определенную сумму денег. Интересно при этом отметить, что размер платежей зависел от состоятельности казаков, разделенных в этой связи на три группы. В первую группу входили наиболее зажиточные казаки, обязывавшиеся платить ежегодно по двенадцати левов; казаки, входившие во вторую группу, должны были платить в год восемь левов, наконец, казаки из третьей группы обязывались платить четыре лева в год и к тому же отрабатывать по три дня для григориопольского общества¹⁹. При этом в шестой статье договора особо оговаривалось, что выборный от казаков сотский и ктитор церкви освобождаются как от платежей, так и от работы²⁰. Третий пункт договора изложен в форме примечания к последнему обязательству украинских казаков. «Сня работа,—писали казаки,—нами должна быть произведена в то самое время, когда и какая от того общества армян назначена будет без всяких от нас и малейших отговорок»²¹.

Второе основное положение договора предусматривало требования казаков, которые они предъявляли армянам Григориополя, и сформулировано как продолжение предшествовавших статей. Так, четвертый пункт договора гласил: «Сверх сего условия армянское общество не должно с нас свыше положенного платежа взыскать и работы назначать кроме такой, которую мы можем по добровольному согласию и договору нашему выполнить за деньги»²².

Следующий, пятый пункт как бы дополняет предшествующую статью: «В случае [если] показанное общество армян сверх сего постановления будет поступать с нами так, что можно причесть за обиду и угнетение, тогда мы имеем волю выступить из-под их ведомства со всем семейством и имуществом, когда кому угодно будет на жительство, без малейшего от того армянского общества препятствия»²³.

---

¹⁸ Там же, л. 215.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 215 об.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

Седьмая статья предусматривала, что договор должен был вступить в силу с первого декабря 1793 г.

Наконец, в последнем пункте договора приводился поименный список казаков, разбитых на три группы.

В период, когда власть в городе полностью находилась в руках армянского магистрата, договор являлся единственной формой, регулирующей административно-правовые отношения между армянами и украинцами. Практика заключения договоров была продолжена и в XIX в. Эти договоры делились на два вида: общие и частные. Общие договоры (к их числу относится и договор 1793 г.) заключались между армянами и всем остальным населением Григоріополя. Частные договоры армянское общество заключало с одной из наций, проживавшей в Григоріополе, по какому-либо конкретному вопросу.

Начиная с середины 30-х годов XIX в., правительство предприняло ряд действий с целью внести существенные коррективы в административно-правовое положение как армянского общества, так и украинцев, русских и молдаван, проживавших в Григоріополе.

В начале 40-х годов XIX в. сенат принял решение допустить к выборам в Григоріопольскую городскую думу и представителей других национальностей, в том числе украинцев²⁴.

Таким образом, договор 1793 г. юридически потерял свою силу. Просуществовав около полувека, договор 1793 г. способствовал сближению и взаимопониманию наших народов. Этот документ, несомненно, является интересным памятником братских связей украинского и армянского народов.

---

²⁴ См. Ж. А. Анания, Армянская колония Григоріополь, Ереван, 1969, стр. 134.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ ДУМАХ И АРМЯНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭЛЕГИЯХ И ПЛАЧАХ

С. Г. АМИРЯН

(Институт литературы имени М. Абегамян АН Армянской ССР)

Многовековая героическая борьба украинского и армянского народов за свободу и независимость против татаро-монгольских, турецких и иных завоевателей нашла яркое и многообразное выражение в национальной поэзии и во многом определила художественное содержание и развитие ряда ее жанров.

Литературные жанры возникают в связи с различными задачами познания исторической действительности, в них отражаются разные стороны и степень народного сознания. В зависимости от того, какое преломление получала в историческом сознании народа полная героики, но суровая и трудная реальная действительность, создавались произведения, прославлявшие боевые подвиги защитников родины или оплакивавшие тяжелую участь народа.

На Украине поэтическими памятниками борьбы, наряду с историческими песнями и балладами, являлись народные думы—героический эпос украинского народа. Возникновение и развитие думовского эпоса было обусловлено историческими условиями Украины XV—XVI вв. Появление казачества с его особым укладом и образом жизни и постоянные войны, которые оно вело против иноземных захватчиков, настоятельно требовали воспитания народа в духе патриотизма и ненависти к врагам, как и воспевания героев национально-освободительных войн. Украинская письменная литература, хотя и была довольно развита, в то время еще не могла удовлетворить духовные потребности народа, ибо она являлась в значительной степени достоянием феодальной верхушки и казачьей старшины. Таким образом, народному творчеству и

поэзии кобзарей пришлось восполнить то, чего не давала письменная литература.

Талантливые создатели и исполнители дум—слепые кобзари и лирники появлялись везде—и в боевой сече, и в мирной обстановке, и в своих песнях прославляли «чувства товарищества, долга, любви к родине, героизм и самоотверженность в борьбе с иноземными захватчиками и угнетателями» (М. Рыльский) или воспевали горе и страдания народа, причиняемые жестокостями и бесчинствами врагов. Соответственно определялось и содержание дум, которые по их тематическому единству можно отнести к двум группам: думы о боевом подвиге и думы о турецко-татарской неволе. В отличие от первых, которые назывались «рыцарскими», думы о неволе назывались «невольничьими песнями» или «невольничьими плачами». Невольничьи думы, окрашенные в лирические и элегические тона, и по форме напоминали народные плачи. Многие из них строились в стиле народных причитаний (голоси́нь или тужи́нь). Думы о турецко-татарской неволе и побеге из нее более древнего происхождения и довольно многочисленны. Это: «Невольники на каторге», «Плач невольников в турецкой неволе», «Маруся Богуславка», «Иван Богуславец», «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи» и другие.

В украинских думах отразилась вся тяжесть и жестокость турецкого порабощения, что, естественно, сближает их с элегическими произведениями других народов, стонавших под игом иноземных завоевателей. Какими-то своими чертами думы соприкасаются и с произведениями армянской литературы, в которых отразились аналогичные исторические явления. Такое сходство мы обнаруживаем прежде всего при сопоставлении украинских исторических дум с элегическими произведениями армянской средневековой литературы, хотя, на первый взгляд, чисто в формальном отношении такое сопоставление и может показаться неправомерным, ибо если думы—создания устного поэтического творчества, то армянские элегии и плачи—произведения письменной литературы. Однако при сопоставлении армянских исторических элегий и плачей и украинских дум необходимо учесть, что они сближаются не столько формальными жанровыми признаками, сколько отражением аналогичных исторических явлений, нашедших сходное преломление в сознании народа, и эмоциональностью их звучания. Жанровые же особенности выступают здесь как категории национальные, не исключают наличия в них типологических общностей и межнациональных связей.

То обстоятельство, что два народа при отображении однородных исторических явлений создавали разные литературные жанры, можно объяснить особенностями и тенденциями литературных процессов в Армении и на Украине. В Армении, где издавна существовали две параллельно развитые традиции письменной и устной литературы, элегии и плачи возникли и развивались наряду с поэзией «армянских кобзарей» — гусанов и ашугов. В то время как гусаны

...в песнях славили победы и пели гимн богатырям, врагам предсказывая беды, и поражения, и срам.

создатели письменной литературы или «историки»

Записывали ход событий на свиток желтый и сухой.
Нашествие орды кровавой, несчастья гибельной войны,
Врагов жестокую расправу, крушение родной страны,
Оплакивали Айнастана жестокосердную судьбу
И уповали неустанно, что бог услышит их мольбу...

(Перевод М. Зенкевича)

Эти поэтические строки, приведенные из известного стихотворения Аветика Исаакяна «Наши историки и наши гусаны», как нельзя лучше характеризуют и специфику армянских исторических элегий и плачей.

Армянские элегии и плачи зародились как часть историографических произведений. Наиболее ранние образцы их мы встречаем еще у отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци. Мы имеем в виду его известный «Плач» в конце «Истории». Это было обусловлено тем, что становление и расцвет армянской письменности совпали с потерей собственной государственности, и плачи соответственно явились проявлением раздумий о безутешных судьбах родины, о народе, потере государственной самостоятельности, тяжелом состоянии национальной церкви. Последующее развитие плачей также было связано с трагическими процессами, которыми сопровождалось нашествие в Армению иноземных захватчиков, процессами, характеризующимися самыми страшными разорениями и разрушениями, вынужденной или насильственной эмиграцией. В армянских элегиях и плачах, особенно XII—XVI вв., запечатлены именно эти национальные бедствия.

Элегии и плачи, выделившись в армянской средневековой литературе в отдельный жанр, продолжали обогащаться новыми и значительными произведениями. Среди них своими художественными достоинствами выделяется поэтическое произведение Нерсеса Шнорали (XII в.) «Элегия на взятие Эдессы», которая положила начало этого жанра в поэзии и имела огромное влияние на его дальнейшие судьбы. Приме-

чительно, что в XVI—XVII вв. на Украине жили и творили армянские писатели Минас, Лазарь, Акоп Токатеци и др., которые в своих плачах отразили жизнь армян в колониях, значительно расширив тематические границы исторических плачей. В этих произведениях нашла отражение и украинская тематика.

Таким образом, сходство украинских исторических дум и армянских исторических элегий и плачей начинается с их тематики: и там и тут отражена реальная история в трагический для народа период. При этом характерно, что уже в самом способе художественного видения исторических событий сказывается жанровая специфика дум, элегий и плачей. Для армянских исторических элегий и плачей характерна установка на историческую конкретность и фактическую определенность, на воспроизведение конкретных исторических событий. Вследствие этого плачи отличаются строгим историзмом и по своей достоверности могут рассматриваться как своеобразные первоисточники. Авторы армянских исторических плачей и элегий, создавая свои произведения, как правило, по свежим следам событий, обычно упоминают в них точную дату, а также место, где произошло это событие. В качестве примера приведем вступление к уже упомянутой «Элегии на взятие Эдессы» Нерсеса Шнорали:

Нерсес оставил песню слез,
Армении католикос,
Где вещи сами говорят,
Размерно на Гомеров лад,
Придав стихам печальный склад,
Об том, как пал Эдессы град.
То было писано в пятьсот
И девяносто третий год,
В день двадцать третий, в декабре,
В субботу, в час третий по заре¹.

(Перевод В. Брюсова)

Примерно таковы же обычные экспозиции и в других армянских элегиях и плачах.

Подобной локальной точности и хроникальности мы, естественно, не наблюдаем в украинских народных думах, в основу которых хотя и легли реальные исторические события, но преобразованные в формах фольклорной традиции. Еще Н. В. Гоголь заметил, что «историк не должен искать в них

¹То есть в 1144 г., в субботу 23 декабря в 9 ч. утра. «Поэзия Армениии» под редакцией Валерия Брюсова, изд. 2-е, Ереван, «Айастан», 1966, стр. 166—167.

(в украинских песнях и думах.—С. А.) показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии². Таким образом, поэтика дум направлена на выявление и художественное изображение характерных для целой исторической эпохи коллизий народной жизни. И все же некоторые собственные имена думовских персонажей, которые соотносятся с именами реальных исторических деятелей, как и встречающиеся в думах географические названия и реалии, позволяют судить об их конкретно-исторической основе. По этим деталям можно иногда датировать и комментировать думы, соотнося их с историческими фактами, а героев дум воспринимать как персонажи, имеющие прототипы в летописях.

Жанровая специфика украинских дум, армянских элегий и плачей проявилась и в выборе художественного материала для изображения трагических событий. В армянских элегических произведениях описывается захват чужеземцами или падение какого-либо города, показывается какой-либо поход, оплакиваются страдания и испытания, перенесенные народом в целом, что придает элегиям и плачам монументальность и масштабность, отразившуюся и в их названиях—«Элегия на взятие Эдессы», «Элегия на взятие Иерусалима» Григория Отрока (XII в.), «Элегия на взятие Константинополя» Араке-ла Багишечи (XIV в.), «Плач об армянах Валахии» Минаса Токатеци (XVI в.) и т. д. В украинских думах зло, причиненное нашествием и иноземным игом, показывается уже на судьбах отдельных лиц, что обуславливает названия многих дум: «Козак Голота», «Маруся Богуславка», «Атаман Матяш старый», «Самойло Кошка», «Ивань Вдовиченко, Коновченко» и др. Впрочем необходимо отметить, что думовский способ видения исторических событий через обстоятельства личной человеческой драмы характерен и для некоторых армянских элегий и плачей («Песнь о храбром Липарите» Тулкуранци (XV в.), «Песнь о Степаносе» анонимного автора) или исторических песен («На пленение короля Левона»). Примечательно также, что в сюжетах украинских дум и армянских плачей встречаются и общие места, что является

² Н. В. Гоголь, Собр. соч. в шести томах, т. 6, М., Гослитиздат, 1953, стр. 68.

следствием одинаковых жизненных обстоятельств. Это касается в первую очередь тех частей произведений, где речь идет о верности их героев исповедуемой ими христианской религии. Обычно на предложения врагов принять их веру и добиться таким путем жизненных благ и больших почестей они отвечают гневным и решительным отказом, предпочитая жизнь в неволе или даже смерть отречению от веры отцов. Самойло Кошка, герой одноименной украинской думы, так отвечает «потурчанину» Бутурлаку, предложившему ему принять «басурманскую» веру:

Ой, ляше Бутурлаче,
Недовірку християнський!
Щоб я віру християнську під носі топтав!
Бодай же ти того не діждав,
Щоб я віру християнську під носі топтав!
Хоч буду до смерті біду та неволю приймати,
А буду в землі козацькій голову християнську
покладати³.

Аналогичные ответы врагу мы находим и в армянских плачах, как, например, в «Плаче об армянах Валахии» Минаса Токатеци и в других произведениях.

Армянские исторические элегии и плачи роднит с украинскими думами и их общая идейно-эмоциональная атмосфера, определяющаяся патриотическим пафосом и оптимизмом. Во всех армянских элегических произведениях сквозит главная идея—желание видеть родную страну освобожденной от иностранных захватчиков, жить мирно и независимо и свободно почитать свою веру. Этими идеями проникнуты плачи и элегии авторов самых различных эпох, начиная от Хоренаци, оплакивавшего Армению («Оплачу тебя, страна Армянская, оплачу тебя»). Возрождение независимой армянской государственности—вот мечта и Ластиверци, оплакивавшего в XI в. разрушение Ани сельджуками и византийцами и рабство народа, и Кечареци (конец XIII в.), который в «Плаче о разорении Дома армянского», обращаясь с мольбой к богу, просит:

Спаси нас от народа Агари (т. е. арабов)
Корону и престол армянского народа.⁴

Патриотизмом, страстным желанием одержать победу

³ Українські народні думи та історичні, пісні, Київ, изд. АН Укр. ССР, 1955, стр. 42.

⁴ М. Авдалбекян, Хачатур Кечареци, Ереван, 1958, стр. 133 (на арм. яз.).

над врагом проникнуты и украинские думы, в которых особо подчеркивается мотив любви к родине, пронизанный заветной мечтой об освобождении плененного из неволи и возвращения его домой (мы имеем здесь в виду «невольничьи плачи»). Как и для армянских плачей, традиционным окончанием для невольничьих дум является мольба к богу выволить из беды:

Ой визволи, боже, нас, всіх бідних невольників,
З тяжкої неволі,
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі води,
У край веселії,
У мир хрещений!
Вислухай, боже, у просьбах щирих,
У нещасних молитвах
Нас, бідних невольників!⁵

Интересно отметить, что мотивами тоски по далекой родине невольничьи думы весьма близки к армянским народным пандухтским (скитальческим) песням. Как и армянские изгнанники-скитальцы, герои этих дум часто обращаются к птицам (в думах это—«сизый голубочек» или сокол) с просьбой поклониться отцу-матери «из земли турецкой, из веры басурманской».

Как видим, думы, как и элегии и плачи, создавались на основе слияния эпического и лирического, действительности и мечты. В них хотя и нашло отражение трагическое, но оно не ввергает армянских и украинских певцов горя и скорби в пучину безнадежности, а выражает величие и стойкость народа, его веру в свои силы, в лучшее будущее. Отсюда—оптимизм этих произведений.

Украинские думы и армянские плачи обладают и рядом общих художественных качеств, также сближающих их. Художественная общность этих произведений определяется прежде всего их связью с народным творчеством (в частности, с народными плачами). Общей чертой дум и плачей является их структурное построение: и те и другие обычно начинаются запевом или вступлением, после чего идет основная часть—«история», или повествование, за которой следует концовка, как уже было сказано, оптимистическая по настроению и содержащая чаще всего обращение к богу. В армянских плачах к концовке прибавляются и некоторые сведения об авторе и истории создания данного произведения.

---

⁵ „Маруся Богуславка“, „Українські народні думи та історичні пісні,“ стр. 58.

И, наконец, общими для плачей и дум являются и некоторые художественные приемы, в частности персонификация сил природы. Этот прием, распространенный в армянских элегиях и плачах, впервые встречается в элегии Шнорали, которую сам автор называет «просопонеей», так как в ней в образах города Эдессы олицетворяется скорбящая родина-мать, потерявшая сына. Этот же прием мы встречаем уже в старейшей записи украинской песни «Про Стефана-воеводу», приведенной в грамматике Яна Богослова (первая половина XVI в.). Песня эта начинается словами: «Дунаю, Дунаю, чому смутен течеш?»—зачин, характерный и для известного стихотворения Р. Патканяна «Слезы Аракса», созданного в традициях армянских исторических элегий (по-видимому, неслучайно и то обстоятельство, что «Слезы Аракса» явились и первым армянским стихотворением, переведенным в конце прошлого века на украинский язык поэтом-революционером Павло Грабовским). Прием «разговора» человека с речкой широко распространен в украинском и вообще славянском фольклоре.

Украинские думы и армянские плачи сближаются и их значением и местом в духовной жизни украинского и армянского народов, как и той ролью, которую они сыграли в дальнейшем развитии двух национальных литератур. Говоря о роли элегий и плачей в развитии армянской литературы, следует прежде всего отметить их влияние на патристическую лирику писателей романтического направления—Х. Абовяна, Г. Алишана, Раффи, Р. Патканяна и других. Описывая несчастную судьбу родины, эти писатели часто обращались к художественным средствам элегий и плачей, особенно к персонификации неодушевленных предметов и явлений, с помощью которых рассказывали о «ранах» Армении.

Аналогичную же роль сыграли украинские думы в творчестве К. Ф. Рыльева, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребинки, И. Я. Франко, М. П. Старицкого и, конечно же, в поэзии великого Кобзаря Т. Г. Шевченко. Заслуживает особого внимания и тот глубоко знаменательный факт, что современник и единомышленник Тараса Шевченко армянский поэт и революционер-демократ Микаэл Налбандян (как и некоторые другие армянские поэты-шестидесятники) в своем творчестве также обращался к литературному жанру дум и ряд своих стихотворений, насыщенных философским содержанием, так и назвал—«Думы» («Мтацутюн»).

Таковы в общих чертах типологические общности украинских исторических дум и армянских исторических плачей.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ В ГОРОДЕ КАМЕНЦЕ-ПОДОЛЬСКОМ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Появление армянской колонии в Каменце-Подольском уходит в древнейший период его истории. Существует мнение, что армяне обитали здесь еще до монгольского нашествия, а в период Кориатовичей, когда начался подъем общественной жизни города, играли здесь уже довольно значительную роль. Известна привилегия 1443 г., выданная польским правительством каменецким армянам, в которой упоминаются древние права, дарованные им «подольскими князьями» (т. е. Кориатовичами) и королем Ягайло.

В 1496 г. армяне в Каменце-Подольском получили право юридической автономии и собственное самоуправление. Именно с этого времени начался расцвет колонии, который охватил XVI—XVII вв. Привилегия 1496 г. в дальнейшем неоднократно подтверждалась (в 1502, 1507, 1548 гг.). В последующие годы каменецким армянам удалось добиться ряда дополнительных, более частных, прав и преимуществ (право варения пива, меда и других крепких напитков; освобождения от военных постоев и т. п.). В XVI в. в Каменце насчитывалось около 300 армянских семей, а к XVII в. это число достигло 1000. Таким образом, наряду с украинцами (русинами) и поляками, армяне составляли одну из трех главных этнических групп городского населения.

Каменец-Подольский сохранил значительную часть своей средневековой застройки до наших дней (в настоящее время, несмотря на неоднократные разрушения, здесь насчитывается свыше ста зданий XIV—XVIII вв.). Большой интерес среди них представляют уцелевшие памятники армянской колонии, ценные как в историко-мемуарном, так и в художественном отношении. К сожалению, до сих пор они мало привлекают внимание исследователей и, как правило, не фигурируют в справочной литературе.

Армяне селились преимущественно в юго-восточной части города; здесь до сих пор имеется квартал, известный среди местного населения под названием Армянский. Тут был расположен армянский магистрат (к сожалению, не сохранившийся) и главные храмы, тут же находился и центр торговой деятельности колонии, в частности—армянский рынок. Данная часть города вплоть до настоящего времени в основном сохраняет свой средневековый облик.

Из числа имеющихся здесь памятников считаем необходимым выделить следующие:

а) Армянский торговый дом, бывший своего рода коммерческой биржей и вместе с тем купеческим собранием. Эта прекрасно сохранившаяся постройка была возведена на переломе XVI и XVII вв. Она занимает северо-западный угол Армянского квартала и хорошо просматривается с древней Армянской рыночной площади (ныне площадь Советская), представляя собою как бы архитектурный ключ ансамбля. Северный фасад здания украшен великолепным порталом в ренессансном стиле; высокая крыша имеет залом, характерный для барочной архитектуры (очевидно, свой современный вид она приобрела в XVIII в.).

б) Неподалеку, в южном направлении, расположена высокая и эффектная в архитектурном отношении колокольня кафедрального армянского собора, соединенная с торговым домом высокой каменной стеной с внутренними складскими помещениями. Это четырехъярусное сооружение, увенчанное пятью фигурными куполами—одним высоким центральным и четырьмя маленькими по углам, построено в XVI в. Оно является архитектурной доминантой ансамбля и хорошо просматривается отовсюду, играя весьма значительную роль в общем силуэте города.

в) Сам кафедральный собор, к сожалению, до нас не дошел. От него остались только руины, которые, однако, своей романтичностью производят на зрителя глубокое впечатление. Это была одна из древнейших церквей Каменца-Подольского. Она основана в 1398 г. Синаном, сыном Котлубея. Первоначально храм был деревянным, но уже в XV в. построено каменное здание в традиционных формах армянского церковного зодчества, увенчанное восьмигранным куполом. Вокруг здания с трех сторон шли крытые галереи.

Во второй половине XVII в., во время бомбардировки Каменца турками, храм пострадал, но был восстановлен в XVIII в. Разобран в 30-е годы нашего столетия. До наших дней хорошо сохранился западный портал с тремя проемами, завершающимися арками, опирающимися на круглые колон-

ны с романскими капителями. На внутренней стороне между проемами имеются небольшие консольки с расходящимися пучками нервов, когда-то поддерживавших готические своды трех главных кораблей постройки. Уцелела также лестничная клетка, прежде ведшая на хоры; сейчас она представляет собою своеобразную смотровую площадку.

Вместе с колокольной живописно вырисовываются руины на фоне деревьев, растущих внутри, на площади разрушенного собора.

г) Юго-западную часть Армянского квартала занимает дом богатого купца со складами. Он имеет мощные стены, сложенные из бутового камня и окна с каменными тесаными наличниками. Это здание представляет чрезвычайно ценный образец жилой постройки XVI в.

д) Благовещенская (впоследствии—Николаевская) церковь расположена близ Армянского квартала, напротив его юго-восточного угла. Эта миниатюрная однонефная церквушка, очень простая и лаконичная по своему плану и конструкции, является едва ли не древнейшим из сохранившихся зданий в Каменце-Подольском¹. Возможно, она была построена еще в XIII в., по преданию—даже еще до монгольского нашествия. К сожалению, точных данных о времени сооружения церкви у нас нет. Первое упоминание о ней в письменных источниках приходится на XVII в. (тогда при ней существовал армянский женский монастырь); однако архитектура и строительная техника здания не оставляют сомнений относительно ее глубокой древности.

е) Все население Каменца-Подольского (как, впрочем, и других древних городов) было обязано участвовать своими средствами в сооружении и содержании городских укреплений, составлявших весьма сложную фортификационную систему. Конкретные группы жителей, так или иначе объединенные в какие-либо организации, имели под своей опекой отдельные элементы укреплений, которые получали соответствующие наименования, скажем: Гончарная, Кушнирская (Скорняжная), Кравецкая (Портняжная), Резницкая башни, названные по имени тех цехов, на иждивении которых они строились и содержались. Свою лепту в общее дело обороны города вносили и армяне; памятником этого вклада является хорошо сохранившийся до наших дней Армянский бастион,

---

¹ В последние годы, правда, специальные исследования показали наличие кладок XIII в. в знаменитой Каменецкой крепости; следовательно, ее сооружение относится не ко времени Кориатовичей, как полагали, а к более раннему периоду.

возвышающийся на юго-восточном краю города, непосредственно у городских ворот, над древним (так называемым Турецким) мостом, соединяющим и поныне город с замком.

Это сооружение, представляющее собою килевидный выступ оборонительной стены, сложенной из дикого камня, был построен в XVI в.—одновременно с самими воротами и мостом. В общей системе каменецкой фортификации он составлял весьма ответственное звено, поскольку защищал один из трех (причем наиболее опасный) въездов в город.

ж) Наконец, необходимо упомянуть еще один своеобразный памятник—Армянский колодец, расположенный в центре города, на Рыночной площади, перед фасадом польского магистрата. Сам колодец был прорублен в скале, по-видимому, еще в XVII в., однако практического значения он не имел, так как вода в нем оказалась соленой и непригодной для питья. Несколько позже, в начале XVIII в. (на плане города 1672 г. он еще не показан), над колодцем был сооружен небольшой каменный павильон в стиле позднего барокко.

Можно думать, что перечисленными сооружениями не исчерпывается список архитектурных памятников армянской колонии Каменца-Подольского. В частности, многие жилые дома, сохранившиеся с XVI—XVIII вв., принадлежали армянам. Однако никто из исследователей ими специально не занимался, и поэтому они пока не выделены из общегородской застройки. Но и те несомненные памятники, о которых шла речь, представляют собою огромную культурно-историческую ценность.

К сожалению, состояние этих памятников в настоящее время далеко от идеала. В послевоенные годы, правда, проведены большие реставрационные работы по тем постройкам, которые пострадали во время войны. Реставрированы колокольня кафедрального собора, павильон над колодцем; отремонтирован торговый дом. Однако в настоящее время эксплуатация восстановленных объектов внушает серьезное беспокойство. Армянский квартал требует упорядочения с целью максимального выявления и экспозиции расположенных тут объектов.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЬВОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ-АРМЯН XVI—XVIII вв.

М. М. КАЗАРЯН

(Кандидат искусствоведения, зав. отделом Института искусств
АН Армянской ССР)

Самобытен и неповторим архитектурный облик Львова. С возвышающейся над городом Старой крепости открываются вдаль подчеркнутые солнцем своеобразные силуэты новостроек—заводов и жилых зданий. Рядом с новыми зданиями, среди покоя и безмятежности, хранят дыхание веков, печать художественных вкусов и представлений Армянская церковь, церкви—Успенская и Пятницкая, Онуфриевский монастырь, костелы бернардинов и иезуитов. Каждый из них—немой свидетель имевших место во Львове политических и экономических деяний, общественных и религиозных битв, временных побед, невозвратных потерь, которые присущим лишь искусству художественным языком рассказывают поколениям о духе минувших веков.

Левее крепости, утоная в зелени, хранит дыхание истории старое кладбище. Много веков назад в замурованных склепах были преданы вечности бездонность общечеловеческих чувств, трагические случаи любви, ревности, отваги, патриотизма и рядом с ними—предательство, подлог, которые капля по капле слились воедино, став историей веков, с печатью вечности на устах. Ниже—площадь Рынок, некогда центр развивавшегося архитектурного ансамбля города, застроенная каменными домами с ведущими в другие кварталы города узкими, мощеными булыжником улочками. Здесь собиралось купечество со всех краев света, здесь заключались крупные торговые сделки. Кого только нельзя было встретить в этой разноязычной толпе! Львов благодаря новым политико-общественным и экономическим отношениям, благодаря своему географическому положению становится также и центром художественной жизни, где вторжение разных нацио-

нальных традиций (поляки, украинцы, немцы, армяне и прочие) принесло в местную школу искусства своеобразие и новое качество.

Если в изделиях прикладного искусства—ковры, ковры, полса, ювелирные изделия, резьба по дереву, рукоделие—своей красочностью, пластикой, ажурностью, отдельными элементами пышности явно проявлялось влияние декоративного искусства Востока, то в живописи и в скульптуре ощущалось дыхание европейского Возрождения. Средневековая иконографическая фреска и миниатюра своими художественными представлениями уступают место станковой живописи и книжной графике. Это было не просто техническим явлением, а вытекающей из художественных принципов и взглядов исторической необходимостью, которая и характеризует художественную школу Львова этого периода.

В эту художественную школу внесли немалый вклад и представители искусства многотысячного армянского населения Львова, большая часть произведений которых вместе с другими произведениями искусства не раз горела в пожарах Львова.

Дошедший до наших дней материал дает возможность весьма приблизительно составить представление о деятельности армянских художников во Львове.

История сберегла произведения: отрывки фресок из армянской церкви, иконы, композиционные работы, портреты, живопись надгробных плит. Сохранились еще имена: Павел Богуш, его сыновья—Шимон и Акоп (Ян), Григор Богданович и другие.

Древнейшим образцом живописи Львова остаются фрагменты, сохранившиеся в армянской церкви, на которых изображены Иоанн Богослов с Прохором, апостол Яков и Христос. Фигуры монументальны, органично связаны с архитектурными формами и интерьером церкви. На общем темно-синем фоне особенно эффектно выделяется светло-коричневая накидка Иоанна Богослова с красными полосами, которые контурно напоминают тени, равно как и интересно решенная зеленая накидка Прохора.

Неизвестный художник не только свидетельствует о своем умении строить композицию, но и мастерски передает пластику движения фигур, ниспадающие богатые драпировки вносят определенные понятия станковой живописи, а крепкий рисунок и лепка форм лица, их национальное своеобразие и психологически сдержанная выразительность говорят о том, что автор фресок армянской церкви Львова, этот Неизвестный художник, мог быть и одним из ведущих портретистов эпохи.

А о том, что портрет был в XVI—XVII вв. наиболее распро-

страненным во Львове жанром, свидетельствуют произведения, хранящиеся в Историческом музее Львова и картинной галерее, интереснейшая выставка которых была открыта во Львове в 1965 г.

В начале XVII в. по традиции в композиции икон все еще сохранилось изображение портретов донаторов, как, например, созданная в 1612 г. икона, где композиция «Ср. семейства» повторяет одноименную работу Андрея дель Сартто, а внизу художник выписал трех коленопреклонных армян-заказчиков картины (вспомним икону «Мария на троне» из Львовского кафедрального собора). Фигуры донаторов, безусловно, выглядят мирскими на фоне выполненного в лучших традициях Возрождения святого семейства и по характеру исполнения подходят к работам художественной школы Новой Джуги. Расстановка фигур, скованность их движений, построение силуэта и вся художественная трактовка имеют слишком много сходства с портретами Велиджаяннов работы художника Минаса, уроженца Новой Джуги¹.

В портретах для могильных плит и в станковой живописи армянские художники Львова выступают крупнейшими мастерами портрета.

Два уцелевших портрета, выполненных для надгробной плиты, которые, надо оговорить, носят в армянском изобразительном искусстве характер, связанный только с традициями львовского искусства, даже малыми размерами своими не могли ограничить художников. В этих портретах неизвестных мужчин и женщины художники создали интереснейшие образцы живых характеров, где типажи наделены не просто внешним сходством и индивидуальными чертами лица, но и внешним с определенной «фотографичностью» спокойствием, психологическим внутренним порывом, жизнеутверждением. Теплые тона красного, насыщенного черного, золотисто-коричневого колорита придают особую живость этим портретам.

Светские портреты в основном выполнялись на заказ. Заказчик изображался во весь рост, стоя, по грудь, по пояс, на инертном фоне, на фоне природы или в интерьере. Есть даже групповые портреты, которые чаще всего изображают супругов. Если рука изображаемого и была видна, то она покоилась или на груди, или на поясе—весьма распространенная в армянском изобразительном искусстве XVIII и начала XIX вв. композиция—или в руке находился цветок, жезл.

---

¹ Портреты Воскана и Акопджана Велиджаяннов хранятся в музее монастыря Аменапркич в Новой Джуге (Иран).

Портрет сопровождался традиционной надписью о ранге и сословии заказчика.

Созданные по этим принципам портреты (королевского секретаря Криштофа Бернатовича, судьи Симона Муратовича, Григора Бернатовича, Констанци Бернатовича и другие) с известной психологической экспрессией и с учетом вкуса класса заказчиков и эстетических требований эпохи своим композиционным строением приближались, с одной стороны, к так называемому парадному портрету, а с другой—лиричностью образа, выражением внутреннего настроения к принципам интимного портрета.

До нас дошли также определенные образцы парадных портретов и композиционно-многофигурных полотен, среди авторов которых встречаются имена работавших в конце XVI и начале XVII вв. известных армянских художников Богушей.

Глава семьи Павел Богуш был одним из знаменитых художников времени, настолько знаменитым, что был в состоянии вступить в борьбу с основанным королевским приказом от 12 августа 1595 г. католическим живописным цехом. Поддерживаемый армянскими и украинскими художниками Павел Богуш добился того, что Сигизмунд III 17 апреля 1600 г. издал новый приказ, по которому и армяне получили право иметь в цехе художников одного своего представителя.

С 1596 г. Богуш работал в Жолкве (ныне Нестеров), куда поехал по приглашению Станислава Жолкевского, каштеляна Львова. Из выполненных им работ известен хранящийся в Историческом музее Львова портрет Станислава Жолкевского весьма примечательной трактовки. На фоне драпировки, ставшей второстепенной, предельно выразительно звучит выписанное крепкими формами лицо Жолкевского—мясистое, строгое, с еле заметной сухостью. Портрет решен в спокойных тонах. Несмотря на свой парадный характер, он по трактовке все же близок к камерным портретам. Интересен также портрет Анны Австрийской (Краков, музей Ягеллонского университета), который вместе с портретом Сигизмунда III приписывается Павлу Богушу².

У Павла Богуша были ученики и помощники, из которых известны Станислав Александрович, Станислав Славко, Войцах Александрович, Альберт Александрович и его сыновья—Шимон и Ян.

О младшем сыне, Яне, сведений почти нет, однако следу-

² Добровольский эти портреты приписывает Шмону Богушу. См. Dobrowolski, *Polskie malarstwo portretowe*, Krakow, 1949, стр. 80.

ет полагать, что и его интересы замыкались кругом интересов отца и старшего брата.

Достоинством внимания явлением было творчество Шимона Богуша. Его портреты Яна Вандаллума Мнишека, Сигизмунда III (Музей истории Львова), Марины Мнишек (Краков, Вавель) свидетельствуют о самобытном таланте художника. Женственностью и чувством сознания своей власти и превосходства наделен образ Марины Мнишек. Созданное в 1606 г. двухметровое полотно с портретом самозванной царицы светится тонким сочетанием серебристых, бледно-синих и красных тонов³.

Поместив портрет в центре полотна, Шимон Богуш уделяет большое внимание фону, олицетворяющим власть атрибутам, а иногда и размещает на фоне массовую многофигурную композицию.

Эта многогранность искусства Шимона Богуша нашла свое яркое отражение в жанре многофигурной композиции, из которой известны «Обручение Марины Мнишек в 1605 году», «Коронация Марины Мнишек», «Коронование Марины Мнишек и шествие коронации» (все находится в Историческом музее Москвы). Будучи придворным художником Георгия Мнишека в Самборе, спустя несколько лет Шимон Богуш становится также художником его дочери и зятя, о чем в архивных документах Львова сохранилась запись: «Симон Богушевич уехал в Москву с оным царем Дмитрием, который в Москву с Польши отправился».

По заказу мечтавших подняться до уровня королевства европейских стран Марины Мнишек и Дмитрия Самозванца и создаются эти работы как художественное выражение важнейших исторических событий. Эти композиционные работы были выполнены в Москве. Они поражают мудрой расстановкой многочисленных фигур, индивидуальностью образов в малых их формах и выражением праздничной, торжественной сущности явления. В творчестве Шимона Богуша уже встречаются элементы, характерные для искусства барокко, которые были выражением требований всеобщей художественной жизни Львова⁴. Сформировавшись в первой

---

³ Приносим благодарность директору отдела искусства Вавеля за присланную им фотографию. Мы согласны с интерпретацией В. А. Овсейчука, который автором этих работ считает Павла Богуша. См. В. А. Овсейчук, Деятельность армянских живописцев во Львове (XV—XVII вв.), «ԳՐԶ», Ереван, 1966, № 2.

⁴ Небезынтересно, что в многотомной истории польского искусства творчество Богушев рассматривается как переход от маньеризма к барокко. См. „Historia sztuki polskiej“, Krakow, т. II, 1962.

половине XVII в., оно достигает своего расцвета и в произведениях армянских художников—в конце века и особенно в начале XVIII в. Вспомним Деревянную Евстрахию, мраморные надгробья из исторического музея Львова, в том числе и орнаментальную резьбу ряда армянских домов города.

Особенно хочется выделить схожесть, которая заметна в искусстве творивших в первой четверти XVII в. во Львове талантливейшего миниатюриста Казара Бабердци и польского художника Яна Зярко.

В 1619 г. Казар Бабердци завершает работу над «Библией», ныне хранящейся в Матенадаране, использовав в последней части ее широко известные гравюры Дюрера по темам Апокалипсиса. В те же самые годы Ян Зярко заканчивает свой Апокалипсис, издав его в Париже, имея в основе те же дюреровские образцы.

Известный искусствовед Т. Маньковский высказывает мнение, что Казар Бабердци выполнял работу с помощью Яна Зярко и благодаря последнему «распространилось через формы этой библии искусство Запада на азиатском Востоке»⁵.

Эта точка зрения сама по себе требует детального разбора. Однако сейчас можно сказать, что работа как Казара Бабердци, так и Яна Зярко создавалась независимо друг от друга и «Библия» Бабердци попала в Новую Джугу очень поздно. А подобные этой библии миниатюры были созданы в Новой Джуге еще в 1649 г., с несколько более слабым повторением которых встречаемся в двух библиях 1660 г. (хранятся в Матенадаране).

Художественная жизнь Львова, творцами которой были поляки—Войцех, Стефанович, Ян Зярко, украинцы—Лаврентий Пухальский, Секович, Николай Петрахович складывались в атмосфере всеобщего взаимопонимания. Вместе с ними задавали тон этой художественной жизни армянские художники—Павел, Шимон и Ян Богуши, Захнович, Григгор Богданович и другие.

В искусстве армянских художников Львова насколько сильно влияние местного искусства, настолько явно проступает дух традиций средневекового армянского искусства. Лучшим тому примером может служить деятельность прибывшего в Армению из Львова в первой половине XVII в., спускавшего здесь себе славу крупного общественного деятеля и философа-мыслителя Степаноса Леаци, немногочислен-

⁵ J. Mańkowski, Lwowski cech malarzy w XVI i XVII wieku, Lwów, 1936, стр. 48.

ные работы которого, выполненные для кафедрального собора в Эчмиадзине, несут в себе известные элементы искусства Львова.

Для формирования нового периода армянского изобразительного искусства, наряду с развивающейся армянской живописью в Новой Джуге, Акулисе, Эчмиадзине, Иерусалиме, Тифлисе, Москве, неоценимым кладом явились также произведения армянских художников львовской школы.

Образцы армянского искусства во Львове можно встретить в музеях, частных домах, библиотеках. А одна из улиц, расходящихся лучами от площади Рынок, и сегодня носит название Армянской как символ древней и неувядающей дружбы.

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-УКРАИНСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В. Н. АРУТЮНЯН

(Кандидат искусствоведения, Ереванский художественно-театральный институт)

Начиная с XI в. и до наших дней общение русского, украинского и армянского народов в области художественного творчества развивалось непрерывно.

Оно берет свое начало еще с Киевской Софии. Наличие армян в Киеве со времени принятия христианства уже засвидетельствовано историками. Но о присутствии армянских мастеров изобразительного искусства в Киеве с той или иной достоверностью мы можем говорить в связи со временем правления преемников Владимира. При этом я имею в виду не только саркофаги потомков Ярослава, орнаментированные, по утверждению московского исследователя О. Х. Халпахчяна, армянскими мотивами, но и, в первую очередь, стенные росписи десниц и хореев Софийского собора в Киеве. Здесь налицо выступает ряд параллелей с армянским искусством. Особенно примечательно наличие в ряде композиций аралезов—мифических псоглавцев армянской древности—и их иконографическое сходство с подобными персонажами армянского изобразительного искусства того времени.

В последнее время мнение о связи софийских фресок с армянским искусством получило еще одно и очень ценное подтверждение. Среди персонажей софийских фресок встречается образ скрипача, о котором русские исследователи, правда без конкретных сопоставлений, писали, что у него восточное одеяние и восточный тип. Подаренная нам из недавних раскопок Двина чаша, носящая изображение скрипача, представляющего прототип не только облика софийского скрипача, но и деталей формы его инструмента, а глав-

ное способа игры на ней (не на колене, а под подбородком).

Вопрос этот подробно изучен и освещен музыковедом А. Цицикян, с доводами которой мы согласны. Мы пришли к твердому убеждению о принадлежности этих двух памятников к одной традиции, к одной иконографии.

Мне кажется, располагая этими данными, лингвисты имеют прекрасную возможность проследить, случайна ли такая, видимо, не имеющая аналогий в других языках общность, какую мы видим между армянским термином, встречающимся еще у Мовсеса Хоренаци, и русским термином «живопись».

Возвращаясь к софийским саркофагам, следует сказать, что армянское происхождение саркофага Ярослава Мудрого не вызывает абсолютно никакого сомнения. Но этот саркофаг, покрытый исключительно армянскими национальными орнаментами, высечен не в Киеве, а, как доказал в своем исследовании украинский искусствовед Макаренко, в Малой Азии в VI в. и позже был привезен в Киев. Не исключена возможность, что его привезли в Киев армянские мастера, которые и оставили на нем свои следы в виде армянских букв.

Армяне-ваятели встречаются на Украине и в последующие времена. Они оставили нам плоды своего тонкого мастерства и большого художественного вкуса на многих зданиях и надгробных камнях городов Западной Украины.

Характерными звеньями украинно-армянских культурных связей является также искусство вышивки и книжная миниатюра (известны, например, имена армян-миниатюристов, работавших на Западной Украине, таких, как Минас Токатеци, Лазар Бабердци и др.).

Говоря о вышивках, в первую очередь следует обратить внимание на так называемые «слуцкие пояса», которые сначала производились в Персии и Турции армянскими мастерами и привозились армянскими купцами на Украину, в Россию, Польшу, Белоруссию, а затем их начали производить на месте. Из производителей этих поясов в литературе упоминается лишь слуцкая мануфактура, которой руководил армянин Ян Маджарский.

Но дело в том, что производство этих поясов началось гораздо ранее во Львове и близко расположенных к нему городах—Станиславе и Бродах (сохранилось имя одного из мастеров, армянина Доменика Мисноровича), в которых существовали армянские колонии.

Теперь остановимся подробнее на двух аспектах армяно-украинских связей. Несколько лет тому назад из автобиографии у нас все еще не известного художника Меликова мы узнали, что он учился у Карла Брюллова вместе с Шевченко

и, видимо, не только был с ним близок, но и высоко ценил талант своего друга-украинца.

Другой сын армянского народа—Ян Рустем знал Шевченко еще с юношеских пор. Его имя упоминается в воспоминаниях и письмах Шевченко. Этот факт не нов для украинского шевченковедения, но до сих пор не было известно, что художник Ян Рустем (у литовцев—Ионис Рустемес) был армянином. Об этом ничего не знали также армянские искусствоведы.

Сын константинопольского армянина-купца, Ян Рустем долгое время возглавлял Вильнюскую художественную школу. при жизни пользовался широкой известностью и вошел как классик в историю литовского и польского искусства.

Считается совершенно доказанным тот факт, что в Вильнюсском университете, где в свое время Рустем был профессором, в 1829—1831 гг. у него учился Шевченко, в честь чего на фасаде университета установлена мемориальная доска. Но в литературе о Шевченко этот факт часто оспаривается, так как в официальных списках учащихся имя Шевченко не значится.

Видный знаток литовского искусства профессор Владислав Дрема в своем письме нам, а В. А. Дьяков в своем труде «Польские друзья Тараса Шевченко» высказывают мнение, что отсутствие в университетских списках имени Шевченко еще не является доказательством того, что Шевченко не учился у него. У Рустема было много вольнослушателей и частных учеников, имена которых не заносились ни в какие списки, и Шевченко мог быть одним из них.

И в самом деле. Крепостной юноша, к тому же не навсегда приехавший со своим хозяином в Вильнюс, вряд ли мог быть зачислен в официальные списки учащихся. Но он мог быть вольнослушателем, тем более у Рустема, который постоянно занимался благотворительной деятельностью, в частности помогал детям бедняков стать художниками. Именно он основал общество помощи бедным студентам.

В. Дрема сообщает, что среди сгоревших в 1944 г. в Варшаве рукописей были воспоминания современников, свидетельствующих о том, что Шевченко учился у Рустема.

В одном из писем Шевченко пишет, что старик Рустем студентам советовал: «Шесть лет рисуй, шесть месяцев малой и будешь художником!».

В таком тоне, с такой определенностью можно писать только об очень близком человеке. О дружбе между 15-летним юношей и 60-летним стариком, разумеется, речи не может быть. Следовательно, остается полагать, что между Шевченко и Рустемом были взаимоотношения ученика и учителя.

В вильнюсских искусствоведческих и литературоведческих кругах существует предположение, что Рустем принимал активнейшее участие в подготовке выкупа Шевченко у Энгельгардта. Согласно этой версии, Рустем, убедившись в большом таланте Шевченко и зная, что перед крепостным юношей в царской России пути творчества закрыты, через масонскую ложу, где он занимал видный пост, и своего друга помещика Вельгоровского содействовал выкупу Шевченко.

Трудно определить, насколько это правдоподобно. Для нас в данном случае имеет важное значение то, что имя Шевченко было тесно связано с Рустемом.

Не вызывает сомнения и то, что Шевченко поступил в Петербургскую академию художеств, к тому же в мастерскую Брюллова, уже имея неоспоримые профессиональные данные, которые могли быть приобретены только в результате учебы у профессионально зрелого преподавателя. Таковым для Шевченко мог быть только Рустем.

И еще одно обстоятельство—их объединяло в большой степени духовное и творческое родство.

Глава вильнюсских масонов был основоположником прогрессивного романтизма в искусстве Литвы и прилегающих стран, человеком демократических воззрений. Он с одобрением воспринял польское восстание 1831 г., что не могло не отразиться на унастроении его учеников. Рустем в своем творчестве гневно бичевал не только человеческие пороки, но и церковь, социальные и другие несправедливости современного ему общества. Многие его графические листы имеют определенную политическую направленность.

Все это мы находим в более конкретизированных и заостренных формах также и у великого революционного демократа Тараса Шевченко. При этом важно отметить, что приведенная аналогия в искусстве России того времени исключительна, и нет другого художника, у которого все эти черты были бы выражены с такой полнотой и в такой форме, как у Рустема и Шевченко... Любовь Шевченко и Рустема к графике, их предпочтение именно в графическом творчестве обращаться к острым социально-политическим проблемам, к народной жизни, народным образам—общепризнанный факт, не нуждающийся в доказательстве.

Наконец, их родство отчетливо прослеживается в рисовальном и живописном жанре, в их светотеневых моделировках, в их любви к контрастам и в целом ряде других компонентов художественной формы.

Разумеется, этот вопрос требует детального изучения. Нужно отметить, что имя Рустема знакомо украинцам и вне связи с Шевченко. В свое время его произведения не раз экспонировались на выставках, организованных на Украине,

в частности во Львове. Украинские художественные коллекции насчитывают целый ряд его работ. Не случайно, что когда-то именно во Львове находилась его известная работа «Продажа пленницы», где художник показывал как турки продают обнаженных женщин, по-видимому армянок.

В истории польского искусства почетное место отведено Теодору Аксентовичу. Он был крупнейшим портретистом, историческим живописцем, часто обращался к импрессионистическому методу письма, к активизации свето-воздушной среды, но всегда, во всех своих творениях неизменно сохранял реалистическое отношение к действительности, к его познанию и воспроизведению.

Аксентович был также крупным педагогом, ректором Краковской Академии, деятелем прогрессивных воззрений, и польский народ благодарностью ответил на его заслуги, присвоив его имя одной из центральных улиц Кракова.

Отмечая место Аксентовича в польском искусстве, мы в то же время имеем все основания говорить о нем, как о воплощении крепких связей и взаимной любви украинцев и армян. Подтверждением этого явились весь жизненный путь и вся творческая деятельность Аксентовича.

Аксентович—армянин, и где бы он ни жил, где бы ни творил, не переставал считать себя армянином. Он попытался это отразить также и в своем творчестве, создав ряд портретов армян и армянок, а также написав композицию «Армяне в Польше» (1933).

Предки Аксентовича еще в XIV в., покинув родные места, поселились на Украине, в городе Каменце-Подольском. Позже Аксентовичи рассеялись по многим городам Западной Украины, Польши и Литвы, где и по сей день встречаются их потомки.

Отец Аксентовича родился в Буковине, окончил Львовский университет и долгое время служил во Львове в качестве юриста. Старший сын его, Теодор, родился в 1859 г., учился во Львовской гимназии, затем в политехническом институте, а позже—в Академии художеств Монахиума. В Париже Теодор Аксентович заканчивает художественное образование, становится художником и приобретает большую известность. В 1895 г. он, получив приглашение, переезжает в Краков в качестве заведующего кафедрой местной художественной школы, а после превращения этой школы в Краковскую Академию художеств становится ее ректором (1900). На этом посту Т. Аксентович сыграл выдающуюся роль не только как умелый организатор и высококультурный преподаватель, но и как защитник революционно настроенных студентов.

Живя в Кракове, а летом в Закопане, где у него была дача и мастерская, Аксентович часто совершал далекие и близкие путешествия. Особенно часто он бывал во Львове, где навещал своих родных и родственников-армян, и в гуцульских райсах Западной Украины.

По свидетельству Станислава Доникевича, у которого мы находим довольно обстоятельную биографию художника, в 1930 г. в связи со своей юбилейной выставкой, организованной в Варшаве, Аксентович дал интервью газете «Красный курьер». Вот несколько строк из него:

«Полжизни я провел на востоке Малой Польши, в Западной губернии Украины, где был влюблен в гуцулов, и впервые я внес в польское искусство гуцульские и украинские мотивы».

Думаю, не будет преувеличением сказать, что большинство композиционных полотен Аксентовича, а уж наверняка самые лучшие, посвящены жизни, обычаям, образам Западной Украины. В них он выступает не как этнограф, а как глубоко одаренный художник, умеющий видеть жизнь во всей ее реалистической правде, а иногда даже подниматься до высоты социальных разоблачений. Такова, например, его очень выразительная картина «Похороны на Украине».

Художник, творчеству которого не были чужды эффекты компоновки и некоторая декоративность, в этой картине отказывается от всего такого, стремится к предельной естественности, как бы утверждая, что правда жизни выразительней искусственных построений. И действительно, правда жизни здесь несомненна. Под снегом погребенное село, на белом фоне черным пятном вырисовывающаяся вереница бедных, поникших, жизнью обиженных людей; бедняцкие сани, а на них гроб, сколоченный из простых досок. Медленно бредут они по знакомой дороге, словно все осиротевшие, покорные судьбе, уготовившей для них всех эту единственную дорогу.

Похороны здесь только сюжетная канва, а на ней Аксентович с искренним состраданием нарисовал убедительную картину дореволюционной украинской деревни, прозябающей в холоде, темноте и бедности.

К этой же теме, но не повторяя себя, он возвращается в своих других полотнах, стараясь в каждом из них выявить все новые стороны жизни и судьбы полюбившихся ему людей.

Аксентович в нескольких вариантах пишет также и свою картину «Благославление воды через прорубь», где опять-таки показаны люди украинской деревни.

Но образы и жизнь Западной Украины в творчестве Аксентовича вылились не только в трагические сюжеты. Художник прекрасно знал также и красоту радостей народных,

он сам был ею проникнут и создал одну из своих самых вдохновленных полотен, где изобразил танец западных украинцев—«Коломийку». Кстати, это полотно в Польше обычно фигурирует под названием польского танца «Оберек». Это название впервые взял под сомнение Доникевич.

Это—полная задора картина народной жизни. Перед хатой музыканты играют веселую плясовую, а молодые пары кружатся в танце, акцентируя его шуточный характер.

Сцена схвачена очень живо, чуть ли не все образы доведены до портретности. Фигуры, поставленные в статичное положение, нарисованы и написаны очень тщательно, мастерски, а танцующие пары, особенно пара народного плана, написаны легко, воздушно, без линейных контуров, и этим еще более подчеркивается динамика их движений.

«Коломийка»—прекрасный кусок жизни, вырванный из окружающей действительности и перенесенный на холст влюбленным в своих героев художником-поэтом.

Эта же влюбленность прослеживается в портретной галерее Аксентовича. Автор портрета Сары Бернар и многих других знаменитостей, излюбленный портретист высшего света, Аксентович очень часто обращался к народным танцам и в их числе к образам гуцулок. Здесь уже художник перед собой ставил в основном задачу этнографического порядка. Но в силу его творческого подхода ко всему, в силу того, что реалистическому методу объективно чужда голая и безразличная фактография, эти работы художника сплошь и рядом перерастают скрывающие рамки этнографизма и предстают перед нами как подлинные творения портретного искусства, со всеми особенностями, присущими этому жанру.

В результате получается, что лучшие примеры этого ряда достоверно передают облик, одежду, украшения избранного представителя того или иного народа (чаще всего—украинцев, армян, поляков и русских) и в то же время художественно воспроизводят индивидуальные образы.

Такова, например, «Горалка» («Женщина с гор») — один из лучших образов так часто изображаемых Аксентовичем гуцулок, где автор не только документально верно передает ее национальный тип и этнографический облик, но и с тонким психологическим проникновением и поэтическим вдохновением воспеваает ее прямой характер, духовную чистоту, всю ее человеческую красоту.

АРМЯНСКАЯ КНИГА В XV—XVI вв. И АРМЯНСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ ВО ЛЬВОВЕ В XVII в.

К. А. КОРКОТЯН

(Кандидат филологических наук)

Н. А. ВОСКАНЯН

(Государственная республиканская библиотека Армянской ССР
им. А. Мясникяна)

Армяне, обосновавшиеся во Львове, Каменце, Снятыше, Рашкове, Жванце и других западноукраинских городах, создали свою общину, суд, школу. Эмигрировавшие на Украину торговцы, врачи, представители науки и искусства вместе с другими богатствами привезли туда также рукописи, которые долгие годы хранились в церквях¹ и у частных библиофилов. Так, известное скеврийское Евангелие 1197 г. находилось в библиотеке Львовского патриаршества².

На написанном в 1349 г. в крымском городе Сурхате «Апостоле» (*Ճաշոյ*) имеется памятная запись, которая утверждает, что сей «Апостол» купил житель города Каменец господин Синан в память о сыне своем Абрааме и о родителях—отце Хутлупеке и матери Сара Хатун. Эта надпись сделана в 1394 г. Затем этот же «Апостол» господин Синан в 1398 г. подарил построенной им же каменецкой церкви Святого Никогайоса (св. Николая)³.

Написанное в 1198 г. Евангелие у инока Симеона купил (в 1422 г.) отец господина Синана Хутлупек, и оно хранилось во Львове⁴.

¹ См. Մ. Բժշկեանց, Ճանապարհորդություն ի Լեհաստան, Վենետիկ, 1930, стр. 84—85.

² См. Ն. Ալիկեան, Սկեռայի աւետարանը 1197 թուականէն Լվովի հայ արքեպիսկոպոսարանի զբաղարանին մեջ, Վիեննա, 1930, стр. 33.

³ См. Ղ. Ալիշան, Կամենից, Վենետիկ, 1896, стр. 160.

⁴ См. там же, стр. 161.

Множество апостолов, евангелий, часословов, календарей и других книг хранилось в культурных очагах украинских армян, которые впоследствии вызвали интерес не только у армян, но и у иноземных путешественников⁵.

Армяне не удовлетворялись одним лишь хранением переписанных в других городах рукописей. Уже с XV в., а может быть и раньше, во Львове, Каменце и других городах имелись не только переписчики, которые своими замечательными рукописями удовлетворяли запросы местных армян и духовенства, но и мастерские, где реставрировали и переплетали рукописи в кожаные, деревянные и бархатные переплеты, поражающие и сегодня мастерством переплетного дела. Подобные мастерские действовали почти во всех районах Украины с армянским населением, находясь, по-видимому, при церквях.

В начале XVI в. в Каффе был известен переплетчик-священник Тадеос, который в 1501 г. переплел написанные рукой монаха Аствацатура «Четы-Минен» (*Չորսմիներ*)⁶, в 1508 г. реставрировал переплет написанного в 1414 г. «Маштоца»⁷ и т. д.

В конце XVI и в начале XVII вв. во Львове были известны переплетчики Ованес, Казар Бабердци, в Каменце—Акоп дпир и другие, которые не только переплетали рукописи и превращали их в книги, оберегая от внешних повреждений, но и являлись большей частью мастерами-иллюстраторами и обеспечивали также художественную сторону рукописной книги. Интересны работы по иллюстрированию Акопа дпира⁸, сына Григора, которые он развернул в Каменце и Замостье, и работы Казара Бабердци⁹ во Львове. Особого внимания заслуживают замечательные работы Казара Бабердци по переплетению и иллюстрированию.

Художник-переплетчик, с целью сохранения своих миниатюр, отделял страницу с рисунком от рукописи шелковой закладкой. Бережно рисовал он разными цветами заглавные буквы. Переписанное «Евангелие» он украсил 23 рисунками религиозного содержания, портретами четырех евангелистов и 10 заставками, которые изумляют как тонким подбором красок, так и мастерством исполнения рисунков.

---

⁵ Об этом подробно см. Я. Р. Дашкевич, Армянская книга на Украине в XVII столетии. В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сборник 6. М., 1962, стр. 147—148.

⁶ Матенадаран им. М. Маштоца, рукопись № 7470.

⁷ Там же, рук. № 7873.

⁸ Там же, рук. № 2856.

⁹ Там же, рук. № 351.

Переписчики в армянских колониях Украины большей частью были духовными лицами—священниками, монахами и дьяконами, а зачастую и учителями духовного училища. Например, епископ Казар Тохатеци, который после разрушения города Евдокия переехал в Каменец, где учительствовал, в 1607 г. переписал одно «Евангелие»¹⁰.

В XV в. во Львове был известен епископ Симеон Олахаци (из Олахской земли), который переписал сборник произведений светского содержания. В XVI—XVII вв. армянская колония была богата переписчиками, из которых заслуживают упоминания: Григор вардапет Варагани, Нерсес Ерец, нотарнус Погос, Григор Абега (сын Варда), по прозвищу Томажираци, сын Погтана Затик и много других людей разных должностей и званий, которые посвятили свою творческую жизнь переписыванию рукописей, принеся в дар армянскому народу блестящие образцы литературно-художественных и религиозных произведений¹¹.

Школы в армянских колониях на Украине действовали при церквях и, по-видимому, со времени создания армянского патриаршества (с 1346 г.). Уже в 1668 г. воспитанники духовных училищ занимались также перепиской рукописей, о чем свидетельствует переписанный в том же году во Львове «Служебник» («Պատմարկանի ծառայող»), в колофоне которого сказано: «Написана тетрадь-служебник для пользования блаженного священника Акопа в год нашего летосчисления 1116, в месяце апреле, по римскому 23-го, при патриаршестве папы Александра VII, при католикосе Святого Эчмιάдзина отца Акопа и при архиепископстве отца Никогайоса, в царствование Яна Казимира в стране Польской в столице Лёв и в духовном училище армянском. Встречающего молю поминать в молитвах переписчика».

Скромный, но содержательный колофон, в котором автор, указывая всех деятелей своего времени—царя, католикосов, епископа, указывая место, где переписана рукопись, оставляет в тени свое имя, прося лишь поминать переписчика в молитвах.

Какого содержания рукописи относились к числу излюбленных книг армянских переписчиков на Украине? Книги ли религиозного содержания, как это принято говорить, или

¹⁰ Ն. Ալիբեկան, Հինգ պանդուխտ տարասացներ, Վիեննա, 1921, стр. 205—216; Ղ. Ալիշան, Կամենիք, стр. 168:

¹¹ При оценке работы переписчиков мы пользовались рукописями Матенадарана под номерами: 24, 99, 549, 1259, 1385, 1429, 1763, 2031, 4405, 5587, 5730, 6731, 9694.

произведения светского содержания, далекие от церковных ритуалов? Наши исследования привели к тому, что поскольку книги религиозного содержания были необходимы для церкви и духовенства не только украинской армянской колонии, но и для вывоза и потребность в этих книгах была велика, то поэтому часть рукописей составляли книги религиозного содержания: часословы, библии, апостолы, святцы, календари и другие. Но этим отнюдь не ограничиваются интересы украинских армянских переписчиков. Среди рукописей мы встречаем также большое количество книг светского содержания. Самые распространенные рукописи на Украине—сборники, которые по своему содержанию неоднородны. Если какая-то часть сборников имеет религиозное содержание, то большая часть их—книги светского содержания¹². Большинство сборников содержит переводы произведений Аристотеля и комментариев к ним, труды Гр. Нюсаца и Абусаида по анатомии и врачеванию, исследования по армянской грамматике, моральные наставления, басни В. Айгекци, светские таги (песни) и другие произведения, которые не только далеки от того, чтобы быть используемыми в церкви, но и зачастую даже противопоставляются ее идеям¹³.

Во Львове написаны также сборник, посвященный армянским законам¹⁴, труд Лусика Саркавага «Произведение на кипчакском языке армянским шрифтом» и сборники, посвященные кипчакской грамматике¹⁵.

Но переписчики не только в сборниках обращались к светской тематике. Для удовлетворения непрерывно растущих запросов воспитанников школ переписывались также книги для чтения и по грамматике, буквари, поэма Г. Нарекаци «Книга воплей» (*«Մտնանի պղնդաբանի»*)¹⁶, стихотворные произведения Н. Шнорали и другие книги, которые были призваны сохранить литературные и научные сокровища, созданные деятелями армянской культуры.

Чрезвычайно большую ценность представляют колофоны рукописных книг, которые содержат в себе хотя и мимолетные, но верные сведения о событиях своего времени. Колофоны знакомят читателя с людьми, которые, не жалея своих сил, склонившись перед светильником, переписывали

¹² Просмотрены рукописи Матенадарана, а также рукописи, упомянутые Г. Алишаном в книге «Каменец» и Ташяном в «Каталоге рукописей».

¹³ Матенадаран, рук. № 466, 549, 1976, 1978 и т. д.

¹⁴ Там же, рук. № 778.

¹⁵ Там же, рук. № 2267, 3522.

¹⁶ Там же, рук. № 1692, 1617.

сокровища армянской культуры, спасая их от уничтожения. Интересен колофон, называющийся «Нашествие татар на землю польскую»¹⁷, состоящий из 8 листов и в свое время являвшийся колофоном к написанному в городке Рогатине «Молитвеннику».

Таковы были по своему содержанию рукописи, переписанные и написанные в украинской армянской колонии, которые, будучи ценными и нужными в свое время, и поныне являются блестящими образцами научных и эстетических произведений.

Таким образом, украинская армянская колония, имея переписчиков и художников, достигших высокого мастерства, передовых мыслителей науки и литературы, не могла оставаться равнодушной к новому способу создания книги, который был распространен в Европе и армянские образцы которого уже появились в Венеции и Константинополе¹⁸. В первой половине XVII в. в 1616 г. во Львове, недалеко от армянской церкви, усилиями Ованеса Карматаненца была основана армянская типография.

Об основоположнике на Украине первой армянской типографии Тер-Ованесе Карматаненце у нас имеются весьма скудные сведения. Ованес Карматаненц был родом из Багеша (город в южной Армении), сыном Мурата и Анны. Дедом Ованеса был священник Тер-Симеон¹⁹. Дата переезда Карматаненца из Багеша во Львов неизвестна; неизвестно также, где получил Ованес образование. Мы знаем только, что в

¹⁷ Там же, рук. № 4678.

¹⁸ Как известно, первое армянское печатное издание появилось в 1512 г. в Венеции. Издал его Аюп Мегарт (Грешник). Он напечатал пять названий книг: „Святцы“ (*«Պարզատուճար հայոց»*), „Служебник“ (*«Պատարագատեար»*), „Книга о средствах против наваждений“ (*«Ուրրաթագիրք»*), „Книга песен“ (*«Տաղարան»*) и „Книга об астрологических предсказаниях“ (*«Արթարք»*). Второе армянское печатное издание выпустил Абгар дпир Токатеци сначала в Венеции, а затем в Константинополе. Он напечатал в 1565 г. „Календарь“ (*«Ճանաչիլիթուր տուճարի»*) и „Псалтырь“ (*«Սաղմոսարան»*), в 1567 г. „Малую грамматику, или букварь“ (*«Գերազանդութիւն կամ այլրեանարան»*), в 1568 г. „Часослов и служебник“ (*«Փաճագիրք և պատարագատուճար»*), „Святцы“ (*«Պարզատուճար»*), „Книгу песен“ (*«Տաղարան»*), „Месяцеслов“ (*«Տօնացոյց»*) и в 1569 г. „Требник“ (*«Մաշտոց»*). Затем Ованес Терзици в 1584 г. в Риме напечатал „Григорианский календарь“ (*«Տօճար Գրիգորեան»*), а в 1587 г.—„Псалтырь“ (*«Սաղմոսարան»*) в Венеции. Таким образом, львовская армянская типография шестая среди армянских типографий.

¹⁹ См. Գ. Զարպիանյանի, *Պատմութիւն հայկական տպագրութեան, Վեներիկ*, 1895, стр. 66.

1616 г. он находился во Львове и уже был в сане священника²⁰. В том же году он напечатал «Псалтырь» («*Սաղմոսարան*»).

После прекращения по неизвестным причинам деятельности типографии Ованес Карматанец еще долгое время находился во Львове и был священником, очевидно в церкви Святой Богородицы. Письменные свидетельства об этом сохранились в колофоне к рукописи Григора Аствацбана «Ар ворс» («*Ար վրս*»), где написано: «Ныне написана книга, которая называется «Ар ворс», сказанная Святым Григорием Богословом, взятая с хорошего и избранного экземпляра, для пользования и в память добросердечного и пытливого словесника доброго священника отца Ованеса, по прозвищу Карматанец, который с большой охотой и желанием дал написать это на свой честный заработок, за что дай бог ему пользоваться на здоровье...»²¹.

Ташян не указал точной даты переписки рукописи, а написал: «до 1700-го»²². Та же рукопись, причем дважды, упоминается и Г. Алишаном. В первый раз датой переписки указан в 1618 г. под вопросом, а во второй—1659²³. Нам кажется более вероятной вторая дата.

Таким образом, в 1659 г. Ованес Карматанец был еще жив и был священником во Львове. В 1669 г. Ованес Карматанец уже был епископом, о чем известно опять-таки из рукописей.

На странице 19а рукописи²⁴, регистрирующей официальные крещения во Львове в 1636—1732 гг., указано, что в 1669 г. «епископ Ованес Карматанец рукоположил Тер Онофрия Аслановича епископом в Леополе». М. Бжишкян²⁵ повышает духовный сан Ованеса Карматанца еще на одну ступень, упоминая его имя среди архиепископов украинской армянской общины. Однако Карматанец не был утвержден главой армянской общины, а был лишь местоблюстителем. Об этом говорит и Ташян в примечании к описанию переписанной в 1673 г. рукописи «Богословие нравственное на польском и армянском языках». Ташян разъясняет, что «Николай Торосович поехал в Рим по разным делам и был вынужден оставаться 7 лет, а преемником его был избран Вардан Унанян, а

²⁰ См. там же, стр. 66.

²¹ Հ. Տաշևան, *Յոսեփի հայերեն ձեռագրաց, Վիեննա*, 1895, стр. 365—366.

²² Там же, стр. 366.

²³ См. Ալիշան, указ. соч., стр. 174 и 193.

²⁴ См. Տաշևան, указ. соч., стр. 907.

²⁵ См. Բժշկանց, указ. соч., стр. 106.

во время его отсутствия общиной руководил епископ-помощник Ованес Карматанец»²⁶.

Таким образом, если подытожить имеющиеся у нас скудные сведения и попытаться приблизительно определить возраст Ованеса Карматаненца, получится, что Ованесу должно было быть, по меньшей мере, лет 20—25 для того, чтобы он мог заниматься книгопечатанием, и если в 1669 г. он был еще жив, то умер, по-видимому, в глубокой старости. Будучи одним из образованных людей своего времени, предпринявшим первым в украинской армянской колонии дело книгопечатания, он едва ли мог провести дальнейшую жизнь без общепользительной деятельности. Очевидно, Ованес Карматанец до конца жизни лелеял надежду снова вернуться к книгопечатанию и свято хранил армянскую типографию, с дальнейшей судьбой которой мы познакомимся несколько позднее. А пока обратимся к вопросу о том, как была организована армянская типография во Львове и где мог быть отлит ее типографский шрифт.

В колофоне к изданному в 1616 г. «Псалтырю» указано, что «с помощью всемогущего бога напечатана новая книга в стране Польской, в городе по названию Львов, под сенью церкви Богоматери, рукою многогрешного иерея Ованеса Карматаненца, который (до этого) с великим трудом и большими затратами целый год со всеми работниками трудился, пока буквы наладил и новую печатню основал. И для пробы сначала напечатал песню пророка Давида для пользы нашего молящегося народа боголюбца, что если вам понравится, слава богу. Вот закончилось печатание его в летосчисление армянское 1065 года, месяца декабря 15-го и в году от рождения Христова 1616-м в патриаршество святейшего отца католикоса Меликседека, а также главы киликийской области отца Ованеса... и в царствование царя христианской польской нации Сигизмунда, которого да хранит бог»²⁷.

Согласно данным колофона, Ованес Карматанец создал свою типографию под сенью церкви Святой Богоматери, т. е. при церкви, и целый год работал с мастерами, пока «буквы наладил и печатню основал» (т. е. пока был изготовлен шрифт). Отлили ли Ованес Карматанец и его товарищи только печатные буквы или создали и их матрицы и пуансоны? При изучении этого вопроса библиограф Г. Левонян пишет: «Мы эту книгу (речь идет о «Псалтыре». — К. К., Н. В.) не видели и, значит, не можем сказать, какого вида и характера

²⁶ Զ. Տաշխանի, указ. соч., стр. 958—959.

²⁷ Գ. Զարգիսյանի, указ. соч., стр. 66.

были новые буквы, были ли они отлиты на новых матрицах или, может быть, были взяты с существующих в прошлом веке форм. Мы находим последнее более вероятным, поскольку сам книгоиздатель в колофоне к своей книге сообщает, что печатание «Псалтыря» продолжалось год, а за год едва ли было возможно изготовить матрицы и пуансоны букв нового типа, отлить их и отпечатать книгу»²⁸.

Мы не согласны с мнением Г. Левоняна. В 1615 г., когда Ованес Карматаненц приступил к книгопечатанию, типографское дело во Львове было уже достаточно развито. Уже в 1564 г. Иван Федоров основал первую русскую типографию в Москве, а в 1574 г. он уже был на Украине, сначала во Львове, а затем в городе Остроге. Иван Федоров занимался на Украине не только книгопечатанием, но и отливкой букв. В Остроге Иван Федоров изготовил пять новых видов букв, причем он рисовал буквы, изготовлял матрицы и пуансоны букв и отливал их типографские шрифты²⁹. После смерти Ивана Федорова типографские работы во Львове не прекращались. Типография Ставропигиальной конгрегации, основанная в 1591 г., просуществовала до XVIII в.

Эти факты наводят на мысль, что имея опытных мастеров, художников и ювелиров и будучи сам опытным издателем, Ованес Карматаненц вполне был в состоянии в течение года изготовить типографский шрифт и напечатать «Псалтырь». Вероятно, Ованес Карматаненц был хорошо знаком с книгами первых армянских книгопечатников: Акопа Мегарта, Абгара дпйра и Ованеса Терзици. Когда мы теперь рассматриваем имеющиеся под рукой фотокопии «Молитвенника» («Մոլոճարիկ») Ованеса Карматаненца, то на первый взгляд кажется, что здесь использованы буквы «Псалтыря» Ованеса Терзици—заглавные буквы нарисованы, набор неровный. Однако при внимательном сравнении мы убеждаемся, что буквы не одни и те же, хотя и похожи. Ованес Карматаненц использовал 12- и 8-пунктовые болорагирь и заглавные буквы, похожие на рукописные. Используемая Ованесом Карматаненцом заставка (գլխազարկ) по форме, а не по содержанию, также напоминает заставки книги Акопа Мегарта. Заставки, примененные Ованесом Карматаненцом в армянском стиле (лепестки цветов в вазе), использовались в Константинополе в конце XVII—начале XVIII вв. В «Молитвеннике» в качестве заставок использован рисунок «Агнец божий» («Գառնի ամեն»), который часто встречается

²⁸ Գ. Լեւոնյան, *Զայ գիրքը և տպագրութեան արվեստը*, 1958, стр. 80.

²⁹ Об этом см. «Четыреста лет русского книгопечатания», М., 1964, стр. 68.

в XVIII в. в константинопольском армянском книгопечатании. Сказать, что Ованес Карматанец привез из Константинополя клише этих рисунков, мы не можем, так как в эти годы в Константинополе не было книгопечатания, а Абгар дпир подобных заставок не употреблял. Употребляемые Абгаром дпиром заставки—композиционные рисунки.

Из печатной продукции типографии Ованеса Карматанца до нас дошло очень мало образцов. Долго считали, что в этой типографии был напечатан только «Псалтырь».

Что представляет собой «Псалтырь»? Это—книга, состоящая из 478 нумерованных страниц с орнаментированным титульным листом. В верхней части титульного листа—рисунок с распятым Христом, в нижней части—картина, изображающая жертвоприношение Авраамом сына, в четырех углах—рисунки на сюжеты из Ветхого и Нового Завета. В книге имеется также один рельефный рисунок, изображающий Давида и божьего ангела с мечом, а также использованы заставки и орнаменты (*խորանազարդեր և զարդազրեր*).

В «Псалтыре» в начале каждого псалма указан повод, по которому он сочинен. В конце книги помещены благословение Анании, молитва Манасе. «Մեծացուցե՛ք»—благопожелание Святой Богородицы, а также молитва Нерсеса Шнорали «С верой исповедую» («Հազարամի խոստովանիմ»). В конце книги, как принято в старопечатных книгах, помещен колофон издателя, в котором Ованес Карматанец сообщает сведения о себе и о своих родителях. На титульном листе «Псалтыря» написано: «Псалом Давида. Напечатан псалом в типографии Карматанца Тер Ованеса, в год от рождества Христова 1616-й и армянского летосчисления 1065-й, декабря месяца 15-го»³⁰. «Псалтырь», как и считающийся продукцией той же типографии «Врачебник» («Բժշկարան»), обнаружил монах конгрегации мхитаристов А. Зограбян и повез в Венецию. «Врачебник» был неполным как с начала, так и с конца книги. Впоследствии Степанос Агонц писал о неполном врачебнике: «Кроме «Псалтыри», здесь нашел (речь идет о А. Зограбяне.—К. К., Н. В.) в тех краях и другую книгу лечебную вместе с врачебником, с еще более неровной печатью, крупным шрифтом, которая напечатана, кажется, в той же типографии»³¹.

Это свидетельство Агонца впоследствии было повторено

³⁰ Этой книги в Советском Союзе нет. Описание мы взяли из указ. соч. Г. Зарбаналяна, стр. 63—67.

³¹ Գ. Ագոնց, Աշխարհագրութիւն չորրկու մասանց աշխարհի, հտ. 2, Վենետիկ, 1802, стр. 136:

и другими учеными. Других экземпляров этой книги пока не обнаружено, а тот, который видел Агонц, сгорел, по дошедшим до нас сведениям, в Венеции во время пожара³².

До последнего времени упоминался и «Молитвенник» («Աղօթագիրք») на кипчакском языке, напечатанный армянским шрифтом³³. Об этом упоминает и М. Бжишкянц³⁴, указывая, что в 1705 г. был издан «Псалтырь» («Աղմուսարտի») на татарском языке. О «Молитвеннике», который в 1618 г. был напечатан на полуармянском-полутатарском языке, мимоходом упоминает и Ф. Маклер³⁵.

Лишь недавно, когда в результате поисков венгерского востоковеда Э. Шюца³⁶ был выявлен «Молитвенник» на армяно-кипчакском языке, напечатанный армянским шрифтом, имеющиеся у нас сведения стали более точными. Эти книги Шюц обнаружил в библиотеке Лейденского университета и любезно прислал нам ее фотокопию.

В книге 166 страниц, которые окаймлены орнаментами. Книга имеет одну картину на обороте титульного листа с изображением «Агнеца божия» («Գառն աստուծոյ») и четыре заставки («գլխազարդեր և վերջազարդեր»). Оригинал набран

12-пунктовым болорагиром, а заглавия 10-пунктовым, имеются также заглавные буквы, похожие на рукописные. Книга содержит псалмы и молитвы, имеет предисловие и колофон. Колофон этого «Молитвенника» довольно короткий: «Напечатан в Лева, в типографии Тер-Ованеса Карматаненца в год 1067, 20-го марта» (1618). На титульном листе написано: «Աղօթք հասարակաց քրիստոնէից. альгиш питики... Тер-Ованес ашра Карматаненц и Лёвтай в год 1067 февраля 27-го» (1618). («Молитвы общины Христиан...»).

Как выясняется из сравнения колофона и титульного листа, Карматаненц закончил печатание «Молитвенника», приблизительно за месяц (начал 27-го февраля и закончил 20-го марта, см. рис. 1 и 2).

Зачем понадобилось издание этой книги на армяно-кипчакском языке?

Как известно, на Украине и в Крыму армяне в XVI—XVII вв. под влиянием местного населения создали армяно-

³² См. Я. Р. Дашкевич, Армянское книгопечатание на Украине в XVI веке, *ՊՆԲ, Երևան*, 1963, №4, стр. 118.

³³ Մ. Զաւղեան, *Պատմութիւն հայոց, հտ. 9, Վենետիկ, 1784*, стр. 664.

³⁴ См. Մ. Բժշկեանց, указ. соч., стр. 100.

³⁵ См. F. Macler, *Revue des Etudes Arméniennes*, V. 6. Paris, 1926, стр. 83.

³⁶ См. E. Schütz, An Armeno-kipchak print from Lvov, *Acta orientalia Hungarica*, t. 13. Budapest, 1962, fasc. 1—2, стр. 123—130.

кипчакский язык, который стал не только их разговорным языком, но на этом языке стали писаться судебные протоколы и другие документы. Среди рукописных книг осталось много рукописей на армяно-кипчакском языке. Ованес Карматаненц, будучи человеком, шагающим в ногу с эпохой, чувствуя, что грабар—совершенно непонятный язык для местных жителей, издал эту книгу на армяно-кипчакском языке, уже не для церкви (службы в церкви проводились на армянском языке), а для народа, и только для жителей Украины и Крыма. Это важный факт, доказывающий, что Карматаненц всячески старался уберечь стоящий на грани ассимиляции народ от этой опасности. Как мы знаем, самым действенным оружием, спасающим армян от ассимиляции, была религия, к помощи которой обращался и Ованес Карматаненц. Таких фактов было много и в других армянских колониях, где армяне говорили по-турецки. Для этих армян в Константинополе, Триесте, Венеции и других городах печатались армянским шрифтом религиозные книги на турецком языке для того, чтобы уберечь армянский народ от ассимиляции. Впервые это сделал Ованес Карматаненц во Львове. Если основываться на дошедших до нас сведениях, то можно предположить, что этим и завершается книгоиздательская деятельность Ованеса Карматаненца, что кажется нам маловероятным.

Украинский историк Я. Дашкевич детально исследовал архивные материалы и пришел к тому выводу, что Львовская армянская типография существовала еще долгое время. Усилившийся в XVII в. гнет католической церкви, которую возглавлял патриарх Никол Торосович, заставляет Христофора Горичко-Голубовича и его сына Якова написать острый памфлет на польском языке под заглавием «Правдивое и краткое рассмотрение омерзительной и зловой ошибки римской церкви». Я. Дашкевич предполагает, что этот памфлет был напечатан в типографии Ованеса Карматаненца³⁷, что весьма вероятно. Дальнейшие поиски Я. Дашкевича пока не дали новых материалов для выяснения окончательной судьбы типографии Ованеса Карматаненца, и он пришел к выводу, что открывшаяся в 1649 г. в Сучаве типография, вероятно, может считаться преемницей типографии Ованеса Карматаненца³⁸. Мы не можем согласиться с этим, поскольку наши исследования показали, что в Сучаве армянского книгопечатания не производилось, так как указанное Гафтапяном³⁹

³⁷ См. Я. Р. Дашкевич, указ. соч., стр. 157.

³⁸ См. Я. Р. Дашкевич, указ. соч., стр. 158. Ошибочно указан 1645 г.

³⁹ См. Քաղաքի, Տիպ ու տպ. Կ. Պոլիս, 1912, стр. 146:

«Евангелие» не печатное, а рукописное и хранится ныне в Бухаресте. Это подтверждает также научный сотрудник Матенадарана имени М. Маштоца С. Коланджян.

Исследования Я. Дашкевича показали, что во Львове делались и другие попытки основать армянскую типографию, окончившиеся неудачей.

Существует мнение, что в армянской типографии Львова в 1668—1669 гг. были напечатаны две пьесы: «Мученичество Святой Рипсиме» и «Житие императрицы Пульхерии», первая из которых—на армянском, польском и латинском языках, а вторая—на польском и латинском⁴⁰. Эти пьесы действительно ставились во Львове учениками армянской школы, но вопрос их напечатания до сих пор не решен, так как не обнаружено ни одной напечатанной страницы этих пьес. По сведениям, присланным кандидатом исторических наук Н. К. Кривонос, в архивах Львова хранятся материалы, свидетельствующие о том, что в торговых операциях армянских купцов XVII в. использовались бланки векселей, напечатанные на армянском языке. Нам неизвестно, где они печатались? Но можно предполагать, что они могли быть напечатаны во Львовской армянской типографии.

Типография Ованеса Карматаненца, по нашему мнению, стала жертвой усиленной борьбы между армянской и католической церквями, которая велась между населением армянской колонии на Украине и представителями Рима.

Этим мы заканчиваем историю книги в армянской колонии на Украине в XV—XVII вв. Сегодня во всех концах света—в Армении, на Украине, в России, Венеции, Риме, Польше и в других странах, где проживают армяне, мы можем встретить образцы печатной и рукописной книги украинской армянской колонии, которые уже одним своим существованием свидетельствуют о большой роли, которую сыграл украинский народ в жизни армянской колонии на Украине.

Теплый и дружеский прием, оказанный украинцами, дал возможность армянам, жившим на Украине, не только сохранить существующие сокровища своей культуры, но и обогатить ее и поднять ее на новую ступень.

---

⁴⁰ Ն. Կրիվոնոս, *Ուկրաինայում հայ դրքի տպագրության 350-ամյակը, Կուլտուր-լուսավորական աշխատանք, Երևան, № 6, օր. 45—46.*

РАЗДЕЛ IV

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АРМЕНИИ И УКРАИНСКО-АРМЯНСКИХ СВЯЗЕЙ В УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. К. ИВАСЮТА

(Доктор исторических наук, зав. отделом истории Института
общественных наук во Львове)

С. К. ГУТЯНСКИЙ

(Кандидат исторических наук, Институт истории АН УССР)

Проблема исторических связей армянского и украинского народов, а также ряд вопросов истории Армении привлекали внимание историков Украины с первых лет существования Советской власти. Этому способствовала победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшая новую эру в истории народов нашей страны, в межнациональных отношениях, основанных на ленинской политике пролетарского интернационализма и дружбе народов, создании и развитии суверенных национальных советских республик в составе великого Советского Союза.

С каждым годом развивались и крепились экономические и культурные связи украинского народа с великим русским и другими братскими народами нашей страны, в том числе с армянским народом. Все лучшее передовое, что родилось и развивалось на протяжении веков в отношениях между армянским и украинским народами, умножилось и расцвело, наполнилось новым содержанием, проявилось в новых формах в условиях Советской власти и строительства социализма, выросло в нерушимую дружбу и братский союз двух свободных народов в системе братского содружества между всеми народами Советского Союза.

Строительство социалистического общества, создание новой, советской национальной культуры украинского народа, естественно, выдвигало необходимость развития наиболее тесных экономических научных и культурных связей с эконо-

микой, наукой и культурой русского и других братских народов Советского Союза, в частности армянского народа.

В 20-х годах среди ученых резко возрос интерес и к изучению истории развития экономики и культуры народов Кавказа и Закавказья, в частности Армении.

Важную роль в консолидации сил ученых-востоковедов и активизации их деятельности по изучению истории народов Востока, в частности истории Армении и украинско-армянских связей, сыграло Общество востоковедов, созданное в июле 1925 г. в Киеве, а также Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (ВУНАВ), созданная в Харькове в январе 1926 г. и имевшая свои филиалы в Киеве и Одессе. Председателем ВУНАВ был известный ученый и государственный деятель академик А. Г. Шлихтер. В ВУНАВ активно сотрудничали П. Г. Риттер, П. Г. Тычина, В. П. Бузескул, В. В. Бартольд, А. П. Ковалевский и другие ученые и литераторы, занимавшиеся изучением истории и культуры народов Востока, в частности народов Кавказа.

ВУНАВ сыграла большую роль в активизации сил ученых востоковедов по исследованию истории народов Востока и его связей с украинским народом.

В программу деятельности ВУНАВ, наряду с другими важными задачами, входила также задача подготовки научных докладов и сообщений, установления научно-культурных связей с советскими и зарубежными востоковедческими организациями, издания востоковедческой литературы.

Политико-экономические отделы филиалов Ассоциации занимались исследованием экономического положения народов Советского Союза—Абхазии, Аджарии, Грузии, Армении и Северного Кавказа, а также быта национальностей Востока, в том числе армян, проживавших на Украине.

Большую научно-исследовательскую и научно-организационную роль сыграли съезды Ассоциации, состоявшиеся в Харькове в мае 1927 г. и в ноябре 1929 г.

Среди многочисленных докладов и сообщений, прочитанных на заседаниях секций историко-этнологических отделов филиалов (ВУНАВ) в Харькове, Киеве, Одессе, а также на секциях двух съездов ВУНАВ, многие были посвящены армянской тематике.

В 1926 г., например, в Харькове, на секции искусства и археологии были заслушаны доклады Е. А. Никольской—«Миниатюры армянских рукописей, принадлежащие Абгарьянц» и «Иллюстрации рукописей мастера Ованеса из Гизона». На первом съезде ВУНАВ (май 1927 г.) с докладами выступили профессор А. А. Потапов—«Доисторический Кавказ»,

Т. А. Ивановская—«Искусство кавказских доисторических бронзовых блях», Е. А. Никольская—«Народные течения в армянской книжной иллюстрации», И. Я. Айзеншток—«Восток в украинской художественной литературе».

На заседаниях второго съезда ВУНАВ (ноябрь 1929 г.) А. А. Никольская сделала доклад «О влиянии византийского искусства на армянскую книжную иллюстрацию», Т. А. Ивановская—«О методах изучения искусства древнего Кавказа». На секции выступили с докладами профессор А. А. Потапов—«Неолитические стоянки-мастерские Грузии и Армении», М. Д. Попов (председатель армянской секции Харьковского Дома народов Востока)—«Археологическая хроника Армении за 1924—1925 гг.», Л. Цукерман—«Об экономике Советской Армении» и др.

Ассоциация установила активные научные связи украинских ученых с научными учреждениями Армении, в частности с Армянским комитетом охраны старины, Институтом наук и искусства Армении, Кавказским историко-археологическим институтом, Государственным университетом Армении и др.

Даже при весьма скромных материальных средствах Ассоциация организовала ряд экспедиций в Армению. Ученые археологи провели раскопки в долине Аракса (профессор А. Миллер). Из Киева выезжал в Армению научный работник Л. Цукерман, изучавший экономику республики, искусствоведы Е. А. Никольская, Т. А. Ивановская, К. А. Берлядина около месяца изучали в Эчмиадзине памятники древнего искусства Армении, профессор И. Моргалевский исследовал армянскую архитектуру.

Результаты научных исследований украинских историков, археологов, искусствоведов, этнографов не только заслушивались в форме научных докладов на съездах и заседаниях секций Ассоциации, но и были напечатаны на страницах журнала «Східний світ» («Восточный мир», издававшегося с марта 1927 до 1931 года в Харькове, шесть номеров в год). С шестого номера 1930 г. журнал «Східний світ» стал называться «Червоний Схід» («Красный Восток»).

В журнале сотрудничали В. П. Бузескул, А. Ю. Крымский, А. П. Ковалевский, П. Г. Риттер, А. П. Ряппо, П. Г. Тычина и другие ученые, деятели науки и культуры.

Среди докладов и статей, напечатанных на страницах журнала, представляют интерес статьи Л. Цукермана «Современная Армения», в которой автор исследует экономическое положение Советской Армении за 1926—1928 гг.¹, Л. Велич-

¹ «Східний світ», 1928, № 5, стр. 129—135.

ко—«Фритиоф Нансен о Советской Армении»², А. Худадова—«К вопросу о происхождении армян»³, Е. Никольской—«К изучению армянского миниатюрного художества», в которой автор исследует орнаментированную рукопись № 2743 Эчмиадзинской библиотеки⁴.

Журнал печатал также подробные отчеты о съездах ВУНАВ, о заседаниях секций, о деятельности Дома народов Востока, об экспедициях ученых на Кавказ, в частности в Армению, о их научной деятельности.

Материалы о культуре Армении систематически печатались в разделе «Хроника» на страницах общественно-политического и литературно-научного ежемесячника «Червоный шлях» («Красный путь»), издававшегося с 1923 по 1936 гг. Его редакторами в разные годы были видные государственные деятели Украины Г. Ф. Гринько, В. П. Затонский, писатели И. Кириленко, М. Яловой и др.

В одном из номеров «Червоного шляха» (№ 10(31), 1925 г.) была напечатана, например, интересная хроника о деятелях армянской культуры, в частности об известном армянском художнике и литераторе Геворке Башинджагяне, о памятнике Хачатуру Абовяну, бронзовую статую которого прислала в дар армянскому народу парижская армянская колония.

Журнал печатал переводы из произведений армянских писателей и поэтов. В номере 1—2 (22—23) за 1925 г. был напечатан отрывок из поэмы «Ленин» Егише Чаренца в переводе П. Г. Тычины. Прекрасно и пророчески звучат строки из этой поэмы в переводе П. Г. Тычины.

«Эй

ви!

Рокфеллер

Стінес,

Морган, чи там хто!

Чуете?

Мы ще прийдемо

Та не з одним загоном, не з одним полком.

Ще прийде Ілліч.

Щоб увійти у всесвітній Раднарком!»⁵

Хроніку «Армянская культура», а также другие мате-

² Там же, стр. 137—152.

³ «Східний світ», 1930, № 10—11, стр. 315—322.

⁴ «Східний світ», 1929, № 1—2 (7—8); первая статья Е. Никольской под этим же названием была опубликована в «Научных записках кафедры западноевропейской литературы», т. III, вторая—в журнале «Мистецтвознавство», 1929, № 1.

⁵ «Червоный шлях», 1925, № 1—2 (22—23), стр. 67.

риалы об Армении, не исключая научных и общеполитических статей, можно встретить и в других журналах довоенного периода.

Республиканские и областные (губернские) партийные, советские, ведомственные журналы и газеты помещали на своих страницах статьи и другие материалы, посвященные юбилею Советской Армении, отмечаемому ежегодно 29 ноября.

В настоящее время статьи о Советской Армении печатаются в ежегоднике «Народный календарь» и других изданиях.

Интерес к изучению многовековой истории армянского народа, его богатейшей культуре и украинско-армянских связей особенно усилился на Украине после Великой Отечественной войны.

В работах украинских советских историков мы находим научную разработку многих интересных вопросов истории армянского народа и его культуры.

Наиболее интересны страницы исторических связей украинского и армянского народов дооктябрьского периода, которые повествуют о поселениях армян на украинских землях. История этих поселений, хозяйственная и культурная жизнь армян, сохранение и развитие их языка, обычаев получили соответствующее освещение еще в буржуазной историографии. Однако подлинно научная трактовка этих вопросов дана в работах советских историков, в том числе в исследованиях украинских советских ученых, работающих параллельно в тесном сотрудничестве с историками Советской Армении.

Состоявшиеся в 1959 г. в Ереване и в 1962 г. в Киеве и Львове научные сессии историков Армении и Украины не только подытожили значительную исследовательскую работу, проделанную историками двух братских республик в области исторических связей армянского и украинского народов, но и поставили новые задачи, определили новые проблемы исследований в этой области.

Следует отметить, что среди исследований, опубликованных украинскими советскими историками за послевоенные годы, большая часть работ посвящена дооктябрьскому периоду истории армянского народа, прежде всего истории украинско-армянских связей и армянских поселений на украинских землях. Ведущее место в исследовании этой проблемы принадлежит академику АН Украинской ССР, ныне покойному И. П. Крипякевичу, который опубликовал ряд работ по истории армянских поселений в Галиции еще в дореволюционное время, а в годы Советской власти, возглавляя Институт общественных наук во Львове, продолжал углубленное изучение архивов, также отечественной и иностранной лите-

ратуры об армянских колониях на Украине и опубликовал ряд ценных исследований на украинском и армянском языках. Его перу принадлежат, в частности, такие исследования, как «Садок Баронч—историк армян бывшей Галиции» и «К вопросу о начале армянской колонии во Львове».

В историографической работе об одном из первых исследователей истории армян, проживавших в Галиции, Садоке Баронче И. П. Крипякевич впервые в исторической литературе дал объективную характеристику творческого наследия этого ученого-историка второй половины XIX в. Автор характеризует Садока Баронча «верным сыном армянского народа, горячим патриотом...»⁶, труды которого «показывали его соотечественникам славу и героическое прошлое армянского народа, влияли на подъем их национального самосознания»⁷.

В одном из своих трудов «Вольный торговый город Броды» Садок Баронч писал: «Народные памятники являются узлом, связывающим нас с нашим прошлым. Они обогащают наш ум и указывают путь к стойкости и прогрессу... Прошлое, хотя и присыпанное пылью забвения, все же является основой будущего. На нем потомки строят свою прекрасную надежду, в нем новое поколение открывает ростки прогресса и цивилизации»⁸.

И. П. Крипякевич показал, что труды Садока Баронча, в частности его исследования «Биографии выдающихся армян» (1852) и «Очерк армянской истории» (1869), оказали значительное влияние на современных ему и последующих историков, способствовали активизации в изучении многовековой истории армянского народа.

Оценивая значение исследований Садока Баронча, И. П. Крипякевич справедливо указывает, что он, изучая историю армян, внес также большой вклад в украинскую историографию, которая обогатилась значительными трудами по истории Армении. Деятельность Садока Баронча возбудила среди украинской общественности интерес к жизни армян, их истории и культуре. «Деятельность С. Баронча.—пишет И. П. Крипякевич,—служившая и армянскому и украинскому народам, способствовала более близкому взаимному ознакомлению обоих народов»⁹.

Труды С. Баронча, по определению И. П. Крипякевича, имеют с точки зрения марксистско-ленинской исторической

⁶ И. П. Крипякевич, Садок Баронч—историк армян бывшей Галиции. ИСД, Ереван, 1961, стр. 40.

⁷ Там же, стр. 46.

⁸ Там же, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 47.

науки и свои серьезные недостатки. Будучи католическим священником и монахом, находясь под идеологическим влиянием реакционных кругов, С. Баронч «стоял на позициях защиты феодальной верхушки, идеализировал и дворянство и духовенство, приписывая им «исторические» заслуги в поднятии экономики и культуры страны. Он недооценивал труд и достижения народных масс, враждебно относился к их освободительным стремлениям...»¹⁰. Но к деятелям прошлого всегда необходимо подходить критически, учитывая условия, в которых им приходилось жить и действовать. Это касается и С. Баронча.

Оригинальным научным исследованием является также доклад И. П. Крипякевича «К вопросу о начале армянской колонии во Львове», сделанный им на второй научной сессии, состоявшейся в Киеве и Львове в конце ноября 1962 г.

Изучив много источников, И. П. Крипякевич пришел к выводу, что «армяне прибывали во Львов не из самой Армении, а из других стран, где они долгое время находились под властью и влиянием татар». Из этих стран автор указывает прежде всего Крым, на территории которого в XIII—XV вв. существовали большие армянские колонии¹¹. В заключение своей работы И. П. Крипякевич делает обоснованный вывод о том, что «армяне сыграли важную роль в жизни Львова в первый период развития города». Они подняли на более высокий уровень важные отрасли городского ремесла, были посредниками в торговле Львова с Востоком¹².

Исследованию армянских поселений на Украине в XV—XVIII вв. посвящены также работы украинских советских историков В. В. Грабовецкого, Н. Д. Исаевича, Н. К. Кривonos, Г. С. Сизоненко, П. Х. Пироженко, Н. Ф. Вradий, Я. Р. Дашкевича и др.

Истории армян и отдельных армянских колоний В. В. Грабовецкий посвятил несколько очерков¹³. В работе «Армянские поселения на западноукраинских землях» он высказал предположение, что впервые армяне появились на укра-

¹⁰ Там же, стр. 45.

¹¹ См. ИСД, Киев, 1965, стр. 124.

¹² Там же, стр. 127.

¹³ См. В. В. Грабовецкий, Армянская колония в Станиславе в XVII—XVIII вв. «Известия АН Арм. ССР» (общ. науки), Ереван, 1958, № 6; его же, Армянская колония во Львове в XIV—XVIII вв., там же, 1958, № 12 (в соавторстве с Н. Кривonos); его же, Армянские поселения на западноукраинских землях, ИСД, Ереван, 1961; его же, Армянская колония в Снятыне, ИСД, Киев, 1965.

ниских землях еще в период Киевской Руси примерно в XI в., а пребывание армян там в XIII—XIV вв. является уже несомненным и подтверждается многими документами. «После экономического упадка столицы Армении Ани,—пишет В. В. Грабовецкий,—значительное число армян, спасаясь от монгольского нашествия, бежало на Запад... в Галицкую Русь, которая в XIII—XIV вв. достигла своего наибольшего расцвета». Автор указывает на существование в это время армянских колоний во Львове, Луцке, Владимире, а позже—в Бродах, Станиславе, Золочеве, Бережанах, Подгайцах и других местах¹⁴.

Наиболее древнему периоду славяно-армянских связей посвящена статья М. Ю. Брайчевского—«К вопросу о русско-армянских связях в период образования Киевской Руси»¹⁵. Анализируя данные археологических и исторических исследований, летописей и литературы, а также других источников, автор приходит к выводу, что непосредственный контакт армян с восточными славянами существовал еще до образования Киевского государства, т. е. примерно с VII в. н. э.¹⁶ К сожалению, этот вопрос еще только поставлен в исторической литературе и в научном исследовании ему принадлежит будущее. Более позднему периоду связей армян с Украиной посвящен ряд исследований советских историков.

Как отмечалось выше, И. П. Крипякевич, а также В. В. Грабовецкий указывают, что армянские колонии на украинской земле упоминаются в источниках уже в середине XIII в. Об этом периоде существуют достоверные сведения, из которых известны как хозяйственная, так и культурная жизнь армян, проживавших на территории западноукраинских земель, в частности во Львове¹⁷. Истории армяно-украинских связей посвящены также исследования армянских историков В. К. Восканяна, Л. М. Меликсет-Бека, Л. С. Хачикяна и др. Последние в своих исследованиях привлекли более широкий круг источников и утверждают о существовании армянских колоний на территории нынешней Украины еще в XI—XII вв., а наличие армяно-славянских связей относят к еще более раннему периоду—к X в.¹⁸ Они утверждают, в частности,

¹⁴ ИСД, Ереван, 1961, стр. 94—95.

¹⁵ См. там же, К., 1965.

¹⁶ См. там же, стр. 167, 168.

¹⁷ См. И. П. Крипякевич, К вопросу о начале армянской колонии во Львове, ИСД, Киев, 1965, стр. 123; В. В. Грабовецкий, Армянские поселения на западноукраинских землях, ИСД, Ереван, 1964, стр. 93—94.

¹⁸ См. В. К. Восканян, Древняя Русь и Украина в судьбах армян, ИСД, Ереван, 1964, стр. 59—62; Л. М. Меликсет-Бек, Из истории армяно-

существование в XI—XII вв. армянской колонии в Киеве. Вполне понятно, что исследования армянских ученых представляют исключительный интерес для украинских историков, которым предстоит большая кропотливая работа по изысканию источников для новых исследований по этому вопросу.

Более основательно украинские советские историки исследовали украинско-армянские связи, относящиеся к XV—XVIII вв. Известны труды В. В. Грабовецкого¹⁹, Я. Д. Исаевича, Н. К. Кривонос, Ф. П. Шевченко, Д. И. Мышко, Я. П. Кись²⁰.

В своих исследованиях украинские историки показывают развитие экономической и культурной жизни армян, их общественные и торговые связи с Востоком, развитие ремесла, классовую борьбу. Советские историки опровергли антинаучные утверждения буржуазной историографии о классовой гармонии внутри армянских колоний на Украине. На основании достоверных данных они показали, что среди армян, проживавших на территории Украины, имело место классовое неравенство и следовательно—классовая борьба. В ряде работ украинских историков показано классовое содружество угнетенных масс украинского народа и трудящихся армян в борьбе против украинских и польских феодалов.

Большой интерес представляют работы Я. Д. Исаевича. Используя многочисленные, интересные документы, автор сделал удачную попытку дать характеристику армяно-украинских связей на западноукраинских землях, которые, как утверждает автор, основывались на почве общности борьбы трудящихся украинцев и армян против социального и национального угнетения. Украинцы и армяне сообща выступали против религиозных и национальных притеснений, а в годы освободительной войны украинского народа армяне оказы-

---

украинских отношений, ИСД, Ереван, 1961, стр. 49; Л. С. Хачикян, Новые материалы о древней армянской колонии Киева, ИСД, Ереван, 1964, стр. 111.

¹⁹ В. В. Грабовецкий, указ. статьи.

²⁰ Я. Д. Исаевич, К характеристике армяно-украинских связей во Львове в XV—XVIII вв., *ИРЗ*, 1963, № 2; его же, К вопросу об армяно-украинских связях на западноукраинских землях (XV—XVII вв.), ИСД, Киев, 1965; Н. К. Кривонос, Роль львовской армянской колонии в развитии торговли на западноукраинских землях в первой половине XVII в., ИСД, Киев, 1965 (и ряд других ее статей в журналах Армении и Украины); Ф. П. Шевченко, Армяне в украинском казачьем войске в XVII—XVIII вв., ИСД, Киев, 1965; Д. И. Мышко, О жизни армян в Киеве в XV—первой половине XVII вв., ИСД, Киев, 1965; Я. П. Кись, Участие армян в развитии ремесла в г. Львове в XV—XVII вв., ИСД, Киев, 1965.

вали значительную помощь казацким войскам. Более того, армяне принимали непосредственное участие в украинском казацком войске в XVII—XVIII вв.

Первую попытку осветить этот вопрос в исторической литературе сделал Ф. П. Шевченко²¹. Изучив огромное количество источников, он показал, что определенная часть угнетенного сословия армянского населения, проживавшего на Украине, входила также в состав украинского казацкого войска, боровшегося против польско-шляхетского гнета.

Я. П. Кись в своей работе «Участие армян в развитии ремесла г. Львова в XV—XVII вв.» осветил роль армян в экономической жизни города. Автор показал, что многочисленные изделия армянских ремесленников были известны не только на западноукраинских землях, в Польше, но и в других странах Европы. Благодаря армянским ремесленникам-золотарям ювелирное ремесло, которое в середине XVII в. находилось в стадии упадка, в конце столетия опять развилось, особенно после привилегии, данной королем Яном III (1685 г.), по которой золотарям-армянам разрешалось быть членами цехов, мастерами и цехмастерами. Я. П. Кись осветил также борьбу армянских ремесленников за свои права, против различных преследований и ограничений.

Значительный интерес представляют работы Н. К. Кривонос, освещающие историю армянских колоний во Львове. Автор в своих работах значительное место уделил трудовой деятельности армянских низов, особенно роли ремесленников в развитии хозяйственной жизни Львова, а также показал место армянских поселенцев в культурной жизни западноукраинских земель.

В статье «Некоторые данные о библиотеках армян во Львове в XVII в.» показано, что на Украине в XVII в. распространялись произведения армянских поэтов средневековья—Нерсеса Шнорали и Григория Нарекаци, а произведения украинских писателей—полемиста XVII в. М. Смотрицкого «Плач Восточной Церкви», антиватиканского направления и Якова Гаватовича, автора первых украинских драм—читали львовские армяне. Списки личных библиотек львовских армян, выявленные Н. К. Кривонос, говорят также о том, что армянские поселенцы интересовались одновременно строением вселенной (читали книги «Космогонии» и «О глобусе небесном») и др.

²¹ См. Ф. П. Шевченко, Армяне в украинском казацком войске в XVII—XVIII вв., ИСД, Киев, 1965, стр. 93—100.

В исследовании С. Т. Белецкого «Борьба львовских армян против унии и Ватикана»²² освещаются некоторые вопросы народно-освободительного движения армянского населения на украинских землях. В противовес буржуазной историографии, которая фальсифицировала историю насильственного введения унии, сводя ее только к борьбе двух религиозных направлений при полном игнорировании классовой борьбы, С. Т. Белецкий освещает эти вопросы на фоне острых социальных и национальных противоречий. Он убедительно доказывает, что большинство армянского населения непримиримо выступало против всех попыток введения унии и против подчинения Ватикану.

Проблема исторических армяно-украинских связей интересует также историков права. В частности, львовский ученый В. С. Кульчицкий опубликовал статью «Армянский «Судебник» Гоша и его применение во Львове»²³, в которой показал роль и значение «Судебника» в жизни украинских армян.

В последние годы огромный интерес советских историков привлекает проблема армяно-украинской дружбы и сотрудничества в советский период. Исследованию ряда важных вопросов этой проблемы посвятили свои работы Г. И. Ковальчак и П. П. Семилетов, Р. Ф. Кирчив, Г. М. Шевчук, И. И. Слинько²⁴. Особенно содержательными являются статьи Р. Ф. Кирчива и Г. М. Шевчука о культурных и литературных связях двух братских народов, а также большая статья И. И. Слинько о братском содружестве народов Украины и Армении в годы Великой Отечественной войны, о героической партизанской борьбе, в которой активное участие на Украине принимали славные сыны армянского народа.

Значительное место занимают материалы по вопросам истории армянского народа на страницах Украинского исторического журнала (УИЖ).

В 1960 г. в первом номере «Исторического журнала» была помещена подробная информация о научной сессии Института истории АН Армянской ССР с участием Института исто-

²² См. ИСД, Киев, 1965, стр. 87—92.

²³ См. там же, стр. 145—150.

²⁴ См. Г. И. Ковальчак, П. П. Семилетов, Экономические связи Львовского и Ивано-Франковского экономических р-нов с Армянской ССР, ИСД, Киев, 1965, стр. 17—19; Р. Ф. Кирчив, Из современных украинско-армянских связей, там же, стр. 32—33; Г. М. Шевчук, Из истории культурных связей украинского и армянского народов в годы Советской власти, там же, стр. 20—31; И. И. Слинько, Боевое содружество украинского, армянского народов в партизанской борьбе против фашистских оккупантов, ИСД, Ереван, 1961, стр. 163—177.

рии, Института общественных наук АН Украинской ССР и Научно-исследовательского института древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР—Матенадарана, состоявшейся в конце октября 1959 г. в г. Ереване. Авторы этой информации—ученые Армении и Украины—В. К. Восканян, В. В. Грабовецкий, И. И. Слинько.

С заметкой «40 лет Советской Армении» С. М. Антонюк выступил в «Украинском историческом журнале» (1961, № 3). В этом же году журнал (№ 6) опубликовал рецензию Я. Р. Дашкевича на книгу «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов» (сборник материалов научной сессии, изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1961).

На страницах журнала по различным темам выступали В. Р. Григорян, Я. Р. Дашкевич, Г. П. Пингирян, М. Ф. Дмитриенко и др.

Под рубрикой «Из истории украинско-армянских связей» в «УИЖ» (1967, № 8) помещены интересные статьи Д. О. Галустяна и В. К. Восканяна «Творческое содружество историков Украины и Армении», М. Ф. Дмитриенко—«Научные связи Украины и Армении в 1926—1931 гг.» (по материалам Всеукраинской научной ассоциации востоковедения), В. Г. Сарбея—«Большевистская публицистика Людвига Книуняца на страницах газеты «Киевское слово» в 1905 г.», Г. Е. Сизоненко—«Армянские прогрессивные деятели науки и культуры во Львове (XIX—XX вв.)».

Теоретический и политический орган ЦК КП Украины журнал «Коммунист Украины» (1967, № 3) напечатал большую статью «Расцвет Советской Армении», подготовленную коллективным корреспондентом журнала—редакцией армянской республиканской газеты «Коммунист».

Широко представлена армянская тематика в Украинской Советской Энциклопедии (УРЭ), которая впервые издана на Украине в 17 томах.

Во втором томе УРЭ помещен большой очерк под названием «Армянская Советская Социалистическая Республика», написанный армянскими авторами Г. О. Аллахвердяном, А. О. Марухяном, А. И. Хримляном, Ш. С. Симоняном, Х. С. Саркисяном, Е. А. Мартикяном, А. О. Баграмяном. Очерку предпосланы карты и много иллюстраций, отражающих природу, историю, культуру и народное хозяйство Армении. В этом же томе помещены интересные статьи «Армяне», «Армянский язык» и другие. В других томах УРЭ помещены статьи о природе Армении, о культуре армянского народа, о партийных и государственных деятелях республики, о писателях и художниках, полководцах, деятелях культуры и науки, об Академии наук Армянской ССР, о Ереванском

334

государственном университете, о Ереване и других городах Армении.

Интересные статьи помещены в УРЭ о великом армянском писателе, просветителе-демократе Хачатуре Абовяне, об Акопе Акоюне—основоположнике армянской пролетарской литературы, об академике В. Амбарцумяне, о выдающемся советском писателе, академике АН Армянской ССР Д. Демирчяне, о классике армянской советской литературы поэте Аветике Исаакяне, о советском поэте Гегаме Саряне, о народном художнике СССР Мартиросе Сергеевиче Сарьяне, о маршале Советского Союза И. Х. Баграмяне и многих других выдающихся деятелях армянского народа. Всего в УРЭ помещено более 150 статей, посвященных Армянской ССР.

Большое значение для дальнейшего изучения армяно-украинских исторических связей имеют работы историографического характера. Историки Украины провели уже значительную работу в этом направлении. Следует указать прежде всего на труды Я. Р. Дашкевича, его монографию и многие статьи по историографии украинско-армянских связей, напечатанные как на Украине, так и в Армении²⁵. Заслуживают внимания также статьи историографического и источниковедческого характера, опубликованные Г. С. Сизоненко, П. Х. Пироженко, Н. Ф. Врядий, Е. А. Яцкевич, В. Г. Сарбеем, М. Ф. Дмитренко²⁶.

Определенная работа проделана в области публикации документов, освещающих историю украинско-армянских

---

²⁵ См. Я. Р. Дашкевич, Иван Гануш как исследователь языка западноукраинских армян, *ИРЛ*, 1960, № 2; его же, Источники и литература об армянских колониях на Украине в XIV в., «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР» (далее—НІБ), Киев, 1961, № 6; его же, Ян Ласницкий и его очерк об армянах на Украине в 70-х гг. XVI в., «Банбер Матенадарани», т. 6, 1962; его же, Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков (историографический очерк), Ереван, 1962; его же, Грамота Федора Дмитриевича 1062 г. (очерк об украинской дипломатике), НІБ, 1962, № 2; его же, Армянская книга на Украине в XVII в. Сб. «Книга», т. 6, М., 1962; его же, Армянское книгопечатание на Украине в XVII в., *ИРЛ*, 1963, № 4; его же, Армянский историк С. Баронч как исследователь прошлого Украины, «Украинский исторический журнал», Киев, 1964, № 2 (на укр. яз.); его же, Освещение украинско-армянских связей в литературе 1960—1964 гг., «Украинский исторический журнал», 1965, № 10, стр. 130—137 и др.

²⁶ См. Г. С. Сизоненко, Архивные материалы к истории армянской колонии во Львове, ИСД, Ереван, 1961, стр. 204—209; П. Х. Пироженко, Материалы ЦГИА Украинской ССР во Львове по истории армянских поселений на Украине, ИСД, Ереван, 1961, стр. 237—251; Н. Ф. Врядий,

связей. Над этим работают больше историки Армении, хотя делаются попытки развернуть эту работу и на Украине.

Однако следует сказать, что дальнейшее изучение проблемы украинско-армянских связей во многом будет зависеть от того, насколько успешно будет продвигаться археографическая работа ученых.

Таким образом, исследования украинских советских историков по изучению исторических связей украинского и армянского народов тематически можно разделить на следующие.

Исследования, освещающие древний период украинско-армянских связей, относящихся ко времени образования Киевской Руси и существования древнего Армянского государства.

Исследования, посвященные истории армянских колоний на территории Украины в период, который в истории стран Восточной Европы соответствует периоду господства феодализма.

Исследования, в которых раскрываются украинско-армянские связи в период капитализма и эпоху империализма вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Исследования, освещающие дружбу армянского и украинского народов в борьбе за победу Великой Октябрьской революции и строительство социализма.

Особо следует выделить труды историков, посвященные братскому содружеству армянского и украинского народов в борьбе против фашизма в годы Великой Отечественной войны и помощи армянского народа Советской Украине в восстановлении ее народного хозяйства в послевоенные годы; труды украинских советских ученых, в которых освещаются современные украинско-армянские связи и дружба двух братских народов в их борьбе за построение коммунистического общества, а также историографические и источниковедческие исследования, освещающие достижения как дооктябрьской, так и советской исторической науки на Украине по изучению истории армянского народа и его связей с украинским народом.

Актовые книги Центрального Государственного исторического архива УССР во Львове—источник по изучению истории армянских поселений на Украине, ИСД, Киев, 1965, стр. 77—81; Е. А. Яцкевич, Памятники армянской культуры во Львове, ИСД, Ереван, 1961, стр. 121—130; В. Г. Сарбей, Большевицкая публицистика Людвиг Кнулянца на страницах «Киевского слова» в 1905 г. (на укр. яз.), «Украинский исторический журнал», 1967, № 8, стр. 61—66; М. Ф. Дмитриенко, Научные связи Украины с Арменией в 1926—1931 гг. (на укр. яз.), «Украинский исторический журнал», 1967, № 8, стр. 56—60.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКИХ КОЛОНИЙ УКРАИНЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIV—НАЧАЛЕ XVI ВВ.

Я. Д. ИСАЕВИЧ

(Кандидат исторических наук, Институт общественных наук во Львове)

История поселения армян в украинских городах—неотъемлемая составная часть как истории армянского народа, так и истории Украины. Поэтому изучение источников, освещающих прошлое этих поселений, имеет важное значение как для украинской, так и для армянской историографии¹.

Древнейший известный нам источник мемуарного типа об армянских поселениях на Украине—записки алхимика Леонарда о его путешествии по Украине и странам Ближнего Востока в 1394 г. Этот памятник был опубликован Дж. Корбеттом в издании парижской школы Хартий „Bibliothèque de l'École des Chartes“².

Текст записок начинается словами:

„Exivi de Maurperg“ («Я отправился из Маурперга»). Как полагал Дж. Корбетт, Маурперг—это город Майлберг в Нижней Австрии, у нынешней австрийско-чехословацкой границы. Поскольку этот город был исходной точкой путешествия, Корбетт именуется автора путевых записок Леонардом из Маурперга³.

Желая встретиться с неким «учителем Дмитрием», Леонард и его спутник, пражский священник Варфоломей вместе с двумя слугами, отправились в Краков (Cracovia). Имея четырех лошадей, они добрались до этого города за 8 дней.

---

¹ См. Я. Р. Дашкевич, Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков, Ереван, 1962.

² James Corbett, L'alchimiste Leonard de Maurperg (XIV siècle). Sa collection de recettes et ses voyages, „Bibliothèque de l'École des Chartes“, t. 97, 1936, стр. 140—141.

³ См. там же, стр. 131—139.

Не застав здесь магистра Дмитрия, Леонард поехал в город, который в опубликованном Корбеттом тексте записок именуется *Livonia*⁴. Сведения о дальнейшем маршруте путешествия и о самом городе, в котором были отдельные кварталы армян и католиков, позволяют сделать вывод, что имеется в виду Львов.

Правда, историк Гелена Полячек высказывала мнение, что вместо *Livonia* в тексте памятника следует читать *Lucegovia*, т. е. *Lucegovia* (Луцк)⁵. В подтверждение этой гипотезы она ссылается также на то, что, по запискам Леонарда, в посещенном им городе была церковь Богородицы⁶. Однако как раз не в Луцке, а во Львове были и православная церковь Успения Богородицы (существовавшая, возможно, еще в период Галицко-Волынского княжества) и католический костел Успения⁷. Поэтому упоминание о церкви Успения не является еще доводом в пользу Луцка.

Польский историк А. Ф. Грабский, готовя новое издание записок Леонарда, исследовал хранящийся в Париже автограф и установил, что по палеографическим соображениям чтение *Lucegovia* невозможно. Зато в равной мере, как и *Livonia*, вероятно чтение *Livovia*, так как в соответствующем месте этого слова имеется буква, которая в разных местах рукописи читается то как *i* (например, в слове *veni*, следующем после слова «*Livonia*»), то как *u* (например, в слове *Stasouia*)⁸.

Таким образом, скорее всего не в Луцке, а во Львове Леонард и Варфоломей в марте 1394 г. были гостями Дмитрия, проживавшего на Армянской улице (*in vico Armenorum*). Судя по имени, Дмитрий мог быть либо украинцем, либо армянином, тем более, что на Армянской улице, кроме армянских поселенцев, издревле проживало местное украинское население⁹. Однако, учитывая связи Дмитрия с теми городами

---

⁴ Путешествие длилось 9 дней, очевидно, потому, что по дороге Леонард и Варфоломей задержались у монаха Деодата в городе Гнезен. Возможно, это не Гнезно, а какой-то другой город к востоку от Кракова.

⁵ См. H. Polackowa, *O podróżnikach średniowiecznych z Polski i do Polski*. „Miesięcznik Heraldyczny”, 1937, № 5, стр. 71.

⁶ См. там же, стр. 72.

⁷ См. И. Шараневич, в кн.: «Юбилейное издание в память 300-летия основания Львовского ставропигиона», Львов, 1886, стр. 3 второй пагинации.

⁸ Письмо А. Ф. Грабского автору от 18 декабря 1966 г. Пользуясь случаем, выражаем благодарность А. Ф. Грабскому, обратившему наше внимание на освещаемые здесь источники и предоставившему в наше распоряжение ценные библиографические материалы.

⁹ *МР*, 1962, № 2(21), стр. 102.

Ближнего Востока, где были армянские колонии, можно сделать вывод, что Дмитрий был армянином, одним из самых образованных представителей Львовской армянской колонии.

Записки Леонарда содержат интересные бытовые подробности о жизни города, где проживали украинцы, армяне и представители ряда других народностей. Дмитрий весьма любезно принял гостей у себя на Армянской улице, а они преподнесли ему 200 соленых сельдей.

Чтобы разведать алхимические секреты, Леонард решил устроить пирушку для Дмитрия и повел его на «христианскую» (т. е., по-видимому, «католическую») улицу «у церкви Богородицы». Оставив там Дмитрия, Леонард отправился за покупками. Он приобрел двух козлят, дичь и больших рыб (таких больших рыб он ранее никогда не видел). Получился «роскошный пир». Однако, когда перед трапезой гости начали расспрашивать Дмитрия о «нуги философского искусства», то получили ответ, что «такое не продается». Дмитрий сообщил только «способ увеличения количества золота», а за интересующим их секретом посоветовал отправиться на Ближний Восток. Путешествие из Львова в Каффу, т. е. по наиболее часто посещаемому львовскими армянскими торговцами маршруту¹⁰, длилось четыре недели. Дорога была тяжелой—«через всю Белую Литву, по болотистым местностям, лесам». Под «Белой Литвой» надо, очевидно, понимать украинские земли, включенные незадолго до этого в состав Великого княжества Литовского¹¹.

Из Каффы Леонард и Варфоломей за два месяца добрались до Иерусалима, оттуда в Тебриз (Tauris) и, наконец, в некую «греческую школу», расположенную в «десяти днях путешествия» от Тебриза. Путешественники передали учителям (*magistris*) этой школы Флору, Александру и Олимпию

¹⁰ Интересным источником о роли Львова в торговых связях Запада с Востоком в этот период является каталонская «Карта мира» 1375 г. У названия Львова («город Льва»—*ciutat de Leo*) на карте дописано: «В город Льва приезжают разные купцы, прибывающие из Леванта и идущие потом через Немецкое море во Фландрию». Ряд источников подтверждает, что усилению этой роли Львова в международной торговле содействовало наличие крупных армянских колоний в самом Львове и в Каффе—крупнейшем торговом центре средневекового Причерноморья. (см. М. Malowist, *Kaffa—kolonia genueńska na Krzymie*, Warszawa, 1947)

¹¹ По мнению А. В. Соловьева, Белая Литва означает, вероятно, «большую Литву»—до самой Каффы (любезное сообщение А. Ф. Грабского). Представляется, однако, более вероятным, что имелось в виду не все Литовское государство, а какая-то его часть, т. е. украинские земли, лежавшие по дороге из Каффы во Львов.

рекомендательное письмо от Дмитрия из Львова. Секрета философского искусства указанные магистры «не решились открыть», однако снабдили путешественников деньгами для возвратного путешествия (через Иерусалим и Родос). Есть все основания полагать, что не только во Львове, но и в странах Ближнего Востока Леонард встречался с армянскими поселенцами. Если верно наше предположение, что Дмитрий львовский был армянином, то путевые записки алхимика Леонарда следует признать интересным свидетельством связей западноевропейских средневековых ученых с армянской культурой.

Единственный мемуарный источник XV в. об армянах на Украине—путевые записки бургундского странствующего рыцаря и дипломата Гильбера де Ланнуа¹². Де Ланнуа в 1421 г. посетил ряд городов Украины: из Озимины (у г. Самбора) он отправился в Каменец, оттуда выехал во Львов, после чего посетил «другой Каменец» (*une outre Kamenich*)¹³—«Белград, или Монкастро» (Белгород-Днестровский), Каффу. Из Каффы де Ланнуа возвращался через Константинополь, Родос, Крит, Александрию, Синай, побывав, таким образом, во многих городах, где были армянские колонии. Де Ланнуа описывает организованный в его честь львовскими армянами прием, который проходил в более непринужденной обстановке, чем пирушка, устроенная католическим магистратом¹⁴. Де Ланнуа упоминает также об армянах, проживавших в «Белграде»—Белгороде на Днестре. Надо полагать, что встречи де Ланнуа с армянами были связаны с участием странствующего рыцаря в дипломатической подготовке коалиции, направленной на освобождение Палестины из-под ига мамлюкских султанов.

Интересным источником об армянских колониях Украины и Ближнего Востока являются записки австрийского путе-

¹² Я. Р. Дашкевич, указ. соч., стр. 15. Текст памятника см. G. de Lannoy, *Voyages et ambassades 1399—1450*, Mons, 1840. Я. Емельянов, Путешествие Г. Д. Ланнуа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 г., „Университетские известия“, Киев, 1873, №8.

¹³ «Другой Каменец» идентифицировали то с Кременцем на Волыни, то с Каменцом-Литовским в Берестейском воеводстве (см. P. Klimas Ghilbert de Lannoy in *medieval Lithuania*, N. Y., 1945, стр. 72; J. Bromberg in „Speculum“, 1945, vol. 20, N. 4, стр. 486—491). Представляется наиболее вероятным, что из Белза де Ланнуа выехал в Каменец-Литовский, а Каменец-Подольский он посетил по дороге из Львова в Каффу.

¹⁴ См. Я. Р. Дашкевич, указ. соч., стр. 14.

шественника Георгия из Куфштейна¹⁵. Этот автор встречался с армянскими поселенцами на Украине и в Палестине, которую он посетил в 1507 г. вместе с рыцарем Мартином Баумгартнером. После возвращения из палестинского паломничества Георгий из Куфштейна перевел с немецкого на латинский язык и переработал путевые записки Баумгартнера.

Первая публикация записок была осуществлена в 1594 г. в Нюрнберге евангелическим пастором Христофором Донауэром¹⁶. Английский перевод был опубликован в 1704 г. лондонскими книгопродавцами Оншемом Черчиллем и Джоном Черчиллем в первом томе четырехтомного сборника различных путевых записок¹⁷.

Вскоре потребовалось новое издание, которое и было выпущено в 1732 г. теми же издателями в шести томах („The travels of Martin Baumgarten“ помещены в I томе, стр. 381—452).

В лондонских публикациях перевод текста был осуществлен по нюрнбергскому изданию Донауэра. Однако в XVIII в. существовала еще рукопись другого варианта путевых записок. Она хранилась в Гамбургской монастырской библиотеке. Именно по этой рукописи оригинал записок Георгия был в 1721 г. издан австрийским историком Бернардом Петцом¹⁸.

Таким образом, читатели различных стран Европы смогли познакомиться с путевыми записками Георгия из Куфштейна, в которых армянам посвящена та часть записок, где описывается посещение Георгием Иерусалима¹⁹.

---

¹⁵ Известен главным образом как Георгий из Гаминга, так как после возвращения на родину был монахом и настоятелем картузианского монастыря в Гаминге, см. о нем: R. Rohricht, *Deutsche Pilgerreisen nach dem Heiligen Lande*, Innsbruck, 1900, стр. 204; A. Lhotsky, *Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs*, Graz—Köln, 1963, стр. 462.

¹⁶ „Peregrinatio in Aegyptum, Arabiam, Palestinam et Syriam... Philippi a Baumgarten et Martini filii in lucem edita studio et opera Christophori Donaveri“, Norimbergae, 1594. (Экземпляр имеется в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

¹⁷ „The travels of Martin Baumgarten“, в кн.: „A collection of voyages and travels, ed. Awnsham and John Churchill“, London, 1704, vol. 1, стр. 425—502 (British Museum Catalogue of printed books, XXXIX, 251).

¹⁸ „Ephemeris sive diarium peregrinationis transmarinae videlicet Aegypti, Monti Sinai terrae sanctae ac Syriae“, в кн.: „Thesaurus anecdotorum“, ed. B. Petz, t. 1. Биографические сведения о Б. Петце см.: C. Wurzbach, *Biographisches Lexikon des Kaisertums Österreich*, Th. 22, Wien, 1870.

¹⁹ См. „Thesaurus anecdotorum“, t. 1, стр. 553—555.

Приводим относящийся к армянам текст, в переводе с латинского на русский язык.

Глава XVII. Армяне получили свое название от страны Армении, в обрядах веры они немногим отличаются от нас. Они имеют своего епископа, которого называют католикосом, оказывая ему почтительное послушание, как мы римскому папе. Весьма враждебны грекам²⁰. Четырдеятидневный пост соблюдают в то же время, что и мы, однако с большим усердием и старательностью, чем мы: воздерживаются не только от мяса, но также от сыра, яиц, молока, растительного масла, рыб, вина. Зато потребляют овощей и хлеба столько, сколько необходимо или сколько пожелают. И поскольку весьма враждебны грекам и сарацинам, для оскорбления их едят мясо по пятницам. В обрядах богослужения подобны нам, так как пользуются чашей, дискосом и другой утварью по нашему обычаю. Имеют в Иерусалиме епископа, который отращивает две пряди волос, опадающие до самых лопаток, а остальную часть головы бреет. Армяне проявляют большое почтение нашим таинствам и церквям, жертвуя ковры, серскую и золотую утварь и другие вещи, служащие украшению церквей. Я это часто видел, еще чаще об этом слышал не только в этих местах, но также в Польше, Руси²¹ и Подолии. Ведь большое количество армян стекается в эти края с различными товарами.

Имеют свое жилище в храме вверху, возле иудейцев²². Как рассказывают, им принадлежала в древности также гора Кальвария, однако в прошлом грузинский царь преподнес султану такие значительные дары, что тот, отобрав Кальварию у армян, передал грузинам. Кроме этого, армяне имеют замечательный храм Святого Якова Великого, построенный на том месте, где этот святейший апостол был обезглавлен Иродом. Имеют также церковь на горе Сион, называемую церковью Спасителя, на том месте, где некогда был дом Каяфы, в котором господь Христос был оплеван, накрыт, избит кулаками и по щекам, где от него отрекся Петр и где (господь) претерпел различные надругательства и страдания. В этой церкви имеется тот очень большой камень, который был привален к гробу господню. Там также имеется то тесное и мрачное место, которое было ранее тюрьмой, где господь Христос, как рассказывают, некоторое время сидел в заключении. И перед дверью этой церкви имеется то

²⁰ Имеются в виду последователи православной церкви византийского обряда.

²¹ Имеется в виду Галицкая земля (воеводство Русь).

²² То есть абиссинцев (см. „Thesaurus...“ стр. 553.)

помещение, где служители жреца согревались у раскаленных углей и где Петр, находясь между ними, отрекся от своего господина и учителя. К тому еще показывают место, где петух, пропев трижды, возвестил отречение Петра.

Далее. Все светские армяне стригут волосы в виде креста по следующей причине. Рассказывают, когда им некогда угрожала опасность войны и поветрия, они вняли совету некоего христианина постричь волосы в форме креста. Когда они это сделали, то избежали обеих опасностей. На благодарную память об этом с тех пор соблюдают такую форму стрижки.

Как духовные, так и светские армяне пользуются собственным языком и алфавитом²³.

Как видно из приведенного текста, Георгий встречался с армянами и на Украине, и в Иерусалиме. Очевидно, от иерусалимских армян он узнал о захвате горы Голгофы (Кальварии) в 60-е годы XV в. владетелем грузинского княжества Самцхе-Саатабаго²⁴.

Вполне естественно, что автор, будучи католическим паломником, особенно интересовался вероучением и обрядностью армяно-григорианской церкви. Очень много места он посвящает описанию разных памятных мест и реликвий, якобы связанных с деятельностью Иисуса Христа. В этом чувствуется определенная зависть католического церковника, сожалевшего, что так много «святынь» досталось армянам, а не католикам. Ведь в те времена в условиях господства религиозной идеологии вопрос о том, кто будет владеть «святыми местами», весьма волновал и феодалов, и широкие круги населения. И то, что армяне сумели сконцентрировать в своих руках так много «памятных мест» и реликвий, очень поднимало авторитет армян во всех христианских странах.

Приводимые Георгием сведения о том, что армяне оказывали некоторые знаки почтения, по крайней мере внешние, католическим храмам и обрядам, объясняются в значительной степени тем, что среди армян была весьма популярна идея объединения христианских народов для защиты от агрессии мусульманских феодальных государств. Известно, что католические монархии, духовные и светские феодалы в интересах экспансии католицизма нередко шли на союз с мусульманами, направленный против христиан-некатоликов. Понимая губи-

---

²³ Заключительная часть XVII главы посвящена несторникам и маронитам.

²⁴ Об этом событии сообщается также в армянских памятных записях.

тельность такой близорукой политики, армянские деятели противопоставляли ей экуменические идеи, которые должны были стать основанием для политического единства антимусульманской коалиции. Однако фанатизм католических церковников мешал осуществлению объединительных планов, столь популярных в армянских общественно-политических кругах. Проявлением такого фанатизма было уже то, что католики не признавали армян (как и православных украинцев) христианами: тот же Георгий из Куфштейна в цитированном отрывке противопоставляет армян «христианам», относя к числу последних только католиков.

Перечисленные в настоящем сообщении источники относятся к числу древнейших мемуарных упоминаний об армянских колониях Украины. Чем ближе к нашему времени, тем более источники такого типа дополняются другими: нарративными и документальными источниками²⁵. Однако некоторые аспекты жизни, некоторые бытовые подробности известны только на основании мемуарных источников. Если сравнить между собой сведения источников конца XIV—начала XVI вв., напрашивается следующий вывод: в наиболее древний период (конец XIV—начало XV вв.) положение армянских колоний было лучше, чем в дальнейшем. В частности, записки алхимика Леонарда свидетельствуют о высоком авторитете армянских ученых в европейских научных кругах. В свою очередь, записки де Ланнуа отражают самостоятельную роль армянских общин в дипломатической жизни. В последующий период положение армянских колоний ухудшилось, что связано как с изменением торговых путей после захвата Константинополя турками, так и с наступлением католической реакции в Польше и в захваченных Польшей украинских землях.

Конечно, благодаря своему трудолюбию и таланту армянские поселенцы и в новых, неблагоприятных условиях играли важную роль в экономической жизни страны. Но, бесспорно, положение их стало тяжелее, что особенно отразилось в области культурной и политической жизни. Высокий уровень культуры армян в XIV—начале XV вв., их большой политический авторитет—все это свидетельствует о том, что армянские колонии прошли период благоприятного развития еще в предыдущий период—период Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Факты о политическом и культурном значении армянских колоний в XIV и начале XV вв. можно

---

²⁵ Я. Дашкевич, Джерела і література про вірменські колонії на Україні в XVI ст. „Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР“, 1961, № 6.

в определенной степени связывать именно с тем, что в этот период сохранились еще многие традиции времен Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Позже эти традиции были нарушены, и вместе с резким ухудшением положения коренного украинского населения ухудшились и условия деятельности армянских поселений.

Конечно, вопрос о факторах, влиявших на изменение политического и культурного положения армянских колоний Украины, требует еще дальнейшего исследования и привлечения всех источников, не только нарративных, но и актов. Если же говорить о записках западноевропейских путешественников, то они представляют для нас ценность не только как источник о жизни армянских колоний, но и как материал для вопроса: что знали об армянском народе в средневековой Европе. Представляется весьма целесообразным опубликование (на языке оригинала и в армянском переводе) сборника древнейших записок об Армени и армянских колониях.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИЕ НАБЕГИ ПО НЕКОТОРЫМ АРМЯНСКИМ ИСТОЧНИКАМ XVI—XVIII вв.

А. Г. АБРАМЯН

(Доктор исторических наук, Ереванский госуниверситет)

Турецко-татарская агрессия и периодически повторявшиеся нашествия в XV—XVIII вв. были огромным бедствием как для Украины и Армении, так и для армянских колоний Речи Посполитой, Балкан и Центральной Европы.

Изучение истории многовековой борьбы народов за независимость имеет большое политическое и научное значение для разоблачения фальсификаций пантюркистской и панисламистской историографии о якобы мирном характере захвата Крыма и Балканских стран и дружественных отношениях этих народов с завоевателями. Упорное сопротивление и постоянная борьба укрепили дружбу и сотрудничество поработанных народов, и в том числе украинского и армянского народов.

Прежде всего отметим, что осуждая турецко-татарские бесчинства на Украине, мы возлагаем ответственность не на народ, а на правящие круги султанской Турции и Крымского ханства, разжигавших вражду между народами.

Как известно, в 1453 г. турки овладели Константинополем, закрыли морской путь из Черного моря к Средиземному. Крымский полуостров, являвшийся некогда крупным центром международной торговли, вошел в тупик изоляции. «Вся торговля Востока с Западом,—отмечал Маркс,—погибла вследствие монгольских и турецких нашествий»¹.

Генуэзцы, фактически являвшиеся хозяевами Крымского полуострова, лишились возможности получать военную помощь из метрополии и вынуждены были поддерживать с ней связь сухим путем, что было сопряжено с большими

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 504.

трудностями. Среди татарского населения Крыма усилились туркофильские настроения.

Генуэзские власти Крыма не понимали угрожающей опасности турецкого завоевания: не укрепляли города, не организовывали и не вооружали местных жителей. Более того, в эти тяжелые дни испытаний генуэзцы сделали новую попытку навязать католицизм христианскому населению Крыма, внося раздор среди них.

Турецкий флот впервые подошел к берегам Крыма в 1454 г. после взятия Манкастры (Аккермана). Однако на этот раз дело не дошло до военных действий: генуэзцы заплатили 600 сом (приблизительно 19 000 лир) контрибуции и мирно разошлись. Но это был обманчивый мир, так как в планах султана завоевание Крыма выдвигалось на первое место. В 1475 г. турецкий флот под командованием Гетук Ахмед-паша двинулся на Крым, подойдя к Кафе. Жители города твердо решили не допустить турков в город. Военные действия начались первого июня. Защитники города сражались героически и пять дней подряд отражали все атаки врага. В решающий момент на сторону врага перешла 60 000-я армия татар и напала на защитников Кафы с тыла. Защитникам города ничего не оставалось как сложить оружие. Турки овладели городом и начали зверскую расправу с жителями².

До нас дошло стихотворное описание очевидца взятия Кафы турками Гариба Нерсеса «Плач по столице Кафе». В нем подробно рассказывается, как сражались жители Кафы, почему они вынуждены были сложить оружие, описываются жестокости турок после взятия города.

Из описания Нерсеса видно, что турки после захвата города обезоружили сражавшихся кафийцев, часть истребили, а других, захватив в плен, отправили в Константинополь. Затем они произвели подробную перепись армянского населения Кафы и всех мальчиков и девочек до двадцати лет, числом десять тысяч, отняли их у родителей и отправили в Константинополь на продажу. Гариб Нерсес скорбно пишет:

Собрали сыновей и дочерей

С плачем повели к суднам.

Отцы и матери горько плакали,

С обнаженными головами пошли за ними.

Но турки не миловали плачущих

Сердце у них было звериное³.

² Вильгельм Гейд. История Востока в средние века (см. «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 52, Симферополь, 1954, стр. 68—185).

³ Матенадаран, рук. № 7709, стр. 34а.

Были сняты все колокола с христианских церквей и отправлены в Константинополь для литья пушек. Турецкие воины входили в дома и брали все, что им нравилось. Также жестоко поступали они с торговцами: грабили их до последней нитки. Всех трудоспособных жителей города турки заставляли работать на укреплениях. Описывая все это, Гариб Нерсес огорченно отмечает:

Трудностей у горожан было очень много.

Все жители плакали и скорбели

И не было возможности убежать⁴.

Турецкое командование Кафы совершило и другое преступление против христиан города, описанное анонимным автором в «Истории Кафы», сохранившейся в приложении к «Житию мучеников». По его сведениям, после овладения городом турки и татары стали принуждать христиан отречься от своей веры и принять мусульманство. Христиане категорически отказались. Тогда командующий турецкими войсками Крыма Ахмед-паша прибег к неслыханному коварству: в день мусульманского праздника он устроил прием знатных христиан города, заранее предупредив приглашенных не брать с собой холодного оружия. После банкета, когда приглашенные, выразив благодарность, хотели выйти из палаты, стоявшие у выхода над морем палачи стали по одному убивать их и трупы бросать в море. После этого, продолжает свое описание анонимный автор «Истории Кафы», турки начали погром христианских жителей города: «Стариков и детей.—пишет он,—мужчин и женщин убивали мечом. Их кровь, как ручейки, текла по улицам города. Взяв в плен бесчисленное количество девочек и мальчиков, они их отправили в Константинополь, к султану»⁵. «Таким же образом,—добавляет автор,—они обращались и с жителями городов Казарет и Сурхат».

Захват Кафы и погром его жителей произвели ошеломляющее впечатление на современников. Писец Согомон в своей памятной записи на Евангелии, написанной в 1475 г. в Иерусалиме, отмечает: «В год писания настоящего Евангелия армянского летосчисления—924 (т. е. 1475) турки взяли город Кафу, совершили пленение и разорение. И была большая грусть и траур у христиан»⁶.

В подобных условиях, разумеется, христианам было трудно сохранить свое физическое существование, поэтому большинство русских, итальянцев, греков и армян, имевших

⁴ Там же, стр. 34в.

⁵ Матенадаран, рук. № 7442, стр. 2826.

⁶ Մ. Աղավնուհի, *Վերահեր և այցելութեան երեսօղակի*, 1929, стр. 475.

возможность, переселилось в свободные от владения турок страны: на Украину, в Молдавию и Польшу.

Таким образом, с 1475 г. жители Крыма попали под кровавое ярмо турок и оставались под их властью более чем 300 лет. Хотя Крым и являлся отдельным татарским ханством, но ханы находились в вассальной зависимости от султана и фактически были его ставленниками. Они делали то, что диктовала Порта⁷. Период владычества татарского ханства является самым мрачным периодом истории Крыма.

Турецкие султаны смотрели на Крым как на источник дохода. Но так как сама Турция находилась, по определению Маркса, на низкой ступени феодализма⁸, то, будучи не в силах развивать свою экономику, не думала о чужих, завоеванных ею странах, в частности о Крыме.

После захвата Крыма всем жителям полуострова было разрешено остаться и жить на своих местах в качестве подданных турецко-татарского ханства. Были возложены налоги на все слои христиан: на крестьян, ремесленников, торговцев, духовенство и т. д. Первоисточники свидетельствуют, что не существовало мало-мальски устойчивого налогообложения: можно сказать, что ханы взымали с налогоплательщиков столько, сколько могли.

О налогах, взимаемых с христианских жителей полуострова, интересные сведения сообщает хронист Хачатур Кафаец в своей «Летописи», из которой считаем необходимым привести несколько выдержек.

«Лето 1076 (1627); много было гнева божьего и с христиан взяли тяжелые налоги»⁹.

«В лето 1079 (1630) налоги Кафы брал проклятый Асан-ага и страшно замучил народ... все объекты ввел в перепись... даже на детей в возрасте 4—5 лет возложил налоги...»¹⁰.

В 1634 г. кафийцев обложили налогом, называемым «асл», по три золотых с каждого. «Христиане плакали, скорбели, что не имели возможности платить... Был судья, которого называли Муса оглы... этот проклятый судья не уступил»¹¹. «Долго просили помиловать и снизить налог,—продолжает летописец,—ничего не вышло и народ был потрясен».

Турецко-татарские власти в Крыму приложили энергичные усилия, чтобы заставить христиан принять ислам, прибе-

⁷ См. П. Н. Надинский, Очерки по истории Крыма, Симферополь, 1957.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 374.

⁹ Վ. Հախըրյան, Մանր ժամանակագրութուններ, հատ. 1, 1951, стр. 213.

¹⁰ Там же, стр. 216.

¹¹ Там же.

гая к неслыханным принуждениям. Достаточно было двум мусульманам дать показание, что тот или иной христианин ругал Магомета, чтобы заставить обвиняемого принять магометанство или быть приговоренным к смерти.

Армянская мартирологическая литература сохранила много имен христиан, которые отказались принять христианство и подверглись смертной казни.

Чтобы представить, как жестоко обращались с христианами, отказывавшимися от отречения веры, можно привести описание очевидца, писца Оганеса, казни одного молодого армянина в городе Азах в 1714 г. По его рассказу, из армянской области Гохтан в город Азах Крымского полуострова приехал молодой армянин лет 17-ти по имени Саак. Он, по свидетельству писца, был красивым, высоким и на вид привлекательным парнем. Его внешность очень понравилась эмиру города—Юсуфу, поэтому он предложил ему принять магометанство и усыновить его. Парень категорически отказался. Эмир в гневе приказал обезглавить его. Казнь была назначена на 17 октября 1714 г. Молодого парня со связанными руками привели на площадь. «Все жители города—турки, татары, итальянцы и русские,—пишет Оганес,—собрались посмотреть на это зрелище». Палач ударил мечом, но не мог срезать голову, стала брызгать кровь, смешиваясь со слезами плачущего молодого человека, он бьет вторично, но опять мимо: палач от дрожи в руках отсек только ухо парня и часть лица. Эмир, который смотрел на это из своего дворца, рассердившись закричал: «Положи на землю и зарежь как барана!». И палач выполнил приказ своего хозяина¹².

После того, как Крым был захвачен турками, полуостров стал опорой постоянного нашествия турецко-татарских полчищ на Украину, Молдавию и Польшу. Турецко-татарские войска постоянно вторгались на территорию Украины и в сопредельные христианские страны, грабили, убивали, разоряли страну и жителей тысячами угоняли в плен. Привезенных пленных они грузили на судна и увозили продавать на восточные рынки.

Итальянский путешественник д'Асколи, который десять лет (с 1624 г. по 1634 г.) прожил в Крыму и был очевидцем этих нашествий, пишет: «Татарские властелины имеют обычай два раза, минимум раз в год, ходить на войну; но этому мероприятию более соответствует не война, а разбойничество»¹³.

Проф. В. Д. Смирнов, желая показать разбойничий характер деятельности татарских ханов и основываясь на све-

¹² „Հայոց հոր վհաներ“, Վաղարշապատ, 1903, стр. 552—559.

¹³ Д'Асколи, Описание Черного моря и Татарии, Ялта, 1902, стр.30.

дениях, почерпнутых из исторических источников, приводит следующую характерный факт. Один из султанов XVI в.— султан Селим по каким-то соображениям запретил крымскому хану совершить набег на Украину. Опечаленный хан жалобно писал султану: «Ты мне не разрешаешь пойти на Москву и Валахию, а что я буду есть, что я буду одевать»¹⁴. Значительная часть расходов ханского двора покрывалась посредством набегов на соседние христианские страны. Только в 1575 г. татары из Украины увели в плен 35 000 человек¹⁵.

В памятных записях армянских рукописных книг имеется немало сведений о турецко-татарских набегах на Украину и в Польшу. Приведем лишь некоторые из них.

Из стихотворной записи писца Оганеса видно, что крымский хан в 1583 г. организовал набег на Украину, взял в плен двести человек русских, и всех их «повели продавать» на восточные рынки¹⁶.

Симеон дпир (Леаци) в своей памятной записи 1619 г. пишет: «...Татары вошли в нашу страну (т. е. Западную Украину) с большим войском, причинив много вреда: многих пленили и убили, разрушили и разорили, сожгли деревни и города, осквернили много женщин и невинных девиц, погнали в плен жителей»¹⁷.

Переписчик Аветик в памятной записи от 1648 г. сообщает, что крымский хан с большой армией пошел на Польшу, имея в виду Червонную Русь, «страну их подверг ограблению. мужчины и женщин увел в плен».

Протопоп Оганес в своей хронологии сообщает, что «20-го декабря 1668 года пришли татары. И многочисленные войска, как говорят ныне—40 000, вошли в область Подолию, разорили всю область, города и села, людей увели в полон, а все блага—овец и рогатый скот, хлеб и все имущество—сожгли. И так две недели бродил неверный по этой стране, и никто не ускользнул от него...»¹⁸.

Еще за десять лет до этого турецко-татарские войска предприняли нашествие на север и дошли до Венгрии, причинив там много вреда. Об этом сообщает нам дьякон Оганес. «В этом году (т. е. в 1658 г.—А. А.) Мехемет Гирей с много-

---

¹⁴ В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887, стр. 536.

¹⁵ См. А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М.—Л., 1948, стр. 10—12.

¹⁶ Матенадаран, рук. № 2939, стр. 504а—505а.

¹⁷ Там же, рук. № 7524, стр. 33в.

¹⁸ Г. Шпигель, *Чашка*, Венеция, 1896, стр. 37—38.

численным войском двинулся, прошел и дошел до страны маджаров (т. е. Венгрии.—А. А.). В пути он совершил много преступлений и зла, которые нельзя описать пером и рассказать языком. Деревни и города сжигал огнем и, предав их страны огню, взял большую добычу от них. И возвращаясь с этого набега, они, как стадо овец, погнали тысячу тысячей пленных и много тысячей—из нации маджар. Некоторых они бросали в огонь, других умерщвляли мечом, некоторых бросали под ноги лошадей, некоторые умирали в пути от голода. Лишь половину удалось привести в свою исконную страну (т. е. Крым) и продать, как быков и овец, отделив отца от сына, дочь от матери и брата от сестры»¹⁹.

Нельзя, конечно, утверждать, что в своих нашествиях турки и татары всегда имели успех, а население Украины или Польши не оказывало им сопротивления. Из сведений первоисточников видно, что не раз они бывали разгромлены украинцами и поляками²⁰.

Горе, постигшее украинцев и поляков, разделяли армянские жители этих стран. Они также подвергались гонениям и пленению. Хачатур Кафаеци рассказывает, что во время нашествия турецко-татарских полчищ в 1650 г. из Западной Украины было уведено в плен одних только армян 300 человек²¹.

Из записи одного купца, по имени Хачик, видно, что в 1672 г., когда туркам удалось захватить город Каменец, они убили много русинов, поляков и армян, а часть их погнали в плен²².

Можно привести и другие сведения из армянских первоисточников, написанных главным образом в колониях Украины и Польши, чтобы убедиться в разбойничьем характере турецко-татарских набегов.

Из Украины и соседних ей стран так много приводилось пленных на восточные рынки, что один из современников в городе Каире задал работорговцу следующий вопрос: «Остаются ли люди в тех странах, откуда вы приводите пленных?»²³.

Что из себя представляли рынки работорговли, где продавались пленные, приводимые из северных стран? Симеон

¹⁹ Матенадаран, рук. № 7419, стр. 564а—564в.

²⁰ См. У. Ф. Արշինյան, Համառոտ ուրվագիծ հայ դաղթավաճարի պատմության, Երևան, 1964, стр. 219.

²¹ Վ. Հախըրյան, указ. соч., т. 1, стр. 225.

²² Матенадаран, рук. № 2939, стр. 483в.

²³ Н. Барсамов, Феодосия, Симферополь, 1957.

дпир описал один из таких рынков в Константинополе. «Вторая дверь (Константинополь),—пишет Симеон дпир,—ведет в Ясыр-базар, где (продаются) многочисленные крестьяне разных (племен). Старики и старухи сидят; девочек и мальчиков, юношей и красивых женщин глашатаи, взяв за руки, показывали и продавали, как лошадей, либо мулов, а других собирали в каком-нибудь месте или на площади подобно отаре овец. Покупатели открывали лица и грудь молодых девушек и ощупывали с ног до головы все их тело, чтобы у них не оказалось чесотки, язвы, либо других ран. А они стояли тихо и безмолвно; которые приглянутся, их и покупали и, отняв у отца с матерью и разлучив с сестрами и братьями, увозили к себе домой. При виде всей этой причиняющей боль скорби, какой я никогда не видел, у меня разболелась голова, затрепетало мое сердце, возмутилась душа моя и все существо мое содрогнулось...»²⁴.

Садок Баронч приводит интересные сведения о многих армянах, которые освобождали из неволи украинцев и поляков. Так, например, в начале XVII в. один армянский купец по имени Адон освободил из турецкого плена много украинцев и поляков. В середине XVII в. армянка Марианна Богос, обойдя армянские поселения Украины, собрала деньги, чтобы заплатить выкуп и освободить из плена нескольких украинцев и поляков. В конце XVII в. из турецкой неволи освободили много украинцев и поляков армянские купцы-братья Дершиновичи, Вардан Гунянян и другие.

Прав Баронч, который, указав эти факты, замечает: «Они (т. е. армяне.—А. А.) во времена, полные бурь и неуверенности, держали в своих руках торговлю, забрасывая край (Украину и Польшу) необходимыми плодами Востока. Кроме этой материальной пользы, они старались также добывать христиан из тяжелой татаро-турецкой неволи»²⁵.

Дополним вышеприведенное мнение Баронча: в тяжелый час испытаний армяне и украинцы—эти два народа, разделившие одну судьбу, познали друг друга и заложили крепкую основу дружбе, которая приобрела новое качество и содержание в наше советское время.

---

²⁴ М. О. Дарбинян, Симеон Леаци, Путевые заметки, М., 1965, стр. 43—44.

²⁵ В. В. Грабовецкий, Армянские поселения на западноукраинских землях, ИСД, Ереван, 1961, стр. 109.

«ИСТОРИЯ» АРАКЕЛА ДАВРИЖЕЦИ И ЕЕ
ИСТОЧНИКИ ОБ АНТИУНИАТСКОМ ДВИЖЕНИИ В
АРМЯНСКИХ КОЛОНИЯХ НА УКРАИНЕ
В 20—50-х гг. XVII в.

Г. П. ПИНГИРЯН

(Научный сотрудник, Институт истории АН Армянской ССР)

«История» Аракела Даврижеци, выдающегося армянского исторнографа XVII в., охватывающая события 1602—1662 гг., является источником первостепенной важности как по истории Армении, так и армянских колоний на Украине.

28-ю главу своей «Истории»¹ Аракел Даврижеци посвятил борьбе армянского населения Львова и Каменца-Подольского в 20—50-х гг. XVII в. против насильственного проведения унии с римской церковью. Она являлась объективно борьбой армянских поселенцев за национальное самосохранение, за отстаивание самобытной армянской культуры, выдающимися очагами которой в то время были Львов и Каменец-Подольский. Даврижеци в своем труде детально осветил ход этого антиуниатского движения вплоть до начала 50-х гг. XVII в. На основе данных Аракела Даврижеци о борьбе армянского населения этих городов с прокатолической деятельностью епископа-униата Никола Торосовича строили свое изложение последующие армянские ученые (М. Чамчян², М. Бжишкян³, Г. Айвазян⁴ и др.), для которых «История» Аракела Даврижеци явилась главным первоисточником.

¹ См. «Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Դաւրիժեցւոյ», Վաղարշապատ 1896, стр. 363—389.

² См. Մ. Զամչյան, Պատմութիւն Հայոց, հտ. Գ, Վենետիկ, 1786, стр. 630—643.

³ См. Մ. Բժշկեանց, Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան, Վենետիկ 1830, стр. 111—115.

⁴ См. Գ. Այվազեան, Նիկոլ եպիսկոպոս եւ սլատմութիւն դարձին հայկա-
դանց Լեհաստանի ի կաթողիկոսութիւն, Վաղարշապատ, 1877.

Даврижеци, являясь одним из наиболее образованных людей среди учеников и сподвижников главы армянской церкви в Эчмиадзине католикоса Филиппоса, по свидетельству философа Степаноса Львовского, занимал видное место среди них благодаря своей учености, блестящему литературному таланту, глубине и широте познаний. «В это время,— пишет в одной из памятных записей Степанос Львовский,— (в Эчмиадзине) было много выдающихся вардапетов, красно-речивых ораторов, поэтов и глубоко знающих божественное писание ученых. Одним из них был также и вардапет Аракел, искусный педагог и историк, который изложил в прекрасно составленном труде историю (наших) патриархов и царей и тем оставил неизгладимую память о себе»⁵.

Взявшись за написание «Истории» по просьбе католикоса Филиппоса, Аракел Даврижеци задался целью изложить историю Армении с начала XVII в., осветить драматические события этой эпохи, привлекая все доступные ему письменные источники и сведения, почерпнутые из рассказов очевидцев событий. Он объездил всю Армению, собирая документальные сведения, памятные записи армянских рукописей, записывая устные рассказы очевидцев и участников событий. Он побывал в Иране и в малоазийских областях Османской империи, где находились многочисленные армянские поселения. Будучи видным деятелем своего времени, историк много путешествовал: в качестве посланца (нвирака) католикоса Филиппоса он побывал в Греции и Исфагане, Амасии и Себастии, Эдессе, Халебе и в других местах. И всюду он собирал материал для своего исторического труда, который, по словам самого историка, «начат был и завершен у высокого трона в Св. Эчмиадзине»⁶ и впервые напечатан в армянской типографии Воскана в Амстердаме в 1669 г. еще при жизни автора.

Труд Даврижеци проникнут глубоким патриотизмом, стремлением правдиво запечатлеть события той эпохи, в частности события столь горестных и бедственных для армянского народа лет, когда в результате длительных турецко-персидских войн, ареной которых являлась Армения, страна была разорена, а уцелевшее население Араратской долины было насильственно выселено в 1604 г. по приказу шаха Аббаса I в южный Иран. «У меня же,— пишет историк в памятной записи,— при виде руин страны Армянской, уменьшения и ослабления народа нашего скорбью горело сердце мое,

⁵ Հ. Տաշեան, *Մայր դուցակ հայերեն ձեռագրոց մատենադարանին մխիթարեանց ի վիկեննա, վիկեննա*, 1895, стр. 716ր:

⁶ Հ. Տաշեան, *указ. соч.*, стр. 432.

вот почему по доброй воле и осознанно я запечатлел (все это) в труде сием»⁷.

Хотя Аракел Даврижеци никогда не бывал в пределах Речи Посполитой и знаком был с жизнью армянских поселенцев Львова, Каменца-Подольского и других городов лишь по рассказам очевидцев, однако его, как патриота и историка, заинтересовала та напряженная, драматическая борьба, которую вело армянское население этих городов за сохранение своих национальных традиций, национальной армянской церкви и самобытной культуры против принятия унии с Римом и всепоглощающей космополитической католической церковью, против политики насильственного окатоличивания армянских горожан. Рассказы очевидцев и участников этих событий, письма и доклады эчмиадзинских ивираков и другие материалы дали возможность историку компактно изложить в одном очерке основные вехи этого движения.

Изучение вопроса об использованных в этом очерке Аракелом Даврижеци письменных источниках приводит нас к выводу, что он использовал источники двоякого характера:

а) документальные материалы из архивов Эчмиадзина и Кесарии, в частности письма патриарха Григора Кесаряци к католикусу Мовсесу III⁸ о своем пребывании в Каменце-Подольском в конце 1627—начале 1628 гг. и столкновении с епископом Николом Торосовичем, отчеты эчмиадзинского ивирака Хачатура Кесаряци⁹, приехавшего во Львов в сентябре 1630 г., а также обширные письма, содержащие жалобы львовских армян-неуниатов к католикусу Мовсесу III от 25.VII 1631 г., к католикусу Филиппосу (в 1637—1638 гг.)¹⁰ и др.:

б) памятные записи армянских рукописей. Многие из них погибли, однако до нас дошла интересная памятная записка посланца католикуса Филиппоса во Львов в 1653—1654 гг. ивирака Иоанна Аргяци¹¹, которой, как нам кажется,

⁷ Цит. по кн. Գ. Զարբանալեան, Պատմութիւն հայերեն զպրութեան, Կ. Ք., Վենետիկ, 1878, стр. 173—174.

⁸ Об этих письмах пишет сам историк в своем труде. См. «Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Դաւրիժեցւոյ», стр. 369.

⁹ См. Ն. Ակիևան, Մովսէս Գ. Տաթևացի հայոց կաթողիկոսն եւ իր ժամանակը, Վիեննա, 1936, стр. 248.

¹⁰ См. Մ. Բժշկեանց, указ. соч., стр. 113—115.

¹¹ Иоанн Аргяци, весьма образованный и искусный проповедник и дипломат, являлся одним из учеников католикуса Филиппоса и был направлен последним в 1653 г. из Константинополя (где в это время проездом находился католикос) во Львов с целью предотвратить унию

пользовался историк при написании своего труда, о чем свидетельствует сравнительный текстологический анализ этой записи¹² и заключительной части 28-й главы «Истории» Аракела Даврижеци¹³.

Из заключительной части «Истории», где повествуется о миссии Иоанна Аргиси во Львове, видно, что Даврижеци использовал в своем труде материал этой памятной записи. Аракел излагает (правда, несколько более пространно и красноречиво) те же события, в той же последовательности и зачастую в схожих выражениях, что и Иоанн Аргиси в своей памятной записи. Это касается рассказа Иоанна о его поездке из Константинополя во Львов, встрече в пути епископа Н. Торосовича, об уговорах и хлопотах ивирака во Львове с целью примирить епископа с его паствой, о сцене примирения в церкви, о приеме у короля Яна Казимира, последующем годичном пребывании Иоанна Аргиси во Львове и т. п.

Несомненно, большой фактический материал был почерпнут также историком из устных рассказов очевидцев и участников событий и, прежде всего, из рассказов эчмиадзинских ивираков Хачатура Кесараци, Иоанна Аргиси, а также, по-видимому, из сообщений посланцев львовской армянской колонии в Армению—Сефера Муратовича, Симона Миколаевича, Захария Дер-Каспровича, Криштофа Стечковича и др.

С этими посланцами львовских армян-антиуниатов Аракел Даврижеци, вероятно, встречался в Эчмиадзине, ибо он пишет о них в своей «Истории»: «Тогда пожаловался народ (т. е. львовяне-неуниаты.—Г. П.) в святой Эчмиадзинский престол на многие несчастья свои и послал с этой целью некоего священника по имени отец Симон и одного знатного человека из светских (лиц) к католикосу владыке Мовсесу, дабы он позаботился выискать способ для их спасения...»¹⁴.

Посланцы львовской армянской колонии привезли в Эчмиадзин обширное письмо-жалобу, датированное 25 июля

львовских армян с католической церковью и примирить епископа Н. Торосовича с противоборствующей ему общиной. Миссия Иоанна Аргиси, который был принят также королем Яном Казимиром, закончилась успешно, о чем пространно пишет Иоанн Аргиси в памятной записи на книге псалмов («Сагмос»), переписанной по его заказу в г. Каменце в 1654 г. армянским писцом, филологом и знатоком античной философии Иоанном Каменецким.

¹² Матенадаран, рук. № 5350, стр. 415—417.

¹³ См. «Պատմութիւն Առաքելի Գաւրիճեացւոյ», стр. 388—389.

¹⁴ Там же, стр. 381.

1631 г.¹⁵. и адресованное католикусу Мовсесу III. В нем обрисовывается тяжелое положение противящихся принятию унии львовских армянских горожан, которые подвергаются всевозможным гонениям, выражается мольба о помощи и поддержке, а в заключение говорится: «Сейчас отправляем к Вашему святейшеству своих специальных посланцев—славного господина Сефера Муратовича¹⁶, верного посланника нашего короля к персидскому шаху, а также отца Симона Миколаевича¹⁷, нашего священника. Они сделают Вашему святейшеству более обширный устный отчет (о наших) делах. Усиленно просим, чтоб Ваше святейшество верили им во всем»¹⁸.

Во время длительного пребывания Симона Миколаевича в Эчмнадзине, откуда он выехал с письмом католикуса в Рим к папе Урбану VIII¹⁹ лишь в конце августа 1632 г., приближенные католикуса, по-видимому, не раз слышали его рассказы о борьбе львовских армян с уннатским епископом и его сторонниками.

¹⁵ Текст письма, сохранившийся лишь в переводе с древнеармянского на польский язык, опубликован в работе: F. K. Zacharyasiewicz Wiadomość o Ormianach w Polsce, „Biblioteka Naukowego Zakładu im. Osolińskich”, t. 2, Lwów, 1842, стр. 69—79.

¹⁶ Сефер Муратович был крупным армянским купцом, личным поставщиком двора польского короля Сигизмунда III; в 1602 г. он успешно выполнил миссию неофициального посла польского короля к шаху Аббасу и изложил ее результаты в своем содержательном «Отчете» („Relacja Sefera Muratowicza... dla sprawowania rzeczy wyslanego do Persji w roku 1602”, Warszawa, 1807) Его авторитет, влияние, дипломатический опыт, прекрасное знание персидского, турецкого, армянского и других языков, хорошее знакомство со странами, через которые пролегал их путь в Армению, несомненно, были учтены при выборе его кандидатуры.

¹⁷ Симон Миколаевич был одним из просвещенных деятелей львовской армянской колонии, принимал участие (совместно с Горичкой-Голубовичем и Захарием Бернатовичем) в написании антикатолического памфлета „Pokazanie prawdziwe i krótkie obrzydliwego i śmierdzącego błędu kościoła rzymskiego”. За свои патриотические взгляды и антикатолическую деятельность он неоднократно подвергался преследованиям со стороны уннатского клира (см. ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 382, «Львовские городские акты», стр. 1112—1115, 1117—1120, т. 387, стр. 1559—1560, 1662—1664), а в июне 1631 г., накануне поездки в Эчмнадзин, он был зверски избит епископом Торосовичем и его приспешниками и брошен в частную тюрьму уннатского епископа, из которой армянским старейшинам с трудом удалось его выволочить.

¹⁸ F. K. Zacharyasiewicz, указ. соч., стр. 77.

¹⁹ См. ж. «Հանդիս անօրէյս», 1934, № 1, стр. 25.

Аракел Даврижеци сообщает, что «не только в первый раз, во второй и в третий раз также посылали львовяне священников и послов в Эчмиадзин к католику Филиппу...»²⁰. В источниках не сохранилось сведений обо всех этих посланцах. Однако имена двоих из них, ереспохана Захария Дер-Каспровича и Криштофа Стечковича, которые «являлись посланцами общины к высокопреподобному отцу Филиппу, патриарху армянскому»²¹, сохранились на страницах львовской гродской актовой книги за 1646 год в тексте протеста представителей армянской общины по поводу насильственного захвата этих посланцев армянской общины епископом Н. Торосовичем, который подверг их избиению, различным издевательствам и ограблению²². Так расплачивались возвратившиеся из Армении посланцы львовлян-неуниатов за свою антикатолическую деятельность, за то, что они своими рассказами в Эчмиадзине разоблачали подлинное лицо тех, кто проводил насильственную унию с Римом.

Отметим, что 28-я глава «Истории» Аракела Даврижеци в значительной степени написана на основании использования устных рассказов подобных посланцев, ибо, как отмечает М. Абегиан, Аракел в поисках материала для своей «Истории» собирал главным образом устные свидетельства²³. Немало данных почерпнул историк также из рассказов лиц, бежавших из Львова от преследований униатов и иезуитов и поселившихся в Армении. Он пишет о них: «Из города Львова из-за этих притеснений приехали в Эчмиадзин благочестивые мужи из духовенства, инок и перен, мужи ученые и, обосновавшись, остались здесь»²⁴. Среди них прежде всего следует отметить молодого ученого, философа Степаноса Львовского,

²⁰ «Պատմութիւն Աւարելի Դաւրիժեցւոյ», стр. 382—383.

²¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 396, стр. 1541.

²² Там же. В протесте следующим образом описываются эти бесчинства униатов: «Избив (их) обухами, волочили их по грязи, надавали пощечин, окровавили, накормили различными оскорблениями и продержали в зловошной своей тюрьме целую неделю. Одному из них, на позор, постригли бороду и усы, а также (выстригли) тонзуру на голове, другого же довели до опасной болезни. А напоследок (епископ) ободрал их почти как язычник, как это обычно делают татары, захватив в ясырь—(он) потребовал от них выкуп. Он содрал с них выкуп в полторы тысячи злотых наличными, кроме других ценностей, которые забрали находившиеся при нем канцеляристы. Только после этого (епископ) выпустил их».

²³ Մ. Աբեցիան, Հայոց հին դրահանուէթյան պատմութիւն, գիրք 2, Երեւան, 1946, стр. 452.

²⁴ «Պատմութիւն Աւարելի Դաւրիժեցւոյ», стр. 383.

переехавшего по настоянию родителей в 40-х годах XVII в. из Львова в Эчмнадзин и сыгравшего затем важную роль в истории армянской культуры середины XVII века²⁵.

В связи с использованием Аракелом Даврижеци устных источников возникает вопрос о степени достоверности его сведений относительно тех событий, очевидцем которых он не был. Сохранившийся до наших дней в ЦГИА УССР во Львове документальный материал, главным образом из актовых книг львовского магистрата и градского суда (на латинском и польском языках), дает возможность последовательно проверить, уточнить и дополнить сведения Аракела Даврижеци и поставить этот раздел его «Истории» на прочную основу документальных архивных данных, а также в отдельных случаях датировать события, описанные Аракелом.

Результаты подобного исследования и сопоставительного анализа показали, что большая часть сообщаемых историком Аракелом сведений, часто даже в деталях, находит полное подтверждение в архивных документах ЦГИА УССР во Львове. Это касается сообщений Аракела Даврижеци о приезде во Львов в 1626 г. католикоса Мелхиседека, его подкуп сторонниками Никола Торосовича, бойкот последнего армянской общиной, столкновение Н. Торосовича с ивираком Эчмнадзина Григором Кесараци и Хачатуром Кесараци, союз Торосовича с иезуитами и городскими католическими властями, история захвата армянских церквей и ограбления их сокровищницы, преследования неуннатов и их ответная борьба, приезд посланцев Эчмнадзина во Львов, условия примирения общины с епископом Торосовичем в 1653—1654 гг. и др.

Приезд армянского католикоса Мелхиседека во Львов в 1626 г. и тайное, незаконное посвящение им в епископы (независимо от протестов представителей армянской общины) инок Торосовича послужили толчком для вспышки антиуннатского движения во львовской армянской колонии. Это отмечают многие авторы, писавшие об этих событиях, начиная с историка Аракела Даврижеци.

Остановимся более детально на этом событии и прежде всего уточним его датировку. Аракел Даврижеци, дважды упоминая в «Истории» о приезде католикоса Мелхиседека во Львов²⁶, не сообщает времени его прибытия. Точная дата торжественного въезда армянского католикоса в г. Львов—

²⁵ См. В. К. Чалоян, Степанос Львовский (из Львова) в Армении, ИСД, Киев, 1965, стр. 105.

²⁶ См. «Գրական Բնի Առթիւ Դասընթաց», стр. 228, 363.

2 мая 1626 г.²⁷—указывается в одном из интересных архивных документов, хранящихся в ЦГИА²⁸.

При въезде католика в город армянские горожане «встретили его с большими почестями, с чрезвычайной пышностью и великолепием»,—пишет Аракел Даврижеци²⁹. И, действительно, в документах львовского архива сохранились свидетельства о дорогостоящих приготовлениях общины к этой встрече и об оказанном католику Мелхиседеку и его свите помпезном приеме³⁰. Сетуя в своей жалобе на львовский магистрат, старейшины армянской общины писали, что советники католического магистрата «надменно и настойчиво протестуют перед его королевской милостью и сословными королевства (т. е. сеймом.—Г. П.) относительно того, что будто бы армяне перед приездом патриарха собрали необыкновенно богатую и великолепную церковную утварь и, посовещавшись, составили [ее] реестр. Однако не настолько уж блестяща и многочисленна эта утварь, как пишет об этом магистрат, что будто бы она—лучшая во всей Польше, да и была она собрана не только одними проживающими во Львове армянами»³¹. В свою очередь магистрат и католическая община Львова в протесте против старейшин армянской колонии, ссылаясь на королевский указ о том, что армянский патриарх должен был прибыть и встречен как частное лицо, выступали с обвинениями, что «армяне с большою помпезностью ввели в общину своей нации армянского патриарха, прибывшего в сопровождении многих епископов из турецкой земли в Царство Польское»³² и что расследованием

²⁷ По-видимому, католикос Мелхиседек приехал во Львов в последних числах апреля 1626 г. и, по существовавшему во львовской армянской колонии обычаю, о котором сообщает армянский историк Симеон Лехани (см. его «Путевые заметки», М., 1965, стр. 242), вначале остановился в армянском монастыре на Краковском предместье Львова, где должен был пробыть не менее трех дней. Уже после того, как армянские старейшины согласовали этот вопрос с бургомистром города Мельхиором Вольфовичем, а также со львовским старостой Станиславом Мишкеком, католикос «спокойно въехал в город после решения магистрата г. Львова (о его допуске)» (ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 360, док. № 70).

²⁸ Там же, док. № 70. Документ этот представляет собой протест армянских старейшин Львова против козней и притеснений католического магистрата по отношению к армянским горожанам и датирован 29 мая 1626 г.

²⁹ См. «Պատմութիւն Առաքել Դավրիճեցւոյ», стр. 228.

³⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 360, док. 70 и 95.

³¹ Там же, док. 70.

³² Там же, док. 95.

львовского магистрата был установлен факт бегства этого патриарха (укрываемого во львовской армянской общине), из восточных земель, что «представляет угрозу общественной безопасности города»³³, ибо чревато международными осложнениями.

Сообщаемые Аракелом Даврижеци сведения о подкупе католикоса Мелхиседека сторонниками Никола Торосовича также подтверждаются документальными материалами, среди которых наибольший интерес представляют свидетельские показания в магистратском суде 10 ноября 1630 г. армянских горожан Саака Акопсовича и Сефера Нуридзиановича о том, что епископ Торосович «дал 300 талеров покойному патриарху Мелхиседеку, дабы тот посвятил его в епископы»³⁴. Тот же купец Сефер Нуридзианович, выступая 4 марта 1631 г. в старостинском суде Львова, также заявлял о том, что он собственноручно получил от сестры епископа Никола Торосовича Анны Сааковой 100 левковых талеров, спустя 6 недель после посвящения Н. Торосовича в епископы, и «отдал их преподобному отцу Мелхиседеку, патриарху Эчмнадзинскому [из] Армении, премного благодаря его от [имени] этой госпожи Сааковой за [ту] милость его, которую он оказал ее брату...»³⁵.

Подробно описанная Аракелом Даврижеци сцена тайного посвящения инокка Никола в епископы и протесты львовских армян, князей и рамиков, просивших католикоса не посвящать его в епископы и не «предавать нас и церковь нашу в руки этого нечестивца»³⁶, действительно, имела место 3 января 1627 г. в загородном армянском монастыре на Краковском предместье, где собравшиеся армянские старейшины и многие лица из числа поспольства выражали свое недовольство и несогласие с этим незаконным посвящением в епископы, без ведома старейшин и минуя выборы общины, «человека неудобной нам позиции и самого по себе не способного к епископству, ибо ему всего лишь 22 года»³⁷. Об этом говорится в протесте общины от 5 января 1627 г. и в показаниях коронного возного Лаврентия Красусского в городском суде того же дня о том, что он присутствовал в монастырской церкви на Краковском предместье на церемонии посвящения армянским патриархом в епископы Н. Торосовича и подтверждает, что многие армянские горожане негодовали по этому поводу

³³ Там же.

³⁴ Там же, оп. 3, дело 45, стр. 2496.

³⁵ Там же, ф. 9, т. 382, (Акты городские), оп. 1, стр. 287.

³⁶ «Պատմութիւն Առաքելի Դաւրիճեցոյ», стр. 365.

³⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 378, стр. 1767.

и заявляли ему, что «они не хотят иметь Николая Торосовича своим епископом и не приемлют его как [человека] не пригодного для этой должности и сана»³⁸. Здесь же возный представил для записи в городские акты имена этих 35 армянских горожан и жителей предместья, протестовавших против незаконных действий католикоса Мелхиседека.

Сообщаемые историком сведения о конфликте между Николом Торосовичем и константинопольским патриархом, видным деятелем национальной армянской церкви и крупным ученым Григором Кесараци, пребывавшим в декабре 1627—январе 1628 г. в Каменце-Подольском и высланном оттуда ввиду брошенного на него епископом Торосовичем ложного обвинения в шпионаже в пользу Турции, также находят полное подтверждение в документальных данных ЦГИА УССР во Львове. Об этом свидетельствует как текст письменного обязательства, данного Н. Торосовичем 7 сентября 1628 г. старейшинам львовской общины под угрозой лишения епископской кафедры, отправиться на Восток к патриарху Григору Кесараци и получить у него отмены церковного отлучения и анафемы³⁹, так и подробный рассказ самого Н. Торосовича во львовском городском суде 4 марта 1631 г.⁴⁰ о всех обстоятельствах этого конфликта и брошенной на него Григором Кесараци анафемы, рассказ, совпадающий с данными «Истории» Араке́ла Даври́жеци даже в деталях. Что же касается анафемы Григора Кесараци, то текст ее в древнеармянском подлиннике и поныне хранится во Львовском историческом архиве.

Об описанном Араке́лом Даври́жеци столкновении епископа Торосовича с эчмнадзинским ивираком Хачатуром Кесараци, предпринявшим попытку судить уннатского епископа за кражу и расточение церковных сокровищ и вероотступничество, свидетельствует ряд документальных данных⁴¹, раскрывающих суть конфликта и дополняющих сведения, приводимые в «Истории» Араке́ла Даври́жеци.

Даври́жеци подробно описывает картину захвата кафедрального армянского собора во Львове католическими властями города, их вооруженной полицией, руководителями и студентами ордена иезуитов и других орденов и передача собора уннатского епископу, «вместе со всем имуществом,

³⁸ Там же, стр. 1768.

³⁹ Там же, ф. 52, оп. 3, т. 45, стр. 2640—2641.

⁴⁰ Там же, ф. 9, оп. 1, т. 382, стр. 273—275.

⁴¹ Там же, т. 381, стр. 1833—1841; т. 382, стр. 276—277; ф. 52, оп. 3, т. 45, стр. 2022—2024, 2494—2496 и др.

принадлежащим церкви»⁴². По датировке львовских актов книг этот насильственный захват армянского собора произошел 4 ноября 1630 г., в день католического праздника всех святых. Многие страницы актов книг посвящены детальному и образному описанию того, как в присутствии светских и духовных владык города, городской полиции, руководителей и студентов коллегиума иезуитов по приказу присяжных судей магистрата кузнечными молотами были разбиты замки, изуродованы двери армянского собора и ликующая толпа фанатичных католиков ворвалась в собор, ведя за собой униатского епископа и «не обращая внимания на просьбы и протесты армянских горожан»⁴³.

Свидетельства же Аракеда Даврижеци о том, как епископ Торосович «пожирал и транжирил сокровища церкви», раздарил и распродал множество ценных старинных книг⁴⁴, находят полное подтверждение как в указе короля Сигизмунда III⁴⁵, так и в многочисленных протестах общины по поводу ограбления и разбазаривания дорогой церковной утвари из собора и монастырей, книг из городской и монастырской библиотеки, а также фондов и депозитов армянских горожан⁴⁶. Нанесенный армянской общине ущерб ее представители оценили в 100 000 злотых и предъявили иск не только епископу Торосовичу, но и покровительствующему ему католическому магистрату, советники которого также были к этому причастны⁴⁷.

Образный рассказ Даврижеци о тех преследованиях, которым подвергал униатский епископ армянских горожан, противившихся принятию католичества, мог бы вызвать у читателя сомнение в подлинности хотя бы некоторых деталей, в частности о запрещении епископа погребальных и брачных обрядов (с целью взимания взяток), о том, как тайно увозили покойников в другие города для погребения или же «оставляли умерших непохороненными в течение ряда лет: их укладывали в деревянные ящики, заливали ящики смолой так, чтобы смола покрыла труп, и выставляли на холод и держали, ожидая пришествия господ»⁴⁸. Казалось бы, в этом рас-

⁴² «Պատմութիւն Առաքել Գաւրիժեցւոյ», стр. 376—377.

⁴³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 381, стр. 1840—1841.

⁴⁴ «Պատմութիւն Առաքել Գաւրիժեցւոյ», стр. 384.

⁴⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 382, стр. 59—61.

⁴⁶ Там же, т. 381, стр. 1781—1786; т. 383, стр. 2716—2718; т. 384, стр. 38—40, 1788—1793; ф. 52, оп. 3, т. 47, стр. 1437—1442.

⁴⁷ Там же, ф. 9, оп. 1, т. 385, стр. 173—174; т. 633, стр. 29—30.

⁴⁸ «Պատմութիւն Առաքել Գաւրիժեցւոյ», стр. 380—381.

сказе историка присутствует хоть какой-то элемент художественного вымысла. Однако сохранившиеся до наших дней документальные свидетельства о подобных запретах епископа Торосовича полностью опровергают это предположение. Так, в 1632 г. родственники покойного армянского старейшины Берната Бернатовича вынуждены были тайно вывезти его труп для погребения в г. Язловец⁴⁹. Ввиду запрета хоронить армян-неуниатов создалось нетерпимое положение в городе. Сохранившиеся документы рисуют связанные с этим страшные картины из жизни львовского армянского квартала в эти годы. Так, в донесении коронного возного Л. Красусского от 27 февраля 1631 г. говорится: «По просьбе и требованию господ старейшин львовских армян, я был вчера в домах нижеуказанных львовских армян. Сначала был я в доме господ Криштофа и Захарнаша Аведиковичей, здесь, в городе, на Армянской улице... Там видел я до сих пор непогребенное тело их матери, которая умерла, как мне сказали, 10 недель тому назад. Потом в доме Юхна Томановича, на этой же улице, я видел непогребенное тело его сына, который умер 3 недели назад. В доме Аведика Бернатовича, армянского старейшины, видел тело его умершей внучки; у Юрко Якубовича, в доме Себастиана-шорника, я видел тело его умершей матери. У священника Яна Ивашковича...—тело его умершего сына, в доме Лазаря Матнашовича на Краковском предместье видел непогребенное тело его умершего сына. При этих осмотрах родственники покойников свидетельствовали и жаловались мне на преподобного отца Николая Торосовича, армянского епископа. В связи с его разрывом [с григорианской] церковью упомянутые покойники до сих пор не похоронены, ибо он запрещает священникам проводить необходимые похоронные обряды и богослужение...»⁵⁰. Подобное положение в городе существовало еще и в июле 1633 г., что вызывало вполне законные опасения горожан, боявшихся возникновения эпидемии в городе⁵¹.

Свидетельство Аракела Даврижеца о том, что армянские горожане Львова объявили бойкот епископу-отступнику и «даже за человека его не принимали»⁵², также находит подтверждение в ряде документальных материалов, в которых описывается, как они с презрением плевали на униатского

⁴⁹ ЦГИА во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 398 (Акты войтовского суда г. Львова), стр. 1237—1239.

⁵⁰ Там же, ф. 9, оп. 1, т. 381, стр. 258—259.

⁵¹ Там же, т. 384, стр. 1172—1176.

⁵² «Պատմութիւն Առաքել Դավրիճեցւոյ», стр. 369.

епископа и его монахов, шедших в праздничный день со святым причастием, и угрожали ему убийством за вероотступничество⁵³. Во время волнений на Армянской улице в 1636 г. произошла жестокая схватка между армянами-антиуниатами и сторонниками епископа Торосовича, причем последний, по свидетельству очевидцев, был сильно избит⁵⁴, и если бы не помощь подоспевших на выручку с соседних улиц католиков, был бы наверняка убит нападавшими⁵⁵, которые кричали ему вслед: «Надо убить этого мошенника и пройдоху, чтоб уж наконец покой настал. Мы не считаем его епископом, только изменником—у нас есть свой патриарх [в Эчмиадзине]»⁵⁶.

Документально также подтверждается сообщение Аракела Даврижеци о посылке католиком Филиппосом ивиров во Львов и Варшаву. Это явствует из указа короля Владислава IV, предписывавшего руководителям львовского магистрата обеспечить спокойное и безопасное пребывание в городе в феврале 1646 г. проезжающего через Львов в Варшаву «армянского иуница, который послан для определенных дел к нам от преподобного Филиппоса, патриарха армянского»⁵⁷.

В заключительной части 28-й главы Аракел Даврижеци пишет о тех уступках, на которые вынужден был пойти униатский епископ в 1652 г., добываясь примирения с католиком и своей паствой (это были бурные годы Освободительной войны украинского народа, когда могуществу католической церкви на Украине был нанесен сокрушительный удар, и подобная политика униатского епископа вполне понятна). Историк приводит только пункты договора, касающиеся лишь вероисповедных вопросов, в то время как текст договора старейшин общины с епископом, датированный 11 ноября 1654 г. и сохранившийся в протоколах совета старейшин львовской армянской общины, свидетельствует также и о распределении доходов с церковного имущества и других прибылей между епископом, священнослужителями, старейшинами и посольством⁵⁸.

⁵³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 45, стр. 2366; ф. 9, оп. 1, т. 382, стр. 283—284.

⁵⁴ Там же, ф. 52, оп. 3, т. 264 (Акты львовского лавиньего суда), стр. 1456—1457.

⁵⁵ Там же, стр. 1442.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, ф. 9, оп. 1, т. 396, стр. 1161—1162.

⁵⁸ Библиотека Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве, отдел рукописей, рук. № 164611, л. 47—49.

Сопоставительный анализ сведений 28-й главы «Истории» Аракела Даврижеци с архивными данными дает также возможность как бы войти в «творческую лабораторию» армянского историографа XVII в. и охарактеризовать некоторые черты его критического исследовательского метода, принципы выбора и изложения им исторического материала. Остановимся вкратце на них.

Отметим, что в своем очерке, создавая целостную картину жизни и антиуниатской борьбы львовских армян, Даврижеци очень продуманно и последовательно изложил события, начиная с приезда католика Мелхиседека во Львов и кончая примирением епископа Н. Торосовича с общиной в 1653—1654 гг. Сопоставляя картину, нарисованную Аракелом в его очерке с пространными архивными данными об антиуниатской борьбе львовских армян, мы видим, что историк осветил наиболее важные события этого периода. Отбирая исторический материал, он руководствовался принципом — показать наиболее важные по существу вопросы и наиболее впечатляющие, яркие с художественной стороны факты и события.

Характеризуя творческий метод Аракела Даврижеци, прежде всего следует указать на его критичность. Он скрупулезно собирал факты, проверяя их достоверность и отбрасывая в сторону те, которые не выдерживали критической проверки. Так, в своей «Истории», остановившись на выяснении причины вражды Григора Кесараци и Аристакаса Харберди, Аракел делает важное замечание: «Я долгое время искал причину (их ненависти), но достоверно не узнал, а недостоверное не записал»⁵⁹. В процессе работы в архиве армянского патриаршества в Кесарии, где хранились бумаги Григора Кесараци, ему, очевидно, не удалось найти документальных свидетельств, а всевозможные устные рассказы он счел неубедительными и отбросил как недостоверные. Итак, видно, насколько взыскателен историк к собираемому им материалу.

Если у Аракела Даврижеци имелось под рукой два или несколько мнений о побудительных причинах тех или иных поступков, — он дает обе мотивировки. Так, о причинах поездки епископа Торосовича к Григору Кесараци (добиться снятия анафемы) историк пишет: «То ли по совету друзей, то ли по принуждению населения»⁶⁰ он поехал к Григору Кесараци. Сохранившийся в актах львовского магистрата

⁵⁹ «Պատմութիւն Առաքելի Դատ. քիմեցւոյ», стр. 370.

⁶⁰ Там же.

текст договора епископа Торосовича со старейшинами армянской общины подтверждает вторую версию⁶¹.

Для Аракела Даврижеци характерно сочетание письменных свидетельств очевидцев событий с деталями из их более пространныго устного рассказа. Именно так он использовал в своей «Истории» упоминавшуюся выше памятную запись нвирака Иоанна Аргици, излагая по ней заключительную часть 28-й главы своего труда, однако добавляя к этому отдельные детали из более пространныго устного рассказа нвирака, которых нет в его памятной записи.

Изучение сведений 28-й главы «Истории» Аракела Даврижеци, в свете данных документальных материалов ЦГИА УССР во Львове, приводит к выводу о чрезвычайной достоверности изложенной им истории жизни и антиуниатской борьбы львовских армян в 20—50-х гг. XVII в. Аракел Даврижеци, написавший «Историю» на основе скрупулезного сбора и критической проверки данных источников, относится к числу авторов, к труду которых историки могут относиться с полным доверием как к надежному первоисточнику.

По другим разделам «Истории» Аракела Даврижеци не сохранилось столь компактно собранного документального архивного материала, который мог бы служить проверочным критерием сообщаемых историком сведений. А между тем в значительной степени эти разделы написаны на основании устных рассказов очевидцев и участников событий. И поэтому определенный интерес представляют результаты подобного сравнительного исследования по отношению к данным 28-й главы его «Истории», что, возможно, будет полезным при изучении других разделов этого ценного труда по истории армянского народа XVII в.

---

⁶¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 45, стр. 2640—2641.

вступить в него вопреки ее воле. В VI в., по канонам католика Нерсеса и епископа Нершапуха Мамиконяна, брак без согласия сторон строго запрещался³⁶. Этот прогрессивный канон нашел место во всех армянских судебныхниках.

Приданое замужней женщины оставалось как материнское имущество и в случае смерти ее, когда не бывало прямых наследников, возвращалось родителям женщины или ее братьям³⁷.

При разводе женщина и мужчина были равноправны перед законом. В случае несоответствия пар право на развод имели также и женщины, уходя от мужа, уносили с собой свое приданое. Если муж разводился с больной женой, он должен был обеспечить материально ее до конца ее жизни. Бесплодные женщины еще не давало мужу права на развод, разводиться он мог только с согласия жены. У Мхитара Гоша читаем: «Буде чья жена окажется бесплодной, муж не вправе из-за этого отпустить ее, ибо дарить детей—в воле божьей, но если жена, видя печаль мужа по поводу бездетности и сжалившись над ним, подобно Сарре, давшей свободу Аврааму, предоставит ему свободу жениться,—пусть он возьмет жену, но с тем, чтобы он не имел права держать вместе и жену бездетную и жену, способную к деторождению». «Также поступать и в том случае, если бесплодным окажется муж». «И если жена не пожелает выйти за другого, муж обязан содержать ее как вдову в другом доме до конца жизни и возвратить ей принесенное ею имущество»³⁸.

Согласно канонам Шаапниванского собора (447 г.), у мужа, покидавшего жену, брали половину его имущества и отдавали жене³⁹. Детей также разделяли между родителями. А в судебнике Мхитара Гоша имеется об этом специальная статья—«О мужьях, бросающих жен». Там же читаем: «Если кто оставит жену, мать детей без вины ее в прелюбодеянии или в колдовстве и без какого-либо порока телесного, а вследствие своего собственного блуда и увлечения другой женщиной, то суд в отношении его пусть будет таков: разделить поровну детей, имущество, дом, землю и воду его и вообще все, принадлежащее ему: одну половину выдать жене и предоставить ей, буде она пожелает, право свободно вести к себе в дом другого мужа. Каждый пусть займет свою долю и пусть внесет все государственные налоги по ней». Кроме всего этого, мужа, бросившего жену, подвергают семилет-

³⁶ Там же, стр. 487.

³⁷ «Армянский судебник Мхитара Гоша», стр. 121.

³⁸ Там же, стр. 48—49.

³⁹ Չ. Հակոբյան, указ. соч., стр. 430.

вицкая и Зашкивская³. Встречается бумага, закупленная и на украинских землях, входящих ныне в состав Польской Народной Республики. Сюда можно отнести бумагу с водяными знаками некоторых вариантов герба Елита.

Некоторые документальные материалы свидетельствуют, что львовские купцы, в частности армяне, вели широкую торговлю с Молдавией и привозили оттуда много бумаги⁴. Однако Молдавия не имела тогда развитого бумажного производства, и нам не удалось найти ни одного знака, который мог бы быть доказательством молдавского происхождения бумаги. Можно допустить, что молдавские купцы перепродавали западноевропейскую бумагу, в частности итальянскую, немецкую, французскую, голландскую, швейцарскую и др.

Водяные знаки западноевропейского происхождения довольно часто встречаются на бумаге документов львовских армян. Это, в частности, голландская бумага с водяным знаком Foolscap (дословно: колпак шута) и очень распространенными у нас лилиями. Правда, лилия нашла свое отражение в гербах Польши⁵, Австрии⁶, Германии и некоторых других европейских государств и поэтому нельзя утверждать, что эта бумага принадлежит только Голландии. Среди армянских документов много бумаги с филигранями, изображающими всевозможных львов с двойными хвостами, что указывает на ее чешское и австрийское происхождение⁷. Есть и бумага австрийского происхождения. Очень многие документы армянского суда написаны на моравской, ломбардской, богемской, немецкой бумаге, а также на бумаге других европейских стран. Несколько реже, но также в большом количестве встречается французская, итальянская, испанская и швейцарская бумага⁸.

Следует указать на то, что в большом количестве употреблялась польская бумага. Бумажные промыслы Польши в то время были уже хорошо развиты, и поэтому понятно, что на захваченных Польшей украинских землях польская

³ Историю этих бумажных мельниц см.: О. Мацюк. До історії українських папірень XVI ст. та їх водяних знаків, „Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР“, Киев, 1962, №5, стр. 10—21.

⁴ ЦГИА УССР во Львові, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 352, стр. 1565—1586.

⁵ K. Łódź-Czarniecki, Herbarz Polski podług Niesieckiego, Gniezno, 1875—1881, t. I, стр. 1—123.

⁶ Georg Eineder, The ancient paper-mills of the former Austro-Hungarian empire and their Watermarks, Hilversum, 1960.

⁷ Там же, стр. 329—331.

⁸ См. Johann Lindt, The paper-mills of Berne and their Watermarks 1465—1859, Hilversum, Holland, 1964 (t. X).

бумага была очень распространена. Среди документов львовских армян встречаются почти все сорта бумаги, вырабатываемой в XVI—XVII вв. большими польскими бумажными мельницами. Поэтому на характеристике польской бумаги и ее водяных знаков следует остановиться более подробно.

Документы с водяным знаком герб Топор встречаются в разных вариантах. Этот герб известен в рукописях 1542, 1544 гг.⁹ (упрощенный вариант). Пекосиньский находит его еще под 1539 годом¹⁰, а в конце XVI в. он становится общераспространенным. Это—водяной знак одной из двух бумажных мельниц Тенчинских, употреблявших этот герб. Указанные бумажные мельницы, согласно архивным документам, находились в их подкраковских имениях Крешовичи и Тенчинок¹¹. Насколько широко употреблялась эта бумага в Галичине и, в частности, во Львове, как среди армян, так и среди всего населения, доказывает и тот факт, что печатник Иван Федоров имел непосредственные связи с этими мельницами и все время покупал их бумагу для печатания своих книг¹².

Много сортов бумаги имеется с гербами Тупая подкова и Любич, что также указывает на ее польское происхождение.

Как видно из водяных знаков документов, львовские армяне покупали много вроцлавской бумаги с водяными знаками, изображающими разные составные части герба г. Вроцлава: буква «W» как инициал города, другая буква—Святого Иоанна, покровителя города, и Святой Доротеи¹³. Можно предполагать, что бумага с филлигранями, имеющими буквы «В» и «ВМК», также вроцлавская потому, что этот город с 1526 г. был под господством Габсбургов и некоторые фабриканты литеру «W» могли заменять на «В», т. е. Breslau, так называли его и позже, когда он был под владычеством (с

---

⁹ К. Тромонин, Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, М., 1844, №№ 820—822, а также в новом издании Tromonin's Watermark Album a facsimile of the Moscow 1844 edition, Hilversum, Holland 1965 (t. XI) под теми же номерами; Н. П. Лихачев, Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, СПб., 1891 (№530, 1542г; 528, 1544г; 520, 1581г; 524, 1595г.)

¹⁰ F. Piekosiński, Średniowieczne znaki wodne (wiek XIX), Kraków, 1893, стр. 7.

¹¹ K. Badecki, Znaki wodne w księgach archiwum miasta Lwowa 1382—1600г., Lwów, 1928, стр. 16.

¹² О. Мацюк, Водяні знаки на папері друків Івана Федорова, „Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР“, Київ. 1964, №3, стр. 39.

¹³ M. Gumowski, Herby miast polskich, Warszawa, 1960, стр. 345.

1741 г.) Пруссии. Правда, бумагу с похожим водяным знаком немного позже выпускали в городе Браунау в Австрии¹⁴, но в этих водяных знаках отсутствуют литеры МК, которые мы видим на вроцлавских филигранях. Эта бумага покупалась не только львовскими армянами и львовянами вообще, но завозилась в очень большом количестве и в Восточную Украину¹⁵. Довольно часто встречаются и другие сорта польской бумаги с водяными знаками, изображающими гербы шляхетских родов и духовенства—владельцев бумажных мельниц. В частности, гербы: Лебедь, или, как его еще называют,—Дунин, Остоя, Слеповрон, Юноша. Этим последним знаком могла обозначать свою бумагу какая-нибудь епископская фабрика в имениях Станислава Карниковского, который употреблял этот герб¹⁶. Два идентичных знака скопировала Александра Витвицкая¹⁷. Происхождение остальной упомянутой бумаги еще не известно.

Очень широкое распространение имела бумага с гербом Абданк (Габданк, Скарбек, Скуба). Это водяные знаки Могильской бумажной мельницы возле Кракова¹⁸. Среди остальной польской бумаги встречается еще бумага с гербом Равич (Рава)—гербом Гжимала, которым могильская бумажная фабрика обозначала свои изделия во время аббата Гослицкого (1586—1601), что как раз совпадает с датой нашего документа (он написан в 1595 г.)¹⁹. Герб Одровонж, встречающийся среди водяных знаков рукописей, тоже водяной знак могильской фабрики. Встречается еще бумага с филигранью—герб Лодзи. И, наконец, бумага старейшей польской бумажной мельницы—монастыря Св. Духа в Пронднике возле Кракова, которую они обозначали двойным крестом, т. е. монастырским гербом Свенциц.

Как ни удивительно, но восточной бумаги львовские армяне не привозили совсем. Бумага из Малой Азии, например, встречается очень редко—только среди документов, написанных на Востоке и привезенных во Львов. Что касается турецкой бумаги, нужно заметить, что она отличалась своим высоким качеством и стоила во Львове очень дорого. Из

¹⁴ Georg Einder, указ. соч., № 247, 248

¹⁵ См. І. Каманін, О. Вітвіцька, Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651), Київ, 1923, № 364—366, 467—494, 766—774, 795—811, 831—835, 1034—1057 и др.

¹⁶ Piekosiński, указ. соч., стр. 7.

¹⁷ І. Каманін, О. Вітвіцька, указ. соч., 1581, №334, 1580, № 335.

¹⁸ Karol Wadecki, указ. соч., стр. 18—21, №74, 79, 96, 105, 144.

¹⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, т. 360, л. 43.

документов архива явствует, например, что в 1669 г. один лист турецкой бумаги стоил 6 грошей, за эти же деньги можно было купить в среднем половину либры²⁰ хорошей бумаги²¹. И вообще нужно сказать, что в эти времена бумага стоила очень дорого.

Среди документов львовских армян, кроме книг и фасцикулов, написанных на разнообразной бумаге, встречаются, хотя и редко, книги, составленные из одинаковой бумаги, что указывает на ее одновременную закупку, а на это тратились большие деньги. Так, например, одна книга²² составлена из западноевропейской (французской или немецкой) бумаги, довольно толстая и насчитывает 175 листов бумаги формата folio. Это—самая старая из сохранившихся книг армянского суда во Львове 1537—1561 гг. Если учесть, что бумага закуплена не позже 1537 г., можно определить, что сама бумага без переплета стоила в среднем столько, что за эти деньги можно было купить хорошего теленка²³. Позже, в конце XVI—начале XVII вв., в связи с развитием книгопечатания, бумага стала еще дороже. Тогда за такое же примерно количество бумаги нужно было уплатить столько, сколько и за вола.

Во время работы над архивными документами львовских армян исследователи могут встретиться иногда с важными документами, на которых не обозначена дата их написания. Вместе с историческими, палеографическими и некоторыми другими особенностями документа первоочередное значение для определения времени написания недатированной рукописи имеют водяные знаки бумаги, на которой написан этот документ. Опыт показал, что в большинстве случаев водяные знаки на бумаге дают нам возможность довольно точно определить время написания недатированного документа.

Среди документов XVI—XVII вв. бывают иногда разные подделки. Подделка документов чаще всего встречается в имущественных делах, завещаниях, пожалованиях шляхетских титулов и т. п. Писари, подделывая документы, не всегда обращали внимание на бумагу и датировали документы прошлыми годами на новой бумаге. Фальсификаторы пунктуально воспроизводили все особенности аутентичных актов, соседних в книге с фальшивыми. Но чего они никогда не

---

²⁰ Одна либра имела 25 листов печатной или 24 листа писчей бумаги.

²¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 352, стр. 565—566.

²² Там же, т. 513.

²³ См. St. Hozzowski, *Ceny we Lwowie w XVI i XVII wieku*, Lwów, 1928, стр. 180, 194.

могли достигнуть, так это в точности воспроизведения старого почерка и подборки бумаги с такими филигранями, которые доминируют в определенное время и в определенной местности.

Таким образом, палеография и водяные знаки бумаги являются единственными и наиболее сильными разоблачителями подделок тех времен. При большом старании и определенных навыках все удавалось подделать, но воспроизвести почерк известного времени и подобрать бумагу с подходящим к этому времени водяным знаком было не в силах фальсификаторов, потому что требовалось изучение и того и другого, а фальсификаторы не владели ни необходимыми знаниями, ни средствами, ни временем, ни способностями в этом деле²⁴.

Поэтому в этих случаях для обнаружения подделок решающее значение также имеют водяные знаки.

Среди документов львовских армян иногда встречаются и копии, которые снимались из актовых книг через 200—300 лет после их записи в книгу, однако на самой копии переписчики ограничивались только датой оригинала. Так, например, на одном из документов Армянской метрополичьей консистории стоит дата 1557 год и надпись «копия»²⁵. Дата написания копии не обозначена. Разрешение вопроса дает водяной знак, на котором стоит дата, обозначающая, что эта русская бумага изготовлена в 1802 г. на Медынской бумажной фабрике Афанасия Гончарова²⁶. Зная о том, что разрыв между изготовлением и использованием бумаги обычно доходил до двух лет, можно довольно точно определить дату написания этой копии.

В другом случае на документе, датированном 1586 годом²⁷, написанном на раннеродорфской бумаге (Нижняя Австрия)²⁸, находим водяной знак конца XVIII—начала XIX вв. В этом случае нетрудно установить дату написания этого документа и решить—копия это или просто фальсификат.

Филигрании служат, с одной стороны, для определения даты написания документа, а с другой—для подтверждения даты, стоящей на документе. Из документальных материалов

²⁴ См. И. М. Каманин, Киевский Центральный архив, «Чтение в историческом обществе Нестора-летописца», Киев, 1903, т. XVII, вып. 3, стр. 82.

²⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 786, лл. 1—2.

²⁶ См. С. А. Клепиков, Филигрании и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв., М., 1959, стр. 54, 195.

²⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 78г, лл. 1—2.

²⁸ См. Georg Eineder, указ. соч., № 781, 783.

известно также, что львовские армяне не только употребляли много украинской бумаги, но и всячески содействовали развитию украинских бумажных промыслов, снабжая их сырьем: отходами кожи, тряпьем. Известно, например, что львовская армянка Киркорова для изготовления бумаги продавала отходы козлиных кож²⁹. Та же Киркорова продавала мельнице козлиные ноги³⁰. Следует отметить, что в те далекие времена козлиные и особенно телячьи ноги широко использовались для изготовления специальных клеев в бумажных рукодельных промыслах. Некоторые документы свидетельствуют, что спрос на них был велик и они стоили довольно дорого³¹.

Водяные знаки дают нам не только данные о торговле бумагой, но и позволяют определить недатированные старопечатные книги и рукописи. Детальное изучение филиграней на бумаге документов армянских учреждений XVI—XVII вв. дает нам представление о тогдашней торговле не только армян, но и всего населения г. Львова и западноукраинских земель как внутри страны, так и за границей.

Исследователям бумаги и водяных знаков следовало бы подготовить к изданию альбом филиграней из бумаги армянских документов, хранящихся в архивах и библиотеках Армении и Украины. Такое издание принесет, бесспорно, большую пользу исследователям истории, работникам архивов и библиотек и пополнит малоисследованную отрасль специальных исторических дисциплин—филигранологию новой коллекцией водяных знаков.

---

²⁹ См. Н. Кривонос, Некоторые данные о библиотеках армян во Львове в XVII в., *ПР*2, Ереван, 1963, № 1 (20), стр. 272.

³⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 401, стр. 1803.

³¹ Львовская государственная научная библиотека Министерства культуры УССР, отдел рукописей, фонд Чоловского, № 1658, лл. 1—56.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От института	5
<i>Раздел I</i>	9
А. Н. Миацакяни Содружество сынов Украины и Армении в боях за победу Октября	11
О. И. Щусь Братское содружество армян и украинцев, рожденное в борьбе за власть Советов	20
С. Т. Алиханян Помощь украинского народа армянским бежен- цам в 1916—1921 гг.	33
С. М. Сырцова Развитие дружбы и творческого сотрудничества армянского и украинского народов в довоенный период	39
М. Ф. Дмитриенко Научные связи Украины с Арменией	51
А. О. Арутюнян 409-я армянская стрелковая (Кировоградская) дивизия в боях за освобождение Украины (1943—1944 гг.)	60
Л. А. Шевченко Новый этап в развитии культурного сотрудни- чества украинского и армянского народов (1945—1965 гг.)	76
В. Ф. Панибудьласка Дружба и сотрудничество украинского и армянского народов в годы строительства коммунизма	93
В. П. Сидоренко Соревнование городов Киева и Еревана	103
Г. И. Ковальчак К вопросу о современном армянском населе- нии западных областей Украины	109
<i>Раздел II</i>	115
Н. Н. Павлюк Александр Навроцкий и армянская культура	117
Г. Я. Сергиенко Участники Кирилло-Мефодиевского общества в Закавказье	132
Х. А. Барсегян Из истории революционных связей украинского и армянского студенчества накануне первой русской революции	138
В. Г. Сарбей Большевицкая публицистика Людвига Кнуян- ца на страницах «Киевского слова» в 1905 г.	145
И. М. Кулпич Участие украинских и армянских трудящихся в рабочем движении Болгарии (1905—1912 гг.)	158
Г. С. Сизоненко Армянские деятели науки и культуры во Львове XIX—XX вв.	170
<i>Раздел III</i>	177
С. Т. Еремян Европейская Сарматия по Птолемею и «Ашха- рауцуйцу» («Армянской географии VII века»).	179

Д. И. Мышко Жизнь армян в Подолии в XIV—XVII вв.	185
Н. Ф. Котляр Армяне в экономике средневекового Львова (XIV—XV вв.)	201
Е. М. Подградская Об армянских поселениях в Молдавии и их роли в развитии торговых связей страны с западноукраинскими землями (XVI—XVII вв.)	208
Ф. П. Шевченко Роль армян в экономических связях Левобережной Украины, Запорожской Сечи и Крыма в XVII—XVIII вв.	222
М. Л. Оганесян Армянские переселенцы и национально-освободительная борьба украинского народа против турецко-татарских захватчиков	236
Н. К. Кривонос К истории армянской колонии во Львове во второй половине XVII в.	241
Я. С. Мельничук Армянское поселение в Бродах	250
В. В. Грабовецкий Армянское поселение в Кутах	255
В. Р. Григорян К вопросу о правовом положении женщин в армянских поселениях Украины	261
В. С. Кульчицкий Осуществление правосудия в армянских поселениях в Прикарпатье	271
Ж. А. Ананян К вопросу о русско-украинском населении «Очаковской» области и договор украинцев с армянами в 1793 г.	276
С. Г. Амирян Типологические общности в украинских народных думах и армянских исторических элегиях и плачах	282
М. Ю. Брайчевский Архитектурные памятники армянской колонии в городе Каменце-Подольском	290
М. М. Казарян Из истории деятельности львовских художников-армян XVI—XVIII вв.	294
В. Н. Арутюнян Страницы из истории армяно-украинских связей в области изобразительного искусства	301
К. А. Коркотян, Н. А. Восканян Армянская книга в XV—XVI вв. и армянское книгопечатание во Львове в XVII в.	308
<i>Раздел IV</i>	321
М. К. Ивасюта, С. К. Гутянский Некоторые вопросы истории Армении и украинско-армянских связей в украинской советской историографии	323
Я. Д. Исаевич К характеристике источников по истории армянских колоний Украины и Ближнего Востока в конце XIV—начале XVI вв.	337
А. Г. Абрамян Турецко-татарские набеги по некоторым армянским источникам XVI—XVIII вв.	346
Г. П. Пингирия «История» Аракела Даврижеци и ее источники об антиуниатском движении в армянских колониях на Украине в 20—50-х гг. XVII в.	354
О. Я. Мацюк Характеристика бумаги львовских армянских рукописей XVI—XVII вв.	369

*Печатается по решению ученого совета
Института истории АН Армянской ССР*

Редактор издательства

С. М. Даниелян

Обложка

К. К. Кафадаряна

Технич. редактор

С. К. Закарян

Корректор

Г. А. Абрамян

ВФ 05952

Заказ 879

Тираж 2000

Изд. № 3339, РИСО 1276. Сдано в производство
7.XI 1970 г. Подписано к печати 29.X 1971 г.
печ. л. 23,63, изд. 21,85 л. Бумага № 1, 60×90¹/₁₆.
Цена 2 р. 43 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской
ССР, г. Эчмиадзин

ՀԱՆ Յիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0671479

p $\frac{\text{II}}{\text{---}}$
660028